Арес

Даниил Павлович Аксенов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хитрым людям часто не везет. Именно поэтому они становятся хитрыми людьми. Герою этой книги не повезло глобально - он оказался в месте, где только происхождение и боевые навыки играют роль. Его положение низко, тело нетренированно, а он сам... по-прежнему хитер. Мы ведь помним, что ему не везет.

Книга из разряда "наши там".

Версия с СамИздата 23 октября 2009

- Аксенов Даниил Павлович
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
  - Глава 11.
  - Глава 12.
  - Глава 13.
  - Глава 14.
  - Глава 15.
  - Глава 16.
  - Глава 17.
  - Глава 18.
  - Глава 19.
  - Глава 20.
  - Глава 21.
  - Глава 22.
  - Глава 23.
  - Глава 24.
  - Глава 25.
  - Глава 26.
  - Глава 27.

Аксенов Даниил Павлович
Арес

Глава 1.

Все началось с того, что Гомер написал восьмой гимн. Конечно, Виктор Антипов не верил в злонамеренность слепого поэта, но все же легкое чувство досады у него возникало всегда, когда он вспоминал этого античного автора. Впрочем, все по-порядку.

В большинстве историй присутствуют одно начало и один конец. В этой же конец, несомненно, один, а вот начал несколько. Если ставить их в списке по хронологии, то на первом месте окажется уже упомянутый гимн, за которым последует глиняная амфора, студенческая практика, тяга к вину и несчастный случай. Не будь хотя бы одной из этих вещей, то, разумеется, ничего бы не произошло. Но, конечно, имеет смысл выбрать самое простое из всех начал.

Итак, летним солнечным днем студент пятого курса геолого-географического факультета государственного университета Антипов принимал участие в раскопках. Считалось, что ему повезло. Об этом месте много говорили в то время. Совершенно неожиданно неподалеку от небольшой деревушки Вареновка, расположенной между древним Танаисом и гораздо менее древним Таганрогом, обнаружился древнегреческий храм. А точнее – его развалины. Как они до тех пор оставались вне внимания местных жителей, никто не мог предположить. Причем, что удивительно, сельчане даже не находили никаких подозрительных валунов, которые бы человеку с воображением напоминали мрамор по той простой причине, что это и был мрамор. Не было ни валунов, ни статуэток, ни черепков… ничего! И вот в один замечательный день обнаружились руины храма в прекрасном состоянии. Любознательный человек может поинтересоваться: разве бывает прекрасное состояние у руин, и будет совершенно искренен в своем недоумении. Но любой археолог с полным на то основанием заявит, что все, что угодно, может быть в прекрасном состоянии, если приносит пользу. Нашел черепок, в котором с трудом угадываются первоначальные очертания, но удачно опубликовал информацию о находке – черепок, несомненно, в прекрасном состоянии. Обнаружил тот же черепок, но редакция отвергла статью – увы, состояние находки оставляет желать лучшего. Так устроен наш мир. В нем не найти среди красивых вещей то, что никому, совершенно никому не приносит пользы.

Вряд ли стоит описывать, что началось в газетах и на телевидении. Опытный читатель легко представит это все сам. На

то место сразу же устремились толпы репортеров, туристов, ученых и охотников за сокровищами. Однако Южный Федеральный Университет героически встал на защиту богатств, которые, как ожидал декан исторического факультета, должны были принести неувядаемую славу его заведению. Губернатор с областной думой настолько прониклись происходящим, что никакие убеждения, включая самые что ни на есть материальные, не смогли поколебать их решимости охранять означенный храм. Впрочем, злые языки поговаривали, что материальные убеждения были слишком малы по сравнению с тем, что рассчитывалось извлечь из этого места в дальнейшем. Но оставим подобные слухи на совести тех, кто их распускал. В честность государственных мужей нужно верить слепо и безоговорочно, а иначе страна ослабнет и станет легкой добычей для тех, чьи государственные мужи действительно мало воруют.

В результате всех этих перепетий перспективный студент, почти аспирант, Антипов оказался на передовой, сжимая в руках ценные орудия своего труда: детский пластиковый совок и метелку.

– Ну что, покопаем еще немного? – спрашивал его друг и сокурсник Сергей, щурясь под ярким солнцем. – Или пойдем распишем пулю вон в тот лесок?

Часы показывали начало второго. Стояло самое пекло. На огромном поле, заросшем травой, суетились группки людей, одетых в короткие майки или распахнутые рубашки. Головы наиболее предусмотрительных из них украшали широкополые шляпы. А в рюкзаках не только предусмотрительных, но и рациональных личностей покоились упаковки аспирина. Они были предназначены для тех напарников, которые о шляпах не подумали. Рациональность этих людей заключалась в том, что лекарство занимает меньше места, чем запасной головной убор, который мог бы использовать приятель.

'Конечно, распишем пулю!' – хотелось воскликнуть Виктору. Но он этого не делал, потому что знал, что вопрос – риторический. У них элементарно не было третьего участника, но зато наличествовал профессор, сидящий на удобном раскладном кресле под большим зонтом и зорко наблюдающий за ходом работ. Антон Афанасьевич никак не подходил на роль третьего. Он был первым во всем. А особенно – в списках авторов статей, к которым нередко не имел вообще никакого отношения. Нет, пожилой мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и интеллигентным лицом, одетый в светлую рубашку и брюки, не годился в качестве партнера по преферансу. Но зато у него были другие достоинства: еще никто не слышал, чтобы дипломники

авторитетного Антона Афанасьевича проваливались на защите.

– Лучше пойдем попьем воды из колодца, – предложил Виктор. – А то наши фляжки совсем теплыми стали.

– Так мы же пили минут пять назад, – резонно заметил приятель.

– Жара… Что поделать? Хорошо, что не послушал твоего совета и не налил во фляжку пива. Пить теплое пиво на солнцепеке – сомнительное удовольствие. Тут бы и легли прямо на какой-нибудь могильничек после такого, – Антипов поправил на носу очки от солнца.

Он, в отличие от курносого Сереги, втайне гордился своим римским носом. Пожар тайного чувства раздували девушки, расточая ему комплименты.

– Ладно, сейчас. Закончим вот этот кусок и пойдем. А то Афоня будет возмущаться.

Виктор лишь вздохнул в ответ, осторожно обкапывая какой-то камень. Профессор, он же Афоня, мог решить, что они сачкуют и тогда – пиши пропало. Им бы пришлось торчать здесь и на выходных, в то время, как остальные группы археологов, коих наблюдалось сейчас около десятка, отдыхали.

– А говорят, что английские профессора сами копают, – с надрывом прошептал Сергей. – И в статьях себя на последнее место ставят.

– Так то англичане… У них все не как у людей.

– Да, – согласился партнер по несчастью. – И машины не по той стороне дороги ездят. Никакого представления о правильном…. О… ого… Смотри! Что это?!

Виктор тут же бросил копать. Звуки 'о!', 'ого!' и 'смотри!' были ему знакомы с детства. Они требовали немедленной реакции в виде 'да!', 'вот это да!' и 'а она в нашем доме живет?'

К сожалению, на этот раз привычный ответ дал сбой. Антипов просто не знал, что сказать. Его приятель наткнулся на бело-серую плиту, которая на удивление легко сдвинулась, обнажив под собой пустоту.

– Что там, Серега?

– А фиг его знает, – пробурчал тот, бесстрашно засовывая в пустоту руку. – Какой-то лаз.

– Лаз? Точно лаз?

– Помоги-ка мне больше сдвинуть. А то дальше не идет.

Оба студента навалились на плиту. Она сразу же дрогнула, не выдержав дружный натиск, и еще больше подалась в сторону. Перед археологами предстало зияющее отверстие без дна.

– Ого, – повторился Сергей. – Да тут фонарь нужен.

В жизни каждого человека бывают удачные находки.

Некоторые из них никому показывать не хочется, а вот другие, например, рифмы или рассказы иногда просто требуют поделиться ими со всем миром и как можно скорее, невзирая на то, пойдет ли это миру на пользу или нет. Загадочное отверстие, скорее всего, относилось к последней категории.

– И Афоня тоже нужен, – буркнул Виктор и, обернувшись к сидящему профессору, изо всех сил завопил самым уважительным криком, на который только был способен:

– Антон Афанасьевич! Идите сюда! Мы кое-что нашли!

Тот не заставил себя ждать, видимо, ему порядком наскучило сидение без дела. Резво вкочив на ноги, профессор быстро засеменил к месту раскопок.

Серега, между тем, засунул голову в отверстие и пытался осмотреться. Не было видно ни зги.

– Что тут у вас? – поинтересовался приблизившийся профессор, слегка запыхавшись.

– Да вот, – отодвинулся в сторону Виктор, чтобы не загораживать обзор своему наставнику. – Лаз какой-то.

– Лаз? – поразился тот. – Какой еще лаз? Он куда-то ведет?

– Не знаем еще, Антон Афанасьевич. Пытаемся выяснить.

– Ну-ка, назад! Сергей, назад! Кому сказано? Нечего совать голову неизвестно куда.

– Да не видно же ничего, Антон Афанасьевич! – отозвался молодой археолог, разочарованно приподнимаясь над отверстием.

– Вот-вот! Не видно, а голову прямо в темень засунул. А ну придавит там тебя что-то? Эх, молодежь! Опыта никакого, а энергия так и хлещет.

Студенты промолчали. У них не было сомнений в том, что Антон Афанасьевич обладает огромным опытом. Вот только копать не хочет. Хотя, может быть, потому и не хочет, что опыт не велит.

– Виктор, беги за фонарем. Он в моей машине в багажнике. Там же возьми веревку, пару касок и противогазы. Вот ключи.

Антипов не позволил себе удивиться такой запасливости профессора, а бросился к машине, припаркованной почти в полукилометре от места раскопок. Хотя причины удивляться были. Ну вот, казалось бы, зачем могли понадобиться противогазы и каски, если ясно, что раскопки поверхностные? Виктор ни за что бы не догадался их захватить. А профессор догадался.

Студент пробежал мимо других групп, которые уже отрывались от своей работы, чтобы выяснить, что же нашла команда Антона Афанасьевича. Из этих копателей Виктор почти

никого не знал. На раскопках работали несколько независимых групп, каждой из которых руководил либо преподаватель, либо научный работник.

Достигнув профессорской машины, студент открыл объемный багажник с твердым намерением быстро взять самое необходимое и устремиться обратно. Увы, достаточно было бросить лишь один взгляд на содержимое, чтобы понять, что этот план не осуществим в кратчайшие сроки. Багажник был полон. Если до сих пор Виктор имел высокое мнение о запасливости профессора, то сейчас это мнение скакнуло до небес. Чего там только не было! Палатка, разнообразные инструменты, скалолазное снаряжение, несколько больших и маленьких фонарей, множество вещей непонятного предназначения и, что окончательно добило молодого человека, акваланг.

Задаваясь вопросом, зачем же Афоне понадобился акваланг во время явно сухопутных раскопок, Виктор пытался отыскать порученные ему вещи. С большим трудом, но это удалось. Обратно пришлось возвращаться под тяжестью ноши: моток веревки и противогазы не были легкими. Впрочем, любопытство придавало дополнительные силы.

Когда студент вернулся к загадочному отверстию, рядом с находкой уже скопилось множество людей. Профессор с какими-то двумя седовласыми учеными степенно обсуждали то, что бы это могло быть. Студенты не оставали от них, и не только вели беседу в своем кругу, но еще пытались встрять в разговор мэтров.

– Думаю, что это ход в какое-то сохранившееся помещение, – говорил один из ученых.

– Оно слишком низко расположено, – спорил с ним другой. – Опора храма сейчас должна быть лишь чуть ниже уровня земли. А вот несущую систему мы как раз раскапываем. Те рухнувшие колонны, например.

– Тогда это подвал!

Оба: и его оппонент и Антон Афанасьевич энергично покачали головами, не соглашаясь.

– Подвал? Это же нонсенс! – заметил профессор. – Греки не делали такие подвалы в храмах при строительстве.

– Не делали, да. Но его могли пристроить позже.

– Позже? Немыслимо! Нарушение всей структуры храма! Да и зачем?

– Коллеги, не будем спорить. Нам нужно сначала выяснить, кому вообще этот храм принадлежал. Какому богу был посвящен. Может быть существовали какие-нибудь нюансы.

– Никогда не слышал о таких, – скептически ответил Антон Афанасьевич, но спорить прекратил.

– Может быть это не храм, а гробница? – подал голос один из студентов, щуплый человечек в кепке. Три мэтра посмотрели на него как на идиота и отвернулись.

– Нужно посветить в отверстие и все будет ясно. Может быть это просто расщелина.

– Сейчас посветим, – успокоительно сказал профессор. – Виктор! Ты уже вернулся?

– Да, Антон Афанасьевич.

– Все нашел?

– Да. Вот фонарь.

Большой фонарь, весьма напоминающий прожектор, перекочевал в руки наставника.

– Ну-ка, расступитесь немного, – на памяти Виктора это был первый случай, когда Антон Афанасьевич изменил собственным принципам и решил хоть что-то сделать своими руками. Профессор включил фонарь, нагнулся над отверстием и просунул руку внутрь. За его спиной тесно столпились желающие поскорее увидеть, что же таится внутри таинственного лаза.

– Ну-с…, – протянул профессор. – Похоже, что стена…. Да, точно стена, заметна кладка. Ага, вот еще одна стена. Комната не очень большая…. Так-с… есть свод!

– Свод? – отозвался один из седовласых оппонентов.

– Свод, точно свод. Поздравляю, коллеги, это все-таки подвал.

– Пустой? – кто-то задал интересующий всех вопрос.

– Не совсем. Там что-то есть, но не могу рассмотреть.

– Что? Позволите мне? – взволновался тот же самый оппонент.

– Пожалуйста, – профессор выпрямился и протянул тому фонарь.

Седовласый ученый осторожно нагнулся и просунул руку внутрь отверстия точно так же, как это делал Антон Афанасьевич.

– Хм… Плохо видно, – через какое-то время сказал он. – Может быть спустим кого-нибудь вниз?

– Опасно, – покачал головой профессор. – Надо бы все изучить сначала как следует.

– Но у нас же есть снаряжение.

– Да. Есть. Ладно… попробуем.

– Антон Афанасьевич! Можно я? – тут же протиснулся вперед Серега.

– Ты? – взгляд, устремленный на добровольца, был в высшей степени скептическим. – Нет, милый мой, учиться нужно было лучше. Пойдет Виктор. Антипов, согласен?

– Да… Конечно, Антон Афанасьевич!

– Не торопись только. Спешить некуда, – осадил его профессор. – Сейчас мы тебя обвяжем веревкой как следует. Под подмышками. А ты пока одевай противогаз и каску.

– Зачем противогаз, Антон Афанасьевич?

– Тихо! Не спорь. Никто не знает, что там. Столько лет помещение было полностью закрыто. Если ты заметил, я даже голову внутрь не просовывал, когда смотрел. Безопасность прежде всего!

– Да, Антон Афанасьевич.

Вздохнув, Виктор начал натягивать на себя противогаз. То ли размер был неподходящий, то ли так и было задумано, но он налезал с трудом. Профессор придирчиво проверил результат, потом помог своему ученику одеть каску и закрепить ремешок под подбородком.

– Слушай внимательно, Антипов. Мы тебя просто опустим вниз, ты осмотришься, и сразу же выдернем обратно как рыбку. Понял?

– Да, Антон Афанасьевич, – слова из-за надетого противогаза превратились в какое-то мычание.

– Ты там ничего не будешь трогать. Вообще ничего. Только смотреть. Ясно?

– Ясно, – пробурчал студент.

– Фонарь держи двумя руками во избежание соблазна.

– Может быть ему сразу камеру дать, чтобы снимал? – спросил один из ученых.

– Потом снимем. Пусть осмотрится сначала. Готов?

– Да, Антон Афанасьевич.

– Начали!

Виктор осторожно присел на край отверстия, свесив ноги вниз. Веревку держали четверо самых крепких мужчин, выбранных из числа собравшихся. Приподняв студента, его начали осторожно опускать вниз. Он сжимал в руках фонарь и тщательно всматривался вглубь лаза, несмотря на то, что противогаз явно мешал.

– Достаточно глубоко? – голос профессора доносился с поверхности. – Видно что-нибудь?

– Да, – промычал Виктор как можно громче.

Он совершенно не боялся висеть вот так в темноте. Напротив, жгучее любопытство охватило его. Когда еще удастся выступить в роли первопроходца? Тем более речь шла о настоящем древнегреческом памятнике. С самого детства Виктор мечтал о чем-то подобном. Конечно, его приключения должны были происходить не в России, а в опасных джунглях Африки или в загадочных горах Южной Америки, но для начала вполне годился

и родной край. Именно тягой к приключениям можно было объяснить выбор им профессии. Он бы с удовольствием стал даже не географом, а археологом, но, увы, в ближайшем университете не имелось такой специальности. А для того, чтобы учиться в другом месте, ни у Виктора ни у его родителей не было денег.

– Так что ты видишь?

– Амфоры, – ответил Виктор.

– Что?

– Амфоры!

– Ничего не слышу! Ты осмотрелся?

– Да!

– А… Тащите его обратно!

Четверым здоровым мужикам не составило никакого труда выдернуть худощавого студента из лаза словно рыбку из проруби и даже протащить некоторое расстояние по земле. Виктор встал сначала на четвереньки, а потом выпрямился в полный рост. На него были устремлены любопытные взгляды. Серега просто изнывал от нетерпения, но не решился расспрашивать приятеля раньше профессора. А Антон Афанасьевич не торопился. Он помог студенту снять каску и противогаз. Аккуратно сложил последний и только после этого степенно поинтересовался:

– Ну и что там?

– Амфоры, Антон Афанасьевич. Везде амфоры! Разного размера! Некоторые стоят у стен, некоторые просто валяются на полу….

– Подожди, Антипов. Ты сначала стены и свод опиши. Они прочные? Виктор энергично помотал головой:

– Нет. Совсем непрочные. По своду вообще идет несколько больших трещин. Да и слышал я что-то…. Неприятные звуки. Словно вот-вот потолок рухнет.

– Ясно, – вздохнул профессор. – Нужно будет заснять там все как можно быстрее. Похоже, что растревожили мы помещение. Все поняли? Туда ни ногой! Он обвел суровым взглядом присутствующих. Никто не стал с ним спорить.

– А с амфорами что? Только они и все?

– Да, Антон Афанасьевич. Они. Только там еще табличка есть с надписью. Над амфорой, стоящей отдельно. Я не разобрал все. Но кое-что прочитал.

– По-древнегречески?

– Да.

– Вот поэтому я тебя, Сергей, туда не послал, – поучительно заметил профессор. – От тебя пользы никакой. А Антипов языки знает. На факультативы ходит.

Виктор скромно стоял, глядя в сторону. Он знал

древнегреческий. Даже чуть лучше, чем требовала программа. Языки ему давались особенно хорошо.

– И что там написано? – спросил профессор, отрывая обличающий взгляд от тунеядца Сереги. – Много слов разобрал?

– Не очень, Антон Афанасьевич. Лишь пару строк. 'Смелый оплот городов, щитоносный, медянооружный, сильный рукой и копьем…'. Дальше неясно. В пыли все.

– Гомер, – сразу же сказал один из седовласых ученых.

– Восьмой гимн, – подтвердил второй. – К Аресу.

– Это что же выходит? Его храм, что ли? – поинтересовался профессор.

– Все может быть, коллега. Все может быть. Хотя странно, что в таком месте.

И сразу разгорелся следующий спор относительно того, принадлежал ли храм древнегреческому богу войны или нет. Профессор защищал эту точку зрения, а оба его оппонента, сплотившись, утверждали, что надпись еще ничего не доказывает. Нужно найти хоть одну статую.

Между тем Сергей мягко оттер Виктора в сторону. Тот, повернувшись боком, вслушивался в горячий шепот приятеля:

– А там точно только амфоры? Больше ничего нет? Ни золота, ни… ничего?

– Точно, точно, – негромко ответил Антипов. – Все заставлено амфорами. Табличка еще эта и все.

Лицо Сергея выражало крайнюю степень разочарования. Он мог допустить, что Виктор не рассказал о чем-то профессору, но ему-то, старому другу, нельзя было не выложить совершенно все. Внезапно догадка озарила его лицо.

– Слушай, а что в этих амфорах-то?

– Не знаю, – с недоумением сказал Виктор. – Может масло, а может вино или что-то еще.

– Вот! – Сергей торжествующе наставил палец на приятеля.

– Что вот?

– Вино!

– И что?

– Вино, Виктор, вино, – Сергей произнес имя друга с ударением на последний слог.

– Да, вино.

– Но ведь его можно пить!

– Пить?

– Да! Представляешь, вину больше двух тысяч лет! Сможем ли мы такое еще попробовать? Это ведь единственный шанс в жизни!

– Серега, ты чего? Оно перебродило давно. Должно быть в

кислятину превратилось.

– А может и нет. Ты подумай! Какой шанс!

– Ты вообще свихнулся, да? Даже если оно и не испортилось, как мы его достанем? Сейчас туда опустят камеру, снимут все. Потом пошлют кого-то укрепить свод, а затем извлекут эти амфоры строго по описи. Мы их можем больше не увидеть.

– Хм…. Ты недооцениваешь старого комбинатора, Виктор. Поверь мне. Мы попробуем это вино сегодня же.

– Что ты задумал? – в голосе Антипова прозвучала опаска. Он знал, что Сергей способен на бесшабашные авантюры. Его последняя выходка – вывешивание из окна аудитории простыни с надписью 'Поздравляем ректора с новым роллс-ройсом!', вызвала большой резонанс. К счастью, никто так и не нашел автора затеи.

– Ничего особо опасного, Виктор. Расслабься. Риска ноль. Все пройдет как по маслу.

Антипову не нравилось, когда приятель утверждал, что риска нет. В большинстве случаев это означало, что степень 'безбашенности' авантюры превышала все допустимые пределы.

– Я вполне мог бы прожить и без этой кислятины, – ответил он.

– Ты – да. Но я – нет! – последовал беззапеляционный ответ. – Неужели не поможешь своему другу?

Эта фраза все и решила. Дальнейшее Антипов вспоминал впоследствии с содроганием и огромным сожалением. Если, конечно, это можно назвать 'воспоминаниями'.

Приятели сначала познакомились с охранниками участка. Потом дождались, когда все археологи разойдутся, и, сообщив охране, что кое-что забыли около дыры, направились туда.

Уже стемнело, перекопанная земля была плохо освещена, но это нисколько не поколебало решительность Сереги. Фонари над местом раскопок не предусматривались, поэтому друзья двигались буквально на ощупь, освещая себе путь небольшим фонариком-брелком. Так, спотыкаясь, они достигли отверстия, ведущего в подвал храма. Виктор даже опасался, что они туда провалятся, но обошлось.

– Ну что, я полезу? – с воодушевлением спросил Сергей, вытаскивая из-за пазухи стянутый где-то моток троса.

– Нет, – ответил Виктор. – Там есть два места, где можно запросто удариться головой. Полезу я. Жаль только, что противогаза нет и каски. Мало ли что.

– Да ты вообще как Афоня стал! Такой же осторожный. Не нужен там противогаз. Это же понятно. Я полезу, если боишься.

– Давай трос, буду обвязываться, – буркнул Виктор. – Ты меня вытянешь хоть?

– Спрашиваешь! Ты главное руками цепляйся за что-нибудь, а ногами отталкивайся. Все путем будет. Хватай первую попавшуюся амфору и сразу назад.

– Понятно, что сразу. Не собираюсь там рассиживаться, – Антипов опустил ноги в отверстие. – Давай, упирайся. Погружаюсь.

– Иди-иди, все в порядке, – Серега для устойчивости расставил ноги, упершись в огромный частично выкопанный мраморный блок.

Виктор скользнул внутрь. Приятель не подвел – трос держал крепко. Сжимая в руке фонарик-брелок, Антипов медленно спустился вниз. У него мелькнула мысль, что сначала нужно вытащить амфору, а потом уже подниматься самому. Он принялся развязывать трос, чтобы прикрепить к нему добычу.

Резкий звук, доносящийся откуда-то сверху привлек его внимание. Еще во время первого посещения подвала он заметил, что свод непрочен. Теперь же, глядя на осыпающиеся мелкие камни, Виктор подумал, что ошибся в своих предположениях. Свод был очень непрочен. И грозил рухнуть в любую минуту. Похоже, что 'разгерметизация' или его посещения доконали строение.

Виктор заторопился. Сорвав трос, он бросился к первой попавшейся амфоре, схватил ее за горлышко, не отряхивая пыли, и стал привязывать к тросу. Ему нужно было буквально три-четыре минуты, чтобы вытащить сосуд, а потом и самому вылезти. Но их у него не оказалось.

Сначала от свода откололся один крупный кусок камня, от которого Виктор увернулся, затем другой, потом третий, а потом рухнул весь потолок. У студента не было шансов. Но перед тем как один из этих кусков проломил ему голову, Антипов увидел обостренными чувствами в тусклом свете фонарика, как трескается та самая большая амфора, стоящая под надписью о щитоносном оплоте городов.

Глава 2.

Тяжела жизнь лесоруба. Эта простая мысль появилась у Виктора первой, когда он пришел в себя. Антипов не смог даже сначала понять, откуда она взялась. Он лежал на спине и смотрел в глубокое синее небо в обрамлении зеленых веток высоких деревьев. Кругом было тихо и спокойно. Он бы так лежал еще долго, не думая ни о чем и наслаждаясь ощущением безмятежности. Но чей-то грубый хриплый голос развеял очарование момента.

– Сын, ты пришел в себя? – спросил голос. – Я-то думал, что все уже. Хоронить тебя собирался.

В поле зрения Виктора возникло бородатое загорелое лицо, испещренное глубокими морщинами.

– После такого мало кто выживет. Тебе повезло! – продолжал голос. – Теперь будешь долго жить.

Антипов еще не мог толком собраться с мыслями, но его состояние все же позволило понять, что происходит что-то не то. Лицо человека, нависшего над ним, было знакомым и незнакомым одновременно. А язык, на котором тот говорил, не имел никакого отношения к родному языку Виктора, но, одновременно с этим, был понятен.

– А что произошло? – спросил Антипов, с трудом размыкая губы. К его удивлению, он говорил на том же самом языке, на котором с ним общался бородатый человек.

– Ты не помнишь? Дерево ведь на тебя упало! Думал, что конец. Глянул сначала – а ты и не дышишь. Начал вытаскивать – задышал! Повезло, что и говорить.

– Дерево? На меня упало дерево? Но я думал, что…, – Виктор не стал продолжать. В его мыслях царил хаос. С одной стороны он отчетливо помнил, как рушился свод храмового подвала, с другой – воспоминание о дереве действительно имело место. В этом воспоминании он с отцом вышел поутру из деревни, слегка углубился в лес и дошел до поляны, где росли деревья нужной высоты, требующиеся заказчику. Эта двойственность воспоминаний сбивала с толку, хотя молодой человек отчетливо осознавал, что он – именно Виктор Антипов, студент-географ, а не сын лесоруба Ролт, на которого упало какое-то дерево.

– А ты двигаться-то можешь? – спохватился бородатый. – С хребтом-то у тебя все в порядке? Не сломан?

– Вроде не сломан, – с сомнением выговорил Виктор, шевеля ногами и поднимая руки. Но лучше бы он этого не делал. Потому что глядя на кисти рук, выступающие из рукавов какого-то

зеленого балахона, обнаружил, что руки-то не его.

– Встать можешь? – спросил лесоруб.

– Может быть и могу, – ответил Антипов. Он попытался приподняться, но тут же откинулся назад. В голове зашумело.

– Э, нет. Не получается что-то. Все кружится.

– Тогда лежи, – произнес бородатый. – Я тебя поволоку домой.

Почему-то Виктор знал, как это все будет происходить. У них была волокуша, которую использовали для транспортировки стволов, очищенных от веток. На нее-то и собирался погрузить Ролта Кушарь, человек, считающий себя его отцом.

Антипов видел, как лесоруб суетится на поляне. Тот собрал топоры и пилу, расстелил большую прочную мешковину и, обхватив лежащего за плечи, перетащил его на волокушу.

Когда они покидали злополучное место, какой-то шепот, словно легкий летний ветерок, пронесся по поляне. Его услышал не только Виктор, но и Кушарь. Лесоруб остановился и с недоумением оглянулся. Потом, пожав плечами, направился дальше. Антипов же молчал. Да и что он мог сказать? Ситуация запуталась еще больше, ведь шепот был на древнегреческом: 'Придешь в себя, возвращайся. Вот сюда'.

Похоже, что попытка подняться доконала Виктора. Пока он лежал неподвижно, его ничто не беспокоило, но приподнявшись, уже не мог толком двигаться. Малейшее изменение положения тела отзывалось резкой головной болью и головокружением. Транспортировка на волокуше не была самым мягким средством передвижения, поэтому Антипов страдал. Он закрыл глаза и с трудом удерживался от того, чтобы не стонать, когда его тело преодолевало очередной ухаб. Иногда Виктор погружался в забытье, и это слегка облегчало его муки.

Последний раз он утратил связь с окружающим миром на подходе к замку, а пришел в себя уже дома. То, что это был как бы его дом, Антипов понимал. Точнее, дом человека по имени Ролт. По какой-то загадочной причине память этого парня была к услугам Виктора. И, видимо, тело тоже. Но в остальном студент точно знал, что он – это он. Антипов осознавал свою личность, а вот личности Ролта не было.

Кушарь сгрузил ношу на низенький деревянный топчан, прикрытый наполненным сеном матрасом. Уловив момент, когда его сын откроет глаза, поинтересовался:

– Воды дать? Пить хочешь? Или есть?

– Нет, не нужно, – вымолвил Виктор.

Когда голова лежала неподвижно, его самочувствие не было столь плохим: все неприятные ощущения постепенно уходили.

– Ну, как хочешь, – ответил Кушарь, немного постоял, глядя на сына, и двинулся к выходу.

Антипов остался в одиночестве в небольшой и единственной комнате деревянного дома. У его ног располагалась глиняная печь, справа – добротные стол и стулья, а у изголовья – второй топчан. Этот дом Кушарь построил собственноручно сразу после того, как при пожаре в прежнем жилище погибла мать Ролта вместе с младшим братом. Тогда, лет восемь назад, еще до пожара, они жили по-другому. Кушарь нормально зарабатывал, не пил, вместе с ним трудилась парочка помощников. Он с разрешения барона продавал бревна плотогонам, которые сплавляли их по местной речке Узберке, а также обеспечивал древесиной самого владельца этих лесов, не забывая делиться с ним выручкой. Денег не было много, но семье хватало. К тому же, помогало домашнее хозяйство, управляемое умелыми руками матери Ролта. Несчастный случай изменил все.

В голове Виктора царила путаница. И дело было не в полученной травме. Студент никак не мог понять, что же происходит. Сошел ли он с ума? Или наоборот – вернулся в свой 'ум', а все остальное, что было с ним в другом месте, можно считать ненормальным? Эта двойственность поначалу заставила его паниковать.

'Ну и кто я теперь? – думал Антипов. – Сын своих родителей, которые неизвестно где, и наверняка скорбят о погибшем, или милое, но дикое дитя лесоруба, который кстати тоже скорбит? Удивительное совпадение. Нет, я не иронизирую. Чего уж тут. Говорят, что черный юмор помогает от того, чтобы не слететь с катушек окончательно. Мне тогда юмор требуется почернее. Что там у меня в запасе есть из самого черного? Глазовыколупывательница? Это какой же странный тип мог придумать такое слово? Еще более нездоровый, чем я. Нет-с, господин Фрейд, самолечением заниматься не будем'.

Он пролежал несколько часов, не в силах даже двинуться, мучительно размышляя о том, что приключилось с ним и следует ли ему доверять своим глазам. Чуть не свихнулся, но ничего определенного решить не мог. Виктор просто не знал, о чем думать. Сначала он был одним, а потом превратился в другого, хотя и остался прежним. Такое любого поставит в тупик. Он бы с удовольствием обратился к услугам врача, но память Ролта подсказывала ему, что никаких врачей здесь нет. То есть они есть, конечно, но не здесь, а там. За второй крепостной стеной. А Ролт – не такая уж важная птица, чтобы ради него беспокоиться. Через некоторое время бессмысленных раздумий Виктор решил подойти к вопросу философски и пока что смириться со сложившимся

положением. До лучшей поры.

Вообще же, сын лесоруба был забавным человеком. Эдаким поселковым дурачком. Его никто не уважал, никто не принимал всерьез, над ним подшучивали и подтрунивали, а он, будучи совершенно беззлобным, никак не отвечал. Хотя, принимая во внимание силу рук, ответить бы мог, да еще как!

Виктор провалялся на топчане два дня. Отец приносил ему питье и еду, но главная проблема заключалась не в этом, а в деревянном ведре, стоящем в углу комнаты и заполненном водой. Иногда Антипову нужно было добираться до этого ведра и тогда весь смысл его существования сводился к тому, чтобы не упасть по дороге туда или обратно. Никто, кроме отца, не приходил к нему, да и Ролту было некого ждать.

На третий день он почувствовал себя значительно лучше. Настолько, что смог без всякого головокружения встать и пройтись немного по комнате. Это обнадеживало. Подвижность внушала позитивные мысли о том, что удастся разобраться в происходящем.

'Подумать только, я двигаюсь! Иду и почти ничего не болит. Какая радость. Пустяк, а так приятно. – Антипов был даже в чем-то горд собой. – Похоже, что у меня перед Ильей Муромцем большая фора. Тот пошел в тридцать три, а мне еще… кстати, а сколько мне? Было двадцать два, а Ролту, похоже, семнадцать. Задачка! Может быть суммировать и разделить на два, а господин Архимед?'

Придерживаясь за шероховатое дерево стены, Виктор выбрался наружу. Он уже знал, что увидит. От дома вела дорога, проходящая мимо таких же лачуг. Видимо, во время дождей эта дорога страшно размокала и превращалась в непролазную грязь. Местность можно было принять за деревню, если бы не один нюанс: все эти дома стояли между двумя высокими каменными крепостными стенами: наружной и внутренней. Наружная отделяла поселения замка от внешнего мира, а внутренняя ограждала самую главную часть – донжон, где жил владелец, сиятельный барон ан-Орреант и его ближайшая свита. Простым смертным туда так просто не попасть.

Светило солнце. Почти такое же, как в тот день, когда друг Виктора нашел злополучный ход. По дороге по направлению к дому Ролта двигалась какая-то компания. 'Наружники', – догадался Антипов.

Все плебейское население замка Орреант делилось на две неформальные категории: наружников и постельничьих. Они терпеть не могли друг друга, хотя занимались, казалось бы, общим делом – обслуживали господ и дружину. Наружники

презрительно называли постельничьих чистоплюями, а те, не оставаясь в долгу, потешались над сиволапыми. Лесорубы были наружниками, к тому же, представителями одной из самых неуважаемых профессий. Хуже быть только золотарем или жителем деревни, расположенной вне стен замка. А вот некоторые профессии постельничьих, например, личный лакей барона, ценились очень высоко. Постельничьи жили за внутренней стеной замка, а наружники – между стенами.

Когда компания подошла поближе, Виктор обнаружил, что знаком с людьми, ее составляющими. Два парня: Вирон и Террок, и две девушки: Ханна и Ранька. Явление Ролта не укрылось от их внимания. И если девушки и Вирон предпочли демонстративно не заметить сына лесоруба, то Террок просто расплылся в радостной и издевательской улыбке.

– Смотрите! Дурачок-то наш выздоровел! А отец говорил, что он очень плох!

Террок, сын кузнеца, широкоплечий черноволосый молодец, был одет по меркам наружников очень хорошо. Сверху холщовой рубахи с красной вышивкой красовалась толстая кожаная куртка, гамбесон. Такая поддевалась под кольчугу. Она отражала давнюю мечту кузнечного подмастерья – стать воином. Но Ролт знал, что от этой мечты Террока отделяет пропасть, а именно – экзамен, в котором каждый претендент на должность рядового дружинника должен был бы продержаться хотя бы минуту против одного из десятников. У Террока, несмотря на физическую силу, шансов на это не было, а барон Алькерт ан-Орреант, будучи здравомыслящим человеком, приказал сына кузнеца воинскому делу не обучать. Замку требовались не только бойцы, но и ремесленники. Если бы Террок каким-нибудь чудом смог выдержать экзамен, тогда – другое дело. Барон бы сдержал слово, особенно, данное прилюдно, о том, что любой, выстоявший в схватке положенное время, станет дружинником.

Виктор стоял, привалившись спиной к дверному косяку. После трех дней вынужденного лежания его одолевала слабость. Меньше всего на свете хотелось что-то отвечать. Тем более, по представлениям Антипова, Террок в своем умственном развитии ушел недалеко от дурачка Ролта.

'Так, интересно, и почему идиоты всегда ходят в компании из трех человек? – неожиданно подумал Виктор, наблюдая за разворачивающейся сценой с оттенком легкого раздражения. – В соседней группе в универе был один… тоже с тремя приятелями, потом в том переулке месяц назад четверо… но те все были полудурками. Н-да. Похоже, что открывается новая закономерность. Может быть, если с идиотом будут лишь двое, он

перестанет быть идиотом? Любопытственно рассуждаете, несостоявшаяся звезда археологии'

– Что молчишь, лесник? – надрывался сын кузнеца. – Привык разговаривать лишь с белками? Ха-ха-ха. Поговорил бы с друзьями детства! Или тебя так по голове дерево ударило, что все слова позабыл? Все три слова! Ха-ха-ха.

– Пойдем, – потянула крикуна Ханна, миловидная девушка с озорной челочкой, свисающей на лоб, играющая среди молодежи наружников роль первой красавицы при отсутствии других претенденток. Однако Виктор не мог не признать, что красные и синие ленты в волосах в сочетании с со вкусом расшитым сарафаном ей идут. Еще ему было известно, что Ролту Ханна очень нравилась. Но где он сейчас, этот Ролт?

– Пока, лесоруб! Похоже, что ты совсем больной из-за удара!

– Пока, кузнец. Похоже, что ты совсем придурок. Но я-то выздоравливаю.

Виктор не знал, что побудило его высказаться. Может быть взгляд Ханны и память о чувствах сына лесоруба, может быть что-нибудь другое, но непоправимое случилось – образ прежнего Ролта был разрушен.

Ранька, толстая хохотушка, неуверенно хихикнула, словно боясь поверить своим ушам. Вирон недоуменно нахмурился, а Террок замер с открытым ртом. Ролт никогда ему так не отвечал.

– Да ты что?! – несостоявшийся воин пришел в себя через пару минут. – Да ты со мной…?! Ты что сказал?!

– Кузнец не должен быть глухим. Иначе он не услышит, что за его спиной о его уме говорят люди, – ответствовал Виктор.

Он, конечно, мог бы промолчать и на этот раз, тем более чувствовал себя неважно. Но, увы, молчание в подобной ситуации шло вразрез с характером студента. Антипов не сдерживался, если кто-то хотел его оскорбить, а отвечал той же монетой и даже больше – запоминал обиду и обидчика, а потом, изыскав возможность, наносил еще один издевательский удар. Виктор был злопамятен, но мстил своеобразно – выставляя недруга на посмешище.

– Что?! – взревел Террок.

– Хотя нет, ум кузнеца – не интересная тема для обсуждения, – продолжал рассуждать Антипов. – Людям не нравится говорить о том, чего нет.

Террок хрипло взревел, вены на его лбу надулись. Он шаркнул ногой и, пригнувшись, словно молодой бычок, бросился на обидчика.

Очень просто предположить, чем бы закончились дело, если бы Террок добежал. Виктор, хотя и обладал силой лесоруба, о

рукопашном бое имел лишь самое отдаленное представление. Как и Ролт. Да и тело находилось сейчас не в лучшей форме. Вообще же, было очень глупо задирать верзилу, когда резкие движения все еще причиняют неудобство. Антипов это знал, но с собой поделать ничего не мог. Промолчать, когда тебя оскорбляют на глазах у девушек? Немыслимо. Виктора уже не раз били за то, что он не сдерживал свой язык в неподходящей ситуации. Но это ничего в нем не меняло. Такой уж он был человек.

Но на этот раз Антипову определенно повезло. И дело было не в Виронте, который безуспешно попытался остановить своего приятеля. Вирон догадывался, что строгий барон кровавую драку, возможно с членовредительством, в пределах замка не простит. Достанется всем – и участникам и свидетелям.

На счастье Виктора, да и всех присутствующих, из-за угла показался Кушарь. Может быть он стоял за домом некоторое время, прислушиваясь к разговору, кто знает? Но его неожиданное появление было очень своевременным.

– Погодь-ка, – сказал отец Ролта, выставляя вперед мозолистую руку. Террок натолкнулся на нее головой, еще раз всхрипнул и замер.

– Ишь, разогнался, – проворчал Кушарь, слегка толкая верзилу, от чего тот отступил на пару шагов. – Ты чего это на больного-то? Ролт только-только оклемался. Еще ходит и говорит плохо.

– Хорошо говорит! – взвизгнул Террок. – Ты не слышал еще! Так говорит, как Нартел!

– Плохо говорит. Плохо, – повторил Кушарь с убеждением. – И не Нартел, а господин Нартел. Не тебе, губошлепу, так называть менестреля господина барона. Иди-ка отседова.

Террок распрямился, бросил взгляд, полный ненависти, на Виктора и зашагал к своей компании. Несмотря на то, что кузнец стоял на социальной лестнице выше лесоруба, Террок был просто подмастерьем. Не ему спорить с Кушарем. Будь он полноправным кузнецом или еще лучше – воином, тогда другое дело. Но Террок знал свое место. Это знание вбивалось в него, как и во всех остальных плебеев, с раннего детства.

– А ты иди в дом, – Кушарь обернулся к сыну и посмотрел на него прищуренными глазами. – Давай, давай. Рано еще тебе расхаживать.

Виктор не стал спорить. Он добрел до двери, толкнул ее и вошел внутрь дома. Кушарь последовал за ним и аккуратно задвинул за собой большую деревянную щеколду, которой раньше на памяти Ролта никогда не пользовался.

Повернувшись к сыну, лесоруб несколько минут молча

разглядывал его так, словно увидел впервые. Потом, сделав два шага, тяжело опустился на стул, стоящий у стены.

– Ты стал другим, – просто сказал Кушарь, теперь глядя куда-то в сторону. – После того, как ты малость оклемался, я сразу понял, что что-то не то. А когда услышал, что ты наболтал подмастерью кузнеца… ты не мог так говорить раньше.

Виктор знал, что лесоруб прав. Ролт действительно с трудом извлекал из себя связные фразы. Ну, не повезло парню родиться умственно отсталым.

Антипов вздохнул. Кушарь ждал ответа. Молодой человек бы многое дал за то, чтобы самому знать этот ответ. Еще когда он лежал пластом, то твердо решил, что не будет вести себя как Ролт. Это казалось слишком отвратительным для неуемного характера Виктора.

'Вот и приплыли, господин Миклухо Маклай, – подумал студент-географ. – А казалось, что плавание только начинается. И чего я плести должен? Что сам не знаю, кто таков? Или что родился на самом деле не здесь, а… непонятно где? Кушарь точно не поймет. И никто не поймет. Маги разве что. Но с ними мне пока встречаться несподручно до выяснения всех, так сказать. Что-то Ролт уж слишком их боялся. Ну ладно, попробуем как-то выкрутиться, а дальше видно будет'.

– Я это… не знаю, … отец. Раньше все было как в тумане, а потом, когда то дерево упало на меня, пришла какая-то ясность. В мыслях.

За неимением лучшего объяснения Антипов решил все списывать на травму. Здравый смысл и знания Ролта об этом мире подсказывали ему, что лучше повременить с откровениями. А то не ровен час попадешь в руки мага. Необразованному сыну лесоруба маги внушали ужас. Его голова была забита ужасными и нелепыми историями и слухами.

– Ясность? – повторил Кушарь.

– Да-да, отец, ясность. Раньше было как: стоит о чем-то подумать и как бы сразу засыпаешь. А сейчас думаешь и думаешь… могу думать часами об одном и том же. А слова… так и льются.

'Ну вот, господин Мюнхгаузен, и проникновенная речь. Дешево и сердито. То есть кратко и убедительно. Я бы и сам поверил в такую правдивую чушь. Может мне романы писать?'

– Ты… это… правду говоришь?

– Ну, конечно, отец! Спрашиваешь! Ничего, кроме правды.

– Хм…. Помню я как Ертоха-плотника балкой пришибло. Так он наоборот в дурачка превратился. А раньше-то был разговорчивым. С девками особенно.

– Видишь, отец? Если можно туда, то можно и обратно.

– Да… наверное.

– Я так думаю, что голова очень сложно устроена, отец. По ней стоит ударить и человек меняется. Ухудшается обычно. Но если ухудшаться некуда, то может и улучшиться!

– Ты чушь-то не пори.

– Не буду, отец.

– Ишь, разговорился.

Кушарь еще долго ворчал, но Виктор знал, что опасность миновала – версия принята. Антипову было очень любопытно, как лесоруб пытался поначалу объяснить сам себе происходящее. Ведь наверняка у того имелась какая-то гипотеза, уж очень целеустремленным он выглядел. И эта задвижка…. Да, странно. Память Ролта ничего не подсказывала.

Весь вечер Виктор провел в доме. Ему было о чем поразмыслить. Он оказался в месте, где до этого никогда не был, но, с другой стороны, обладал почти полной информацией обо всем. Замок барона, один из многих в округе, контролировал довольно большой участок земли. Сколько точно Ролт не знал. Господское семейство было велико, впрочем, как и гарнизон замка. Леди Наура, жена барона Алькерта ан-Орреанта, родила трех детей: двух мальчиков и девочку. Плюс барон усыновил еще двоих мальчиков – детей своих дальних родственников, которые погибли при штурме их замка. Старшему из наследников было около двадцати, а младшему – восемь.

Военная мощь замка состояла из нескольких рыцарей и около двухсот солдат. Ролт не умел считать, но Виктор на основе его воспоминаний прикинул примерное число. К воинам можно было отнести и двух магов, живущих при замке: старого ун-Катора и его ученика ан-ун-Укера. Последний, выходец из знатной дворянской семьи, остался без крова над головой в силу тех же самых причин: нападения врагов. Обычное дело для сурового времени, в котором оказался Антипов. Хотя баронство ан-Орреант входило в состав графства ан-Трапера, налицо имелась феодальная раздробленность в своем самом ужасном проявлении. Сосед мог сражаться с соседом, не обращая никакого внимания на общего сюзерена. Граф иногда был способен остановить бойню лишь одним способом – подвести собственные войска и насильственно 'замирить' противников.

Виктора чрезвычайно удивило то, что Ролт, досконально зная о жизни замка, не владел почти никакой информацией о мироустройстве. Планета называлась Штерак и вокруг нее вращались солнце и звезды. Вот и все. На этом скудные знания сына лесоруба были исчерпаны.

Антипов даже набросал примерный план своих действий. Он, конечно, интересовался миропорядком, но не настолько, чтобы забыть о самой главной задаче – выяснению того, что произошло. Виктор собирался аккуратно разведать обстановку, может быть даже собрать больше информации о магах, которых так боялся Ролт. И, конечно же, нужно было выяснить, почему в местности, где все говорят на тальском языке, в каком-то лесу раздался шепот на древнегреческом. И как раз в том месте, где студент пришел в себя, обнаружив, что он уже некий Ролт.

Глава 3.

Ларант, Верховный Жрец Зентела, бога виноделия, торопился на встречу. Он почти бежал. Его белоснежная мантия развевалась при ходьбе, а зеленый шарф из тончайшего шелка упорно пытался слететь с шеи, так что Ларант был вынужден придерживать его. Жрец двигался вдоль белых мраморных колонн, увитых виноградом, мимо фонтанов, расположенных в глубине Главного Храма, мимо служек, согнувших спины в подобострастных поклонах.

Пройдя через анфиладу комнат, жрец подошел к самому важному, заветному помещению, расположенному за закрытыми деревянными дверьми, покрытыми тончайшей резьбой. Около дверей стояла сар-стража. Трое с двойными мечами за спиной и щитом на руке. Казалось бы, обычный человек не может использовать два меча и щит одновременно, но сар-стража могла и еще как. Одна рука держала щит, а вторая – меч, как и Длань мага. У некоторых наиболее могущественных сар-воинов Длань могла работать даже с тяжелой палицей, что было предпочтительнее меча. Палица проломит даже зачарованные доспехи, не позволяющие Длани проникать через них.

– Господин, – охранники поклонились.

Но поклон этот не был глубок. Ларант знал, что там, за дверью, находится их истинный господин. А он, Верховный Жрец, – здесь так, носитель титула. Главный распорядитель, управляющий в отсутствие истинного хозяина.

Из-за двери доносился чудесный голос. Пение. Ларант знал, кто поет. Издавать такие нежные и звонкие, гибкие и высокие звуки мог только один человек.

Верховный Жрец приблизился к двери, и стража распахнула перед ними створки. Войдя, он оказался в просторном помещении. В воздухе витал запах благовоний. Посередине находился фонтан, в котором плавали золотистые рыбки. На бортике фонтана сидел светловолосый юноша. Он был прекрасен, хотя его точный возраст не подлежал оценке. Рядом с ним стояла миска с крупным жемчугом, и юноша лениво перебирал жемчужины, доставая их пригоршней и медленно бросая обратно.

Напротив юноши, по другую сторону фонтана находился полный певец. Перуча, кастрат. Его развитая грудная клетка вздымалась. Он только что остановил свое пение, которое превосходило по высоте любой из женских голосов, а по нежности – любой из мужских.

– Господин! – Верховный Жрец, в свою очередь, согнулся в

поклоне.

– Ты заставляешь меня ждать, – бесстрастным голосом произнес юноша. – Я послал за тобой уже давно.

– Простите, господин! Это все бестолковый гонец. Он искал меня в Храме, а я был в купальнях.

– Иди, Перуча, – юноша взял одну из жемчужин и протянул руку.

Полный певец резво обежал вокруг фонтана, опустился на колени и поцеловал кисть, принимая жемчуг.

– Иди, иди. Время заняться делами.

Кастрат попятился и выскользнул из комнаты. Он ступал неслышно по мозаичному полу, а его движения были полны грациозной плавности и неги.

– Ну что же, поговорим с тобой теперь, – сказал юноша, провожая глазами певца.

– Я счастлив служить моему господину, – тут же отозвался жрец.

– Знаю, Ларант, знаю. Ох, как мне неудобно в этом теле. Словно тебе в тесной одежде.

– Да, господин.

– Что да? Ты вообще хоть раз тесную одежду надевал?

– Нет, господин.

– Так надень, попробуй, а потом уже соглашайся.

– Да, господин.

– Но зато у этого тела слух хороший. Знаешь, стоит потерпеть ради Перуча.

– Да, господин.

– Я подарю тебе попугая. Будешь его обучать.

– Да, господин.

– Замолчи. Жрец тут же согнулся в очередном поклоне и замер.

– Вот и молодец. А теперь слушай. К нам пожаловал гость. Давненько их уже не было, я даже успел отвыкнуть. Остальные, думаю, тоже. В Эфире пробой, Ларант. Ма-аленький такой. Но все же заметный. И как раз на моей территории. Где-то на северо-востоке отсюда. Точно не знаю. А так – все как обычно. Гость слаб. При нем наверняка человек. И поступить с ними нужно как обычно.

Юноша снова начал перебирать жемчужины. Они мерно падали в корзину. За исключением звуков этого падения, больше ничего не было слышно.

– Почему ты молчишь, жрец? – спросил юноша после длительной паузы, недоуменно взглянув на собеседника.

– Не было приказа говорить, господин.

– И что, тебе неинтересно что-нибудь спросить?

– Интересно, господин.

– Тогда спрашивай!

– Что, господин?

– Ларант, если ты сейчас же не докажешь мне, что не годишься в учителя к попугаю, сегодня сюда войдет другой Верховный Жрец.

– Он опасен? – тут же отреагировал Ларант.

– Кто?

– Гость, господин.

– Нет, пока что нет. И если ты поторопишься и сделаешь все как нужно, опасен он не будет.

– Он созидатель или разрушитель?

– Наконец-то хороший вопрос, Ларант. Но ответ мне неизвестен. Скорее первое. Таких гостей несколько десятков. А вот вторая категория включает в себя лишь два вида: смерть и войну. Эти опаснее, гораздо опаснее. Но верю, что первое, Ларант.

Жрец выпрямился и задумчиво поджал губы. Он отнюдь не был таким служакой, каким хотел показаться. Просто ему приходилось угождать капризному богу, который славился быстрым изменением своего настроения. Приходилось каждый раз ходить по грани, но… лучше так, чем иначе. Свою должность Ларант занимал уже пять лет, и это о чем-то говорило.

Ларант знал, что имеет в виду его господин, когда говорит о гостях. Жрец сам раньше никогда с гостями не встречался, но читал о них в книгах, существующих в единственных экземплярах. Читал в Большой Библиотеке при Храме Нера, Отца Богов. Там было сказано, что гости бывают разные, и долг каждого жреца вовремя выявить их. Сначала уничтожить Посредника, а потом отдать непрошенную Сущность истинным господам этого мира.

За последние два тысячелетия гостей было около четырех десятков. Как правило, они были созидатели, поэтому расправиться с ними не составило никакого труда. Лишь в двух случаях пришла Смерть и в одном – Война. С этими пришлось повозиться. Обе Смерти сумели даже убить нескольких жрецов, а Война оказался настолько ловким, что сформировал отряд из каких-то разбойников. К счастью сар-страже одного из местных богов удалось быстро уничтожить Посредника, а потом расправиться и с немногочисленными адептами. Вмешательство господ даже не потребовалось.

Теперь же Ларанту предстояло проявить себя. Следовало быстро раскинуть сеть. Он, конечно, понимал, что Сущность сразу отыскать не удастся, а вот Посредника – вполне возможно. К тому

же, время у жреца было. Примерно полгода-год до того, как Посредник сумеет хоть что-то сделать. Но все равно Ларант был бы признателен за любую информацию, которая может облегчить его поиски и заработать расположение богов.

– Господин, а как быстро найти человека?

– Снова правильный вопрос, Ларант. Ты радуешь меня. Найти человека просто, очень просто. Вот скажи, кого бы я взял с собой, если бы возникли… определенные обстоятельства и мне пришлось бы скрыться?

– Меня, мой господин?

– Вот именно, Ларант. Тебя. Или другого Верховного Жреца. Так же поступают и гости. Берут или Верховного Жреца или приближенных к ним. Кого же еще брать? Только один решил взять отшельника. Из-за его веры, конечно. Ну, и поплатился – этого Посредника мы нашли почти сразу же. Уже через месяц, кажется. Фанатик. Могло ли быть иначе?

– Господин хотели сказать, что мне будет просто отыскать Посредника, потому что он похож на меня?

– Ты молодец, Ларант. Просто молодец. Конечно, будет похож. Теперь подумай, что бы ты сделал на его месте и он в твоих руках. Он будет действовать так же, как и любой Верховный Жрец. Вы ведь все одинаковы, Ларант. Боретесь за власть, рветесь к вершине, держитесь за место зубами… ты думаешь, я ни о чем не знаю? Знаю. И вера ваша так себе. Живо переметнетесь, если предложат кусок пожирнее.

– Господин!

– Не спорь со мной, Ларант. Я уж навидался Верховных Жрецов. Но Посредник не может изменить гостю, иначе погибнут оба. Все это отлично понимают.

– Я не такой, господин! – это был один из немногих случаев, когда хитрый жрец решился пойти против приказа, рассудив, что промолчать еще хуже, чем возразить.

– Ну, может быть, ты и не такой, – равнодушно бросил юноша.

Ларант с трудом сдержался, чтобы не вздохнуть с облегчением. Нужно было побыстрее задать какой-нибудь вопрос, лучше понелепей, чтобы отвлечь хозяина от подобных мыслей.

– Господин, человек, Посредник, может быть магом? Юноша запрокинул голову назад и звонко рассмеялся.

– Ларант, ты удивляешь меня. Разве маг позволит с собой такое сделать? Там, может быть, Посредник и был магом, но не здесь. Однако если мы дадим гостю много времени… очень много, то он может попытаться сделать из Посредника мага. Но на это уйдут годы. Конечно, мы не станем столько ждать.

– Да, господин.

– Поэтому Посредник прежде всего начнет плести интриги. Сначала мелкие, а потом покрупнее. Будет тяготеть к золоту, богатству, почестям, женщинам…. Не спорь, Ларант! Я все знаю. Сам в бой никогда не пойдет, но пошлет вместе себя кого-нибудь, с кем потом, возможно, даже не расплатится. Или расплатится лишь обещаниями. С удовольствием предаст своих союзников ради мелкой выгоды. Ему чужды понятия дружбы и любви. Он – интриган и политик. Бесчестная, лживая личность. Будет скрывать свои истинные желания за благородными фразами. Станет утверждать, что служит от всего сердца своему богу или даже людям, одновременно подгребая под себя богатство. Как и все вы, Ларант. Не спорь! Но других у нас нет и быть не может.

В душе у жреца бушевала буря. Он знал, что господин прав, и это знание доставляло огромное беспокойство. Получалось, что господин совершенно не верит в его преданность. А значит, может избавиться от него в любой момент и заменить кем-то. Но одновременно понимает, что этот 'кто-то' будет подобием Ларанта. Поэтому если жрец не станет совершать ошибок и понапрасну злить господина, то замены не произойдет. Такие все.

– Но почему вы взяли бы с собой Верховного Жреца, если понимали, что Посредника так легко найти?

– Ларант, другие миры не похожи на наш. На это вся надежда. К тому же, кого еще брать? Больше некого. Вы связаны с нами, а мы – с вами. Так все устроено. Кстати, тебе может и повезти, тогда найдешь обоих очень быстро.

– Как повезти, господин?

– Гость может оказаться настолько наивным, что прикажет Посреднику обратиться к местным жрецам в поисках помощи. Так было пару раз. Поэтому ты постарайся не спугнуть. Никто ведь не знает, что мы уничтожаем гостей. Мало кому известно даже об их существовании. Пусть так и будет.

– Да, господин.

– И вот еще что, Ларант. Удвой количество жертвоприношений мне. Человеческих. До тех пор, пока мы не расправимся с гостем. Так будет спокойней, больше силы. И сделай это тайно.

– Да, господин.

Утро встретило Виктора криками детворы, бегающей по дороге рядом с его домом. Поворочавшись на неудобном топчане, он открыл глаза, моргнул несколько раз и решительно встал на ноги.

'Вот и новый день в деревне, товарищ агроном, – подумал он. – Надо выйти в поле, окинуть взглядом посевы и начать

выполнять план по урожаю. Прежде всего – украсть зерно у соседнего колхоза, иначе не выполнишь…. О, какая чушь лезет в голову'.

Выглянув в небольшое окошко, затянутое мутной пленкой – налимьей кожей, Антипов обнаружил, что утро далеко не раннее. Видимо, отец решил не будить его, считая все еще больным. Но Виктор чувствовал себя отлично.

Его взгляд упал на стол. На нем что-то стояло, покрытое белым полотенцем, одной из немногих вещей, оставшихся от матери Ролта. Студент осторожно заглянул под полотенце. Там обнаружились краюха хлеба и глиняный кувшинчик, наполненный молоком. Кушарь был заботливым отцом, даже несмотря на пристрастие к вину.

Быстро прикончив завтрак, Виктор вышел на улицу. По сравнению со вчерашним днем, на ней царило оживление. Пара телег, груженных сеном, ехала в противоположных направлениях, около десятка детей бегали туда-обратно с веселыми воплями, трое солдат в кольчугах неторопливо брели куда-то, держа на плечах тяжелые копья. Один из них, седобородый крепыш, завидев Антипова, приветливо махнул ему рукой. 'Дядька Пестер', – немедленно отозвалась память Ролта. Виктор изо всех сил замахал двумя руками, демонстрируя радость. Пестер, ветеран многих сражений, знал Ролта с самого детства и относился к нему очень хорошо. Его привычка дарить Ролту пряники по праздникам не претерпела никаких изменений по мере взросления сына лесоруба. Для Пестера тот оставался маленьким мальчиком, лишь по какой-то иронии судьбы выглядящим взрослым.

Но сейчас Виктору было не до сентиментальных размышлений. Он собирался навестить то самое место на опушке. Где был Кушарь, Антипов не знал, но догадывался. Либо отправился в лес, чтобы пометить подходящие стволы, либо околачивается в трактире. Второе вероятней.

'А что, пометить стволы – удачная мысль, – подумал Виктор. – Пусть Ролт этого не делал самостоятельно, но знал ведь, как надо! Мне, конечно, все стволы до лампочки, но ведь нужно что-то сказать на выходе из ворот замка. Надо же, сколько еще придется врать? Наверное, очень и очень много. Но ничего, вон один немецкий барон врал, врал и прославился в веках. Потому что делал это с размахом. Может быть и мне врать с размахом? Но разве кто-нибудь тут оценит? Ролт даже не умел читать, да и все его знакомые тоже'.

Прихватив небольшой топорик, Антипов направился туда, где по мнению сына лесоруба должны быть ворота замка. Он шел

мимо коричневых домов, покосившихся и не очень, мимо большой казармы, во дворе которой всегда находилось несколько солдат, и мимо колодца, к которому выстроилась очередь людей с пустыми ведрами. Там же была и Ханна.

Поколебавшись, подойти к девушке или нет, Виктор решил все же подойти. После того, как ему исполнилось двадцать, он очень редко испытывал робость перед противоположным полом. Разве что суперкрасавицы могли заставить его сердце биться чаще еще до момента знакомства.

– Привет, – Антипов обратился к девушке. – Как поживаешь? Поменяешь ведро на топор? Смотри – почти новый.

Ханна наблюдала за собеседником широко раскрытыми глазами. Она просто не знала, как себя вести. Ролт, стоящий перед ней, настолько отличался от прежнего Ролта, что девушка с трудом собралась с мыслями.

– Привет, – тихим голосом ответила она. – Ведро мне нужно. Чтобы воды набрать.

– Я тебе его одолжу тогда после обмена, – сообщил Виктор. – А ты со мной за аренду ведра топором расплатишься. Ханна слегка нахмурила черные брови. Смысл сделки от нее ускользал.

– Ты шутишь, да? – неуверенно спросила она.

– Почему шучу? Если ты добавишь еще один поцелуй, то я так и быть дам тебе ведро в вечное пользование.

– А ну пошел, охальник! – закричала стоящая рядом женщина средних лет, замахиваясь на Виктора коромыслом. – Ты смотри! Среди бела дня такое предлагать!

– Ухожу, ухожу, – Антипов резво отпрыгнул в сторону. – Видишь, Ханна, эта милая женщина посоветовала с тобой о поцелуе договариваться вечером. Так что, до встречи!

И Виктор покинул колодец, оставляя за спиной потрясенных зрителей. Увы, он знал, что его шансы невелики. Помимо Террока за Ханной волочились еще несколько солдат из гарнизона, и это было уже серьезно. Сын лесоруба занимал слишком низкую ступень на социальной лестнице, чтобы соперничать с ними.

Антипов бодро зашагал по направлению к воротам. Рядом с ними дорога превратилась в мостовую – барон заботился о комфортном выезде из донжона. В целом Виктора очень интересовал вопрос почему деревянные строения не заменили каменными. У Ролта имелось любопытное воспоминание, прочно вошедшее в память со времен раннего детства – осада замка. Тогда неведомый противник использовал требушеты. Забавное такое орудие, навесом метающее шары, сделанные из какого-то весьма горючего материала. Разумеется, их поджигали перед выстрелом. Вот это было веселье! Сгорело все, что могло сгореть.

К счастью, люди во внешних домах не оставались, поэтому потери были не очень велики, но все буквально задыхались от едкого дыма. Дышать можно было только в подвале донжона. Атаку отбили, но неприятные воспоминания остались. Потом дома отстроили. Снова деревянные с соломенными крышами.

Внешние ворота крепости были стандартны. По крайней мере, Виктор представлял их себе именно так. Двустворчатые, окованные железом, с подвесным мостом. Сейчас мост был опущен, но сами ворота закрыты. Но Ролт знал, что можно выйти через небольшую калитку в них.

Он подошел поближе. В нос ударил запах конского навоза – из ворот недавно выехали несколько повозок, оставив отметины. У калитки за раскладным походным столиком, расположенном не на мостовой, а на траве, сидели двое стражников. Они играли в кости. Еще один стоял на своем посту на стене между зубцами и, опершись на копье, вглядывался вдаль. Стражники вели интеллектуальную беседу.

– Слушай, Панта, а вдруг трехрукий тебя палицей по башке вдарит? Что ты будешь делать? – спрашивал невысокий крепыш, собирая заскорузлыми руками кости, чтобы положить их в деревянный стаканчик.

Другой, явно длиннее, даже несмотря на то, что они оба сидели, отвечал, оживленно жестикулируя:

– Да чего тут делать-то? Увернусь и попробую достать его копьем.

– А ну как промахнешься? Трехрукие – они ловкие. Сам знаешь. А палица-то за твоей спиной.

– Ну… тогда быстро отпрыгну в сторону и попробую еще раз ударить.

– А если он тоже развернется? – продолжал настаивать крепыш.

– Тогда я отступлю.

– Но придется снова от палицы уворачиваться.

– Слушай, Нарпен, а почему ты на его стороне?! – возмутился долговязый.

– На чьей? – удивился тот.

– Трехрукого. Мы же с тобой служим одному господину. Вот покрадись к трехрукому сзади и ударь его копьем!

В этот момент оба соблаговолили обратить внимание на Виктора, скромно стоящего неподалеку.

– А тебе чего, недоумок? – с неприязнью поинтересовался крепыш. Нарпен издавно недолюбливал сына лесоруба. Казалось бы, без видимых причин.

– Мне нужно в лес, – просто ответил Виктор.

– Зачем?

– Зарубки сделать.

Антипов старался говорить кратко, чтобы не выбиваться из стиля Ролта. Стражники – не подмастерье кузнеца и не женщины у колодца. С ними лучше не враждовать. Конечно, Виктор – отчаянный парень, но не настолько, чтобы нарываться на явные и неотвратимые неприятности.

– А отец знает? – присоединился к разговору долговязый.

– Он меня туда и отправил. Нужно выполнить заказ господина барона, – на этот раз кратко высказаться не удалось.

'Убедительное вранье – залог не только материального благосостояния, но и физического здоровья, – подумал студент. – Интересно, это вот съедят или нет? Не побегут же в самом деле к хозяину спрашивать'. Стражники съели.

– Проходи, – недовольно буркнул Нарпен, вставая из-за стола, чтобы отодвинуть засов на калитке. – А если ты потеряешься и нас пошлют на поиски, то я тебя так отделаю, что еще долго никуда пойти не сможешь.

– Постараюсь не потеряться, – вежливо ответил Виктор, которого так и подмывало ляпнуть что-нибудь, описывающее в полной мере суровый быт стражников.

– Постой-ка, так ты выздоровел полностью? – поинтересовался долговязый, когда Антипов был уже совсем рядом с воротами. – Твой отец рассказывал, что ты надолго слег, а люди говорят, что ты странный какой-то стал.

– Я был странный. А стал нормальный.

'Моя история уже известна всем. Быстро. Хотя чего удивляться – в замке все друг друга знают. И говорить им больше не о чем. Мало что происходит. Зачем мне быть в центре обсуждения, если сам еще ничего не понимаю? Может их отвлечь как-то от этой темы? Донжон поджечь, что ли? Это надолго займет их внимание, господин факир'.

– Правда поумнел, что ли?

– Нет, еще не очень.

– Ну ладно, иди давай. Пошевеливайся, ворота закрывать надо.

Виктор оказался за пределами замка в первый раз после своей болезни. Казалось, что он переступил невидимую черту: раз, и все, что напоминало о плохо сделанных строениях, непривычных запахах и непонятных людях, куда-то исчезло. Остались лишь поле и отблески солнца на еще не успевших высохнуть капельках росы, притаившихся в яркой траве.

'Почти как дома, – подумал Антипов. – То же небо, та же растительность, да все то же. Если не оборачиваться и не

смотреть под ноги. Любопытно, какая здесь климатическая зона? Как на юге России? С другой стороны, на лесостепь похоже. Тогда, в целом, холоднее будет. А мостовую, подобную этой, видел лишь в детстве. Ехал по ней на велосипеде по дурости. Приходилось сжимать зубы, иначе они стучали сильно. Сразу тогда понял, почему продвинутые велосипедисты носят шлемы с ремешками. Чтобы мышцы челюстей отдыхали. А здесь что носят, интересно, если едут на телеге по этому вот?'

Он резво вышагивал по дороге, крутя головой и пытаясь вобрать в себя новые впечатления. Память Ролта сообщала, что тут, в принципе, безопасно. Разбойников поблизости от замка нет, и соседские солдаты тоже не показываются. Баронскую собственность грабят, конечно, но это касается лишь дальних деревушек.

Виктор знал, куда нужно идти. То место находилось относительно недалеко. Нужно было пройти через поле, потом найти тропинку и углубиться в соседний лесок. Сразу за большим и старым дубом резко свернуть вправо и – до поляны рукой подать.

Лес тоже выглядел как обычно. Шорох веток под ногами, пение птиц, шелест листвы – здесь воспоминания Виктора и Ролта были едины. Молодой человек начал свой путь неспешно, но постепенно ускорялся. Любопытство вело его. Какое-то смутное чувство подсказывало, что он непременно найдет на опушке если не все ответы, то хотя бы их часть.

Глава 4.

Поляны бывают разные. На некоторых удобно отдыхать, на других заниматься любовью, на третьих выращивать картошку, а на четвертых говорить по-древнегречески. По сути, чем поляна хуже аудитории в университете или еще какого-нибудь другого места? Даже лучше. Ведь в аудитории мало кто сможет вырастить картошку.

Виктор четко представлял себе все преимущества поляны перед всеми другими местами и помещениями. Потому что медленно брел по ней и приговаривал:

– Кто тут? Тут есть кто-нибудь? Или никого нет? А если никого нет, то зачем я хожу как умалишенный и что-то бормочу? Вдруг кто-нибудь услышит. Нет, нужно продолжать. Если услышит, тогда здесь точно кто-то есть, и получится, что я уже не буду умалишенным. Кто тут?

Излишне напоминать, что его проникновенная речь была именно на древнегреческом, познаниями в котором он очень сильно гордился.

В ответ колыхались деревья, протягивали к нему свои мохнатые лапы и казалось шептали что-то в унисон. Должно быть древний лес с удивлением вслушивался в незнакомые слова. Солидный дятел, сидящий неподалеку, прекратил свою работу и внимательно наблюдал за странным человеком, наматывающим круги по поляне. О чем думала эта птица? Пыталась решить, хищник ли перед ней? Или просто была рада посмотреть хоть на что-то, выделяющееся из привычной картины?

– Эгей! Есть тут кто-то, кроме меня? Докажи чем-нибудь, что ты здесь есть. Нет, не так. Лучше докажи, что я здесь есть, – на десятой минуте Виктор подустал. Он уже перестал ходить по кругу, а медленно добрел до центра опушки и уселся на траву.

'Ну-с, путешественник между мирами, что будешь делать? Сидеть тут и ждать непонятно чего? Предчувствия подвели тебя, господин оракул. Похоже, что предсказаниями тебе на жизнь не заработать. Разве что будешь предсказывать те события, до которых точно не доживешь. Так делали все уважающие себя люди'.

Антипов, бесплодно посидев еще минут двадцать, поднялся и зашагал прочь. Его одолевала неожиданная горечь. Оказалось, что он очень надеялся на то, что некто или нечто на поляне даст хоть какое-то объяснение происходящего. По сути, в этом заключалась единственная реальная надежда хоть что-то узнать. Виктор редко когда унывал, но сейчас ощущал себя маленькой щепкой, которой

играют волны, бросая ее то туда, то сюда или даже возвращая на место. Груз произошедшего навалился в полной мере на его жизнерадостную натуру, придавливая к земле своей тяжестью. Виктору было тяжело идти, тяжело дышать и даже тяжело думать. Почему это все должно было случиться с ним? Что он сделал такого, чем заслужил подобное? Перед его взором вставали родители, родственники, друзья, сокурсники…. Он бы отдал многое, чтобы только их увидеть еще раз. Многое? Но что? У него сейчас ничего не было. Совсем ничего. Он был один в незнакомом мире. Даже без права на объяснения. И чувство щемящего одиночества захватило его. Сделав несколько шагов, Антипов привалился к ближайшему дереву и застыл, закрыв глаза. Он не хотел шевелиться. Горечь свершившейся несправедливости словно парализовала его мышцы. Виктор стоял недвижим, полный беззвучно кричащего отчаяния. 'Тук-тук', – возобновил свою работу дятел. 'Тук-тук'.

– И долго… 'Тук-тук'.

– … ты будешь… 'Тук-тук'.

– … тут стоять?

Антипов медленно поднял голову. Ему показалось или… нет? Наряду со стуком дятла он слышал какой-то шепот. Или все-таки показалось? Виктор насторожился.

– Нет, ты можешь стоять, конечно, но считаю своим долгом сообщить, что скульптуры из тебя не получится. Даже опытный Фидий не взялся бы за то, чтобы ваять такого, как ты. Тебе нужно сначала пару лет поработать над телом, прежде чем принимать такие позы. Ты вообще кого изображаешь? Мать, скорбящую по павшим воинам? Но у тебя не тот наряд. Даже самый плохой актер понимает, что мать нужно играть в более просторной одежде, подложив пару валиков куда надо. Ты чего молчишь? У тебя вообще есть валики?

– К-кто здесь? – с трудом разжав губы произнес Виктор. Теперь шепот был отчетливо различим, но определить точку, из которой он доносился, не представлялось возможным. – Ты меня слышишь?

– Да и голос твой тоже так себе. Что это за дребезжание? Разве так говорят актеры? Где твоя дикция? Разверни диафрагму!

– Ч-что?

– О, никчемный актеришка! Попробуй еще раз. Добавь в голос силы. 'Кто здесь?!' Примерно так. Представь, что ты в амфитеатре. Голос должен нестись вдаль. Давай. Пробуй.

– Ч-что?

– Вот за это 'что' мой братец Аполлон тебя бы уже убил. И правильно! Я давно советовал ему истреблять плохих актеров или

отдавать мне, в солдаты. Зачем им мучиться самим и мучить зрителей? Что у тебя вообще за акцент? Ты можешь говорить разборчивей?

– Нет. Это не мой родной язык.

– А чей же? Мой, что ли?

– Я… не понимаю. Я вообще не актер!

– Как не актер? А чего тогда стоишь в этой позе?

– Не знаю. А ты-то кто?

Возникла пауза. Казалось, что незнакомец либо обдумывает такой простой вопрос, либо возмущен тем, что его вообще задали. Выяснилось, что последнее.

– Кто может быть хуже человека, выдающего себя за другого? Только невежа, который сам не знает, кто он есть! Друг мой, тебя где воспитывали? Даже спартанцу известно, что прежде чем просить собеседника представиться, нужно сначала это сделать самому!

Суровая отповедь озадачила Виктора. Но больше всего его удивила предыдущая фраза, в которой невидимый оратор сообщил, что Аполлон – его брат. Пребывая в состоянии недоумения, молодой человек ответил:

– Я – Ролт… то есть, Виктор… Антипов.

– У тебя три имени?

– Нет, одно.

– Какое же из них верно?

– Не зна… Все верны.

– Получается, что три?

– Одно.

– Какое же?

– Виктор… или Ролт.

– О, мой друг, я вижу ты еще не пришел в себя. Но ничего. Такое бывает. Не все хорошо переносят переход. Как тебя звали до того, как ты сюда попал?

Вот теперь Антипов понял, что такое смешение чувств. А точнее состояние, когда разные эмоции быстро сменяют друг друга. Сначала было глухое отчаяние, потом несказанное удивление, а сейчас – огромная радость. Собеседник знал, что с ним случилось! А значит, наверное, мог и помочь отсюда выбраться!

– Виктор, Виктор меня звали! А где я, а? Как сюда попал? Ты мне можешь помочь?! – чувства перехлестывали через край. Молодой человек задавал бы гораздо больше вопросов, но сжавшееся горло не позволяло этого сделать.

– Спокойнее, мой друг, спокойнее, – невидимый собеседник почувствовал состояние Антипова. – Воину не пристало так

нервничать. Ты обязан с равнодушием принимать даже самые яростные удары судьбы.

Недоумение Виктора усилилось. Голос сначала принял его за актера, а теперь вот называет воином. Мелькнула даже мысль, что тот издевается, но Антипову было не до этого. Предстояло выяснить самое главное.

– Но где я?! Что со мной?! Почему я в этом теле?!

– Я же сказал тебе, чтобы ты успокоился. Даже то, что ты умер, не должно мешать вести себя подобающим образом. Хороший воин и после смерти выполняет свой долг. Некоторые устилают своими телами дорогу врагам, мешая им наступать, а другие, разлагаясь, приносят во вражеский стан смертельные болезни. Видишь, тебе есть с кого брать пример.

– Я умер?! – вскричал Виктор, реагируя лишь на ключевую фразу.

– Умер, да. И зачем об этом кричать? Кричать вообще нужно лишь в бою, чтобы напугать противника, внести панику в его ряды. Разве ты видишь противника? Нет. Здесь только деревья, звери, я и ты. Вот так, мой друг.

Антипов на минуту умолк. Его радость сменилась растерянностью. Собеседник попался сложный.

'Что за фигня? – думал Виктор. – Может быть это все часть бреда? Неизвестно кто вещает неизвестно откуда неизвестно что. Я умер? И должен брать пример с тех, кто разлагается, устилая своими телами путь врагу? Может быть, если громко позвать врача, что-то изменится? Дежурного психиатра, например. Если подумать, то я могу быть с той же вероятностью в больнице, с какой нахожусь в лесу и выслушиваю речи какого-то сумасшедшего, принимающего себя за брата Аполлона'.

Однако Виктор решил дать собеседнику, ситуации, да и самому себе еще один шанс. Его разум утверждал, что происходит что-то непонятное, нелепое, чего не может быть, а вот чувства говорили о другом. Они настоятельно советовали поверить, именно поверить в случившееся. Зрение, слух и обоняние в унисон твердили, что все правда. Антипов на самом деле находится в лесу и говорит с невидимым обладателем весьма своеобразного чувства юмора. Слишком своеобразного. Нужно сделать еще одну попытку. Последнюю. Или нет. Предпоследнюю. Или что-то вроде того.

– Я спокоен и не кричу, – сказал Виктор. – И уже представился…. Негромкий смех был ему ответом.

– Это был намек, мой друг. Я понимаю. Может быть ты не столь безнадежен, как мне показалось сначала, когда я наблюдал твое блуждание по поляне.

Антипов не отвечал. Он ждал. Несколько лет, проведенных в университете, приучили его никуда не торопиться. Если преподаватель вызвал тебя, то нужно дать ему выговориться. Кто знает, насколько эта информация пригодится в ответе рационально мыслящему студенту. Виктору вот часто 'пригождалась'.

– Ну что же, печально конечно, что ты меня не узнал, но тут уже ничего не поделаешь. Если бы узнал, то я бы возможно остался в твоем мире. Реалистичность в оценке обстановки – вот отличительная черта любого воина, поэтому я не требую большего, чем судьба может дать. Меня зовут Арес, мой друг. Вот так.

Виктор нахмурился. Потом помедлил и нахмурился еще больше. Он знал, кто такой Арес. Но именно это знание не позволяло поверить в сказанное. Арес, бог войны, сын Зевса и Геры, брат Аполлона и Геракла, жестокий и насмешливый, беспощадный и отважный, собиратель побед, покровитель героев и сеятель раздора. Он был странный, этот бог. Настолько странный, что казался изгоем на Олимпе. Отец, Зевс, давно бы уже сбросил его в Тартар, если бы не заступничество матери. Антипов читал множество историй о Древней Греции, в некоторых из них Арес представал с положительной стороны, в других – с отрицательной, но никогда даже в своих самых страшных снах Виктор не мог предположить, что кто-то, с кем он общается, назовется этим именем.

'Вот это я свихнулся так свихнулся, – подумал студент. – Ну ладно бы какой-нибудь другой бог, например, из этого мира. Кто-нибудь, чье имя мне даже незнакомо. Или тот же Зентел, которого почитал Ролт. Но Арес! Вот же невезуха. А ведь все так удачно складывалось. Я почти поверил в то, что оказался вдруг в чужом месте в чужом теле. Строил планы, изучал местность, даже с девушками общался! А оказывается что?'

Виктор хранил скорбное молчание. Последние несколько минут истощили его эмоционально. Быстрые переходы от одного чувства к другому не могут продолжаться вечно. Он ведь так надеялся, так переживал…. А сейчас чувствовал себя как ребенок, которому вручили давно обещанную и желанную игрушку, и сразу же забрали обратно. Ребенок бы рыдал, а Антипов мрачно размышлял о происходящем.

– Тебе не нужен врачеватель, мой друг. Твое тело в порядке, а дух не настолько плох, чтобы обращаться за помощью.

'Ну вот, начинается, – еще более мрачно подумал Виктор. – Голос читает мои мысли! Если слышишь голоса внутри своей собственной головы или кто-то знает, о чем ты думаешь, то это

верный признак душевного расстройства. Интересно, как называется мое заболевание, господин Гиппократ?'

– Конечно, никто не может читать твоих мыслей, – продолжал собеседник. – Даже если бы мне удалось войти в твое тело, то и тогда бы вряд ли справился с этой задачей самостоятельно. Просто, понимаешь, я видел столько человеческих лиц за свою жизнь, что читать по ним не составляет никакого труда. Ты нахмурился, сосредоточился и ушел в себя – значит, думаешь о своем здоровье. Встревожился, с опаской смотришь по сторонам – значит, подозреваешь, что за тобой следят. За твоими мыслями, например.

'Какой сложный глюк, – восхитился про себя Виктор. – И словоохотливый. Только посмотрите, как разглагольствует! Я бы так не смог. Вот этот пассаж насчет лиц весьма удачен, господин Цицерон. Удивительно, что он еще скажет?'

– И в том, что я скажу, нет ничего удивительного. Никто не может читать мысли. Эх, сколько достойных людей на самом деле заболели из-за недостойных подозрений. Вы, люди, такие прямолинейные. Думаете, что весь мир вращается вокруг вас. Вот скажи, зачем кому-то следить за твоими мыслями? Ты – великий поэт, философ, музыкант? Не думаю. Мы уже даже выяснили, что ты и не актер вовсе. Что ценного в твоих мыслях? Что они могут дать миру, твоим или моим врагам? Хотя нет, моим врагам, если таковые тут есть, они как раз могут многое дать. Но даже я спокоен на этот счет.

Этого Антипов уже не мог вынести. Скорбь скорбью, но в мании величия его еще никто не упрекал. Да и не существовало ее, этой мании. Он никогда не был даже отличником, хотя точно знал, что стоит ему немного поднапрячься, и признание преподавателей посыпется на него как из рога изобилия. Но напрягаться не хотелось. Его грела, как и многих подобных ему, тайная мысль о своем огромном потенциале. Грела из года в год, и приятное тепло, излучаемое ею, сопровождало бы его не одно десятилетие, если бы не досадное происшествие на раскопках.

– Так что, это все на самом деле? – наконец решил поинтересоваться вслух Виктор. – Тебя зовут Арес? Тот самый Арес?

– Тот да не тот, мой друг. Тот, потому что у меня еще сохранились имя и воспоминания. А не тот, потому что от прежней силы остались лишь крохи. Жалкие крохи, которые заставляют меня так долго все объяснять никчемному актеришке, вместо того, чтобы сделать большой вклад в местную культуру и испепелить его на месте.

– Меня испепелить? – уточнил Антипов.

– Тебя, мой друг, тебя, – ласково продолжал голос. – Печально наблюдать, как несмотря на все сказанное, ты все еще стоишь в той же горестной позе и говоришь так, словно жуешь траву, давно уже разжеванную коровой и выплюнутую через день после проглатывания.

Виктор отошел от дерева. Он поймал себя на том, что все еще оглядывается по сторонам, пытаясь определить источник голоса. Абсолютно ничего не обнаруживалось.

– Но акцент я не могу убрать, – ответил студент. – Для этого нужно общаться долгое время с носителями языка. А они уже все умерли.

– Ты просто старайся, – посоветовал невидимый собеседник. – А за временем дело не станет. Мы с тобой еще много раз будем беседовать. Ты начнешь тренировать речь, а я – терпение. Видит Зевс, если бы мне удалось бросить копье, когда ты стоял у дерева в той позе, то я бы пришпилил тебя к нему. И тогда Фидий смог бы все-таки изваять статую под названием 'Он раздражал Ареса'.

Вот теперь и здравый смысл подсказал Антипову, что он вряд ли говорит с собственной галлюцинацией. Ему было очень сложно представить себе глюк, который угрожает проткнуть его холодным оружием.

– Почему это мы будем еще много беседовать? – осведомился Виктор, которому совершенно не понравилась перспектива остаться с собеседником до того момента, когда тот наконец сможет бросить копье. – Да и вообще, что происходит? Я ведь имею право знать, что происходит, не так ли?

– Имеешь, мой друг. Люди вообще имеют право на многое, но почему-то хотят лишь денег. Ты будешь сам спрашивать или тебе вкратце рассказать?

– Лучше рассказать, – Антипов не был уверен в своей способности задать правильные вопросы. Он просто не знал, с чего начинать, не представляя себе ситуацию даже в целом, поэтому приготовился внимательно слушать.

– Что ж, если вкратце, то наши дела с тобой плохи.

На опушке воцарилось молчание. Дятел, возобновивший свою работу, замолк сразу после начала разговора. Сейчас можно было, что называется, 'слушать тишину'. Даже листья деревьев не издавали ни единого шороха, а словно замерли на своих ветках. Мечта любого романтика. Создавалось впечатление, будто и лес и трава и небо лишь изображены на огромной и чрезвычайно удачной фотографии. Яркая зелень на светло-синем фоне. Казалось, что из-за неподвижного шершавого коричневого ствола сейчас выглянет хлопотливая белка с орешком в зубах, прилетит какая-нибудь неторопливая птица и чинно усядется на ветку,

чтобы почистить перья, заяц выпрыгнет из-за небольших кустов, потому что пришло время его, заячьего, обеда. Но не было ни белок, ни птиц, ни зайцев. Не было даже ветра. Все замерло в молчании. Настоящий, истинный, неисправимый романтик затаил бы дыхание, продолжая любоваться прекрасным лесом и слушая тишину.

– А дальше? – спросил Виктор.

– Дальше? – тут же откликнулся голос. – Нет никакого дальше. То, что с нами произошло и происходит, отлично описывается фразой: 'наши дела с тобой плохи'. Вот так.

– Но нельзя ли уточнить, почему плохи и как они дошли до этого? – Антипов решил не сдаваться. У него мелькнула догадка, что каждое нужное ему слово придется в буквальном смысле вытягивать.

– Я слышу иронию в твоих словах, мой друг. Это хорошо. Ирония лучше отчаяния или безумных мыслей. Дела плохи потому, что мы оба практически мертвы и находимся в чуждом нам мире.

– Мертвы? – в голосе студента слышалась озадаченность. – Я совсем не чувствую себя мертвым. Другое дело, что тело – не мое.

– О, ты умер, можешь мне поверить. Когда на голову человека падает огромная плита, от чего эта самая голова слегка сплющивается, то человек, как правило, умирает.

– Моя голова сплющилась? – уточнил Виктор.

– Твоя, мой друг, твоя.

– Но я же осознаю себя! Могу думать, вспоминать, говорить! С тобой могу говорить наконец!

– Можешь, но очень плохо, – согласился голос.

– Да какая разница плохо или хорошо?! Главное, что я это все могу делать. Значит, я не умер.

– Во-первых, есть разница. И мне очень хотелось бы, чтобы ты это все делал хорошо. Так будет лучше для нас обоих. А во-вторых, в том, что твое тело умерло, а личность – нет, есть только моя заслуга. Ты при жизни ничего не сделал для того, чтобы обеспечить себе хоть какое-то посмертие.

– Так это ты перенес мою личность в тело Ролта? – поинтересовался Виктор, уже зная ответ.

– Да. Иначе ты бы умер. Вообще умер.

'Вот это новость. Он утверждает, что меня спас. Ну, хорошо, допустим. Вряд ли рай или ад, если они есть, имеют такой странный вид, – мысли Антипова неслись вскачь. – Но как он это сделал? Да и с какой целью?'

– Спасибо, конечно, – поблагодарил Антипов своего спасителя. – Я тебе очень признателен. Но буду признателен еще

больше, когда пойму, зачем ты это сделал и почему не выбрал какое-нибудь другое тело? В моем мире, например.

– А ты улучшаешься прямо на глазах, – заметил голос. – Уже рассуждаешь как подобает воину. Без лишних волнений. Молодец. Я это сделал потому, что мне нужен помощник. В этом вот мире. Во время такого перехода все, подобные мне, теряют свои силы. И на первых порах нам нужен кто-то, на кого мы можем опереться. Кто-то из людей. Я выбрал тебя.

– Почему меня? – мгновенно отреагировал Виктор.

– Почему? Обычно, мой друг, выбирают самых достойных. Ты вот тоже показался мне привлекательным за короткое время пребывания рядом с моим сосудом. Я отметил некоторую решительность в твоих действиях, даже азарт. Ты не лишен здравого смысла и, возможно, смекалки. Есть, конечно, еще одна причина. Небольшая.

– Какая причина?

– Кроме тебя выбирать было некого.

'Н-да. Небольшая причина. Похоже, что он все-таки издевается, расхваливая мои достоинства, как издевался до этого, – с некоторой горечью признался себе Виктор. – И суть-то происходящего еще не ясна'.

– Но зачем тебе понадобилось перебираться сюда? – Антипов до этого момента не догадывался, насколько он любознателен. Теперь же интерес к происходящему просто распирал его.

– У меня не было другого выхода. Благодаря тебе разрушился сосуд, и мир сразу же открылся мне. Пришлось бежать.

Вопросы роились в голове студента. Ему хотелось знать все. Что из себя представляет Арес, почему он бежал, отчего не сделал этого раньше, где он находился до обнаружения храма, в чем роль его, Виктора. Но, к огромному разочарованию, у собеседника появились свои идеи насчет разговора.

– Теперь мой черед спрашивать, – внезапно заявил голос. – Ты еще успеешь узнать все, что хочешь. Завтра или в другие дни. А вот мне нужно решить кое-что с тобой, пока есть время.

– Что решить? – спросил Антипов.

– Ты молодец, – снова похвалил голос. – Быстро свыкся с ситуацией, не боишься задавать вопросы. Так вот, вскоре сюда придут. Вооруженные люди. Человек двадцать. Третий день уже ходят. Не думаю, что тебе нужно встречаться с ними. Поэтому отвечай быстро и четко.

– Двадцать человек? – ничего подобного в памяти Ролта не было. Люди через лес обычно не ходили.

– Да. Лазутчики. Одна группа идет на север, а вскоре другая, такая же, возвращается оттуда. Полагаю, они сменяют друг друга

в засаде.

– В засаде на дороге? – здесь память Ролта не подвела. Севернее от опушки находился большой тракт, соединяющий баронский замок с ближайшим городом.

– Может быть. Я не вижу так далеко. Но это пока неважно. Теперь отвечай. В каком теле ты оказался?

– Вот в этом, – недоуменно развел руками Виктор.

– Это я сам знаю. Кому оно принадлежало?

– Ролту. Сыну лесоруба.

– Крестьянин, значит. Не воин?

– Нет.

– Жаль. Где ты живешь сейчас?

– В замке. Это такая постройка с крепостными стенами.

– Я знаю, что такое замок, мой друг, – голос Ареса был наполнен безграничным терпением. – Твоей жизни там что-нибудь угрожает?

– Нет. Не думаю. Если соблюдать правила….

– Соблюдай! Ты мне нужен живым. Понятно?

– Да…. А зачем?

– Все-таки ты много вопросов задаешь. Потом узнаешь. Что Ролту известно об этом мире? Ты получил его память?

– Получил. Но известно мало что. Он ведь был просто дурачком.

– Дурачком? Похоже, что в этом нам не очень повезло. Хотя я подозревал что-то подобное. Слишком уж простым все выглядело. Ладно, могло быть и хуже. В прежнем мире ты чем занимался?

– Учился.

– На кого?

– На… географа.

– А это кто?

– Ну… путешественник.

На поляну опять вернулась тишина. Виктор на этот раз не спешил нарушать ее, но готов был поклясться, что Арес онемел от изумления. Прошло несколько секунд, прежде чем раздался очередной вопрос.

– У вас там учатся путешествовать?

– Не совсем так. Не все географы путешествуют сами. Многие просто работают с картами, например. Снова пауза. На этот раз не такая длинная, как предыдущая.

– Мы еще вернемся к этому вопросу, – зловеще пообещал голос. – А ты-то сам сражался? Много выиграл схваток? Побеждал ли героев?

Если бы кто-нибудь спросил у Виктора раньше, побеждал он героев или нет, то услышал бы твердое 'да' с перечислением

подробностей в зависимости от настроения. О, Антипов живописал бы свои подвиги, в которых герои, добрые и не очень, падали как подкошенные под его могучими ударами. Там обязательно была бы прекрасная девушка, последовательно похищаемая героями друг у друга, а Виктор шел бы по ее следу и разил, разил врагов безостановочно. В конце рассказа девушка, несомненно, подарила бы ему свою любовь, если бы не оказалась обладательницей не совсем нормальной сексуальной ориентации. Эту категорию женщин Антипов не находил полезной, но под влиянием вдохновения мог бы поместить в историю. Но тогда девушке пришлось бы умереть в ходе последней эпической битвы. Однако, к сожалению, невидимый собеседник, похоже, интересовался заданным вопросом всерьез.

– Нет, не думаю, что я сражался, – осторожно ответил Виктор. – Дрался разве что. Вот это было.

– На чем дрался? – тут же уточнил собеседник.

– Кулаками и иногда ногами, – Антипов попытался объяснить как можно более подробно, проникнувшись интересом Ареса.

– Сколько раз? – теперь в голосе не было даже намека на насмешку.

– Не знаю… не считал.

– Побеждал часто?

– Не очень.

– Я так и думал…. Но ничего, мой друг, ничего. У нас есть время. Я еще успею сделать из тебя бойца.

– Бойца? – удивился Виктор.

– Да. Не хочешь же ты быть лесорубом? – в самом тоне вопроса заключался ответ. Отрицательный.

– Я вообще-то домой хочу, – честно признался Антипов.

Глава 5.

Виктор возвращался в замок в расстроенных чувствах. Он совсем не то ожидал найти на опушке. Бывший студент и сам не знал, что там будет, но явно не то, что встретил. Он шел, уже не обращая внимания ни на птиц, ни на облака, ни на траву. Все многообразие его эмоций сменилось одной большой растерянностью.

'Я влип, похоже, больше, чем думал, – размышлял Виктор. – Мало того, что оказался в каком-то средневековье на должности батрака, так еще выяснилось, что Арес тому виной. Тот самый Арес! Невозможно представить. А какая ехидная личность…. Ну, постоял я немного у дерева, погоревал, так что, меня нужно полчаса обсмеивать из-за этого? Наверное, наловчился за тысячелетия шутить вот таким дурацким образом. А может быть ему просто скучно было или он вообще спятил? Ведь долго сидел в амфоре, так понимаю. Возможно несколько сотен лет, как минимум. Нужно спросить потом, сколько же. Я бы свихнулся уже на второй день.'

Антипов шел по лесу, ветки деревьев били его по лицу, но он был так поглощен раздумьями, что не замечал этого.

'Вот будет занятно, если он спятил. Что мне делать с безумным богом войны? Хотя что это я…. Мне даже неизвестно, что делать с нормальным! Он ведь заторопился и ничего не рассказал толком. Будем надеяться, что завтра расскажет, надо только пораньше прийти, чтобы с теми лазутчиками не столкнуться'.

Виктор резко остановился. Мысль о лазутчиках не понравилась еще больше, чем размышления о странном боге. Память Ролта не просто утверждала, что их тут не должно быть, а самым решительным образом требовала сигнализировать о появлении потенциального врага кому надо, а именно – страже баронского замка. Все-таки Ролт – человек барона, живущий практически в его доме. Было жаль, что из-за спешки не удалось расспросить Ареса подробней о засаде на тракте.

'Похоже, что в моей жизни намечается очередное то ли приключение, то ли похуже. Стану Матой Хари. Она, правда, была женщиной и разведчицей, а я буду мужчиной и контрразведчиком. Если все пройдет как надо, может быть и награда от барона перепадет. Пора думать о карьере, раз уж я здесь задерживаюсь. Из батраков – в прорабы! Чем не девиз? Кстати, нужно подумать, что именно рассказывать. Я-то этих самых лазутчиков не видел. Вдруг подробно расспрашивать

начнут? Может сказать, что видел лишь тропинку, вытоптанную ими? Засмеют ведь. Вдруг тропинка животными оставлена? Опять-таки, как по тропинке определить, что там двадцать человек прошло? Ролт – не Шерлок Холмс. Сказать, что видел их сам, а если расспрашивать будут, прикинуться безумцем? Тут – дело тонкое, могут вообще не поверить. Но постараюсь. На месте будет ясно, что и как говорить.'

С этими не совсем радостными мыслями озабоченный и исцарапанный Виктор снова двинулся в путь. Он успел подумать о многом, но в большинстве случаев так и не пришел к какому-либо выводу. Например, поразмыслив о том, что из себя представляет Арес, решительно отодвинул эту тему на потом, попытался спрогнозировать, что же богу войны нужно от него, Антипова, но потерпел фиаско, а затем обмозговал новую идею: поведение невидимого собеседника было единственно верным в данной ситуации. Эта мысль пронзила его как стрела. Виктор, в принципе, был неглупым парнем, а иногда вообще показывал чудеса догадливости. Похоже, что к подобным чудесам и относилось такое предположение.

'Смотри-ка, господин Калиостро, интересно получается, – думал Антипов, – если бы Арес вел себя иначе, то разве сумел бы так быстро привести меня в чувство? Вот, допустим, он был бы суров и немногословен. К чему бы это привело? К появлению упрямого осла в виде бывшего географа. Уж я-то себя знаю. Да если бы он мне начал сразу же давать указания, то сколько бы времени ему понадобилось на то, чтобы вывести меня из депрессии и заставить поверить в него? А общайся Арес мило и вкрадчиво, то я бы точно решил, что спятил. Однако! Этот товарищ, похоже, не так прост. И ведь он со мной заговорил не сразу. А лишь потом, когда я уже готовился уходить. Присматривался! Точно, присматривался…. Все-таки он в своем уме, что бы это ни означало'.

Виктор уже давно вышел из леса и медленно брел по проселочной дороге в сторону замка. Его совершенно не волновал отец, который обязательно рассердится из-за того, что бывший дурачок Ролт куда-то ушел в гордом одиночестве. Антипов знал, что выкрутится, у него и без того хватало тем для размышлений.

Так и не получивший вожделенный диплом географ отвлекся только тогда, когда заметил впереди на пустынной дороге препятствие – стоящую телегу до верху заполненную сеном и запряженную лошадью. Подойдя поближе, Виктор опознал и возницу – пожилого мужичка, который жил неподалеку от замка. Память Ролта хранила весьма смутное воспоминание об имени мужичка, но зато очень отчетливое о том, что тот к Ролту

относился не очень хорошо.

Приблизившись к телеге, Антипов нацепил на себя одну из самых любезных своих улыбок.

– Что везешь, старик? – доброжелательно спросил он, трогая душистое сено.

Мужичок, возившийся с колесом, только сейчас заметил прохожего. Он распрямился и бросил на Виктора внимательный взгляд. Настороженность тут же ушла с его лица, стоило только ему узнать говорящего.

– А, это ты, Ролт, – в голосе прозвучало разочарование. – Сено везу, не видишь, что ли?

'Похоже, сын лесоруба популярен, – с удовлетворением подумал бывший студент. – Его знают даже те, кого он не знает толком. Вот она – слава. Жаль, что однобокая. Но мы это поправим'.

– Врун ты, – сказал Виктор. – И не стыдно лгать вот этим прекрасным днем, да еще и рядом с замком господина барона? Седина вон в волосах, а туда же… все норовят обмануть бедного Ролта.

От неожиданных обвинений мужик настолько опешил, что отпустил колесо, которое крепко держал. Оно тут же завалилось набок, а телега опасно наклонилась.

– Почему это я врун?! Ты что тут мелешь?!

– Врун, а еще наглый, – печально подытожил Виктор. – Ты ничего не везешь. Ты стоишь.

Мужик открыл рот, чтобы извлечь из него достойный ответ, но быстро закрыл за ненадобностью.

– Что случилось-то? – сжалился добросердечный Антипов. – Поломалось что?

Мужик засопел, наклонился, поднял колесо и снова принялся прилаживать его на место.

– Шкворень выпал. Клин такой, который колесо на оси держит. А найти его не смог. Ясно тебе?

– Ясно, отчего же не ясно, – пожал плечами Виктор. – Может, помочь чем?

– Что-то ты не такой, как был раньше, – с вновь вспыхнувшим подозрением старик уставился на собеседника. – Я ведь видел тебя несколько раз, говорил с тобой…. Ты не похож на себя!

'Ну еще бы, видел он меня, – подумал Антипов. – Года два назад попытался обманом выманить лезвие пилы, которое Ролт нес к кузнецу на починку. Жулик!'

– Так это меня по голове приложило, – охотно пояснил бывший студент. – Уже весь замок знает.

– Чем приложило-то?

– Бо-ольшим деревом, которое мы с отцом срубили.

– А, вон оно как. А чем ты помочь-то можешь? В замок сбегать за новым шкворнем? Так я с вашим плотником не расплачусь. Дорого берет. Да и колесо необычное. Его сначала замерить нужно.

Взгляд мужичка упал на топор, которые висел за кожаным ремнем Виктора. Мысль, быстрая, как молния, мелькнула в глазах старичка.

– Слушай, Ролт, а может ты мне сейчас вырубишь шкворень? Хотя бы временный, а? Вон и деревяшка есть подходящая. Ты же лесоруб, знаешь как с инструментом обращаться. Тут ведь работа тонкая.

Виктор сделал вид, что раздумывает и даже поднял глаза к небу. Хотя почему сделал вид? Он на самом деле раздумывал.

'Вот и настал момент истины. Пока что самый первый момент, – размышлял Антипов. – Местным словам-то я научился. Это легко. А вот сумею ли работать, как это делал Ролт? Кто его знает. Если не сумею, то выглядеть это будет странно. Надо попробовать, но не сейчас. А сделать это так, чтобы никто не видел возможного провала. Сразу же по возвращению в замок. А от пронырливого старикана как избавиться? Отказаться без причины? Нет, с такими жуликами так нельзя. Нужно осторожнее'.

– Пять медяков! – изрек вердикт Виктор, опуская глаза на собеседника.

– Что?! – старикашка аж подпрыгнул. – Да ты что?! Такую цену за клин ломить?!

– Пять медяков и не меньше! – решительно заявил студент. – Вот у меня пять пальцев на руке – на каждый по медяку!

– Д-да… ты… ты чего?! Пять медяков?!

– А ты что, думал, Ролт бесплатно работать будет? – с достоинством спросил Виктор, подражая некогда виденному им второстепенному актеру, играющему королей с использованием одной-двух реплик. – Ролт бесплатно не работает! Не хочешь платить – не надо. Оставайся тут, а я там скажу в замке, что ты застрял. Может быть кто-нибудь придет тебе на помощь. К вечеру.

'Избавился, ух', – с удовлетворением подумал Антипов, огибая телегу. Но не успел он сделать и десяти шагов по направлению к замку, как настырный старикашка снова окликнул его.

– Эй! Три! Три медяка!

– Я считать не умею, – гордо заявил Виктор. – Знаю, что пять – это пальцы на руке. А сколько три – не знаю. До встречи, старик.

Он прошел еще немного, но мужик вновь закричал, на этот раз с отчаянием в голосе:

– Пять! Пять, душегуб! Но чтобы клин получился хороший! Чтобы долго служил! 'Вот же зараза! – подумал Виктор. – Нужно было десять просить'.

– Ты что оглох, Ролт?! Я же согласился на пять! Куда пошел?! А ну, возвращайся! Сам сказал, что пять! Выполняй обещанную работу!

'Нет, двадцать нужно было просить, двадцать, не меньше', – Антипов нехотя развернулся и величаво направился обратно к собеседнику, брызжущему слюной.

– Где там твоя деревяшка? – поинтересовался Виктор, лелея надежду, что она окажется неподходящей и можно будет забраковать материал.

– Вот она, смотри! – старик протянул ему толстое полено, которое извлек откуда-то со дна телеги.

– Но оно же большое, – раскритиковал заготовку Антипов, уже понимая, что отвертеться не получится.

– Ничего, снимешь лишнее. Мне не жалко.

Студент деловито осмотрел полено. Если бы за осмотр материала заказчика давали профессиональные премии, то он бы занял одно из первых мест.

– Три медяка задаток! – ухватился за последний шанс Виктор. – Три вперед, а два потом!

– Чего?! – опять взвился старик. – Да где это видано, чтобы платили, когда работа не готова?! И материал-то мой!

– Ничего не знаю. Три вперед, два потом. Или прощай.

– Погодь! Ты же считать не умеешь, – спохватился мужик.

'И как появляются на свет такие проныры? – возмутился про себя Виктор. – Все-то ему надо, все-то он помнит. Прикинуться дурачком? Да пошел он!'

– Мое умение считать зависит от цены на товар, – важно изрек Антипов. – Ты платишь или что?

Если на старикана и произвела впечатление последняя фраза, то перспектива расставания с тремя монетами оказала еще большее влияние. Он насупился и снова зашарил в глубине телеги. Через несколько секунд на свет появился видавший виды то ли кошель, то ли небольшой мешок. Мужик уже давно бросил злосчастное колесо на произвол судьбы и теперь, развязав веревку, достал оттуда три небольших затасканных монетки с зеленоватым отливом.

– Бери, душегуб! – старик буквально насильно засунул деньги в руку собеседника. – Бери и делай! Мне сегодня еще четыре ходки предстоят.

Незаметно вздохнув, Виктор потянул топор из-за пояса. В своей прежней жизни заниматься столярным трудом ему не приходилось. Разве что в далеком детстве пытался рубить дрова, когда гостил у родственников в деревне. Осталось уповать лишь на то, что мастерство Ролта тоже перешло к нему по наследству.

Он осмотрел бревно снова, на этот раз внимательно. Потом взглянул на колесо и ось телеги, прикидывая, какой размер клина нужен, и покрепче сжав рукоятку топора, принялся за работу.

Подлый старик так и норовил посмотреть, как идет дело, но Виктор неизменно поворачивался к нему спиной, скрывая происходящее. Процесс вырубания клина из полена сначала продвигался плохо. Антипов пытался вспомнить собственные навыки, которых в наличии имелось ограниченное количество. Он чуть не расколол бревно напополам, а потом пару раз промахнулся так, что топор просвистел в сантиметре от ноги.

'Нет, так дело не пойдет, – думал Виктор, продолжая крутиться на месте. – Я слышал, что есть такое понятие как двигательная память и теперь вижу, что она отличается от обычных воспоминаний. Как же мне закончить эту работу? Эх, нужно было сказать, что тороплюсь в замок с важным сообщением. Хорошие мысли всегда поздно приходят в голову. Или сейчас сказать? Нет, нужно закончить. Бревно слишком уж искромсано. Если его увидит отец Ролта, то возникнут вопросы. А старикан именно к нему побежит жаловаться, даже если деньги верну'.

Антипов заметил, что ему удалось нанести пару удачных ударов, пребывая в состоянии глубокой задумчивости. Он попытался повторить их, но чуть не отрубил себе пальцы на руке.

'Вот ведь странно, когда я не думаю о работе, она, похоже, получается. Может быть просто поставить цель, а размышлять о чем-то другом? О птичках, например, рыбках, магах, Аресе, бароне, отце Ролта, мужчинах, не умеющих правильно оценивать свой труд…. Смотри, получается. Получается же!' Топор 'сорвался' и снова пролетел на небольшом расстоянии от ноги.

'Нет, нельзя отвлекаться. Или наоборот – нужно отвлекаться. Но как? Помножить в уме триста двадцать шесть на сто четырнадцать? Ну же, попробуем, господин Ферма'.

Вопреки зловещим ожиданиям Виктора, работа не заняла много времени. Меньше получаса по приблизительной оценке. Стоило ему отключить свое внимание и все пошло как по маслу. Ролт в самом деле мастерски владел топором. Что неудивительно – он пользовался им каждый день, начиная с самого детства. Клин получился вполне приличный.

– Ну что же, старик, попробуем поставить колесо на место, –

Антипов вертел в руках деталь и любовался ею. Это было первое его функциональное и нужное произведение, доведенное до конца, включая никчемные поделки на школьных уроках труда.

Мужичок, имя которого так и осталось неизвестным, потянулся за вожделенной деталью, однако Виктор быстро спрятал руку с ней за спину.

– Еще две монеты давай!

– Так не проверили же! Вдруг не подойдет?

– Подойдет, старик, чувствую, что подойдет, – теперь Антипов был полон веры в себя. Окажись он дома, то обязательно бы увлекся новым делом: вырезанием больших скульптур из дерева. Возможно, это слегка поправило бы его финансовое положение.

Мужик скептически хмыкнул, но увидев, что Ролт не собирается отдавать деталь, снова полез в кошель и вытащил оттуда еще две монетки. Виктор взял их и спрятал туда же, куда и первые – между двух кожаных ремней, образующих его пояс.

'Если уж начал изображать жадность, то нужно идти до конца, – подумал бывший студент. – Жадность – понятие общечеловеческое, удивления нигде не вызывает. Кстати, было бы неплохо карманы изобрести, а то тут деньги носят либо в поясе, либо в кошеле. Неудобно, господин Ив Сен Лоран'.

– Ну вот, теперь можно и колесо на место ставить, – с удовлетворением произнес Виктор. – Навались!

Он сделал вид, что пытается поднять телегу, а когда мужичок пришел к нему на помощь, тут же разжал руки, так что вся тяжесть легла на собеседника.

– Теперь колесо на ось наденем, – Антипов поднял колесо с земли, но этим его помощь и ограничилась. Пыхтящий старикан надевал его сам, одновременно удерживая телегу.

– Отлично! С этим мы справились, – похвалился Виктор. – Будем клин ставить.

Он нацелил изделие на отверстие в центре колеса и одним точным ударом обуха топора дослал его до упора. Клин стал как влитой.

– Вот так-то, старик, – сказал Антипов. – Что бы ты делал без меня? Едешь в замок сейчас?

– А куда же еще? – проворчал мужичок, придирчиво пробуя, хорошо ли стало колесо.

– В замок – так в замок, – ответил Виктор, забираясь на верхушку сена. – Поехали!

– А ты чего там расселся? – поразился такой наглости старикан. – Это же моя телега! А ну, слезай. Или плати!

'Ах, он хочет перейти целиком на товарно-денежные

отношения, – подумал бывший студент. – Ну, это можно'.

– Ты не только врун, но и бессовестный тип! Я тут старался, спину гнул на тебя. Думаешь, телегу поднимал бесплатно? А колесо ставил? В нашем договоре была только деталь. Я ее сделал. А ну, плати за остальное, а то не слезу.

– Сиди уже, – махнул рукой мужичок. – Эх, в худшую сторону ты изменился, в худшую. Раньше был таким покладистым, сговорчивым….

'Да уж, сговорчивым, на радость таким жуликам, как ты. Но погоди, я вас всех помню. Ролт помнит, конечно'.

– Поторапливайся, старик. Мне в замок надо побыстрее, задержался я тут с тобой. Но не могу не помочь человеку в беде. Что поделать, натура у меня такая. Добрая, сострадательная.

В замок они добрались быстро – застоявшаяся лошадка припустила резвым шагом. Виктору нравилось лежать на сене. Запах напоминал о чем-то родном, словно он, маленький мальчик, опять приехал к родственникам в деревню и коротает там дни, вдали от родителей и городской суеты. Время идет неспешно, а каждое новое утро приносит приключения и новые впечатления, которые так ценятся детскими сердцами. Антипов даже слегка задремал, и из полусна его вывел резкий окрик стражника у ворот, адресованный вознице.

Несмотря на расслабленное состояние, Виктор тут же вскочил, как только телега въехала на территорию замка.

– А, вернулся, – приветствовал его стражник-крепыш, Нарпен, дежурящий у ворот. – Молодец, что не потерялся. Кости целыми сохранил.

Бывший студент не обратил внимания на недружелюбный тон солдата. Он повернулся к другому охраннику, долговязому Панте, который относился к Ролту совершенно нейтрально.

– Господин Панта, – сказал Виктор. – Там, в лесу, люди.

– Да ты что? – с издевкой перебил его Нарпен. – В лесу? Люди? Купцы, что ли, с дороги сбились?

– Нет, не купцы. Вооруженные люди. Столько, сколько пальцев на руках и ногах.

– Двадцать, что ли? – уточнил Панта, мгновенно встревожившись. – А где ты их видел?

– Они шли на север. А тропинка-то уже была вытоптана, – начал сочинять Виктор. – Как раз к тракту шли.

– К тракту? А ну, постой-ка тут. Я десятника позову.

Антипов остался в обществе недружелюбного Нарпена, но это не волновало его. Он ждал. Всякое ожидание хорошо тем, что оставляет для предположений самые широкие возможности. Когда ждешь, иногда кажется, что многое изменится: ближайшие

планы, внутренние ощущения или даже сама жизнь. И часто неважно, кого вот-вот встретишь – человек ждет не приятеля, начальника или любовницу, а лишь будущего себя, обновленного и улучшенного.

Десятник Нурия оказался именно таким, каким его помнил Ролт. Жилистый мужчина среднего роста с постоянным прищуром глаз, которые, казалось, выискивали тайного или явного врага и были готовы указать на него натруженным рукам. Десятники барона не отличались образованностью, но в плане боевых качеств им трудно подыскать равных.

– Кого ты там встретил, Ролт? – голос Нурия очень напоминал карканье ворона. – Что это за сказки мне Панта рассказывает?

– Господин десятник! – попытался отрапортовать Виктор. – Мной замечен вооруженный отряд численностью в двадцать человек, направляющийся к тракту через лес. Отряд классифицирован как потенциально опасный. Предполагаемая задача – организация засады у тракта. Принадлежность к определенному противнику не установлена. Доложил… гм… лесоруб Ролт. Доклад окончен!

Антипов изо всех сил надеялся, что доклад, выглядящий здесь дурацким, собьет слушателей с толку и никто не будет дальше особенно расспрашивать убогого. Детали губили и не таких рассказчиков.

– Чего? Ты как-то странно говоришь. С тобой все в порядке, парень? – озабоченно спросил Нурия.

– Так точно! Голова после удара деревом уже не болит, – обрадовался было Виктор тому, что доклад принес свои первые плоды.

– Ты это что про засаду несешь? Тебе почудилось? Показалось? Если так, то лучше признайся. Я прощу. Ты больной все-таки.

– Никак нет, господин десятник! Не почудилось! Озабоченность на лице Нурия усилилась.

– Вот что, – сказал он, обращаясь к стражникам. – Я сейчас возьму еще пару человек и мы с Ролтом съездим в лес. Пусть следы покажет. А то сообщу сотнику, а окажется, что парень наврал. А вы – никого не выпускать, пока не вернусь. Никого! Понятно?

– Как никого, десятник? – удивился Пента. – А господина барона?

– Его тоже не выпускать. Объяснить и не выпускать. На днях хозяйская дочка в город собиралась. Через тракт, конечно.

Стражники переглянулись. Ситуация приобретала весьма

серьезный характер. Если кто-то хотел нанести удар по господину барону, то похищение его единственной дочери – самый верный шаг.

– Ты верхом ездить умеешь? – поинтересовался десятник у Виктора.

– Ну… так себе. Если не быстро, то да, – Ролт катался на лошадях несколько раз. Не ездил, а именно катался. Без седла и стремян.

– Не боись, парень, я тебе смирную кобылку дам, – десятник от души хлопнул Антипова по плечу, от чего тот слегка присел. – Ну-ка, пойдем к конюшням. А по пути рассказывай, парень, рассказывай!

– Что рассказывать, господин десятник? – поинтересовался Виктор, подозревая самое худшее.

– Опиши этих воинов. В чем одеты, какое вооружение, были ли среди них трехрукие.

'Поздравляю соврамши, господин профессиональный свидетель, – с тоской подумал бывший студент. – Вот оно, началось. Я ведь знал, что так будет! Сбить с толку дурацким рапортом не удалось, да и глупо было на это надеяться. Что же ему расскажу, если их не видел? Эх, Ареса не было времени подробнее расспросить. И следы еще искать придется…. Найду ли их? Может стоило вообще промолчать? Нет, молчать нельзя. Пока живу в этом замке, нужно же хоть какую-то помощь оказывать. А то вдруг после этой засады будет очередной штурм с требушетами? Огненные шары над головой – это что-то. Ну, я влип. Спасибо, Арес, удружил с этим перемещением сюда'.

– Ну… оружие было такое… обычное. Плащи – зеленые. А трехруких не заметил. Может быть и были, но я не присматривался.

– Зеленые плащи? – искренне удивился десятник. – Почему зеленые-то?! И как ты мог не заметить трехруких, если даже сумел всех сосчитать? 'Спасибо, 'мой друг' Арес'.

– Зеленые плащи – это чтобы на фоне листвы быть незаметными, – авторитетно заявил Виктор. – Маскировка, господин десятник. А насчет трехруких ничего сказать не могу. Потому что не знаю точно, как они должны выглядеть.

Вот последнее было чистой правдой: в голове Ролта царила большая путаница относительно магов и их разновидности – трехруких. Или маги были разновидностью трехруких? Антипов не знал ответ на этот вопрос.

– Были ли у кого-нибудь два меча и щит? – продолжал допытываться Нурия. – Или меч, щит и палица? Или щит и два каких-нибудь орудия атаки, которые обычный человек не может

использовать одновременно со щитом?

– Может быть и были, господин десятник, – рассудительно заметил Виктор. – Но я их под плащами не заметил.

– Парень, что ты несешь?! Под какими еще плащами?

– Под зелеными, господин десятник.

– Похоже, что зря мы съездим, – разочарованно сказал Нурия. – Что-то с твоей головой не так.

'Вот именно это я и пытаюсь донести. Только до кое-кого медленно доходит, – подумал Антипов. – А то пристал с расспросами, понимаешь.'

– Но все равно съедить надо, парень. Мне так будет спокойнее.

– Мне тоже, господин десятник.

Глава 6.

Десятник не обманул – кобыла действительно оказалась смирной. В том смысле, что она еле плелась за остальными, а на попытки ускорить ее с помощью прихлеста поводьев реагировала очень слабо. Если Виктор настаивал и бил лошадь по крупу рукой, то она слегка подпрыгивала, не увеличивая скорости. После третьего прыжка Виктор, с трудом удержавшийся в седле, отказался от подобных методов стимуляции. Его утешало лишь то, что лошадь все-таки старалась не очень сильно отставать от десятника и двух солдат, ехавших впереди.

С печалью глядя на безупречную выправку воинов, Антипов думал о том, что ему до такого еще расти и расти. Он-то держался в седле не очень прямо. Ситуацию ухудшало еще и то, что Виктору расти в этом направлении не хотелось.

Десятник почти всю дорогу не беспокоил его расспросами, чему бывший студент был очень рад. В полном молчании небольшой отряд достиг леса и только тогда Нурия, остановившись, обернулся к нему:

– Далеко отсюда?

– Нет, совсем немного, – ответил Виктор.

– Спешимся и пойдем.

Солдаты наскоро привязали лошадей к нижним ветвям деревьев, показав пример Ролту, и углубились в лес.

– Веди, – сказал десятник, пропуская сына лесоруба вперед.

Путь до поляны был привычен, им ходил не только Ролт, но даже и сам Антипов. Теперь очарование леса оставило его равнодушным, – люди быстро привыкают к прекрасному, если у них нет излишков времени. Проводник думал лишь об одном – как бы отыскать тропинку, которую никогда и в глаза не видел.

'Вот оно – испытание, господин навигатор, – Виктор очень хотелось выругаться вслух, но он сдерживался. – Теперь решается важный вопрос: кто он, Ролт? Безумный паяц, чьим словам никто не станет верить, или просто полезный клоун-неудачник, падающий в грязь не для того, чтобы вызывать смех, а чтобы впитать в себя лужу, по которой вот-вот пройдут нормальные здравомыслящие люди. Хотя нет! Есть еще и третий вариант. Ролт – перспективное и выздоравливающее молодое поколение. Вот этого варианта и хотелось бы придерживаться. Для чего нужен сущий пустяк: найти тропинку как можно быстрее. До того, как солдаты разочаруются во мне или еще хуже – найдут ее раньше меня'.

– Нужно идти вон туда, господин десятник, – Антипов махнул

рукой в сторону поляны. – Следы там.

– Так, разговоры прекратить, двигаться тихо, – начал распоряжаться Нурия. – Если здесь поблизости кто-то есть, то нам не нужно привлекать их внимание. Ролт молча ищет тропинку и молча показывает на нее нам. Все понятно?

Оба солдата кивнули, а Виктор, ссутулившись, двинулся вперед. Он шел по мягкой земле, старательно обходя сухие ветки. У него было подозрение, что искомая тропа может оказаться и вне поляны, тогда ни в коем случае нельзя упустить шанса случайно обнаружить ее.

Несмотря на предельную внимательность, найти ничего не удалось, и Антипов ступил на поляну еще более озабоченным, чем был до этого. Он быстро огляделся, словно пытаясь найти следы присутствия Ареса, но бог молчал и не подавал никаких знаков.

'Будем рассуждать, господин следопыт Зоркое Ухо, – подумал Виктор. – Когда я пришел сюда сегодня утром, то сделал несколько кругов по поляне. Арес утверждал, что лазутчики уже проходили несколько раз, но я тропинки не заметил. А ведь двадцать человек, неоднократно потоптавшись, просто должны оставить на земле какие-то следы! Получается что? Тропа там, где я не проходил. Скорее всего рядом с поляной, но с другой стороны'.

Он показал рукой на противоположную часть опушки, дескать, туда надо, туда. Нурия кивнул и двинулся за ним. Антипов шел с видом делового человека, точно знающего, куда он направляется и с какой целью. Так, по представлениям Виктора, ходят секретари министров, когда с одухотворенным лицом спешат сообщить кому-то номер анонимного счета в швейцарском банке.

Бывший студент решительно пересек поляну и углубился в заросли. Он набрал немаленькую скорость. Ему очень хотелось отыскать тропинку как можно быстрее, до того, как солдаты начнут подозревать, что он водит их за нос.

Виктор бросился в одни кусты, потом в другие, проскользнул под низко свисающими ветками, тут же вернулся обратно, чтобы прыгнуть за какой-то ствол. Десятник Нурия и солдаты остановились и с растущей настороженностью наблюдали за действиями проводника. Антипов же носился между деревьями как белка, он даже не пытался соблюдать тишину – сейчас было важнее найти следы, а дальше – будь что будет.

Десятник озадаченно переглянулся с солдатами: им не понравилось происходящее. Немного подождав, он поднял руку, призывая сына лесоруба остановиться.

'Ага, разогнался, – подумал Виктор, делая вид, что ничего не замечает. – Нет уж, отсюда мы уйдем либо обнаружив проклятую тропинку, либо ты меня унесешь с собой. Но для этого сначала попробуй поймать в этих зарослях!'

– Иди сюда, Ролт, – тихо сказал, почти прошептал Нурия.

'И где эти следы? Где? – возмущался Антипов, и не подумав снизить скорость. – Если они сейчас не найдутся, то солдаты и впрямь меня ловить начнут. Интересно, у них тут смирительные рубашки есть или они веревками обойдутся?'

– Здесь они проходили, господин десятник, – свистящим шепотом ответил Виктор. – Или там… а может быть – вон там. Я сейчас гляну. Только туда и обратно! Нурия крепко сжал челюсти, его губы превратились в тонкую полоску.

– Иди сюда, Ролт, – повторил он и в его голосе было что-то такое, от чего сын лесоруба немедленно бы бросил все и прибежал. Но проблема заключалась в том, что Антипов не был сыном лесоруба. Он еще не ощутил ни прелести баронских плетей, ни кандалов, ни темницы. Виктор оценил уровень угрозы, но подчиняться не спешил.

– Сейчас, сейчас, господин десятник. Вот только посмотрю за теми кустами. Может быть там тропинка.

'Все, обратного хода нет, – подумал проводник. – Или я сейчас найду следы лазутчиков или потом следы появятся на всем моем теле. Нурия взбешен. И чего меня потянуло рассказать об этих воинах, чтоб их! Но нет… нельзя не рассказать. Вдруг на самом деле на баронскую дочку охотятся? Я эти расклады знаю: сначала дочка, потом замок, потом Кушарь, а потом и я собственной персоной. Начитался книг на свою голову…. Где же эта проклятущая тропа?!'

Краем глаза он заметил, как десятник сделал какое-то движение в его направлении. Виктор тут же метнулся в очередные кусты, у него даже мелькнула мысль вообще убежать в лес и переждать там, пока гнев Нурия спадет. Антипов был уже довольно близок от реализации этого плана, как вдруг какой-то желудь больно ударил его по голове и откатился в сторону. Машинально проследив за ним глазами, бывший студент на миг остолбенел и был уже готов разразиться радостным криком, как вдруг чья-то мощная рука схватила его за плечо и сжала. Лицо Виктора исказилось болезненной гримасой. Он обернулся и увидел белое от ярости лицо десятника. Нужно было что-то немедленно предпринимать! Бывший студент вытянул руку вперед и одними губами прошептал 'Вон там'. Нурия бросил взгляд в указанном направлении и Антипов с облегчением ощутил, как рука разжимается.

Десятник решительно отодвинул проводника в сторону и подошел к желудю поближе. Впрочем, Виктор знал, что Нурия приблизился отнюдь не к желудю, а к довольно приметной тропинке, вытоптанной совсем недавно.

– Раздери меня демоны, – тихо выругался десятник, присев на корточки. – Парень-то прав! Здесь шли люди. И много! Десять минимум, а то и все двадцать.

За его спиной тут же оказались солдаты. Они тоже встревоженно всматривались в следы.

– Ролт, оставайся здесь, – прошептал десятник. – Мы с ребятами немного пройдемся…. Неужели они засели возле тракта?

– Но…, – хотел возразить Виктор.

– Молчи! – приказал Нурия. – Тихо жди тут. Мы сейчас, быстро. К самой засаде не пойдем, нужно лишь убедиться, что тропинка никуда не сворачивает. Он сделал знак солдатам и те медленно и бесшумно направились за ним.

'Вот что значит выучка, – подумал Виктор, глядя как три силуэта исчезают в зарослях. – Надо же так двигаться! Ничего не слышно! Идут как мой кот за колбасой на столе. Ну ладно… эти ушли, а мне что тут делать? С Аресом опять пообщаться, что ли? Интересно, это он бросил в меня желудь или случайно все получилось?'

– Арес, – тихо позвал Антипов. – Ты тут? Ответом был лишь шелест листвы.

– Арес, – снова попробовал бывший студент. Снова молчание.

'Вот же упрямое существо, – мысли Виктора были полны досады. – Не дозовешься! Ненавижу, когда обращаюсь к кому-то, а он не отвечает. Глухим притворяется? Или… или есть причины не отвечать?'

После того, как новый житель этого мира понял, что виновник его несчастий, скорее всего, имеет под своими действиями существенное основание, он преисполнился некоторым уважением к странному богу. Хотя чувство уважения редко посещало Антипова. Он был слишком критичен к другим, чтобы думать, что они хоть в чем-то превосходят его. А точнее – его потенциал. Впрочем, иногда жизнь сбивала избыточную уверенность в своих силах и все, что ему оставалось, – довольствоваться самоиронией.

Предчувствия не подвели Виктора. Он пробыл на поляне в одиночестве лишь несколько минут, как внезапно раздался чей-то вскрик, а за ним – лязгающие звуки, весьма напоминающие удары мечей друг о друга. Шум битвы доносился как раз с той стороны, куда ушли солдаты и десятник.

'Вот это номер, – подумал Антипов. – Похоже, они там сражаются. Неужели с двадцатью? Если так, то дело Нурия плохо. Да и мое дело тоже, кажется. Не пора ли убраться отсюда? Или подождать развязки? Хотя бы пока звуки сражения стихнут'.

Бывший студент насторожился. Он внимательно прислушивался к происходящему, встав за толстым деревом. Когда шум умолк, Виктор уже совсем было собрался помчаться со всех ног к замку, чтобы принести плохие вести, как вдруг услышал чей-то приближающийся топот.

'Наши бегут, – мелькнула мысль. – Вот теперь точно пора удирать вместе с ними'.

Новоявленный сын лесоруба осторожно выглянул из-за дерева и увидел стремительно приближающегося к нему незнакомца, человека в коричневой куртке, обшитой блестящими металлическими пластинами. Одновременно с этим откуда-то раздался крик Нурия:

– Держи его, парень! Держи!

Невеселые думы о том, как Виктор будет спешно и стратегически отступать, мгновенно сменились состоянием возбуждения и сопутствующим этому отсутствию почти всяких мыслей. Незнакомец выглядел безоружным, возможно, что он бросил оружие для облегчения бегства. Пожалуй, это было единственное, что подметил Антипов перед тем, как кубарем выкатиться из своей засады под ноги бегущему. Почему он это сделал? Виктор в дальнейшем несколько раз задавал себе этот вопрос, но неизменно приходил к выводу, что сделал потому, что так было надо. На протяжении всей его жизни люди неизменно делились на две категории: свои и чужие. Свой факультет – чужие факультеты, свой университет – чужие университеты, свой город – чужие города. Антипов прочно вобрал в себя убеждение, что своим нужно сначала помочь по мере сил, а потом уже разбираться, кто прав, а кто не очень. Причем, по какому-то нелепому стечению обстоятельств, в подавляющем большинстве случаев в дальнейшем выяснялось, что именно его сторона была неправа.

Как бы там ни было, но выход из-за дерева был удачен. Незнакомец не успел отреагировать на неожиданное препятствие в виде в меру упитанного тела сына лесоруба и, споткнувшись, растянулся на земле, пролетев пару метров. Виктор только хотел приподняться, чтобы по новой оценить обстановку, но мелькнувшая в воздухе фигура помешала этим планам. Бравый десятник перепрыгнул через лежащего Ролта и всем своим весом навалился на неприятеля. Солдаты последовали за ним.

– Руки держи, руки, – зашипел Нурия. – Нет, гад, не уйдешь

теперь. Вяжи его! Солдаты, вытащив откуда-то веревку, начали резво крутить руки пленнику.

– Вот так, – приговаривал десятник. – Быстрее! Хватайте его и пошли! Внезапно он поднял голову и прислушался.

– А кто это смеется? – спросил Нурия, оглядываясь.

На поляне раздавался негромкий смех, доносящийся неизвестно откуда. Солдаты тоже начали осматриваться по сторонам.

– Да что ж такое?! Кто смеется?! – этот вопрос очень взволновал десятника. Он даже немного пробежал туда и обратно, пытаясь установить источник звука. – Ничего не понятно…. Нечисть какая-то! Гм… все стихло…. Нурия вернулся к лежащему на земле пленнику:

– Берем его и пошли. Быстро! Пока остальные не нагрянули! А ты, Ролт, молодец! Не подвел! Хвалю! А теперь – поторапливайтесь!

Солдаты подхватили подмышки незнакомца, поставили его на ноги и начали пинками подгонять в сторону выхода из леса. Виктор устремился за ними. Он не испытывал никаких иллюзий по поводу источника смеха и причин, вызвавших его. Хохот возник в тот самый момент, когда храбрый лесоруб остановил противника ценой пары синяков на своих боках.

'Да что же это происходит, господа цирковые униформисты, – подумал Антипов. – Арес собирается теперь все время надо мной смеяться? Он решил меня перевести из категории обычных артистов в тружеников манежа? Нет, это – плохая тенденция. Хотя, судя по смеху, теперь у меня есть шанс сделать карьеру хотя бы на этом поприще'.

Десятник с солдатами резво дотащили пленника до лошадей, перебросили через седло смирной ролтовской кобылки и с помощью веревок зафиксировали в этом положении.

– Парень, садись позади Нарпа, – распорядился десятник, показывая на одного из солдат. – Нужно торопиться!

Виктор с трудом взгромоздился на круп сзади и, не успел толком закрепиться там, как гонка началась. Солдаты дали шпор коням и вмиг перевели их в галоп. Кобылка изо всех сил старалась не отстать, принуждаемая к этому поводьями, привязанными к луке седла десятника. Голова Антипова тряслась, жесткая кольчуга солдата впивалась в грудь и живот, легко преодолевая преграды в виде легкой накидки воина и рубахи Ролта, но несмотря на это, бывшего студента одолевало любопытство.

– Господин Нарп, – вежливо сказал он примерно на полпути до замка, не справившись со жгучим желанием узнать, что же

произошло. – А где остальные лазутчики? Почему мы лишь одного везем? Солдат оказался словоохотливый.

– Если бы мы встретились с остальными, то везли бы нас, – с хохотком отозвался он. – Просто когда мы шли по тропе, натолкнулись на ручей. Там двое набирали воду. Одного сразу же уложили на месте, а второй попытался бежать. Но хорошо, что побежал прямо на тебя. А то неизвестно, сколько времени бы за ним по лесу гонялись.

– А чего же он к своим не побежал? – поинтересовался Виктор.

– Так десятник сразу же и прыгнул между ним и тропой, ведущей к тракту. Нурия – он матерый волк. Таких не проведешь.

Антипов бросил взгляд на командира, скачущего впереди. По тому, с какой уверенностью десятник держался в седле, периодически бросая на пленника довольные и хищные взгляды, он действительно напоминал Виктору старого волка-вожака, не утратившего хватки и только что получившего хорошую добычу.

'Арес сказал, что хочет сделать из меня воина, – подумал бывший студент. – Это очень любопытственно. Даже если я и соглашусь называться воином, то вопрос будет в том, каким бойцом стану в конечном итоге. Вот этот десятник наверняка с малых лет машет мечом. И между ним и тем, кто машет топором, есть разница. Что-то, господин д'Артаньян, меня берут сомнения, что я когда-нибудь достигну уровня Нурия. Или Арес собирается жульничать? Обойти, так сказать, годы обычного обучения? Но ведь он сам сказал, что сил у него нет. Насколько я понимаю, для любого жульничества все-таки нужны силы. А для хорошего жульничества – ого-го какие! Где он их брать собрался и как?'

Мучимый мыслями и тряской, Виктор въехал во двор замка. К его удивлению, Нурия развил бурную деятельность, не сходя с коня.

– Труби общий сбор! – закричал он Пенте. – Быстро! Быстро! Всех сюда!

Стражник у ворот немедленно метнулся в дверь небольшой деревянной пристройки, примостившейся у крепостной стены, и тут же вернулся обратно, сжимая в руках изогнутую трубу.

– У-у-у! – взревела труба, оглушив находящегося рядом Антипова.

Под этот рев Виктор слез с лошади. Ему хотелось только одного: отойти подальше от эпицентра шума.

Чьи-то руки сорвали пленника с кобылы, куда-то повели лошадей, десятник, уже стоящий на земле, отдавал приказы. Обернувшись, он увидел сына лесоруба и лицо его слегка смягчилось.

– Вот что, парень, – сказал он. – Топай-ка отсюда. Ты молодец, но пошевеливайся. Не путайся под ногами.

– Ухожу, господин десятник, – произнес Антипов и, потирая место, натруженное скачкой, направился в сторону дома.

Уже издалека он наблюдал, как через короткое время из ворот замка готовился выезжать отряд численностью человек в шестьдесят-семьдесят. Пробегавшие мимо солдаты торопили друг друга и высказывали пожелание, чтобы неведомый враг не успел убежать слишком далеко – лишнее подтверждение тому, что новости в замке распространялись стремительно. Виктор видел, как пленника отвели в небольшую темницу, имеющую с казармой общую стену, а около двери поставили часового.

'Чего они тянут с выездом? – подумал Антипов, снова переключив внимание на отряд. – Ждут кого-то?'

Он оказался прав. Из распахнутых внутренних ворот замка на лошади черной масти выехал ан-ун-Укер, ученик мага. Он направился прямо в середину отряда и солдаты сомкнулись вокруг него. Только после этого горн опять взревел и всадники начали выезжать за пределы крепостной стены.

Бывший студент внимательно наблюдал за происходящим. Ему показалось, что мага окружает какая-то сероватая дымка, похожая на утренний туман в низине. Подобное раньше наблюдал и Ролт. О происхождении дымки сыну лесоруба ничего не было известно, но Виктор сделал в своей памяти зарубку – разузнать, что же это такое.

– А, вот ты где! – раздался голос прямо за спиной Антипова, прерывая раздумья по поводу загадочного тумана.

Тот обернулся и увидел Кушаря. Лесоруб был слегка навеселе: его рубаха вылезла из-под ремня, волосы растрепались, а в воздухе возник стойкий аромат перегара.

– Привет, отец! – отозвался Виктор, критически осматривая собеседника. – Что-то ты неважно выглядишь. Так, словно попал в бурю… и много лет не можешь из нее выйти.

– Ты где был?! – насел на него Кушарь, пропуская слова мимо ушей. – Мне сказали, что ты выходил в лес метить деревья!

'Этому миру не нужно радио, – подумал Антипов. – Ни Маркони, ни Попов здесь никогда не родятся. Ибо незачем'.

– Да, отец, был в лесу. Мне очень сильно захотелось посмотреть на то место, где меня придавило.

– Зачем на него смотреть?

– А чтобы понять, что сделал неправильно, и чтобы такого не случилось во второй раз.

Кушарь вздохнул. Видно было, что он еще не привык к новому стилю общения, который демонстрировал его сын.

– Что там понимать-то?! Когда на тебя падает дерево, нужно быстро отскакивать в сторону, а не стоять, раззявив рот!

– Вот это я и хотел выяснить, отец, на что же смотрел тогда, раззявив рот. Просто думал насмотреться на это вдоволь, пока на меня ничто не падает. И в будущем буду в полной безопасности – смотреть-то больше не на что.

Кушарь лишь хмыкнул, внимательно посмотрев на сына мутными, пытающимися сконцентрироваться глазами.

– А Цунала ты зачем ограбил?

– Ограбил? – поразился Виктор. – Я никого не грабил!

– Как же нет, если он ко мне жаловаться прибежал? Сказал, что ты взял у него пять медяков.

– Он мне их заплатил за работу, отец. Я починил его телегу.

– Что починил?

– Шкворень сделал.

– Получился?

– Да, отец, очень хорошо удался.

– Нужно было восемь брать.

– Отец, тогда выходит, что это он меня ограбил? – встревожился Антипов.

Кушарь хмыкнул еще раз и, не говоря больше ни слова, нетвердой походкой поковылял прочь.

'С лесорубом общаться просто, – подумал Виктор. – Вот так бы с Аресом наловчиться. Но всему свое время, господин Демосфен, может быть приспособлюсь как-нибудь'.

Антипов побрел домой, чувствуя голод. Теперь поселок не был таким спокойным, как утром. Выезд отряда взбаламутил всех. Жители бегали туда-сюда, а некоторые просто стояли на улице и оживленно обменивались мнениями о происходящем. На сына лесоруба никто не обращал внимания.

Придя домой, он пошарил в чугунках, стоящих в печи, нашел холодную картошку, съел ее и задумался над тем, не купить ли еще провианта на пять честно заработанных медяков. Он бы немедленно претворил эту мысль в действие, если бы не вспомнил о Ханне. Деньги могли ему понадобиться вечером.

'Ну почему у меня всегда стоит выбор между хорошим питанием и встречей с девушкой? – с тоской подумал бывший студент. – Либо то, либо другое. Ох, если бы женщины не обращали на меня внимания, как бы я поправился!'

Он улегся на топчан и задумался о своей дальнейшей судьбе. Размышления ни к чему конкретному не вели, поэтому Виктор погрузился в легкий сон. Неизвестно, сколько времени он проспал, но его опять разбудили крики за окном. Антипов сел на ложе, потянулся, а потом побрел на улицу. Солнце клонилось к

закату, а утренние события уже казались делом очень давним.

Ветерок коснулся его лица и принес с собой запахи поселка. Кто-то готовил еду и в воздухе витал аромат печеного хлеба, а кто-то что-то мастерил, внося свой вклад в общее дело в виде запаха свежевыструганной древесины. Еще почему-то пахло еловыми шишками и, конечно, вездесущим навозом.

'Хорошо, что хотя бы керосина тут нет, – подумал Виктор. – Стоит только допустить в быт эту чудесную жидкость, как все остальные запахи исчезают'.

Он направился к воротам, чтобы узнать новости. Ажиотаж, вызванный отъездом отряда, по всей видимости, уже спал. Мимо проходили жители замка, озабоченные привычными делами, они уже не переговаривались между собой с нетерпением, словно желая немедленно поделиться новостями. Разговор, если он имел место, тек плавно и неспешно.

Когда Антипов подошел к казарме, то увидел во дворе Нарпа. И удивился этому факту, ведь точно помнил, что солдат выехал вместе с отрядом на поиски лазутчиков. Скромно войдя во двор, Виктор окликнул солдата.

– А, это ты, – произнес тот, взмахнув рукой. – Чего тебе? Еще какие-то известия принес?

– Да нет, господин Нарп, просто хотел узнать, поймали ли вы их.

– Не поймали, Ролт. Не повезло. Видно, когда те двое исчезли, остальные сразу же смекнули, что дело нечисто. И ушли. А стоянку оставили, нашли мы ее. Все правда – засада у тракта.

– А…, – разочарованно протянул Виктор. – Кто же это был?

– Неизвестно пока что. Вон Нурия пленника допрашивает. В каземате, – солдат кивнул на деревянную темницу, окна которой были украшены решетками.

Любопытство опять разобрало бывшего студента. Ему очень захотелось послушать, о чем там идет речь. Подойти прямо сейчас к тюрьме невозможно, часовой наверняка погонит прочь, но в памяти Ролта хранились воспоминания о детских забавах и играх. Мальчишки ведь знают все входы и выходы! Так, если пройти между коровником и внутренней крепостной стеной, то можно значительно приблизиться к темнице, но с другой стороны. А если удастся просунуть тело в узкую щель между деревянными стенами, то окажешься почти вплотную к тюрьме.

Виктор не стал откладывать дело на потом. Он покинул двор казармы и обошел коровник, направляясь к донжону. Потом резко свернул, прошел еще немного, поднатужившись, втиснул свое тело в узкий проем, и замер, прижав ухо к стене. Его действия немедленно принесли свои плоды. Он слышал все.

– Отпусти руку, изверг! – кричал незнакомый голос. – Что же ты делаешь?! Я же все рассказал!

– Все да не все, – спокойно отвечал голос десятника Нурия. – Мне интересны плащи.

– Да не было никаких плащей, не было!

– Не ври, гад! Зачем вам зеленые плащи?

– Не было плащей! В ответ раздался звук удара.

– У, изверг! За что?!

– Я повторяю: зачем вам зеленые плащи? И куда ты дел свой?

Глава 7.

Виктора можно было назвать жалостливым. В детстве он жалел разных бездомных кошек и собак, в подростковом возрасте – голодающее и страдающее население Африки, а когда стал взрослым – окружающих. Но для последнего требовалось одно небольшое условие: причина, приводящая к жалости, должна была исходить от него. Отомстил обидчику, а потом пожалел свою жертву – все, тот прощен. Отомстил и не пожалел – ну что же, есть повод для того, чтобы проверить, не подведут ли чувства еще раз.

И к воину, которого допрашивал жестокий Нурия, Антипов испытал самую настоящую жалость. Разве вина солдата в том, что он сидел в какой-то засаде, высматривая баронскую дочку? Приказали – и пошел. Взяли в плен – заговорил. Воин все делал как положено, но ему просто сильно не повезло – на его пути встало новое приобретение этого мира в лице Ролта, лесоруба и выдумщика.

Виктор раздумывал недолго. Он с кряхтением выбрался из расщелины между стенами, снова обогнул коровник и быстрым шагом направился обратно во двор казарм, прямо к часовому, охраняющему каземат.

Тот, молодой солдат с еще жидкими усами, с удивлением наблюдал за приближающимся лесорубом. Обычно жители поселка не подходили к тюрьме – не только охранники, но и сами солдаты прогоняли излишне любопытных. Однако у Ролта был такой целеустремленный вид, что его никто не остановил.

– Господин солдат, – Виктор закричал еще издали, на ходу, не успев толком приблизиться. – Мне нужно встретиться с десятником Нурия!

Постовой нашел в себе силы справиться с удивлением и поинтересовался, стараясь сохранять солидность и степенность:

– Зачем он тебе?

– У меня важное сообщение, связанное с засадой на тракте. Я кое-что вспомнил и хочу рассказать об этом десятнику немедленно!

Воин еще раз окинул взглядом фигуру собеседника. Выглядит ли Ролт как человек, который может знать что-то важное? Этот вопрос читался в глазах молодого солдата. Перед ним стоял обычный деревенский паренек с растрепанными каштановыми волосами и беспокойными карими глазами, одетый в холщовые рубаху и штаны. Такому воин не доверил бы не только никаких мало-мальски ценных сведений, но даже не стал бы рассказывать,

что ел сегодня на обед. Однако роль Ролта в истории с засадой уже была известна всем. Это и решило дело. Постовой что-то пробурчал и, подойдя к решетчатому окну, закричал внутрь помещения:

– Господин десятник! Господин десятник!

Из глубины донесся какой-то звук, оставшийся неразборчивым для ушей Виктора, но солдат, очевидно, интерпретировал его правильно, потому что добавил:

– Важное сообщение о засаде!

В ответ раздался точно такой же звук, который был до этого, по крайней мере, Антипов не уловил никакой разницы. Однако постовой отошел от окна с выражением на лице удовлетворения от выполненнего долга.

– Десятник сейчас выйдет, – сообщил он замершему в ожидании Виктору.

И действительно, через несколько секунд раздался какой-то грохот, словно кто-то открывал заржавевшую дверь, а потом на пороге возникла могучая фигура Нурия.

Первым делом он бросил зоркий взгляд в сторону казарм, затем, убедившись, что там все в порядке, повернул голову к Ролту:

– Что, опять что-то разузнал? Смотрю, новости к тебе так и липнут. Выкладывай!

– Э… господин десятник, я не то, чтобы узнал, а вспомнил.

– Что вспомнил? – добродушно осведомился Нурия.

– Я, наверное, еще не совсем выздоровел, господин десятник. Вот сейчас иду вдоль стены, а мне кажется, что все наши солдаты одеты в красные куртки…. Собеседник поцокал языком:

– Красные куртки? Тебе все-таки к лекарю нужно, парень. Я могу замолвить за тебя словечко. Пусть посмотрит на нашего бдительного героя.

Брови постового изумленно взлетели вверх. Нурия не отличался мягкостью и заботой о ближних.

– Да я могу обойтись и без лекаря, господин десятник, – заторопился Виктор. – Просто подумал, а вдруг те зеленые плащи мне тоже почудились?

– А, вот ты о чем, – ухмыльнулся Нурия и от души хлопнул Ролта по плечу. – Не беспокойся, парень, все не так плохо. Были зеленые плащи, чтоб их. Пленник только что признался.

– Как признался? – плечи Виктора опустились. То ли от удара, то ли от неожиданных известий.

– Во всем признался. Хотя упорствовал сначала, как же без этого…. Но моя рука крепка! Антипов поежился. Рука действительно была крепка.

– Новая форма это, – продолжил Нурия. – Их отряда. Если меня кто-нибудь спросит, то скажу так: дурость. Но ему хозяин приказал, тут не отвертишься. А они потом в лагере все плащи посбрасывали. Дурость, как есть дурость. Иди, парень, отдыхай.

Виктор, слегка покачивая головой, побрел со двора. Местные методы получения информации произвели на него неизгладимое впечатление своей эффективностью и бесполезностью.

'Что же это получается, господин Андерсен, – думал Антипов, – десятник Нурия плодит сочинителей? Да одного такого можно приставить к какому-нибудь средней руки писателю-фантасту из моего мира и тот так напишет, что любо-дорого! Шедевр в кратчайшие сроки. Десятник Нурия – вот истинная муза, а не прекрасные девушки, как ошибочно считалось ранее'.

Уже покидая казармы, Виктор поднял голову и случайно увидел дымок, поднимающийся над одной из башен донжона. Вроде бы обычный дымок, но с одной особенностью – он шел вверх строго по спирали.

– Что, Ролт, удивляешься? – поинтересовался Нарп, вновь оказавшийся подблизости. – Это господин ан-ун-Укер развлекается. Вот он стоит в окне. Наши маги еще и не то могут.

В голосе солдата звучала законная гордость. А в темной бойнице донжона с трудом угадывался какой-то силуэт. Похоже, что Нарп не жаловался на остроту зрения.

'Вот еще чудо-чудное на мою голову, – снова начал размышлять Виктор. – Маги-то, похоже, настоящие. И куда это меня занесло? Да и вообще, как жить дальше? Что делать? Да если бы я знал, что делать, разве травил бы байки о разноцветных шмотках! Действовал бы! Действовал! А так… что остается? Ждать манны небесной в лице Ареса. Кстати, не навестить ли мне его опять? А нет…. Нельзя! Ворота замка на ночь закрываются. Трудно будет объяснить свой выход. Да и арнепы опять же…. Арнепы!'

Антипов чуть было не подпрыгнул на месте. В ходе своих путешествий по лесу он как-то упустил из виду этот аспект воспоминаний Ролта. Арнепы, странные животные величиной с немецкую овчарку, выходили на промысел исключительно ночью. Они передвигались стаями, но с точки зрения Виктора, были гораздо опаснее обычных волков. Арнепы обладали мощным, крепким туловищем, уродливой головой гиены, а их челюсти по силе могли сравниться с силой челюстей тасманийского дьявола. Эти 'недособаки' играючи перегрызали крупные кости, и после их нападения от жертвы мало что оставалось. Существовали две загадки, связанные с арнепами. Во-первых, если у этих животных был выбор между человеком и любой другой пищей, они

неизменно выбирали человека, часто не считаясь с риском. Во-вторых, никто не знал, что они делают днем и где прячутся. На них устраивали облавы, ставили ловушки, да что только не делали – все было безрезультатно. Черная стая арнепов появлялась ночью, чтобы бесследно исчезнуть днем. Если бы не их относительно малая численность, то они бы с успехом терроризировали огромные территории. В целом, шансы встречи с арнепами были невелики, но люди все равно боялись.

Антипов слабо разбирался в биологии, но даже его знаний хватало, чтобы понять, что что-то здесь не так. Таких животных, любителей исключительно человечины и мастеров маскировки в дневное время, просто не могло существовать в нормальных условиях. Но после общения с Аресом и лицезрения мага, эта проблема казалась не самой важной, однако напрочь отбивала охоту выходить ночью за стены замка в одиночестве.

Одолеваемый думами о странном мире, где он оказался, а также о собственном месте в этом мире, Виктор медленно двигался к дому. Он прошел мимо нескольких коз, которых гнал хворостиной соседский босоногий мальчишка, мимо того самого колодца, где он утром встретил Ханну, мимо мужика с плотницким топором за поясом, целеустремленно шагающего в сторону трактира. Встреченные люди и животные отбрасывали длинные тени в последних лучах заходящего солнца. Антипов уже собирался свернуть к своей хижине, как вдруг услышал веселый смех и… музыку.

Надо сказать, что к музыке Виктор испытывал трепетное отношение. Когда его родители обнаружили, что у их чада абсолютный слух, они немедленно отдали сына в музыкальную школу, не особенно интересуясь его согласием. По сути, это, в сочетании с обучением игры на скрипке, и породило трепет. Первую половину своей жизни Антипов-младший постигал премудрости высокого искусства, стиснув зубы и люто ненавидя все, связанное с музыкой. Потом понемногу привык. Ситуацию несколько исправила гитара, вошедшая в его жизнь. Гитару Виктор тоже не особенно любил, но признавал, что это – идеальное средство для продолжения романтического знакомства с девушками. Впрочем, как и хиромантия. Последнее вообще было 'фишкой' номер один. Держишь малознакомую девушку за руку, нежно водишь пальцами по ее ладошке и с проникновенным видом несешь чушь. После такого мало кто мог устоять. Но вернемся к музыке.

Играть на гитаре потенциальный сердцеед Антипов научился, но вот с вокалом дело обстояло не очень. По прозаической причине – не было голоса. Не то, чтобы совсем не было, но вместо

пения получалось идеально правильное скрипение – абсолютный слух не позволял фальшивить, но сами звуки оставляли желать лучшего. Виктору пришлось овладевать подходом некоторых хрипящих бардов. И процесс пошел! Та категория девушек, которая оказалась устойчива к темным тайнам Антипова-хироманта, не смогла противостоять Антипову-тенору. Он сам любил называть так себя, всякий раз в мыслях прося прощения у Карузо.

И вот, заслышав музыкальные звуки, новоявленный сын лесоруба развернулся и направился в ту сторону, откуда они доносились. Им двигало не только любопытство, но и практичность. Ему показалось, что среди прочего он узнал голос Ханны, которой опрометчиво пообещал свидание. Обойдя дом старого винодела Ерниа и проскользнув сквозь отверстие в покосившейся ограде, Виктор неожиданно для самого себя оказался перед большой компанией сидящих на бревнах людей. Молодежи замка. Там были Террок, его приятель Вирон, Ранька, конечно же, Ханна, и многие другие. Они сгрудились вокруг Атлея – слуги менестреля, белобрысого паренька с хитрым и подвижным лицом. Атлей сжимал в руках какой-то инструмент и играл на нем. Точнее, пытался играть. Получалось скверно, но непритязательным слушателям было достаточно и этого.

Присмотревшись, Антипов с изумлением узнал в инструменте мандолину. Он еще по звукам заподозрил что-то подобное, но, увидев, отбросил все сомнения. Перед ним была классическая 'неаполитанская' восьмиструнная мандолина. Можно даже сказать, что она имела четыре парных струны, потому что нижний ряд строился с предыдущими струнами в унисон.

Появление сына лесоруба не долго оставалось тайной. Постепенно в его сторону начали поворачиваться головы. Последним, заметившим Ролта, был Атлей. Он вскинул глаза, удивленно поднял брови и замер. Последний аккорд вылетел из мандолины и растворился между стенами замка.

– Смотрите, кто к нам пожаловал! – Террок пришел в себя первым. – Великий герой! Спаситель замка и всех нас! Зоркий Ролт!

Присутствующие заулыбались. Виктор отчетливо видел выражение их лиц – сын лесоруба никогда не принимал участия в посиделках молодежи, поэтому смотрелся на этом месте лишним. И Антипов понял, что это нужно немедленно исправлять. Виктор направился к Ханне и произнес, тщательно выделяя слова:

– Сиди, Террок. Можешь не вставать в моем присутствии. Привет, Ханна! Я помещусь между тобой и Ранькой? А, уже

поместился. Всегда знал, что стройность женщин облегчает общение с ними. Ну, почему все затихли? Что тут исполнялось?

– Атлей играл, – тихо ответила Ханна, пытаясь хотя бы немного отодвинуться от прислоняющегося к ней Ролта.

– Атлей играл? – перепросил Виктор. – Тогда почему музыка стихла? Герои тоже любят слушать музыку. Атлей, сыграй-ка что-нибудь для старого бойца, который… как там Террок сказал?… спас замок и всех вас.

Белобрысый растерянно посмотрел на нового слушателя. Он не знал, как поступить. Ему на выручку невольно пришел спохватившийся подмастерье кузнеца.

– А почему это я могу не вставать в твоем присутствии, Ролт? – грозно поинтересовался Террок, чувствуя какой-то подвох.

– А ты хочешь встать, когда я подхожу? Не буду тебе мешать. Играй, Атлей, играй.

– Что играть-то? – спросил озадаченный слуга менестреля.

– Что-нибудь героическое, конечно.

– Про рыцаря, убившего десять львов?

– Можно, – великодушно разрешил Виктор.

Атлей не очень уверенно тронул струны и запел тонким, подрагивающим голосом. Все присутствующие, за исключением Ролта, затаили дыхание.

Антипов же попытался отключиться от непритязательной музыки и неожиданно его охватила грусть. Казалось, еще совсем недавно, он, подростком, сидел вот так же в своем дворе и развлекал девушек, живущих по соседству, пением под гитару. Соседки были милы и беззаботны. Потом он подрос, поступил в университет и обнаружил, что для того, чтобы вызвать симпатию у противоположного пола, игры на гитаре уже недостаточно. Виктор никого не порицал и не возмущался. Просто ему было неприятно чувствовать себя нищим. Он старался подрабатывать, используя как свои музыкальные навыки, так и просто физическую силу. Это не решало проблему глобально, но временно помогало. Тогда Антипов не чувствовал себя счастливым, но сейчас, о, сейчас он бы многое отдал за то, чтобы вернуть утраченное. Студенческие годы, привычных подружек или даже те встречи во дворе своего детства. Где это все?

Слуга менестреля между тем продолжал музицировать, описывая храброго, но глупого рыцаря, который случайно столкнулся с прайдом львов и вместо того, чтобы осторожно удалиться, стал лязгать оружием и задирать вожака. Песня провозглашала героя победителем, но в ней крылась небольшая загадка, ставящая под сомнение счастливый исход. Дело в том, что рыцарь убил только десять львов, а изначально их было

двадцать. Музыкант безбожно фальшивил, но Виктор был склонен отнестись к этому снисходительно. Лишь когда Атлей умолк, благодарно принимая восхищенное бормотание присутствующих, Антипов не сумел побороть искушение дать совет.

– Подтяни вторую струну первого ряда, – сказал он. – Звук дребезжит.

Если бы сын лесоруба вдруг превратился в крупную птицу и взмыл в небеса, громко каркая, это вызвало бы примерно такое же удивление, как и после совета. Бормотание вмиг умолкло. Глаза десятка присутствующих воззрились на Ролта.

'Похоже, что сегодня не мой день, – подумал Виктор. – Я все время в центре внимания. Если так пойдет дальше, то мной точно займется либо маг, либо жрец. Что они сделают я не знаю, но выяснять на практике не хочу. Определенно нужно сбавить обороты, господин Страдивари'.

– Откуда ты знаешь, что нужно эту струну подтянуть? – сумел справиться с удивлением Атлей.

– Я слышу, – ответил Антипов. Он уже был знаком с мандолиной. Видел ее несколько раз и даже держал в руках. Струны были идентичны строю скрипки, поэтому никаких проблем в обращении с ней у него не возникало.

– Может быть ты еще и играть умеешь? – хохотнул Террок. – Ну-ка, господин менестрель, покажи нам свое искусство!

– Я не знаю, как правильно подтянуть, – сказал Атлей. – Мой хозяин разрешает мне на время брать тренировочную варсету, но запрещает что-либо в ней менять.

– Пусть Ролт сам подтянет! Ишь, нашелся менестрель! – Террок не унимался. – Враль!

Виктор хотел было спустить дело на тормозах, но увидел взгляд Ханны. Девушка смотрела на него широко раскрытыми глазами, словно опасаясь поверить в то, что он говорил всерьез. 'Хреновый я конспиратор', – с тоской подумал Антипов.

– Давай сюда свою… варсету. И медиатор давай.

– Что?

– Вот эту штуку, которой ты струны задеваешь.

– А, она 'пертект' называется.

– Неважно. Давай.

– Ролт, а ты… не испортишь? – в голосе Атлея звучала неуверенность. – Хозяин же меня прибьет, если что!

– Дай ему эту штуку! Дай! – взвился Террок. – Если что, мы скажем, что он сам у тебя забрал! Пусть его твой хозяин прибивает!

Кузнец толком не понимал, что происходит, но тоже видел взгляд Ханны. И этот взгляд, адресованный Ролту, ему не

нравился.

– Ну, если ты, Ролт, возьмешь вину на себя…, – Атлей все еще медлил.

– Возьму, возьму, – согласился Виктор. – Не бойся.

Слуга Нартела неуверенной чуть дрожащей рукой передал инструмент Ролту. Тот принял его, повертел в разные стороны, скептически хмыкнул и, положив на колени, издал несколько коротких звуков. Звучание струн, сделанных из кишок какого-то животного, не очень понравилось Антипову. Хотя у него мелькнула мысль, что если существует тренировочная мандалина, значит, скорее всего, у менестреля барона имеется ее улучшенный вариант. Коснувшись колкового механизма, он нежно подрегулировал натяжение, потом снова задел струны, проверив результат. Зрители следили за ним с неослабевающим вниманием.

Виктор решил уже не разочаровывать их. Все равно, похоже, терять было нечего. Он взял несколько произвольных аккордов, а потом быстро сыграл часть мелодии из незатейливой песенки про рыцаря и львов. Только сделал это правильно. А затем, подняв мандолину за гриф, протянул ее обратно Атлею. А слуга менестреля не спешил ее принимать.

– Ты играешь лучше меня, – сказал он, оставаясь недвижим. В его голосе не было ни сожаления, ни разочарования. Юноша просто констатировал факт.

– Ты берешь или нет? – с нетерпением спросил Виктор.

– А спеть? – раздался встречный вопрос под ухом. Антипов скосил глаза и увидел выжидательное выражение лица Ханны.

– Я не знаю никаких песен, – ответил он.

– Но ты только что играл, – возразила девушка.

– Так я по памяти. Такую мелодию любой повторит.

– Ну а спеть можешь?

– Что, то же самое?

– Ну да, – во взгляде Ханны горел неподдельный интерес. Присутствующие были с ней совершенно согласны. Виктор пожал плечами:

– Хорошо.

Он снова положил инструмент на колени, извлек несколько звуков, а потом, решив сразу перейти к припеву, запел. Антипов старался петь негромко, но результат оказал неизгладимое впечатление не только на слушателей, но и на него самого. У Ролта оказался глубокий бас потрясающей красоты.

'Е-мое! – если бы мысли Виктора были озвучены, то их первая часть была бы более емкой и длинной. – Да что же это такое?! Вот это и есть ирония судьбы. Да с таким голосом я стал бы

миллионером в своем мире! Какие данные! Нужно только несколько лет позаниматься и все – оперные театры боролись бы за меня, как коты за мышь. Я был бы как Шаляпин или Рейзен! Или нет… круче! Я был бы как сам Борис Штоколов! Специально бы овладел бельканто. О, ужас…. А здесь мне с этим голосом что делать? Кто его оценит? Это все равно что дать мешок с бриллиантами обезьяне. Она ими все равно воспользоваться не сможет'.

Впрочем, слушатели не считали, что гипотетическая обезьяна не разбирается в бриллиантах. Когда Антипов кое-как закончил припев, они оживленно загалдели, обсуждая услышанное. Ханна обратила на Ролта сияющие глаза, но он ничего этого не видел. Виктор снова горевал. Расстроенный, он поднялся со своего места, отдал мандолину Атлею и побрел прочь, ни на что не обращая внимания.

Его милость барон Алькерт ан-Орреант стоял у стола и пытался рассмотреть карту, освещенную тусклым пламенем свечей, стоящих на медном подсвечнике. Сотник Керрет наклонился над столом с противоположной стороны и водил по карте пальцами, то и дело передвигая подсвечник, чтобы изображение было видно лучше.

– Господин барон, вот здесь они были, а потом ушли вон туда. Сделали крюк, опасаясь встречи с нами, – говорил сотник.

– Да уж, мой сосед готовил мне изрядную пакость, – узкое аристократическое лицо барона было бесстрастным. – Ну, ничего. Я этого ему не забуду. А пришли они как?

– Да вот, через этот лесок. Двигались строго вдоль поля. Там их наш лесоруб и заметил.

– Ролт?

– Да, Ролт, ваша милость. Способный паренек, по отзывам десятника Нурия. Все подмечает.

– Он – сын Кушаря?

– Да, ваша милость.

– Странно, что так получилось. Один сын дурачок, а другой – нормальный.

– У Кушаря всего один сын.

– То есть как? Один? Но я слышал, что его сын – дурачок.

– Это и есть Ролт, ваша милость. Барон оторвал взгляд от карты и недоуменно посмотрел на сотника.

– Как это может быть? Нурия же сказал, что он сообразительный.

– Ролт изменился, ваша милость. После того, как на него упало дерево, он стал совсем другим. Об этом сегодня говорил весь замок.

– Насколько изменился?

– Словно другой человек, ваша милость.

– Вот так внезапно?

– Да.

Барон замолчал, о чем-то задумавшись. Он провел рукой по своей щетине, успевшей отрасти к вечеру, а потом медленно произнес:

– Мне это все не нравится, Керрет. Просто так люди не меняются. С этим Ролтом надо бы поговорить. Если бы у нас был жрец в замке, то я бы послал его. Но мои отношения с ними оставляют желать лучшего. Сам знаешь.

– Да, ваша милость. Храм Зентела все еще требует, чтобы мы отдали им северные холмы под виноградники. Тогда они пришлют нового жреца.

– Хм…. Я вот что подумал, может быть это они соседа науськивают?

– Может быть, ваша милость.

– Но ладно. Это мы выясним рано или поздно. А пока что я скажу ун-Катору о Ролте. Или нет! Сначала с Ролтом сам поговорю. Любопытно все-таки, что с ним произошло.

Глава 8.

Ларант, Верховный Жрец Зентела, ненавидел устриц. Казалось бы, что может быть в них хорошего? Склизские, чрезмерно мягкие, подаются в раковинах, вкусом похожи на перезрелый овощ – отвратительное блюдо. Они выскальзывают из пальцев, так и норовят упасть на пол или на одежду, сочатся мерзкой жидкостью, которая стекает прямо на кисти рук…. Когда жрец брал одну из этих тварей и выковыривал ее из скорлупы, то всегда задумывался о том, что она сожрала перед тем, как оказаться пойманной. Ему очень хотелось верить, что не труп какого-нибудь животного, а еще хуже – человека. Мысли об этом вызывали рвотный рефлекс, но улыбка не покидала лица Ларанта. Изо дня в день на протяжении пяти лет жрец ел их на обед. Он мог бы, конечно, приказать не приносить больше это блюдо, но не смел. Устриц обожал хозяин и всегда лакомился ими, будучи в человеческом облике.

– Распорядиться о добавке, Ваше благочестие? – почтительно осведомился слуга, глядя как Верховный Жрец с видимым удовольствием поглощает моллюсков.

– Ммм… может быть… может быть… хотя нет. Что-то я сыт сегодня. Распорядись, чтобы принесли фруктов, – Ларант заказывал добавку строго каждый день месяца, кратный числу три. По его мнению, этого было достаточно, чтобы создать иллюзию того, что он без ума от устриц. Раньше он пробовал съедать больше одной порции каждый второй день, но после того, как едва справился с приступом тошноты в присутствии хозяина, отказался от этой затеи.

– Слушаюсь, Ваше благочестие, – слуга согнулся в поклоне.

– И еще пригласи Терсата. И письменные принадлежности захвати.

Через пару минут служка объявился, нагруженный цитрусовыми и бумагой с перьями. Поставив корзинку с фруктами на стол перед господином, он положил все остальное на низкий столик, стоящий у противоположной стены.

Едва письменные принадлежности оказались расставлены, дверь отворилась и вошел толстенький низкорослый человечек, чье лицо, казалось, утопало в складках жира. Его фигура составляла такой контраст с высоким и худощавым Ларантом, что Верховный жрец предпочитал не появляться на публике рядом со своим помощником. Их последний совместный выход породил песенку, рожденную в больном воображении черни. Ее суть сводилась к тому, что церковь Зентена давно уже перестала расти

вверх, но зато рост вширь резко ускорился.

– Приятного аппетита, Ваше благочестие, – тон толстяка был смиренен и кроток.

– Спасибо, Терсат. Присаживайся. Нам нужно будет кое-что написать.

– Распоряжение для храмов?

– Ты догадливый как обычно. Помощник с кряхтением уселся за низкий столик.

– Будем искать изменившихся, Ваше благочестие?

– Изменившегося. Одного.

– По каким признакам, Ваше благочестие? Или всех подряд?

– Что ты, Терсат, наши жрецы не справятся, если дать им задание обращать внимание на любую странность. Я планировал резко сузить требования. Для начала.

– Внезапно разбогатевших?

– Да. Ты снова прав. Думаю, пусть ищут тех, кто был нищим, а внезапно стал богатым. Или был богатым, а стал еще богаче. У кого скоропостижно скончались состоятельные родственники. Кто начал изменять своим любовным привычкам, а заодно и жене.

– Ваше благочестие!

– Терсат, посмотрим правде в глаза. Жрецы знают обо всем этом. Не могут не знать. Вот только предпочитают не обращать внимания. И я даже в чем-то с ними согласен. Так спокойней. Но сейчас ситуация требует совсем других действий.

– Понимаю, Ваше благочестие.

Виктор пока что не собирался становиться богаче. Ему в голову даже не приходила мысль, что нужно сделать в замке, чтобы поправить свое финансовое положение. Не потому, что он не мог, – мог, наверное, ведь выходец из нашего мира обладает большими знаниями в целом, чем житель Средневековья, но Антипова беспокоили другие проблемы. В жизни бывают ситуации, когда деньги не главное. Хотя почему-то чаще всего возникают лишь в самом конце означенной жизни.

Виктор плохо спал всю ночь, и не успело солнце полностью подняться над горизонтом, как он выскользнул из замка. Ему было приятно наблюдать, что после вчерашних происшествий изменилось отношение стражников. Они только что снова заступили на пост и еще сонный Пента отворил калитку.

– В лес, Ролт? – спросил он.

– В лес, господин солдат.

– Осторожней там.

– Конечно, господин солдат. Я даже здесь осторожен.

Выйдя за ворота, Антипов резко ускорился. Он очень хотел получить обещанные ответы как можно быстрее. В его прежней

жизни было много свиданий. На некоторые из них он торопился с замирающим от волнения сердцем, а на другие – просто шел, 'глазея' по сторонам и думая о чем угодно, но только не о будущей встрече. Интересно, что первая категория свиданий была связана с девушками, а вторая – с работой. Куда отнести беседу с богом войны Виктор не знал. Он бежал со всех ног, но сердце билось без сладостных замираний, так, словно Антипов просто опаздывал на работу. Получалось, что Арес – лучше, чем деловые будни, но хуже, чем девушки.

Влетев на поляну, Виктор совсем было уже хотел разразиться привычным вопросом, подразумевающим долгое ожидание ответа, но его невидимый собеседник сумел удивить.

– Рановато ты, мой друг, – слова прокатились по опушке как раз в тот момент, когда рот Виктора раскрылся для произнесения первой фразы.

– С добрым утром!

– Вот что значит стремление к знаниям, – продолжал голос, не обращая никакого внимания на приветствие. – Оно погубило многих. С ним плохо ешь и мало спишь. А воин должен быть всегда в хорошей форме.

– Я не воин, уважаемый Арес, – заметил Антипов. – А также не актер и не клоун. Я – бедный студент, которому даже не дали возможность получить диплом перед смертью.

– Тебе бы это помогло чем-то, если бы получил? – удивился собеседник.

– Как знать. Не всякому приятно умирать неучем.

– Браво, Виктор! Мне все чаще кажется, что я сделал правильный выбор.

– Мне так тоже кажется, уважаемый Арес. Но нельзя ли задать один небольшой вопрос?

– Можно, мой друг, можно.

– У меня есть шансы вернуться обратно? – Виктор решил 'бить' прямой наводкой. У него имелись небезосновательные подозрения, что если собеседник опять перейдет на ироничный тон, то мало что удастся узнать.

– Вернуться в прежнее тело шансов нет, – сразу же ответил голос.

– А в другое, похожее, например?

– Конечно, есть. Но для этого нужно выполнение двух условий.

– Каких? – Антипов просто изнывал от любопытства. Еще бы, ведь вопрос касался его жизни.

– Во-первых, мои силы должны вернуться. А во-вторых, обладатель того тела должен быть мертв, но не очень долго.

– Тоже мертв? – переспросил Виктор.

– Да, иначе будет раздвоение сознания. Это очень нежелательная вещь, мой друг.

– Так получается, что Ролт умер тоже?

– Конечно, умер, – подтвердил Арес. – Но, к счастью, я успел вовремя. Вложил в него, то есть в тебя, последние силы. С прицелом на то, что это себя оправдает.

Последние слова звучали очень внушительно. Однако Виктор не собирался попадать под влияние высокого слога. Он был настроен весьма практично.

– А что же нужно сделать, чтобы твои силы вернулись, уважаемый Арес?

– Есть несколько путей, мой друг. Самые простые из них таковы: большое число верующих и победы в мою честь. Последнее даже предпочтительнее. Победы – это и есть я. Прямые, хорошие победы.

– А непрямые, с хитростью? – тут же отреагировал Виктор.

– Нет! – ответ прозвучал без задержки. – Это по части Афины. Я к ним не желаю иметь никакого отношения.

'Круто, господин будущий воин, – мысли Антипова были не очень приятны. – Кажется, я имею честь работать на любителя прямолинейных схваток. Лоб в лоб, так сказать. Но что-то мне свой лоб расшибать не хочется. Попробуем зайти с другой стороны'.

– Но ведь можно просто нанять хороших, опытных солдат и проинструктировать их, что нужно кричать и за кого сражаться, не так ли? – поинтересовался Виктор.

– Что ты имеешь в виду? – с подозрением осведомился голос.

– То, что если у нас будет золота в достаточном количестве, то, думаю, что часть проблем решится сама собой. Мы просто наймем воинов. Ради побед. А для того, чтобы это золото появилось, мне самому воином становиться необязательно.

– Мой друг, – голос Ареса звучал вкрадчиво. – Если мой Верховный жрец утратит честь и встанет на путь торговца, то нам обоим лучше умереть сразу же. Раз и навсегда!

– Логично, – тут же согласился Виктор. – А разреши поинтересоваться, кто у тебя Верховный жрец?

– Ты, мой друг.

– Ааа… эээ… А нет ли другой кандидатуры?

– Нет и быть не может! И постарайся не раздражать меня впредь подобными вопросами. Ради твоего же блага.

'Вот так выглядит тупик, господин водитель самосвала с поломанным задним ходом. Он хочет сказать, что по какой-то причине только я могу исполнять эту почетную обязанность. По

крайней мере, до поры до времени. Ладно, попытаемся прояснить обстановку еще раз'.

– Но, уважаемый Арес, я никогда не был воином. Вот десятник Нурия – тот да, воин. А я – нет. И чтобы сравниться с ним, мне нужно было начать тренировки в детстве.

– Об этом не беспокойся. Начни сейчас, а там увидим.

– Как начать? С кем? С тобой?

– Нет, мой друг, не со мной. У меня нет ни сил ни терпения для обучения новичка. Найди себе кого-нибудь в учителя.

– Но кого?

– Кого-нибудь в своем замке.

– А… это обязательно?

– Да, мой друг. Это просто необходимо.

– А что, ты потом можешь мне? Ну, дашь какие-то способности для того, чтобы я сравнялся с хорошими бойцами или что-то вроде того?

– Виктор, не торопись. Чего сейчас-то говорить? В данный момент я почти ничего не могу. Подождем. И не волнуйся, Арес умеет быть благодарным. Расскажу тебе небольшую историю. Был такой юноша, его звали Кадм. Сын царька. И вот, этот наглый юноша посмел поднять руку на дракона – мое дитя! И ты думаешь, я его убил за это? Нет, сжалился и позволил заплатить свой долг службой мне. И он так хорошо справлялся, что я не только простил его, но и дал в жены свою прекрасную дочь, рожденную от меня Афродитой. Так что, ты тоже не будешь разочарован. Главное – старайся.

– Но где я тогда возьму последователей? – Виктора смутные обещания заставили призадуматься. Он был склонен скорее поверить в них, чем нет.

– Они пойдут за тобой в свое время.

– За мной?!

– На самом деле за мной, но с твоей помощью.

– Но… уважаемый Арес, я не гожусь для этого.

– Ты хочешь сдохнуть тут, придавленный очередным деревом?

– Нет, не хочу.

– Тогда годишься.

– А…

– Хватит! Ты узнал, что тебе нужно, теперь поговорим о важных вещах.

– Но…

– Что Ролт знает о богах этого места?

– Мало что, уважаемый Арес. А, кстати, как мне тебя называть? А то я тебе тыкаю, все же это не совсем удобно. Даже к

барону нужно обращаться 'ваша милость' или 'господин барон'. Ответ раздался мгновенно:

– Называй меня тоже 'господин барон'. Виктор нахмурил брови.

– Это… шутка? – спросил он.

– Вот вы, люди, странные все же. Решаются важные вопросы, а тебя волнуют какие-то мелочи. Да какая разница, как называть? Называй просто 'Арес'. Я демократичен, знаешь ли.

– Ладно, ладно, Арес.

– Ты должен будешь разведать, что из себя представляют здешние боги и чем занимаются жрецы. Меня интересует все. Особенно обряды. Можешь даже попытаться составить мнение, не помогут ли нам местные.

– Хорошо. Хотя вот у Ролта создалось впечатление, что ничем особенным жрецы не занимаются. Заключают браки, провожают умерших, на большие праздники приносят человеческие жертвоприношения….

– Что-о-о?!

– Ох, – Виктор схватился за голову. Эти воспоминания возникли внезапно и были в высшей степени неприятны.

Лет шесть назад, когда Ролт был еще ребенком, его водили в ближайший храм на праздник сбора винограда. Очень значительное мероприятие. Все ели, пили веселились, а вокруг храма по полю бродили нетрезвые толпы. Яркость красок и громкость звуков – вот что запомнилось сыну лесоруба с того дня. А потом пришел вечер. Зажглись огни, опьяненные толпы потянулись к подножию большой лестницы, ведущей на алтарь. Ролт сначала находился в задних рядах, но потом его каким-то образом вытолкнули вперед. Он чувствовал себя обнаженным, стоя перед самой лестницей. Попытался рвануть назад, чтобы спрятаться в толпе, но не тут-то было. За ним уже стояли плечо к плечу. Однако сын лесоруба продолжал бороться и не сразу заметил, как на лестнице появилась молодая женщина, которую вели двое жрецов с могучим телосложением. Женщина шла медленно, словно была опьянена, но уже на вершине, перед самым алтарем, рванулась прочь и закричала тонким голосом. Ее голос резанул по ушам Ролта. Он сначала не понял, что это все означает. Но толпа подхватила крик. Это был ликующий и отвратительный вой зверя. Сын лесоруба закрыл руками свои уши, чтобы не слышать, но зажмурить глаза не смог. Какая-то сила приковала его внимание к той худенькой женщине, которую уложили на алтарь, несмотря на попытки вырваться, и к кривому ножу, зловеще блестевшему в свете факелов.

– Человеческие жертвоприношения по праздникам? – уточнил

Арес.

– Да, – ответил Виктор.

– Не пытайся узнавать, помогут ли нам. – голос невидимого собеседника звучал сухо и враждебно. – С ними я не пойду на переговоры.

– Почему? – спросил Антипов.

– Они могут быть не теми, кем кажутся.

– Что ты имеешь в виду?

– Узнаешь позже, мой друг.

Впервые за последнее время Виктор точно знал, что нужно делать. Он получил инструкции. Но инструкции не радовали, хотя результат в случае их успешной реализации обещал быть полезным.

'Похоже, что мне придется стать воином, раз уж этого так хочет Арес, – размышлял Антипов по пути в замок. – Какой еще выход? Или просто попытаться им стать. Сделать вид, ведь и так понятно, что ничего не выйдет. Ну что же, в этом у меня есть опыт. Делать вид умею. Когда я кем-то притворялся в последний раз? Да вот недавно совсем. Членом приемной комиссии. Уж очень красивая была девушка, поступающая в наш универ. Настолько, что выгляди я старше, представился бы деканом'.

Войдя в ворота, Виктор совсем уже было собрался начать претворять свои великие планы в жизнь, но Пента придал мыслям совсем другое направление.

– А, Ролт, ты вовремя, – сказал солдат. – Там двое наемников прибыли. Хотят в дружину. Нурия их проверять будет. Взгляни, если любопытно.

Конечно, Антипову было очень любопытно. Такое зрелище жители замка старались не пропускать. Любой мог заявить, что хочет вступить в дружину. И по приказу барона десятник был обязан тут же проверить его. Причин для переноса экзамена было всего две: ночное время суток и осада замка. Алькерт ан-Орреант был большим формалистом и старался в своих распоряжениях учитывать все.

Виктор прошел через дворик рядом с воротами, привычно повернул направо, чтобы оказаться вблизи казарм. Там уже толпился народ. В замке развлечений было мало, поэтому люди старались использовать любую возможность для того, чтобы разнообразить свою жизнь. Испытания кандидатов подходили для этого как нельзя лучше.

На небольшой огороженной площадке, используемой в обычное время для тренировок, стоял Нурия, сжимая в руках несколько деревянных мечей. Он предлагал их соискателям на выбор. Ролт знал, что в испытании могли использоваться не

только тренировочные мечи, но и копья без наконечников. Считалось, что если воин хорошо владеет хоть одним из этих орудий, то легко сможет освоить и другие. Двое хмурых наемников, стоящих неподалеку от десятника и одетых в кожаные куртки с нашитыми железными пластинами, предпочли, видимо мечи.

Виктор видел, как один из них подошел к Нурия и выбрал одну из палок. Десятник тут же отдал остальные солдату, находящемуся за оградой, и, не глядя, взял деревяшку для себя.

– Отойди подальше, – сказал Нурия второму наемнику, – придет и твоя очередь. Тот, кивнув, направился за ограждение.

– Готов? – спросил десятник у первого.

– Да, – громко ответил тот.

– Часы!

Приказ Нурия не удивил Виктора. Последовательность действий прочно хранилась в памяти у Ролта. Солдат, стоящий у ограды, положил деревянные мечи на землю и, сделав несколько шагов назад, оказался у какого-то сооружения. Оно состояло из большой железной воронки, покоящейся на деревянном каркасе. Рядом с ней находилось ведро воды и ковш. Солдат быстро наполнил ковш водой и занес руку над воронкой.

– Как только из часов вытечет последняя капля, бой окончен, – пояснил Нурия. – И если до этого времени ты избежишь удара, то можешь считать себя на службе.

Ролт знал, что отведенное на поединок время – ровно минута. Виктор сомневался в точности самодельных часов, но предполагал, что ошибка вряд ли будет большой. По крайней мере, часы всегда показывали один и тот же временной промежуток, так что соискатели находились в равном положении.

Десятник махнул рукой и солдат вылил ковш воды в воронку. Из нижнего конца сооружения быстрыми каплями потекла вода.

Нурия атаковал немедленно. Но быстрый выпад, нацеленный в живот, не достиг цели: наемник парировал удар. Парировал жестко, не сходя с места. Десятник тут же отступил на шаг, словно приглашая противника атаковать, но тот не пошевелился. Нурия не стал ждать, а снова напал. Посыпались удары. В плечо, живот, бедро, руку – все отбивалось в прежней манере. Десятник двигался вокруг наемника, размеренно атакуя. Тот лишь крутился на месте, но не сделал ни шага ни вперед, ни назад. Нурия ускорился еще больше, хотя это казалось невозможным. Виктор внимательно наблюдал за лицом наемника. Если вначале оно было лишь сосредоточенным, то сейчас на нем начала проступать растерянность. Однако воин все еще парировал удары. Внезапно Нурия отступил на два шага. Наемник продолжал стоять в

напряженной позе, направив 'меч' на противника.

– Засчитано, – сказал десятник. Виктор лишь сейчас понял, что вода больше не течет.

– Неплохо, – добавил Нурия. – То, что надо для строя. Наемник вздохнул с облегчением.

– Но мы не в строю, – безжалостно продолжил десятник. – Тебе нужно было перемещаться, а ты стоял как деревянная чушка. Почему? Его противник молча пожал плечами.

– Потому что иначе не умеешь, – ответил за него Нурия. – И это скверно. С таким подходом из тебя никогда не получится отличного воина. Для ополчения тебя тренировали, что ли? Следующий.

Надо сказать, что охрана замка делилась на две основные категории: собственно воинов, привелигированное сословие, и ополчение. Последнее состояло из обычных мастеровых и слуг. С ними не занимались индивидуально, но примерно раз в два-три месяца проводили однодневные 'учения'. Они заключались в том, что их заставляли стоять в строю, а также орудовать на стене копьем или просто обычной длинной палкой, чтобы сбросить вниз гипотетического противника.

Процедура с ковшом повторилась для второго претендента. Как только потекла вода, десятник атаковал. У Виктора мелькнула мысль, что удар был точной копией самого первого удара из предыдущей схватки. Впрочем, и блок был тоже точной копией. Но затем Нурия сумел удивить. Быстрым прыжком он оказался за спиной противника, обозначил атаку по ногам, но, сместившись еще больше в сторону, сделал выпад, нацеленный в предплечье. Его наемник не сумел отбить. Палка оказалась выбита, а он сам схватился другой рукой за ушибленную конечность. Было видно, что его терзает жестокая боль.

– Этот не засчитан, – подытожил десятник. – Хотя, думаю, что оба бойца одинаковы. Один учитель. Но против подвижного противника нет шансов.

– Я могу поступить на службу, а он нет? – тут же спросил первый наемник.

– Да, – ответил Нурия. – Таковы правила, установленные господином бароном.

– А обоих никак нельзя? Мы ведь братья. Десятник покачал головой:

– Я бы трижды подумал, прежде чем брать хотя бы одного из вас. Но испытание пройдено тобой. Не мне менять правила.

– Но что не так? – поинтересовался наемник.

– Вас придется переучивать. На это нет времени, тем более в строю мы сражаемся редко.

– Тогда я тоже отказываюсь.

– Твоя воля, – пожал плечами десятник.

На Виктора бой оказал огромное впечатление. С его точки зрения, наемники держались отлично, особенно первый. Антипов бы так не смог. Но, наверное, десятнику виднее.

'А Нурия-то крут, – подумал бывший студент. – И что, Арес хочет, чтобы я потом тоже вот так вышел против него? В замке ведь все просто: либо воин, либо нет. А если воин, то придется выходить. Да меня унесут отсюда! Единственное, что может понравиться Нурия, это то, что сына лесоруба не придется переучивать. Ибо ничего не умеет'.

– Ну что, Ролт, – десятник, казалось, услышал мысли Виктора и подошел к ограде с той стороны, где стоял сын лесоруба, – высмотрел еще что-нибудь?

– Нет, господин десятник. Но я стараюсь. Хотя… не пригодится ли нора лисы?

– Лисы? Нет. Сейчас не сезон. Шкура так себе.

'Может быть попросить Нурия об обучении? – начал размышлять Виктор. – Момент удобный. Хотя нет… этот пошлет, пожалуй. Воспользуемся знакомством в крайнем случае. У меня, то есть у Ролта, есть более сговорчивые кандидатуры'.

– Вот если бы ты нашел логово волков, тогда другое дело, – продолжал Нурия. – Господин барон любит на них охотиться. И на медведей тоже.

– Мой отец говорит, что вблизи от замка ни волков ни медведей не осталось. Несознательные звери, господин десятник. Не разделяют любви господина барона к охоте.

– Если найдешь медведя, то получишь награду. Сам знаешь.

'Да уж, бедный мишка. Сначала затравят собаками, а потом утыкают копьями. И всем станет весело. Медведь будет просто орать от восторга'.

– Господин десятник, не подскажете, где я могу найти Пестера?

– Пестера? Он был где-то рядом с казармами. Я его только что видел.

– Спасибо, господин десятник.

Виктор был рад продемонстрировать хорошие манеры. Нурия – не тот человек, с которым можно портить отношения.

Антипов направился на поиски дядьки Пестера. Именно с ним он связывал возможность обучения воинскому делу. Старый солдат знал Ролта с раннего детства. Разве он откажет, если попросить как следует?

Расспрашивая встречных, сын лесоруба двигался вокруг казарм. Ему говорили, что Пестер был тут совсем недавно, но

потом пошел в другое место. Виктор бросался туда – и снова та же история. Наконец, неуловимого солдата удалось застать около конюшен. Тот уже собирался зайти по каким-то своим делам внутрь, но Антипов с громким криком бросился к нему:

– Дядька Пестер! Стой!

Люди, находящиеся неподалеку, недоуменно оглядывались на шум, но увидев Ролта, отворачивались и возвращались к своим занятиям.

Солдат развернулся и, щурясь на солнце, посмотрел на размахивающего руками сына лесоруба. Дождавшись, пока тот приблизится, старый воин добродушно осведомился:

– В чем дело, Ролт? Что за спешка и крики?

– У меня есть небольшая просьба, дядька Пестер, – сообщил Виктор, подойдя достаточно близко, чтобы их никто не мог подслушать. – Небольшая, но очень важная.

– Конечно, Ролт, я помогу тебе, чем смогу. Что ты хочешь?

– Нельзя ли меня немножко поучить как обращаться с мечом или копьем? Ну, в свободное время. Пестер несказанно удивился. Он внимательно посмотрел на Ролта:

– А зачем это тебе? Ты, что, хочешь попытать счастья и поступить в дружину?

– Да. Может быть получится. Солдат медленно покачал головой:

– Мне говорили, что ты изменился, но я не особенно верил. Теперь вижу – все правда. Нет, Ролт, ничего не получится.

– Ты думаешь, что я не смогу выстоять в поединке? Слишком поздно начал? – Виктор приготовился спорить. Отказ совершенно не входил в его планы.

– Не в этом дело, Ролт. Хотя и в этом тоже. Есть распоряжение господина барона никого из наружников не обучать. Особенно – единственных сыновей мастеров. Ты же знаешь, как Террок хочет стать воином. Что он только не делал, даже слезно умолял господина барона. Все напрасно. Замок нуждается в мастеровых.

– Но… разве нельзя со мной просто так позаниматься? На всякий случай. Лишь чуть-чуть. Показать основы и все.

– Нет, – солдат был тверд. – Если дойдет до господина барона, то достанется нам обоим. А его милость узнает, конечно. Такое не скрыть.

'Облом, – в мыслях Виктора поселились разочарование и легкая паника. – Вот что значат сословные предрассудки. Родился лесорубом – будешь лесорубом и никаких гвоздей. А что я скажу Аресу? Что не смог найти даже самого захудалого учителя? Представляю его ответ. Да уж, первое задание провалено….

Может вообще сбежать из замка с вот этими двумя наемниками и поучиться у них? Хм…. Это просто один из верных способов самоубийства, господин юнга. Бросить безопасный замок, чтобы войти в мир, которого совсем не знаешь и к которому не приспособлен. Похоже, придется обрисовать Аресу ситуацию'.

– Неужели нет никакого выхода, дядька Пестер? Совсем никакого?

– Нет, Ролт. Мне жаль, что не могу помочь тебе в этом. И других тоже не проси. Никто не согласится.

Глава 9.

– Ролт, где тебя носит? – Кушарь выглядел очень недовольным. – У нас сегодня много работы. Уже почти вечер, а тебя все нет!

Виктор только что вернулся домой. Из поля его внимания совсем вылетело то, что нужно работать. Безделье – привычная вещь для многих жителей городов. Зато в сельской местности это не так. Крестьяне и в современном Антипову мире могут трудиться с утра до вечера, а раньше они, по всей видимости, обязаны были чрезвычайно много работать ради того, чтобы прокормить себя или свою семью. Нужно сказать, что в замке обстановка была иной. Никто из работников не мог умереть с голода, потому что барон обеспечивал как минимальным пайком, так и инструментами. Но все равно люди трудились ради того, чтобы жить богаче. Ролт был исключением – к нему никто не предъявлял больших требований по известной причине.

– Прости, отец, я был очень занят.

– Чем же? – поинтересовался Кушарь.

– С утра ходил в лес смотреть на ту поляну.

– Опять?! – лесоруб был удивлен. Он понимал, что его сын толком и первый визит туда не объяснил.

– Знаешь, отец, просто какая-то непонятная тяга к ней. Ты вот слышал, что преступники часто возвращаются на место своего преступления?

– Ролт, что ты несешь? Какие преступники?

– Я вот тоже думаю, отец, что преступники тут ни при чем. Но тяга-то есть!

– Хм…. А потом что делал? – Кушарь решил не вникать в вопрос о поляне. Вот так по-человечески не вникать, опасаясь услышать еще какую-нибудь нелепость.

– Смотрел как Нурия проверял наемников, немного поел в трактире на пару медяков, пытался сориентироваться на местно…. Ну, вот и все, в целом.

– Что пытался?

– Неважно, отец. Кушарь глубоко вздохнул, но не стал переспрашивать:

– Пойдем, поработаем.

– Хорошо, – вид Виктора просто излучал готовность немедленно включиться в работу. Это был очень привычный для него вид, предназначенный для того, чтобы производить благоприятное впечатление на преподавателей. Впрочем, часто дальше впечатления дело не шло.

Но, к большому разочарованию Кушаря, даже вечером поработать не пришлось. Они едва только успели собрать инструменты, как запыхавшийся солдат по имени Нарп положил конец их планам.

– Ролт! – закричал он, подбегая к дому лесоруба. – Вот ты где! А ну, живо к господину барону!

– Зачем? – тут же насторожился Виктор, вместе с Кушарем стоящий во дворике.

– Что значит зачем?! – возмутился отец лесоруба. – Тебя господин барон зовет! Иди немедленно! Ишь, спрашивает….

Кушарь даже легонько подтолкнул сына в спину, чтобы придать ему ускорение.

'Вот, господин крестьянин, как обстоят дела, – размышлял Виктор на ходу. – Если позвал жестокий феодал, то нужно бросать все и бежать без разговоров. Или к нему или от него. Главное – не стоять на месте и не переспрашивать'.

Антипов с Нарпом пошли по направлению внутренних ворот. Они миновали стражу у них, потом – не очень большой дворик, огороженный с трех сторон стенами, и войдя в железные двери, оказались внутри помещения. Воздух был сыроват. У Виктора создалось впечатление, что верхняя часть донжона сообщается с подвалами, причем этому сообщению ничто не препятствует. На каменных стенах коридоров висели гобелены, изображающие какие-то битвы или сцены из охоты. Бывший студент успел полюбоваться на то, как загоняют оленя, на странных конных лучников, стреляющих назад, на требушеты, метающие ядра, на тяжеловооруженных воинов, сошедшихся в поединке, и, конечно, на схватку трехруких. Последние, укрывшись за щитами, молотили друг друга палицами, которые, казалось, просто висели в воздухе. Виктор не допускал, что подобные орудия оба бойца одновременно метнули в своего противника.

Поднявшись по лесенке, устеленной красным ковром, Антипов и Нарп прошли немного по очередному коридору и остановились у распахнутой двери.

– Жди там, – сказал солдат. – Господин барон сейчас придет.

Виктор слегка пожал плечами и вошел внутрь. Он оказался в комнате, главной достопримечательностью которой был стол, стоящий посередине. Около стен располагалась деревянные кресла-стулья с высокой спинкой. А больше ничего и не было, за исключением висящих на стенах шкур каких-то животных.

Антипов, оказавшись в одиночестве, потрогал стулья и стол, проверил их на крепость и уже совсем хотел было сесть, как чьи-то шаги отвлекли его. Обернувшись, он увидел стоящую в дверях молодую светловолосую женщину, почти девочку, Маресу, дочь

барона. Она была одета в бело-красное платье с широким подолом и небольшим вырезом на груди.

– Привет, – сказала девушка. – Ты кто? И где мой отец?

– Здравствуйте, госпожа! – Виктор попытался даже неуклюже поклониться. Должно быть тело Ролта выработало условный рефлекс – кланяться при виде дворян. Очень полезный рефлекс, способствующий выживанию, учитывая безалаберное отношение Антипова к сословным вопросам. – Мне неизвестно, где господин барон. Я сам его жду. А меня зовут Ролт.

– Ах, Ролт! Тот самый? – Мареса едва не захлопала в ладоши.

– Не знаю, госпожа, тот или не тот. А какие варианты? Вы бы перечислили мне всех Ролтов, а потом мы вместе выберем лучшего. Это и буду я.

– Странно ты говоришь как-то… для крестьянина. Ты ведь крестьянин, Ролт?

– Несомненно, госпожа. Вы посмотрите на мои руки. На них мозоли от топора.

– У моего отца точно такие же руки. Но он не крестьянин и топором не пользуется.

– Пользуется, госпожа. Но для других целей. Потому что не крестьянин.

– Ролт, ты говоришь как Нартел.

– У меня есть такой недостаток, госпожа. Меня все время с ним сравнивают.

– Ладно, ладно. Понимаешь, я вчера собиралась ехать к своему жениху. Он неподалеку от города живет. А ты, получается, меня спас, когда узнал о засаде.

– Госпожа, у меня и в мыслях не было вас спасать.

– Ролт!

– Что, госпожа?

– Такое нельзя говорить дамам. Любой мужчина должен сказать так: почту за честь оказать услугу.

– Да, госпожа. Когда случайно в следующий раз вас спасу, то притворюсь, что к этому долго готовился… даже сам организовывал покушение.

– Ролт!

– Что, госпожа?

– Нет, ничего…. Я завтра или послезавтра поеду в город все же. Отец будет меня сопровождать на этот раз. И у тебя больше не получится меня спасти.

– Как знать, госпожа.

Девушка обернулась, услышав какой-то шум за спиной и ее губы сложились в улыбку:

– А, вот и отец. Привет, папа. Мы тут с Ролтом беседуем.

В дверях за спиной Маресы возникла долговязая фигура барона. Антипов испытал ни с чем не сравнимое ощущение, которое появляется, когда в первый раз видишь своего нового шефа. Еще ничего толком не знаешь о нем, за исключением слухов, но готовишься к худшему. И это парадокс деловых отношений: потому что когда впервые встречаешь подчиненного, то неизменно надеешься на лучшее.

– Господин барон, – Виктор снова поклонился.

Величественная осанка хозяина замка производила впечатление. Он был одет в белую рубаху навыпуск и черные штаны с кожаными вставками. На ногах почему-то красовались высокие сапоги, более пригодные для верховой езды, чем для повседневного ношения дома, а в руке барон держал короткий меч в коричневых ножнах.

– Слышал я как вы беседуете, – пробурчал Алькерт ан-Орреант, слегка отодвигая дочь в сторону и заходя в комнату. – Вот ты какой, Ролт, о котором все говорят. Что-то я тебя совсем не помню. Или не обращал внимания просто?

– Ваша милость, да как же не обращали внимания? – моментально ответил Виктор. – Когда я еще был маленький, вы мне подарили бублик. Лет десять назад это было. Так тот бублик я не ел до прошлого года. Все хранил как память о вашей милости. И был бы этот бублик у меня до сих пор, да отец его нашел. Смотри, говорит, какой интересный кусок дерева. Как раз подходит для рукоятки пилы. Ну, и забил его туда, господин барон.

Одна из бровей Алькерта устремилась вверх. Он внимательно посмотрел на сына лесоруба.

– Ты присаживайся, Ролт, – барон кивнул на один из стульев. – Нам предстоит, возможно, долгий разговор. А ты, Мареса, иди. Я закончу с Ролтом и тебя позову.

– Хорошо, – девушка кивнула Виктору и вышла.

– Ну-ка, объясни мне, что с тобой произошло, – Алькерт тоже уселся и положил меч на стол перед собой. – А то тут люди всякое говорят.

– Да ничего особенного не произошло, ваша милость. Работал в лесу, не успел отпрыгнуть, очнулся и понял, что так жить нельзя.

– В каком смысле нельзя? – изумился барон.

– Занятие неправильное выбрал, ваша милость. Вот в чем дело.

– Подожди-ка, Ролт, а ты все помнишь из… прежней жизни?

– Из какой прежней, ваша милость? У меня жизнь одна! – Виктор не знал, куда клонит барон, но решил все отрицать

категорически.

– Но помнишь ты все?

– Конечно. С самого рождения почти. Все с того момента, когда научился говорить 'мама', 'папа' или даже 'господин барон'.

Хозяин замка потрогал рукой свой подбородок. Казалось, он принимает какое-то решение.

– Я тебе буду задавать вопросы, а ты отвечай очень быстро, – произнес Алькерт. – Понял?

– Да, ваша милость.

– Как звали твою мать?

– Ариана.

– Что из укреплений замка упало лет пять назад?

– Кусок стены, ваша милость.

– Кого ты больше всех в замке боялся в детстве?

– Господина мага.

– Хм… все верно. Я, конечно, не помню, как звали твою мать, но обязательно уточню.

– Ее звали Ариана, ваша милость.

– Возможно, возможно.

– А нельзя ли мне полюбопытствовать, зачем вы задавали такие вопросы? Очень интересно, господин барон.

– Понимаешь, Ролт, это все из-за нертов.

– Нертов, ваша милость?

– Да. О них мало кто знает, а те, кто знают, помалкивают. Больно неприятная тема. Когда некоторые люди умирают, то потом выясняется, что они как бы и не умерли вовсе. Их память и чувства исчезают, а тело захватывает нерт. Кто он – отдельный разговор. Но в таких случаях нужно немедленно звать жрецов. Они проведут обряд и мертвый снова станет мертвым.

– А кто этот нерт, ваша милость? – Виктора мучило настоящее любопытство.

– Все, Ролт. Все. С твоей памятью порядок, ты помнишь свое детство, значит, ты не нерт. Вот, держи. Это тебе за бдительность.

Барон наклонился, извлек из-за голенища сапога небольшой кошель и бросил его сыну лесоруба. Виктор никогда не был сребролюбцем, но кошель так приятственно звякнул, что теплое чувство благодарности наполнило сердце Антипова. Рассуждая логически, там должно было быть именно серебро. Медь – слишком малая цена за спасение баронской дочки, а золото – слишком жирный кусок для крестьянина.

– Спасибо, ваша милость! – Виктор не знал, как благодарить сюзерена за подарок, но решил ограничиться элементарной вежливостью. Ему безумно хотелось расспросить подробнее о нертах, но он понял, что ответов на этот вопрос уже не получит.

– Да не за что, Ролт, – махнул рукой барон. – Высматривай так же хорошо врагов в будущем. Это и тебе выгодно, видишь?

– Да, господин барон.

– Еще какие-нибудь просьбы есть? Что ты там говорил о том, что каким-то занятием недоволен?

– Ох, ваша милость! Недоволен, конечно, и поэтому просьба есть!

– Выкладывай, – снисходительно разрешил Алькерт. Он не без оснований гордился своим внимательным отношением к 'кадрам'. Если странноватому сыну лесоруба есть что сказать, то пусть говорит. Может и будет какая-то польза. Несколько лет назад барон вот так же прислушался к идее малолетнего помощника конюха истребить посредственных охотничьих собак. Как итог – размер своры снизился, но зато резко возросло качество в целом. Ан-Орреант не был снобом, напротив, считал, что господин должен общаться со своими слугами. Хотя бы для того, чтобы знать, что получит от них безусловную поддержку в трудную минуту. Но, конечно, это не должно идти во вред дисциплине. Барон был последовательным противником панибратства.

– Мне бы хотелось стать воином, ваша милость. Служить, так сказать, на благо замка, – Виктор решил пойти напрямик, если уж барон задал вопрос в лоб.

– Воином? – собеседник поморщился. – С чего это вдруг?

Тон очень сильно не понравился Антипову. С таким тоном не произносят слова согласия. Да и вообще он чувствовал себя не в своей тарелке, отдавая себе отчет, с кем говорит. Лесоруб Ролт не был крепостным в полном смысле этого слова, а был волен уйти в любую минуту, но зато и работал на хозяина бесплатно. За минимальный паек по необходимости и право пользоваться средствами производства, которые принадлежали барону. Конечно, замковый крестьянин мог иметь собственность, но откуда у него деньги на покупку, к примеру, качественного железного топора? Приходилось брать у хозяина. Кроме того, барон, как абсолютный феодал, имел право на суд в своих землях. Любой суд с любым финалом. Он мог оштрафовать, приговорить к телесным наказаниям или даже убить. Виктор учитывал это, стараясь нащупать и не пересекать ту грань, за которой Алькерт прибегнет к крайним мерам.

– Это же благородное занятие, господин барон!

– Благородное, да. А кто лес валить будет? У меня всего один нормальный лесоруб – твой отец. Остальные так, в помощь. Кто займет его место, если ты пойдешь в солдаты?

– Но….

– Никаких но! Я сказал – нет. Это даже обсуждать не хочу, – здесь терпение Алькерта уже дало сбой.

'Ну, господин Станиславский, ваш выход, – Виктор понимал, что именно сейчас решается его судьба. – Быть или не быть. Вот о чем разговор'.

– Талант-то, господин барон! Талант-то какой пропадает! – Антипов растопырил пальцы и возвел руки к потолку. – Нельзя, грешно разбрасываться столь способными кадрами!

– Ты это о чем? – хозяин замка нахмурил брови.

– Талант у меня, – проникновенно сообщил Виктор. – Воинский. И нет мне покоя с тех пор, как его заметил. Все крутит, вертит… внутри. Вот здесь. Антипов с силой ударил себя в грудь.

– И зовет, зовет, господин барон! Просто кричит: иди в бой, Ролт! Убивай врагов! Ты рожден для этого! И чувствую – так и есть. Рожден.

Алькерт поправил воротник рубашки и с подозрением уставился на собеседника. Не нужно быть физиономистом, чтобы понять, о чем он думает. Ролт окончательно спятил – вот о чем.

– Какой еще талант? Сходил бы ты к лекарю, я распоряжусь.

– Воинский талант, господин барон. Опасаюсь, что лекарь не поможет. Разве можно вылечить дар, данный свыше? Не думаю.

– Данный свыше? – по виду хозяина замка можно было решить, что он начал закипать. – Пока что свыше тебе могут дать лишь плетей. От меня. За дерзость. Плети в планы Виктора никак не входили.

– За что, господин барон? Я же как на духу! Словно родному отцу все выложил. Поделился тревогами. Спать не могу. Все о сражениях думаю.

Последнее было абсолютной правдой. С тех пор, как Антипов узнал о роли, которую приготовил для него Арес, он начал подозревать, что его сон ухудшится.

– О сражениях? Да? Ну-ка, пойдем. Иди за мной.

Барон быстро встал и широкими шагами направился к выходу. Его резкие движения выдавали раздражение. Виктор бросился за ним, стараясь не отставать.

Они прошли по короткому коридору, спустились по той же лестнице, которая привела Антипова наверх, но затем повернули прочь от входной двери. Барон шагал быстро, привычными движениями огибая углы.

– Заходи! – Алькерт остановился так внезапно, что Виктор чуть не врезался в его спину.

Перед взором бывшего студента предстала очередная дверь. Барон рывком открыл ее и Антипов осторожно вошел внутрь. Там посередине комнаты висел какой-то снаряд, прикрепленный к

потолку. Виктор сначала даже не понял, что это, но хозяин замка был так добр, что пояснил.

– Это – молотилка, – сказал он. – Ее используют для того, чтобы тренировать реакцию и точность движений воинов. Ну, и проверять заодно. Вот сейчас тебя и проверим.

Бывший студент сглотнул. Устройство, именуемое молотилкой, висело неподвижно, но несмотря на это, имело устрашающий вид. Оно было украшено длинными и многочисленным палками на шарнирах и цепями, торчащими в разные стороны. На толстом бревне, составляющем стержневую часть снаряда, выделялись три красных пояса. Один на самом верху, второй посередине, а третий внизу.

– Видишь эти метки? – барон показал на странные пояса. – По ним и будешь бить. Так, чтобы молотилка тебя не задела. Сейчас ее раскрутят и начнешь. Вон, возьми палку в углу.

Виктор посмотрел туда и увидел большую плетеную корзину, в которую были сложены деревяшки, подозрительно напоминающие тренировочные мечи, используемые для оценки качеств солдат, пытающихся наняться на службу. Пока он нерешительно двигался в сторону угла, хозяин замка вышел в коридор и закричал что было сил:

– Эй, там! Есть кто-нибудь поблизости?!

В ответ на крик тут же послышался топот ног. Через несколько секунд пара воинов мелькнула в распахнутых дверях.

– Так, мне нужен лишь один, – сказал барон. – Ты, Манкер, заходи. Ректа свободен.

Уже позднее Виктор узнает, что в этой части донжона было несколько тренировочных помещений, где солдаты могли совершенствовать свои навыки. Алькерт ан-Орреант был рачительным хозяином, стремящимся выжить в сложном мире междуусобиц. Это заставляло его заботиться о своей небольшой армии. Рыжеусый воин, одетый в простую кожаную куртку, вошел в комнату.

– Крути, – распорядился барон. – И побыстрее.

– Что, совсем быстро, ваша милость? – удивился солдат.

– Совсем. Начинай.

Манкер подошел к деревянной рукоятке, прикрепленной к стене, и плюнув на руки, взялся за нее. Виктор отчетливо видел, что рукоять сообщается посредством грубых шестерен и ремней с висящим снарядом.

– Это – одна из самых моих удачных покупок, – с гордостью сообщил барон, показывая на устройство. – Заплатил за чертежи кучу денег, но они того стоят. Пара месяцев тренировок с молотилкой и солдат начинает совсем по-другому уходить от

ударов.

К ужасу Антипова, цепи, прежде спокойно висящие, начали подниматься по мере ускорения вращения. Та же участь постигла и палки, приделанные к бревну то ли с помощью коротких ремней, то ли каких-то шарниров. Из общего числа палок только три были прикреплены неподвижно. Вскоре снаряд был окутан мелькающими тенями, чуть ли не со свистом рассекающими воздух.

– Чего ты стоишь? – удивился барон, обращаясь к сыну лесоруба. – Бей! Думаешь, солдат будет ее вечно крутить? Он устанет скоро.

– К-как бить, ваша милость? – Виктор отметил, что плохо выговаривает слова. Его тренировочный меч был гораздо короче 'отростков' бревна.

– По красным пятнам бей. Живо!

– Но….

– Быстро, я сказал!

Антипов, тяжело вздохнув, подошел к снаряду поближе. И едва успел отшатнуться – какая-то цепь рассекла воздух в миллиметрах от его носа.

– Или ты сейчас же покажешь мне, какой из тебя великий воин, или получишь десять плетей, – сообщил барон, с интересом наблюдая за перемещениями Ролта. – Тут нет ничего сложного. Чтобы справиться с этим упражнением, тебе не нужно быть солдатом. Достаточно иметь те навыки, о которых ты так красиво говорил. Бей!

Это крыть было нечем. Виктор развернулся боком к молотилке и, резко выбросив вперед руку, сделал выпад. Спину тут же обожгло ударом, потом последовал еще один по месту, расположенному более низко, затем – что-то чиркнуло по бедру. Сын лесоруба рухнул как подкошенный, стараясь еще в полете откатиться подальше от опасного устройства.

– Вставай, – безжалостно сказал барон. –Ты промахнулся, к тому же слишком медленно отскочил назад после удара. Еще раз. Пробуй!

Антипов с кряхтением поднялся. Спина дико болела. Настолько сильно, что он не мог чувствовать боли в бедре. Хотя уже слегка хромал.

– Быстро, быстро! – подгонял барон. – Или ты боишься бревна?

Бревен Виктор не боялся. Но лишь тогда, когда те спокойно лежат на земле и не крутятся в воздухе с бешеной скоростью. Он снова стал бочком к устройству, поднял согнутую в локте руку и нанес удар. И на этот раз молотилка поразила плечо. Антипов

вскрикнул и схватился за больное место. Ему казалось, что кто-то стукнул по плечу кувалдой.

– Вот что, – сказал барон. – У тебя есть еще одна попытка. Если ты нанесешь удар так, чтобы попасть в любое из пятен и тебя не заденет, то, так и быть, прощу твои речи о… гм… воинском даре, данном свыше. Не сделаешь – десять плетей. Понял?

'Вот так рождаются мальчики для битья, – с тоской подумал Виктор. – Дались ему эти плети! Что я, раб какой?! Нет, у меня есть чувство достоинства. Не будет плетей. Сбегу, если что, и пропади оно все!'

– Ваша милость, а какие-нибудь ограничения есть? – спросил он. – Ну, как бить можно, а как – нельзя.

– О чем ты, Ролт? Какие еще ограничения? Бей, как бьется. Лишь бы результат был.

– Я должен попасть в красное пятно любым способом с помощью этой палки, правильно, господин барон?

– Уже тебе сказал об этом. Да! – Алькерт снова стал раздражаться. Но одновременно с этим в его глазах зажглось любопытство. Ему стало интересно, откажется ли сын лесоруба от последней заведомо безнадежной попытки.

Тот не отказался. Вместо этого Виктор, к удивлению всех присутствующих, лег на пол, и пополз по-пластунски к снаряду, волоча за собой меч. Между полом и молотилкой был существенный зазор, вот туда-то и забрался бывший студент. Потом извернулся, страстно надеясь, что при этом маневре нижние палки и цепи не заденут его, а Манкер не снизит скорость вращения.

Они не задели, а Антипов оказался на спине. Подтащив меч, он прижал его к груди и замер, выжидая момент. Барон смотрел на сына лесоруба округлившимися глазами. Виктор же, внезапно решившись, нанес удар из положения лежа. Меч, моментально выбитый какой-то цепью, отлетел далеко в сторону и врезался в стену. Но перед этим все заметили, что он все-таки коснулся самого нижнего красного пятна. Экзаменуемый не стал испытывать судьбу дальше и, извиваясь как змея, выполз из-под молотилки.

– Стоп! – распорядился барон. – Манкер, свободен.

Солдат отпустил рукоять, коротко поклонился и вышел. Виктор же поднимался на ноги, стараясь при этом не стонать.

– Ну, знаешь, Ролт, такого я еще не видел, – сообщил Алькерт. Его тон был значительно мягче. – А ты горазд на выдумки, как я посмотрю. Хм… молодец.

– Я… могу считать, что зачислен в солдаты? – уточнил

Антипов. Барон тут же расхохотался, взявшись руками за бока. Смеялся он от души.

– Ролт, наглость раньше тебя родилась, – сообщил хозяин замка, справившись с приступом смеха. – Ну какой из тебя воин? Ты безобразно медленно двигаешься! И это уже не исправить. Не видишь, что перед твоим носом творится! Не можешь сосредотачивать внимание на нескольких предметах одновременно! Ты хоть спасибо скажи, что я плети отменил. Все-таки мой приказ исполнен. Хотя и таким странным образом.

– Но как же….

– Никаких солдат, Ролт! Забудь! Конечно, ты мог бы подучиться, но раньше нужно было начинать. У тебя вообще нет способностей. Разве что сила, но она не всегда нужна. Пойдешь в следующий раз в ополчение, если уж так хочешь повоевать.

– Ваша милость, но хотя бы потренироваться просто у кого-нибудь из воинов, – Виктор чувствовал себя обескураженным. В глубине души он питал надежду на то, что удастся уговорить барона разрешить ему обучаться воинским умениям и выполнить пожелание Ареса. А одного ополченца никто специально учить не будет. Только в общем порядке.

– Потренироваться? – барон снова поднял бровь. – Чтобы ты потом продержался минуту против десятника, а я был бы вынужден сдержать слово и взять тебя в дружину? Ну уж нет! Я ведь знаю, что тот же Нурия к тебе хорошо относится и, возможно, не будет бить в полную силу. Нет!

– Но….

– Все! Не хочу об этом говорить! Ты идти можешь?

– Да, господин барон, – горько вздохнул Антипов.

– Тогда иди. Если тебе очень плохо, то разрешаю зайти к лекарю. Скажешь, что я послал.

Виктор обескураженно побрел к выходу, прихрамывая. Это место ему не нравилось самым решительным образом. Барон – деспот и самодур, как с таким можно иметь дело? На уступки вообще не идет! Эти плети еще… мерзость какая. Антипов был всегда противником телесных наказаний, особенно, если они касались его. Сейчас ему с новой силой захотелось домой. К любящим родителям, к веселым друзьям, к беспечным сокурсникам…. И почему это все с ним произошло? Несправедливо так, очень несправедливо.

Дойдя уже до самой двери, Виктор обернулся. Несмотря на плохое настроение, он не был склонен легко сдаться, а решил зайти с другой стороны.

– Ваша милость, а можно высказать просьбу? Она не имеет отношения к воинским умениям.

– Можно, Ролт, говори, – тут же согласился барон. По тому, как он, присев, осматривал промежуток между молотилкой и полом, легко было заключить, что метод сына лесоруба произвел на него неизгладимое впечатление.

– Дочка вашей милости, Мареса, сказала мне, что скоро вы в город отправитесь…. Господин барон, нельзя ли взять меня с собой? Я обузой не буду, а город посмотреть очень любопытно. Ведь никогда не был там! – Виктор, потерпев фиаско с первым заданием Ареса, решил реабилитироваться на втором, по крайней мере, составив впечатление об этом мире.

Алькерт слегка пожал плечами. Неожиданная просьба застала его врасплох. Но по выражению лица барона Виктор понял, что его вопрос не вызвал отторжения. Видимо, свита будет настолько большой, что тому уже все равно, кого брать, а кого нет.

– А польза от тебя какая? – поинтересовался хозяин замка.

– Да я все могу, ваша милость! В топорах и деревьях разбираюсь. Это раз. Пою хорошо. Это два. С молотилкой сражаюсь. Три!

– Нет от тебя пользы, Ролт, – подытожил барон. – Но язык хорошо подвешен. Будешь, если что, мою дочь развлекать. Нартел в замке остается, а мне нужно, чтобы она жениха встретила с улыбкой на лице, а то ей будущая свадьба совсем не нравится. Не хотелось бы, чтобы сделка сорвалась.

– Будет улыбка, ваша милость! Да я….

– Все, замолчи. Выезжаем послезавтра. Утром. Иди уже наконец.

Глава 10.

Дорога коричневой лентой тянулась далеко вперед. Если не оглядываться, то кажется, что путь существует лишь впереди. Сзади ничего нет. Достаточно смотреть прямо перед собой, внимательно изучая каждый поворот, и прошлое исчезает. Человек превращается в чистый лист бумаги, на котором еще ничего не написано и можно изобразить все, что угодно. Главное – не думать ни о чем, кроме коричневой дороги, по которой шагаешь. Прошлого нет, а будущее совершенно ясно.

Однако Виктор не мог не думать. Его терзали заботы. Он трясся в повозке, смотрел вперед, но дорогу не видел. Вместо нее перед его мысленным взором вставали события последних двух дней.

'Что делать дальше? – размышлял он, одновременно передразнивая вопрос Ареса. – Да то, что получится! Подумаешь, не могу пока что приступить к тренировкам. И из этой мелочи кое-кому нужно было раздуть целое дело, господин Шерлок Холмс! Сил у Ареса нет, видите ли. Толчок ему нужен. Существенный. От единственного жреца, с которым у него связь…. Победа ему требуется… в его честь, к тому же. Вот странный товарищ. Откуда я ему возьму эту победу? С Терроком подерусь, что ли? Много богу войны будет толку от мордобоя. Вообще любопытно, сколько воинов мне нужно одолеть, чтобы образовался этот самый первый толчок? И еще более любопытно: каким это образом я сумею победить столько? Да еще в честной схватке. Нет, конечно, я смогу одержать верх над профессиональными солдатами, но только если сядем в лото играть. Интересно, здесь играют в лото? Ну почему мне не достался какой-нибудь покровитель любви, а прямолинейный бог войны? С покровителем любви, а еще лучше – с покровительницей, я бы точно поладил.'

Сразу после разговора с бароном Виктор направился к лекарю. Не потому, что очень уж плохо себя чувствовал, а потому, что ему хотелось многое разузнать, а также наладить хорошие отношения с представителем местной медицины. Мало ли что случится. У Антипова безалаберность временами удивительным образом сочеталась с практичностью.

Бывший студент, конечно, неоднократно встречался с врачами на протяжении своей жизни в прежнем мире. Он даже делил их на две условные категории: на тех, кому нет никакого дела до него лично, но есть дело до его болезни, и на тех, кому наплевать и на то и на другое. Виктор очень уважал первую

группу из-за их искренности. Если доктор не болтает о том о сем, а задает вопросы по существу и не позволяет себя сбить, – вот это хороший специалист. В конце концов, трудно ожидать, что кому-то из незнакомых людей будет интересна личность Антипова. За исключением психиатра, возможно. А вот если врач встречает тебя широкой артистической улыбкой и начинает обсуждать погоду, природу, последние политические события и масть своего кота-переростка, живо интересуясь взглядами пациента на означенное и явно пытаясь произвести хорошее впечатление, то все, это – вторая группа. Данный врач держится на плаву именно вследствие этого самого хорошего впечатления, а не из-за своих профессиональных качеств. Виктор не переставал удивляться, почему у второй категории докторов всегда полный аншлаг. Отчего люди смотрят не на результаты, а на вывеску? Загадка.

Лекарь замка, щуплый старичок со странный именем Паспес полностью соответствовал первой категории. Он так зыркнул на посетителя, что у Виктора моментально отпало желание не только говорить о чем-то постороннем, но и жаловаться на здоровье. Однако Антипов был не из тех, кто так легко отступает от своих планов.

– Здравствуйте, господин Паспес, – вежливо поздоровался бывший студент. Врач замка занимал не самую высшую ступень в иерархии, но стоял гораздо выше подмастерья лесоруба.

Тот, одетый в поношенную синюю куртку, штопанную уже много раз, еще более недобро посмотрел на сына лесоруба и пробурчал, не вставая из-за высокого стола, за которым сортировал травы:

– Ты кто такой? Зачем пришел?

– Я – Ролт, сын лесоруба Кушаря, – охотно ответил Виктор, чувствуя себя как двоечник, выпрашивающий академ у сурового декана, – меня послал господин барон. Потому что здоровье не очень.

Дело происходило в том же донжоне, только в комнатке, расположенной в полуподвальном помещении. Лекарю принадлежало то ли три, то ли больше комнат, Антипов еще не разобрался с их количеством. По крайней мере, он прошел через одну, чтобы оказаться в каморке, уставленной многочисленным кастрюлями и плошками и украшенной связками трав. Некоторые плошки, очевидно, были недавно сняты с огня, потому что их содержимое еще дымилось. Запах представлял из себя нечто непередаваемое, одновременно бодрящее и наводящее на мысли о бренности всего сущего. Из комнатушки вела еще одна дверь. Закрытая.

– А что со здоровьем? – поинтересовался доктор, оглядывая

Виктор с ног до головы. – Все на месте, ран не вижу, ходить можешь…. 'Ходить могу, значит, здоров, – подумал Антипов. – Слава Гиппократу!'

– У меня с головой проблемы, – ответил он. – Господин барон даже за нерта принял….

Фраза была глубокомысленной и удачной. По крайней мере, бывший студент на это надеялся. При счастливом стечении обстоятельств он мог заодно узнать, кто такие нерты.

– То, что проблемы с головой, я и так вижу, – неожиданно отозвался старичок. – Вошел без стука, не поклонился, словно дворянин, говоришь странно: 'У меня здоровье не очень', 'проблемы'…. Уважаемый Ролт, если ты конечно на самом деле Ролт, дети лесорубов так себя не ведут и не говорят. И даже если знают, что такое 'проблемы', то слов таких не употребляют. Но и на нерта ты не похож. Они другие.

'Прокол, – очевидная мысль не заставила себя долго ждать. – Причем, прокол за проколом. Получается, что все это время я вел себя совсем необычно для крестьянина? И всем остальным это было ясно! Почему же они никак не реагировали? А… понял. Они знали, что Ролт – дурачок. Да-с, господин Юнг, похоже, что людей, знакомых с сыном лесоруба, чудачествами не удивишь. Другое дело – почтенный доктор…'.

– А… почему не похож на нерта, господин Паспес? – хитрый Виктор решил убить одним ударом двух зайцев: получить информацию и отвлечь внимание лекаря от щекотливой темы.

– В глазах нерта безумие, – пробурчал старичок, – даже если они пытаются притворяться обычными людьми, этого не скрыть. Так что у тебя за 'проблемы', Ролт?

Виктор вздохнул. Это не был вздох разочарования, скорее, радости. Ему нравилось постоянно рассказывать одну и ту же байку по поводу дерева, потому что он мог бесконечно улучшать ее. И сейчас новая, более красивая история полилась на благодарного слушателя. Из нее выходило, что дерево рухнуло не просто так, а в тот момент, когда он растерялся, увидев тропу, оставленную врагами. Иными словами, не просто получил производственную травму, а пострадал, защищая замок! Лекарь красочное повествование 'съел', почти даже не подавившись, разве что хмыкнув пару раз.

– Голова болит до сих пор? – буркнул он, когда сын лесоруба умолк.

– Нет, господин Паспес, только странные идеи в нее приходят. Вот, например, сейчас безумно хочется узнать, кто такие нерты.

– Совсем не странная идея, – ответил лекарь. – Мне тоже это

хочется узнать.

– А разве вам неизвестно? – удивился Виктор. Старичок забавно приподнял свои кустистые брови.

– Вот представь, – сказал он. – Живет себе человек, просто живет и никого не трогает. А потом в один прекрасный день умирает. Без всяких причин. И когда его собираются хоронить, внезапно оживает. Но он уже не тот, кем был раньше. Совсем не тот.

– Но как….

– Если у тебя ничего не болит, чего тебя ко мне принесло? – перебил Виктора лекарь.

– Так объясняю же: соображаю не так, как раньше.

– Это не страшно. Главное – кланяйся перед господином бароном и не противоречь. Проживешь как-нибудь.

– А нельзя ли….

– Что?

– Мне очень хочется научиться читать и писать, господин Паспес.

– Что?!

– Вот видите, а говорите, что желания не странные. Странные, господин Паспес, еще какие….

– Н-да. А что еще хочешь?

– Мне также хочется стать воином и изменить как-то свою жизнь. Разбогатеть, что ли… и чтобы меня все уважали… и чтобы женщины любили… и чтобы я пел очень хорошо….

– Пел?

– Да, господин Паспес, петь тоже хочется.

На этот раз старик озабоченно покачал головой, встал из-за стола и побрел к дальнему углу комнаты. Там он снял с потолка пучок какой-то травы и встряхнул его, чтобы избавиться от пыли.

– Держи, – лекарь протянул траву Виктору. – Завари это все в большом горшке и пей по паре глотков несколько дней подряд каждое утро.

– А что это? – с подозрением осведомился Антипов, принимая лекарство.

– Это тебя успокоит, Ролт, – ответил Паспес. – Попьешь немного и желания уйдут. Главное – не перестарайся, а то работу выполнять не сможешь, спать только будешь, да и все.

'Лучшее средство быть счастливым – не выполнять свои желания, а избавиться от них. Спасибо, господин эскулап. Вашей травке на нашем Востоке бы цены не было. Ну да ничего… может быть еще продам кому-нибудь'.

– Очень благодарен, господин Паспес. Непременно все выпью. Прямо завтра же и начну.

– Если больше нет никаких жалоб, то проваливай. У меня мало времени.

Виктор церемонно попрощался, демонстрируя вежливость и почтение, а после этого отправился домой. У него не было никакого желания пить подобное лекарство. Но выбрасывать тоже не хотелось. Штука интересная, может быть когда-нибудь и понадобится. У бывшего студента, предоставленного самому себе, начала просыпаться хозяйственная жилка.

От размышлений о вчерашнем дне Антипова отвлек Нарп. Солдат подъехал к нему и, наклонившись, тихо сказал:

– Господин барон распорядился, чтобы ты пообщался с его дочерью. Она совсем печальна. Развлеки ее как-нибудь.

Виктор кивнул. Алькерт ан-Орреант сдержал свое слово и взял сына лесоруба с собой. Сейчас довольно большая процессия, состоящая из двух карет, трех повозок и почти четырех десятков солдат двигалась по направлению к городу. Барон сразу сказал Ролту, в чем будут заключаться его обязанности. Мареса отнюдь не горела желанием выйти замуж за одного из соседей, а тот тоже колебался. Между тем Алькерту этот брак был очень нужен – в качестве приданого он отдавал приличное поле, но зато получал кусок большого тракта в свое владение. Этот тракт, соединяющий между собой два крупных города, мог принести существенную прибыль. Поэтому Мареса должна была радостно встретить своего жениха, чтобы у того не было причин отказаться от сделки. Первоначально планировалось, что дочку барона будет сопровождать Нартел, менестрель, который возьмет на себя все хлопоты. Но засада изменила планы. Нартел, доверенное лицо Алькерта, остался в замке с баронессой и сыновьями ан-Орреанта. Сам же хозяин мог отлично отбить почти любую атаку, но настроение дочери было неподвластно ему. Ролт с его странноватым и забавным чувством юмора появился как нельзя вовремя.

Виктор спрыгнул с телеги и трусцой побежал к одной из карет. Вот уже несколько дней он находился в новом для себя мире. Кое-что узнал, но мало чего достиг. И это сильно беспокоило. Больше всего Антипов не хотел оказаться в объятиях рутины, которая, как известно, засасывает. Очутиться в той ситуации, когда дни похожи один на другой из-за унылой однообразной работы и столь же неяркого окружения. По сути, именно поэтому он и пытался выбрать специальность, которая была бы насыщена чем-то новым. Однако Виктор подозревал, что некая сущность по имени Арес все равно не позволила бы ему оказаться в болоте. Арес требовал, торопил и грозил неприятными последствиями.

– Мой друг, нам ждать нечего, – говорил он. – Чем раньше начнем, тем лучше. Ситуация здесь неспокойная, тебя могут убить в любой момент и что потом? Помочь тебе уже никак не смогу. Да и я тоже сколько продержусь без верующих, привязанный к этой местности, словно всеми забытый идол? А у идолов, между прочим, статуя есть. И, кстати, мне она бы тоже не помешала. Но об этом потом поговорим. Реши главный вопрос. Главный!

Антипову казалось, что если он станет воином, то его убьют еще быстрее, чем в качестве скромного лесоруба, но Арес аргументы подобного рода даже не желал слушать.

– Если ты станешь воином, то у нас может что-то получиться. А если не станешь, то шансов вообще нет. А если местные боги – те, кого я в них подозреваю, то они уже ищут. Наверняка ищут нас. Поэтому при встрече с их жрецами будь осторожен. Обычные жрецы могут вообще ничего не знать о происходящем, но если что-то заподозрят и сообщат выше, то нас ожидает быстрая смерть, если тебя схватят, или медленная, если тебе удастся бежать.

Виктору это все не понравилось. Мало того, что Арес не желал пока что прояснять свои подозрения, тон бога войны был очень серьезен. После разговора с ним у Антипова впервые появилось чувство, что текущее спокойствие, если конечно это можно назвать спокойствием, мнимое. Он уже более-менее привык к обстановке, поэтому резкие перемены к худшему были бы нежелательны, мягко говоря.

Когда Виктор догнал карету, где сидела Мареса, то обнаружил, что шторки на дверцах открыты. Внутри, кроме девушки, находился барон. Судя по выражению лиц обоих, разговор не клеился. Алькерт, увидев Ролта, сделал знак рукой: дескать, давай, отрабатывай свой хлеб. Антипову не понравилась мысль, что его снова собираются использовать в качестве артиста легкого жанра, но выбор был невелик. Можно даже сказать, что выбора вообще не наблюдалось.

Сын лесоруба неуклюже забрался на подножку и, наклонившись, просунул голову в окно в дверце. Что-то ему подсказывало, что внутрь барон не пригласит. Убранство экипажа оставляло желать лучшего. Сиденья были обиты какой-то красно-коричневой тканью не первой свежести, а под этой самой тканью угадывался хлипкий наполнитель. Рессоры тоже не поражали воображение. Потому что их вообще не было, и Антипов ярко себе представлял, как сидящие ощущают своими спинами каждую неровность дороги. С его точки зрения, длительная поездка в подобной карете требовала большой выдержки. Хотя, возможно,

подушечки, на которых сидела Мареса, все-таки хоть как-то смягчали ход. Девушка держала в руках небольшую обезьянку, купленную несколько лет назад у приезжего торговца, видимо, за баснословные деньги. Зверьку поездка не нравилась, судя по тому, как он вцепился в платье дочки хозяина замка.

– Здравствуйте, ваша милость, здравствуйте, госпожа, – Виктору даже удалось слегка поклониться, несмотря на неудобство положения. Барон сухо кивнул, а Мареса посмотрела на Ролта доброжелательно:

– Привет, мой спаситель. Тогда-то ты спас меня не только от засады, но и от встречи с женихом, надо сказать. Антипов тут же отметил, что лицо Алькерта еще больше помрачнело.

'Хорошенькое начало, – подумал Виктор. – Буду веселить бедную девушку. И зачем ее выдавать замуж так рано? Она ведь почти ребенок'.

– Госпожа, спасать женщин от женихов – неблагодарное занятие. Вполне может оказаться, что каждый последующий претендент на руку будет хуже предыдущего. Я расскажу вот какую историю. Однажды у одного высокоученого и во всех отношениях приятного молодого человека, которого звали Викто…, просто Викто, была знакомая. Веселая девушка, пользовалась большим успехом у мужчин. И вот однажды некий торговец в летах сделал ей предложение. Он был богат и еще неплохо выглядел. Она спросила у Викто, что ей делать. Викто тут же сказал, чтобы даже не раздумывала, а соглашалась. Тот мужчина был приличный. Но она не послушала его, а вышла замуж как бы по любви за своего сверстника, а за пожилого богача пошла ее подружка. И что получилось в результате? Ее сверстник оказался пьяницей и даже больше – одурманивал себя разными способами. Зато пожилой мужчина был очень хорошим семьянином: ни в чем не отказывал жене и любил детей. Потом эта знакомая вышла замуж еще раз. Второй муж вообще оказался преступником. Подружка, которая была не такая красивая, устроила свою жизнь гораздо лучше красавицы. А все потому, что воспользовалась мудрым советом всеми уважаемого Викто, умного и хорошего человека. В любви, госпожа, нужно руководствоваться здравым смыслом: жить с тем, с кем точно получится прожить, а любить того, кто находится как можно дальше. Расстояние укрепляет любовь и делает ее чище настолько, что любящий впоследствии вообще перестает нуждаться в объекте своей любви.

Виктор осекся. На него удивленно взирали две пары глаз, но выражение лиц собеседников было различным. Если Мареса смотрела просто изумленно, то гримасу барона можно

истолковать лишь одним способом: 'И этот болтун – лесоруб? Если так, то я – вожак арнепов. Все-таки не помешало бы, чтобы жрец на него взглянул. В крайнем случае – маг. Что-то здесь нечисто'.

– Но я никого не люблю, – сказала девушка, справившись с замешательством.

– Это даже лучше, госпожа, – поспешил заверить ее Виктор. – Тогда любовь появится после свадьбы. И хорошо, если так, но нужно стараться, чтобы муж ничего не знал.

– Гм… Ролт! Чему ты учишь мою дочь? – тон барона был недовольным.

– Почитать отца, ваша милость, – ответил Антипов. – Вот, допустим, когда солдаты выполняют ваш приказ, вы же не требуете, чтобы они это делали с радостью? Вам все равно, что они там думают себе, лишь бы подчинялись. Так и в семье. Главное – видимость. И все счастливы.

Лицо Алькерта приобрело страшное выражение. Казалось, что он сейчас закричит на Виктора, но дочь вмешалась вовремя.

– Но, папа, он в чем-то прав! – сказала она. – Я ведь подчиняюсь тебе в этом браке. И мне приходится делать вид, что меня все устраивает.

– Вот и улыбайся! – рявкнул на нее барон. – Когда встретишь ан-Реттеа, улыбайся! А ты, Ролт… иди-ка отсюда. Нашелся тут философ. Позову, когда понадобишься.

'Недолго музыка играла, – подумал Виктор, соскакивая с подножки. – Сам позвал меня, чтобы я дочь убеждал, а теперь прогоняет. А я ведь преуспел! Есть еще неблагодарные люди. Бездуховность'.

Он взгромоздился обратно на телегу и поехал дальше, размышляя о многих вещах. Во-первых, о том, как же все-таки убедить господина барона дать разрешение на тренировки. Во-вторых, как будут развиваться события, если это разрешение все-таки будет получено. В-третьих, Виктор на полном серьезе думал, не сбежать ли ему по прибытию в город. А что? Деньги у него имелись, на первое время должно хватить, местные обычаи он более-менее знал, а в городе можно найти воинов, готовых его хоть чему-то научить. За плату, конечно. Останавливала только одна мысль: как быть с Аресом. Насколько понял Антипов, бог войны оказался прочно привязанным к местности, к той самой полянке, и не мог удалиться от нее ни на шаг, если, конечно, у него вообще есть шаги. Виктор весьма смутно представлял себе суть этой привязанности, но предполагал, что рано или поздно Арес просветит его. Пока что представитель античной Греции выдавал информацию весьма скудными порциями. И хотя

Антипов сетовал на это, но в глубине души понимал, что такой подход может быть верен. Зачем ему знать что-то лишнее? С точки зрения бога войны, время еще не пришло. И Виктор никак не мог улучшить существующий план, даже обладай он всей полнотой знаний. Видимо, от сценария, предложенного Аресом, не существовало отступления.

Однако не успел Антипов как следует обдумать идею бегства в город с последующим возвращением на поляну, как раздался крик одного из трех солдат, ехавших в авангарде:

– Впереди люди! Много!

– Первый, третий, четвертый десятки вперед! Второй – на месте! Повозки – стой! – голос сотника прозвучал чуть ли не одновременно с криком впередсмотрящего. Но казалось, что барон вылетел из кареты еще быстрее и, нахлобучив шлем, забрался на лошадь, оставаясь неподалеку от своей дочери.

Виктор подивился отлаженности процесса встречи с незнакомцами. Видимо, в этом мире слабо верили в то, что все люди братья, а любовь к ближнему почти не отличается от любви к ближней. Вокруг было поле: справа, слева и впереди. Лишь далеко за спиной темнела узкая полоска леса.

– Шире повозки, шире! Чтобы были готовы к повороту по приказу! – сотник Керрет не унимался, ценные указания лились из него сплошным потоком. Но, надо сказать, они исполнялись. Возницы взяли под узду тягловых лошадей, готовые в любую минуту последовать распоряжениям.

Антипов отметил, что барон молчал и не вмешивался в процесс, видимо, полагая, что его личный командующий справится лучше.

– Пятнадцать человек! – уточнил вернувшийся гонец на быстрой лошадке, высланный вперед.

Насколько Виктор мог судить, после этого известия напряжение немного спало. Пятнадцать человек не представляли существенной угрозы для хорошо обученного крупного отряда, хотя и вызывали удивление самим фактом своего появления в этой местности.

– Первый, третий, четвертый десятки вперед! – повторился сотник. – Остальные – с обозом!

Солдаты съехали с дороги на поле и цепью двинулись в сторону непонятного отряда. Они не спешили, но что-то подсказывало Антипову, что стоит только прозвучать приказу, как лошади перейдут на галоп, а копья, поднятые наконечниками вверх, немедленно опустятся, приняв положение, близкое к горизонтальному. Виктор слабо разбирался в видах конницы, но считал, что баронское подразделение занимает промежуточное

положение между 'легкой' и 'тяжелой'. Солдаты не были закованы в пластинчатые доспехи с ног до головы, однако каждый из них носил кольчугу и куполообразный шлем, а многие – еще и толстую кожаную куртку с нашитыми металлическими бляхами. Алькерт и сотник Керрет были вообще одеты в блестящую броню, очень напоминающую полудоспех. Солдаты же вооружены стандартно: копье, меч, щит и короткий лук, притороченный к седлу. Антипов не знал, умеют ли воины стрелять из лука во время быстрой езды и практикуется ли подобное в целом.

– Кто они такие? Как выглядят? – барон, оставшийся на месте, начал расспрашивать гонца.

– Они все с оружием, ваша милость. С ними две телеги, – доложил тот.

– Телеги? Может быть купцы?

– Может быть, ваша милость, трудно понять.

– Ладно, подождем. Но что здесь делать купцам? Они ездят севернее. Странно….

Даже Ролту было известно, что замок ан-Орреант располагался в глуши. Купцы, конечно, могли проезжать по баронским землям, но лишь в том случае, если направлялись к самому барону. Или от него. Какой смысл делать крюк, чтобы переехать из города в город? Виктору это было столь же любопытно, как и Алькерту. Даже к соседям барона вели более краткие пути, если прокладывать их из крупных населенных пунктов.

Вестовой от сотника вернулся быстро. Но и по тому, как сжалась цепь воинов впереди, было ясно, что сражение, как минимум, откладывается.

– Господин барон, это – торговцы! – отпрапортовал солдат. – Их главный сейчас сюда прискачет.

– Вот как, купцы все же, – задумчиво пробормотал барон, обозревая горизонт, сидя на могучем жеребце. – И едут через мои земли…. В тайне…. Ничего мне не заплатив….

'О, бедные торговцы, – подумал Виктор. – Сейчас его милость им популярно объяснит правила поведения в феодальном мире. Интересно, сколько телег у них останется после этого, если сейчас в наличии только две? Задачка из курса занимательной механики, господин Ньютон. И, кстати, не подбросить ли мне барону идею, что означенные торговцы уже не в первый раз этой дорогой пользуются? Заодно и узнаю, могут ли существовать отрицательные количества телег'.

Глава 11.

Подземный тоннель был мрачен и сыр. Его освещали лишь редкие чадящие факелы. Казалось, что дело происходит в жутком огромном склепе. Впрочем, почему казалось?

Жрец Аренеперт, посвященный пятой ступени, шел по гигантской гробнице, построенной под городом. Первые камни ее были заложены еще в незапамятные времена. Бело-зеленая мантия жреца колыхалась при ходьбе, изредка задевая серые холодные саркофаги. Эти саркофаги стояли у стен друг на друге до десятка в каждом столбе. Они были одинакового размера, но отличались лишь барельефами и надписями. Их было много, очень много, тысячи. К гробнице постоянно достраивались новые коридоры, идущие то вбок, то вниз. Всех умерших в Парреане хоронили здесь. Традиции и религия предписывали это. Даже бездомных, у кого не было денег на покупку личного саркофага, сваливали в общий, тщательно утрамбовывая. Для этой цели открывали даже старые гробницы с полуистлевшими останками таких же бродяг и подкладывали туда новые трупы.

Жреца одолевали заботы. Он только что закончил церемонию, проводил в последний путь члена одной богатой семьи. Та семья выкупила целых три десятка мест в свое владение. И пространство было уже наполовину заполнено. Так часто поступали богатеи – покупали у храма места заранее как для себя, так и для своего потомства. Эх, сколько оставалось пустых ниш, когда семьи вымирали, так и не использовав свое пространство. Храм Зентела, главенствующий в этом городе, ждал двадцать лет, так полагалось по древним традициям, и только после этого ставил туда новые саркофаги. Тому, кто бывал в подземной гробнице, казалось, что люди в Парреане рождались и жили лишь для одной цели: чтобы в конечном итоге заполнить кусочек гигантского склепа своим гробом. Самые древние захоронения были почти разрушены. Туда давно никто не рисковал забредать, но храм упорно удлинял тоннели, забывая о старых. Там, в абсолютной темноте, хранилась история города в виде костей знаменитых полководцев и аристократов, канувших в вечность.

Аренеперт очень много потрудился сегодня. Во-первых, организовал похороны, во-вторых, провел обряд, а в-третьих, проверил покойника на принадлежность к нертам. Последнее было обязательно: никого и никогда без этого не хоронили в гробнице. Нерты выявлялись, уничтожались и только потом тело складывали в саркофаг. Но на это раз все было 'чисто'. Нерты не

появлялись уже давно. Жрец знал, что это боги не позволяли им.

Рестеа, покойник, был из семьи, славящейся своей скупостью, однако те раскошелились на 'высший разряд': саркофаг из белого мрамора и полную церемонию с песнопениями, плакальщиками, колонной служек и личным участием главного в городе жреца Зентела. Откровенно говоря, Аренеперт очень огорчился известию о том, что Рестеа, не старый вообщем-то мужчина, умер. Но не потому, что жрец любил его, а потому, что тот был главным подозреваемым.

– Ну почему он умер? – с негодованием бормотал себе под нос Аренеперт. – Ведь идеально подходил под описание, выданное Его благочестием. Совсем недавно состояние покойника еще больше увеличилось, а также он обзавелся молодой любовницей. Ну кто бы мог подумать, что девушка из приличной семьи позарится на него? Но нет! Позарилась. Как неожиданно. Наверняка она его и угробила. Нечего мужчинам в летах связываться с молодками. А я уже почти закончил доклад…. Вряд ли Его благочестие заинтересуется покойником. Что же делать? Нужно искать другого кандидата. Если найду и он окажется тем, кто нужен… о… в моей судьбе будут перемены к лучшему.

Жрецу нравилось мечтать и думать. Он занимался этим с самого детства. И, надо сказать, весьма плодотворно. Должность главного городского жреца все же чего-то стоит. Тем более, и город-то не очень маленький.

Аренеперт невольно ускорил шаг. Мечты о чудесном будущем захватили его. Ему, несомненно, подарят дом. С фонтанами. И божественными наложницами. Наложницы будут гораздо лучше прихожанок-грешниц, с которыми жрец иногда проводил время, даруя им прощение. Разумеется, мужья в таинства 'обрядов' не посвящались. Но если все получится, то можно будет забыть и о женах этих неудачников и об утомительных обрядах, а погрузиться в теплые объятия почти безграничных почета и уважения. Возможно он станет правой рукой Его благочестия. Это очень важная должность. Но главное – вовремя остановиться. Аренеперт уважал церковную иерархию, стремился занять в ней одно из ведущих положений, но не самое высшее. Он был осторожен и подозрителен. По какой-то причине Верховные жрецы Зентела не жили долго, несмотря на то, что господин либо даровал им способность к магии, либо усиливал уже существующую. Они умирали от быстротекущих болезней или от несчастных происшествий. Смерть была быстрой, потому что считалось, что в противном случае господин успел бы прийти на помощь своему верному слуге. Но Аренеперт в последнее не очень-то верил. Союз осторожности и мечтательности породил в

нем подозрительность крайней степени. Так, что он иногда даже думал, что смерть Верховных жрецов отнюдь не дело злого рока.

Жрец был так окрылен мечтами, что на короткое время даже забыл, где он находится. Мрачный тоннель перестал существовать. Аренеперт уже был почти там, в светлом мире,… рядом со своим богом (но не очень близко!), готовый на все, чтобы угодить и получить награду….

Внезапно жрец замедлил шаг. Нет, он не споткнулся, просто уже давно не мог проходить нормально мимо этого самого места, где покоились богатые саркофаги, сделанные из красного и белого мрамора. Даже, казалось, что факел здесь горел лучше, освещая резьбу гробов неярким мерцающим светом. Место было неприятным. Очень неприятным. Несколько лет назад здесь умер его предшественник. Вот прямо напротив этого белого как снег саркофага с красивым барельефом. История была настолько нелепой, что некоторые несознательные служки даже втихаря подсмеивались над ней. Прежний жрец, прибывший из другого графства, успел проработать на этой должности лишь пару недель. А потом, проведя вот так же церемонию, возвращался в храм… впрочем, все по порядку.

На самом деле происшествие началось с того, что Суннис, владелец каменоломен, заказал себе саркофаг у скульптора Беннера. Заказал заранее, что противоречило обычаю. Однако Суннис был известным паникером, очень суетливым человеком. Он даже выкупил целых двадцать мест, хотя его семья была совсем невелика. И, как выяснилось позднее, решился на ужасный шаг: договорился со скульптором, чтобы тот потихоньку доставил пустой саркофаг в гробницу. Суннис, видите ли, очень хотел посмотреть, как будет выглядеть место его упокоения. Беннер, получив приличный куш, пошел на явное нарушение обычаев. В гробницу вели несколько ходов, которые никак не охранялись. И пустой саркофаг был принесен. Суннис отпустил рабочих, желая полюбоваться на свои собственные изображения на стенках гроба, и, к ужасу, увидел, что его имя написано неправильно. Не хватало одной буквы. Владелец каменоломен был не лыком шит. Он не стал поднимать шум, решив потом расквитаться со скульптором. Вместо этого Суннис принес инструменты, которыми пользовался еще в бытность свою мастером каменщиком, и начал исправлять надпись. Работа была простой, поэтому он рассчитывал покончить с ней быстро.

Но по несчастливому стечению обстоятельств, именно в этот момент предыдущий жрец, нервный и впечатлительный человек, возвращался в храм. Мрачная атмосфера гробницы действовала на него угнетающе. И тут он услышал какой-то звук. Повернул за

угол, сильно волнуясь, и заметил, как неизвестный мужчина что-то высекает на мраморной стенке.

– Что здесь происходит?! – воскликнул жрец в недоумении и растерянности. – Кто позволил здесь стучать и зачем ты тревожишь прах владельца этого саркофага?!

– Ничего не происходит, – буркнул Суннис, обеспокоенный тем, что преступление выйдет наружу, и не замечая, что собеседник в ужасе уставился на полуоткрытую крышку гроба. – Этот саркофаг мне принадлежит. Просто мерзавец скульптор неправильно написал мое имя на саркофаге. Приходится исправлять. А что еще делать? Лежать под неправильным именем? Ну уж нет.

Жреца похоронили в спешке. Никого другого присылать не стали, поэтому Аренеперт, выходец из местных, занял вакантное место. Хозяина каменоломен хотели были приговорить к изгнанию, но он сумел откупиться. И вскорости тоже умер.

Теперь жрец старался быстро покинуть неприятный тоннель. Он снова ускорил шаг и старался больше не оглядываться по сторонам до самого выхода на поверхность.

Добравшись до храма, Аренеперт развил бурную деятельность. Ему срочно требовался хоть один подозреваемый. Даже самый завалящий. Нужно было продемонстрировать свое рвение, а там, глядишь, и настоящий виновник объявится.

Жрец собрал почти всех своих подчиненных, бывших в тот момент в главном городском храме. Троих посвященных второй ступени, двоих – третьей и одного – четвертой. Подобные собрания не были чем-то необычным, Аренеперт, как и его предшественники, проводил их на регулярной основе. Это Верховный жрец мог себе позволить общаться с подчиненными посредством письменных указов. Жрецам небольших городов приходилось доносить задачу лично.

– Высокочтимые, – речь Аренеперт держал в довольно просторной комнате, расположенной в задней части храма. Обстановка была близка к спартанской: дубовые стол и стулья, каменный коричневый пол, и только изящные рамы окон и стекла с причудливыми цветными рисунками сглаживали впечатление холода и официоза. – Как всем вам известно, Его благочестие распорядился найти одного человека. Примет нет, но есть довольно точное описание его поступков. К сожалению, Рестеа, наш главный подозреваемый, скончался вчера. Я просил сообщить мне имена тех, кто может его заменить. Рапорт наверх должен быть отправлен на днях. Я полагаю, что никто не хочет, чтобы в наш город снова прибыл жрец со стороны.

Синхронное качание головами подтвердило, что нет, не хочет

никто. Парреан был довольно 'теплым' местом. Все друг друга знали, верхушка славилась взаимовыручкой и взаимопрощением, храм и городской магистрат являли собой образец любви и благоденствия. Разумеется, любовь и благоденствие не выходили за пределы этих двух организаций, но жрецы полагали, что так и должно быть.

– Тогда мне нужны кандидатуры, – продолжил Аренеперт. – Все, кто подходит под описание. Считаю, что каждый из вас подготовился и располагает информацией, которая нам может пригодиться.

Среди участников заседания наметилось оживление. Судя по выражению лиц двух-трех, им точно было, что сказать.

– Нуараа, ваше слово, – главный жрец обратил свой взор на посвященного четвертой степени, сидящего по правую руку от него.

Тот, мужчина средних лет с изможденным лицом и бегающими прищуренными глазками, выдержал небольшую паузу, а потом с чувством собственного достоинства произнес:

– Цырег подходит. Он богат, любит сорить деньгами, наверняка есть любовница….

– Нехорошо, – покачал головой Аренеперт. – Я, конечно, понимаю, что у тебя не очень добрые отношения с твоим двоюродным дядей, но Цырег всегда был богатым и всегда сорил деньгами. Его благочестие вряд ли останется довольным такой кандидатурой.

– А женщин можно предлагать? – раздался вдруг голос из 'заднего ряда'.

– Можно, Сарек, – поразмыслив, ответил главный жрец. – Чем женщины хуже мужчин? Хотя нет, неправильно выразился. Хуже, конечно, но не настолько, чтобы мужчины не могли их обсуждать.

– Моя мачеха, проклятая старуха, внезапно разбогатела, – посвященный второй ступени, полноватый человечек в небрежно надетой мантии, выпалил эти слова на одном дыхании.

– Высокочтимые, – с укором в голосе произнес Аренеперт, – мы так никуда не продвинемся. При чем тут ваша мачеха? Она получила наследство от своего отца.

– Убила его, мерзавка!

– Сарек, ее отец уже три месяца был на смертном одре. Факт убийства будет доказать весьма трудно. А вот то, что вам достанутся деньги, если с вашей мачехой что-нибудь случится, вполне отчетливо угадывается. Еще кто-нибудь желает высказаться? – главный жрец оглядел присутствующих с выражением разочарования на лице. Нет, не на то он надеялся. Ему нужно было нечто иное, чем сведение личных счетов. У него

была вся полнота власти, но вести жестко свою линию он не мог. По той же самой причине – взаимной 'повязанности'. Это как снежный ком – тронь одного и пойдет лавина, которая сметет всех. Лучше не конфликтовать.

– Ваша благость, – печальные размышления жреца о качестве своих помощников прервал старый Туунер, посвященный третьей ступени, – а почему мы говорим только о жителях города? Есть ведь и другие. Те, которые входят в наше графство, но не принадлежат Парреану. Бароны. И не со всеми из них у нас хорошие отношения.

Аренеперт даже ударил по столу рукой в избытке чувств. Такая простая мысль ему не приходила в голову. Зачем жертвовать кем-то из жителей Парреана, если можно убить одним ударом двух оленей: найти временную замену истинного виновника и покарать несговорчивых? К некоторым баронам у местной церкви были большие претензии, но вот сил, чтобы эти претензии реализовать, не имелось. Главный храм Зентела категорически запрещал идти напролом в спорных вопросах. Почему – жрец не знал. Но зато теперь-то такой случай! Никто наверху не сможет осудить его. Ведь Аренеперт честно выполнял распоряжение первостепенной важности. Осталось дело за малым – отыскать наиболее подходящую жертву.

Город Парреан встретил Виктора не очень-то дружелюбно. Строго говоря, плохая встреча относилась к барону, но, разумеется, досталось не только ему, но и всей свите. Они простояли около получаса под воротами, выясняя, кто же может войти внутрь, а кто нет. Сотник стражи, получавший указания непосредственно от представителей магистрата, требовал оставить как минимум три десятка воинов за стеной. Барон на это был категорически не согласен. И дело сдвинулось с мертвой точки лишь тогда, когда его милость приказал развернуть повозки и двигаться обратно. Это напугало начальство города. Если бы прошел слух, что местных дворян не пускают в Парреан, то это могло бы подвигнуть некоторые горячие головы на решительные действия. А именно – на временный военный союз и штурм враждебного форпоста. Город, обладающий большими привилегиями, пожалованными графом, и погрязший в коррупции и откровенном воровстве, не смог бы противостоять объединенной армии баронств.

Торговцы, увязавшиеся за Алькертом, проявили вынужденную солидарность – перед ними ворота не раскрылись, потому что стража опасалась, что барон просто ворвется в город. К разочарованию Антипова, выяснилось, что у них с хозяином замка имелись общие друзья, поэтому все ограничилось не очень

большой платой за 'проезд'. Купцы рассказали, что другая, главная дорога, стала неспокойной из-за немаленькой банды разбойников, орудующих на тракте. Торговцам проще сделать крюк, чем рисковать. Барон известию обрадовался – получалось, что теперь многие пойдут через его земли. У Виктора мелькнула мысль посоветовать поставить на главный тракт своих людей, когда разбойники будут разгромлены. Чтобы славные традиции бандитов продолжались и это заставляло купцов ехать через владения ан-Орреанта. Но мысль была слишком радикальной, поэтому предприимчивый сын лесоруба решил ее придержать до поры до времени. Также торговцы сообщили кое-что другое, что заставило Алькерта впасть в раздумья. В соседнем графстве через два месяца намечался турнир. Приз стандартный – немного денег и большая слава, но все справедливо полагали, что победителю достанется и рука графини Ласаны ан-Мереа. У этой девушки недавно умер отец, оставивший ей титул, как единственной наследнице. По традициям, молодая женщина не могла долго править в одиночестве. Нужен был хозяин. Так что, турнир представлял из себя, по сути, смотрины. Барон раздумывал, не послать ли туда кого-нибудь из сыновей или других родственников. Хотя, конечно, шансы на победу были невелики. Скорее всего, в состязании примут участие великие бойцы, соблазненные богатством и красотой графини.

Крепостные стены Парреана не произвели на Виктора никакого впечатления, потому что проигрывали по высоте и массивности укреплениям замка. Серые камни, неплотно подогнанные друг к другу, небольшие квадратные сторожевые башенки – ничего особенного. Стража тоже была экипирована гораздо хуже баронской дружины: у Антипова даже создалось впечатление, что некоторые не носили кольчуг, ограничившись грубыми кожаными куртками. Половина шлемов, к слову, тоже была кожаной.

Процессия проследовала по улицам без тротуаров, мимо невзрачных двух-трехэтажных домов, среди которых изредка попадались более-менее красивые белые особняки. Виктор по-прежнему сидел на телеге и бросал взгляды на прохожих, одетых в однотонные и мрачные одежды темно-коричневых цветов. Лишь изредка встречались опрятные девушки, чьи платья радовали глаз более разнообразной цветовой гаммой. Сразу вспомнилась Ханна, чьего расположения бывший студент не смог добиться в полной мере, но был на верном пути, исходя из того, что она вышла его провожать. Но в целом на улицах царила серость.

'Бог портняжного дела мне бы тоже подошел, – размышлял Антипов. – Тут же непочатый край работы. Пусть я не умею шить

– нанял бы кого-нибудь, а идеи целиком мои. Серьезно бы обогатился, наверное. Ан нет, мне достался Арес. А я ведь даже боксом не занимался. Казалось бы, нужно лишь достать побольше денег и нанять войско. Что может быть проще? Но мы легких путей не ищем. У Ареса, оказывается, нет сил, чтобы принимать посвящение ему воинов. А я прошел инициализацию автоматически. К тому же его Верховный жрец, как выяснилось, должен быть выдающимся бойцом. Да уж, похоже, что тут не только мне не повезло'.

Барон со свитой вскоре достиг постоялого двора, довольно большого трехэтажного здания желтого цвета, испещренного множеством мелких трещин. У Виктора создалось впечатление, что ан-Орреант здесь часто останавливался, потому что трактирщик встретил барона как родного и все время приговаривал, что безумно рад и специально держал места. Возможно, для кого-то места специально и держались, но Антипова вместе с большей частью остальной челяди поселили в одной-единственной комнате. После того, как на полу расстелили матрасы, набитые сеном, там не осталось места даже для того, чтобы нормально ходить.

Виктор не стал задерживаться в здании. Он вышел на улицу, наслаждаясь свободой. Его никто не трогал, пока что не давал никаких поручений, только Мареса, проходя мимо, улыбнулась и сказала:

– Мой будущий муж не такой уж и старый, Ролт. Может быть он мне даже понравится. Со временем.

– Если бы был старый, то у него просто могло бы не хватить времени, чтобы понравиться, – отозвался Антипов. – Идеальный вариант.

– Странный ты, – заметила девушка. – Я бы еще поговорила с тобой, но сейчас тороплюсь. Отец хочет узнать, прибыл мой жених или еще нет.

– Наверняка прибыл, госпожа, – ответил Виктор. – Вы ведь этого не хотите? Очень сильно не хотите? Всей душой? Значит, точно прибыл. Таков закон мироздания.

Мареса удивленно посмотрела на Ролта и, покачав головой, отправилась восвояси. Антипов еще немного постоял перед крыльцом, а потом, решившись, двинулся прочь. У него был план.

Не зная местности, Виктор решил придерживаться лишь главных улиц. Чтобы не заблудиться. Он прошел мимо какого-то здания, выкрашенного в красный цвет, затем миновал небольшой сад, принадлежащий, видимо, владельцу особняка, спрятанного в глубине, не стал задерживаться ни у вывески с изображением сапога, ни у какой-то лавки, торгующей непонятно чем, а

остановился лишь у рисунка кружки на фоне щита, намалеванного прямо над дверью, сколоченной из крупных досок. Немного помедлив, Антипов осторожно толкнул эту дверь и вошел внутрь.

Он оказался в довольно большом зале, заставленном столами и скамьями. Слева располагалась стойка, за которой сидел трактирщик, подперев подбородок рукой. В самом зале посетителей почти не было, если не считать парочки солдат и какого-то пьяницы, примостившегося в самом дальнем углу.

Виктор направился к стойке. Трактирщик внимательно следил за новым посетителем и по мере его приближения, поза 'бармена' менялась. Сначала рука, прежде подпирающая подбородок, схватила какую-то тряпку, вторая рука подтянула кружку и, когда Антипов достиг цели, трактирщик уже вовсю протирал кружку означенной тряпкой. Выражение его лица стало сосредоточенным, словно у человека, долго и безропотно несущего бремя тяжелого долга перед лицом общественности.

'Мне же с ним как-то заговорить нужно, – подумал Виктор. – И лучше всего сделать это правильно. Иначе придется искать другого собеседника. А как здесь общаются с трактирщиками? Ролт этого никогда не знал. Ну, ладно…. В конце концов, это – обычный бармен'.

– А есть ли пивко, хозяин? – радостно воскликнул Антипов, приблизившись к стойке. – Такое… позабористей! С пенкой. На которую дуешь, а она летит хлопьями!

Бывший студент, широко улыбаясь, даже изобразил руками, как должна лететь упомянутая пенка.

Во взоре трактирщика мелькнула паника. Он бросил быстрый взгляд на солдат, чье внимание было привлечено воплем посетителя, потом – на бочонок, стоящий поблизости, и по тому, как потускнели его глаза, Виктор догадался, что нет, пенки не будет.

– А… э… не угодно ли господину вина? – поинтересовался трактирщик тихим голосом. – Пиво-то закончилось.

– Как закончилось?! – тут же воскликнул один из солдат, обладатель, по-видимому, феноменального слуха. – Мы заказывали два кувшина, а ты принес пока что только один! 'О, – подумал Виктор, – похоже, что доверительный разговор не состоится'.

Паника трактирщика усилилась. Судя по выражению его лица, он был уже готов впасть в отчаяние, но огромным напряжением воли сумел взять себя в руки:

– Так один кувшин-то остался. Ваш! А окромя него ничего нету!

– А, – успокоенно произнес солдат, – тогда ладно. Трактирщик вздохнул с облегчением.

– А что этот вот о пенке говорил? – спохватился второй служивый. – Что-то я не припомню, чтобы когда-нибудь пил у тебя пиво с хорошей пенкой.

– Точно! – подхватил первый. – У этого пива пена слабовата. Не такая, о которой парень говорил.

Взгляд трактирщика сделался печальным и философским. Такой взгляд часто бывает у поэтов, выпивших лишнего, или у карманников, пойманных с поличным, которых вот-вот будут бить всем миром. Если бы Виктор знал, какую боль он причинил своим вопросом, то наверняка спросил бы что-нибудь другое. Но бывшему студенту было невдомек, что в Парреане существовала одна-единственная пивоварня, владелец которой уже давно выжил всех конкурентов, пользуясь своими связями, и установил монополию. Из этой пивоварни пиво отнюдь не самого лучшего качества поступало в городские трактиры, где качество напитка еще больше ухудшалось стараниями на местах. Об этом нужно сказать особо. Парреан и многие окрестные города находились под полным влиянием бога виноделия Зентела. Тот не только разрешал, но и поощрял изготовление вина. А вот иные спиртные напитки были либо под запретом, либо их производство тщательно регламентировалось. Например, на пивоварение в окрестных землях нужно было получать разрешение жреца. И стараниями местного монополиста это разрешение существовало в единственном числе – у него. Что наносило качеству пива прямой ущерб. Это же касалось и баронов, но те просто игнорировали подобные нелепые требования, потому что на своих землях обладали абсолютной властью и в лучшем случае ограничивались лишь покаянием. За все сразу. Впрочем, о муках трактирщика Антипов частично догадался.

'На треть разбавляет, шельмец, – подумал он, наблюдая за бегающими глазками собеседника. – Смотри-ка, покраснел. Неужели наполовину разбавляет?! Нет, не может быть. Должно же быть у людей хоть что-то святое!'

– А…, – открыл рот трактирщик, глядя на солдат, чьи лица выражали все большую и большую заинтересованность происходящим. Он метнул быстрый взгляд на посетителя, стоящего перед ним, и Виктор прочитал его мысли, словно они были написаны на лбу:

'Эх, если бы этот тип свалил куда-нибудь, я сумел бы объяснить двум недотепам, что произошла ошибка и что у меня отличное пиво. Но ведь этот негодяй, похоже, знает в нем толк. Если я буду оправдываться, он устроит скандал. Видимо, это –

приезжий или даже слуга одного из баронов. У них-то другое пиво. А кому поверят солдаты? Мне или ему? А если он попробует мое пиво, а потом приведет дружков, чтобы они подтвердили, что пиво дрянь? И изобьют меня прямо здесь… у солдат с этим быстро… я даже стражу кликнуть не успею… а если и успею, то она еще присоединится. Даже если не изобьют, репутации конец. Потом хоть закрывайся. И почему я должен страдать за всех? Все ведь разбавляют! Все!'.

Избиение трактирщиков – конечно, веселое времяпровождение, но в планы Виктора никак не входило. Он не за этим пришел сюда, поэтому решил оказать помощь жертве своих слов:

– Так вы темное пиво пьете, не так ли? – спросил Антипов у солдат. – А я имел в виду светлое. Другой вид! Вот уж у него пенка – так пенка! Трактирщик ответил взглядом, в котором читалось несказанное облегчение.

– А где же есть такое пиво? Светлое? – в голосе солдата сквозило недоверие. – Что-то я о таком не слышал даже.

'Ну да, откуда тебе? – с жалостью подумал Виктор. – Ты нормальное пиво вообще не пробовал'.

– У господина барона ан-Орреант, – ответил он, – Приезжайте к нам, господин солдат, сами увидите. И попробуете.

– А, у барона ан-Орреант, – солдат произнес это очень разочарованным тоном. – Так твой барон нас и близко не подпустит. Больно уж крут.

'Оказывается, у его милости неплохая репутация', – с чувством удовлетворения подумал Антипов.

– Бывает светлое пиво, бывает, – неожиданно для всех подал голос пьянчужка. – Я его пробовал в Карамарте. Был тогда молод, богат… эх! Хорошее там пиво, хорошее время, хороший город… а здесь все дерьмо!

– Что дерьмо? – с вновь вспыхнувшим подозрением спросил один из солдат.

– Хозяин, нальешь в долг?! – крикнул пьянчужка.

– Налью, конечно, налью, – быстро ответил трактирщик.

– Все дерьмо, а пиво местное хорошее, – тут же произнес бывший богач. – Наливай две кружки вина!

Человек за стойкой скрипнул зубами, но подчинился. Две кружки вина, выброшенные на ветер, не такая уж большая плата за то, что останешься неизбитым и репутация не пострадает. Даже три кружки, потому что еще одну благодарный трактирщик подвинул излишне разговорчивому посетителю.

Виктор сразу же смекнул, что настал все-таки момент для доверительной беседы.

Глава 12.

Антипов вышел из трактира, слегка пошатываясь. Нет, он не был пьян. Разве что чуть-чуть, в отличие от некоторых своих собеседников. Просто его очень сильно утомила болтовня. Стоило трактирщику узнать, что молодой приезжий ищет учителя воинских искусств, как советы посыпались из него словно из рога изобилия.

– Ты к Пексте сходи. К нему все ходят. Фехтовальщик знатый. А еще можно к Апперу. Но тот дорого берет. Благородные у него учатся. Или…

Трактирщик перечислял еще долго тех, кто может научить Виктора хоть чему-то. Он бы говорил и дальше, но солдаты, которые поначалу лишь прислушивались, не выдержали и приняли живейшее участие в беседе.

– Что ты ему советуешь, кувшинная голова?! – один из служивых громко закричал на трактирщика. – Ты на него посмотри! У него не только на Аппера, но и на Пексту денег нет. Да откуда тебе знать, кто лучше? Что, бабы болтают? Ты, парень, нас спроси. Вот меня спроси. Я отвечу!

Виктор нашел слегка странной привычку задавать один и тот же вопрос повторно, если собеседник его явно слышал, но вид солдата выдавал его нетерпение – тот ждал вопроса и ничего не говорил. Поэтому Антипову пришлось снова поинтересоваться, где можно найти учителя.

– Да любой десятник согласится тебя кое-чему научить. Причем, за скромную плату, – важно произнес солдат. – Поживи в Парреане месяца три и точно научишься! Тебя может быть и в стражу возьмут. Вон ты какой здоровый. Да я тебя сам учить буду! Серебрянный за урок!

– Ты не десятник, – прервал своего приятеля второй солдат. – Не слушай его, парень. Он и щитом-то нормально работать не умеет. Лучше иди в самом деле к Пексте.

– Кто не умеет?! Я?!

– Да ты. У кого ноги все время разбиты? У меня, что ли?

– Это же произошло пару раз всего! Ну, может больше… но случайно! Да я…

– Молчи лучше!

– Сам молчи!

Перебранка между солдатами заняла несколько минут. Потом они как-то внезапно успокоились и предложили Виктору выпить с ними. Тот не стал отказываться и присоединился к ним со своим вином. Воины пили с размахом, вмиг осушив второй кувшин с

пивом, от которого Антипов благоразумно отказался. Вино в отличие от 'пенистого' напитка было неплохое. Видимо, здесь прислушивались к прямому запрету местного бога виноделия на то, чтобы вино разбавлять.

Виктор старался соблюдать меру. Он не знал, как отреагирует тело Ролта на избыток спиртного, и не хотел оказаться мертвецки пьяным посреди незнакомого города. Солдаты продолжали давать советы, из которых бывший студент пытался вычленить более-менее стоящие, но когда они потребовали, чтобы он взял себе третью кружку вина, хотя еще не допил и вторую, Антипов понял, что праздник жизни пора заканчивать.

Молодой человек попрощался, сказав, что господину барону скоро понадобятся его услуги, и вышел, провожаемый сочувствующим взглядом трактирщика. Хозяин заведения, которого звали Шкор, оказался вовсе не так плох, как представлялось вначале. Сын лесоруба решил, что будет обращаться к нему за советом в случае чего.

'Ну что, куда сейчас направиться? – подумал Виктор. – Назад, на постоялый двор или посмотреть, кто же такой этот Пекста? Если пойду обратно, то барон может придумать какое-нибудь занятие, потом не вырвешься. Лучше сразу на Пексту взглянуть. Будет хотя бы интересно увидеть, как выглядит человек, которого так странно зовут, господин Навуходоносор'.

Антипов примерно знал, куда идти, благодаря словоохотливости трактирщика. Он свернул направо на пересечении двух больших улиц, прошел еще немного, чтобы оказаться на площади, мощеной такими же булыжниками, как и обычные городские дороги, и направился в нужную сторону, держась вблизи серых стен домов.

Когда Виктор был маленький, то любил вот так же бродить по городу. Смотреть на здания, на прохожих, на проезжающие мимо машины…. Гуляя самостоятельно, он никогда не чувствовал одиночества. С ним были его мысли, мечты, надежды и, конечно, город. Тот, в котором он родился, и в котором знал каждый переулок вблизи отеческого дома. Город представлялся ему большим и неразговорчивым собеседником. Таким хмурым дядькой, который почти всегда молчит, но зато охотно показывает фокусы. Сколько удивительного Виктор видел тогда, в детстве. Новые модели машин, строительство домов по соседству, чужие свадьбы, похороны, забавных прохожих, кратковременных друзей – все это город демонстрировал ему, мальчику, который мог и хотел увидеть. Потом Антипов подрос и стал замечать, что город показывает все меньше и меньше. И в этом таилась большая загадка. Виктор не знал, закончились ли чудеса или просто город

разочаровался в нем. Ему отчаянно хотелось верить, что верно лишь первое.

Теперь же он шел совсем по другому месту. Незнакомому и непонятному. Виктор никогда еще не путешествовал по средневековому населенному пункту, но в глубине души таилась убежденность, что таких городов уже нет. И вопреки этому, Парреан представал во всей своей красе. Со спесивыми дворянами, проезжающими мимо верхом и не утруждающими себя даже придержать лошадь, чтобы она не сбила безродного пешехода, со степенными торговцами, раскрашенными каретами и прочим и прочим. Однако Антипов ограничился поверхностным осмотром и дворян и торговцев и карет. Все его внимание было направлено на две вещи: на то, чтобы вовремя увернуться и не попасть под лошадь, и чтобы рассмотреть во всех подробностях симпатичных барышень. Барышни мелькали в окнах карет или просто шли вдоль домов, сжимая в руках корзинки.

Нужное здание Антипов нашел быстро. Это был светло-коричневый двухэтажный дом с потрескавшейся краской. Виктор хотел постучать в тяжелую дверь, но заметил, что она приоткрыта. Тогда осторожно заглянул внутрь, а потом перешагнул через порог. Молодой человек оказался в узком пространстве: влево и вправо уходили коридоры, зато вторая дверь, напротив входной, вела прямо во внутренний двор. Сын лесоруба двинулся туда.

Двор оказался довольно вместительным и был предназначен, скорее всего, для тренировок. Справа у стены висели какие-то снаряды, из-за своей примитивности нисколько не напоминавшие баронскую молотилку, на деревянной скамье около Виктора покоилось несколько тренировочных мечей, а посередине двора стоял человек, критически взирая на означенные снаряды. Впрочем, когда Антипов сделал несколько шагов по направлению к незнакомцу, тот перенес свое внимание на него.

– Чего тебе? – голос мужчины был тих и безразличен, впрочем для произведения впечатления он и не должен был кричать. На его лице красовался нос такого размера, что делал своего обладателя одной из самых приметных фигур, говори тот хоть шепотом. – Если ты из новых учеников, то приходи завтра с утра. Сегодня занятия закончились.

– Могу ли я видеть господина Пексту? – поинтересовался Виктор, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Он перед тобой. Что тебе надо?

– Я бы хотел узнать условия…, на которых смогу обучаться у такого прославленного мастера.

– Хм… прославленного, значит. У тебя, что, денег нет? – в

упор спросил длинноносый.

– Почему нет? Кое-какие есть, – удивился Виктор. У него в кошеле находились двадцать серебряных монет – подарок барона. Еще двенадцать монет Антипов отдал Кушарю, заручившись клятвенным обещанием, что тот не потратит эти деньги на выпивку.

– Обычно те, кто называют меня прославленным, не имеют в кармане ни гроша, а рассчитывают, что их просто так обучать буду, – пояснил свою мысль Пекста. – И что мне достаточно лишь восхвалений.

– Да я совсем не это имел в виду! – горячо возразил Антипов. – Просто слышал о вас так много хорошего, что….

– Много хорошего? – перебил его мастер. – Хм… ошибся я в тебе. Деньги у тебя есть, но небольшие. Ты просто сэкономить хочешь.

Удар был не в бровь, а в глаз, но Виктор мог стоически перенести еще и не такое.

– Господин наставник! Как же можно? – воскликнул он. – Если люди говорят хорошее, то так оно и есть. Меня вот тоже часто хвалят, но я ни на секунду не допускаю мысли, что это неправда. А иначе – во что же верить?! Только в честность тех людей, которые хвалят меня. Больше верить не во что. Иначе жизнь потеряет всякий смысл!

– Эк загнул, – крякнул Пекста. – Молодец! Хвалю! Но цена – одна для всех. Хоть ты тут соловьем разливайся.

– Но все же, господин наставник, во сколько вы оцените обучение такого новичка, как я?

– Новичка?

– Да, увы, ничего не умею. Но ужасно хочется стать таким же выдающимся мастером, как и вы.

– Пять серебряных за урок. Урок длится полдня. Кроме тебя будут еще и другие ученики. Занимаешься хоть каждый день, хоть раз в неделю. Главное – плати! – Пекста произнес это скороговоркой. Было видно, что текст ему привычен.

Цена оказалась больше, чем рассчитывал Виктор. Он надеялся, что урок будет стоит две серебрушки, ну, три максимум. Его запасов бы хватило на несколько первых занятий, если бы он решил остаться в городе. А потом, получив основу, можно будет тренироваться самостоятельно. Антипову не хотелось заниматься самодеятельностью. Он когда-то читал, что самое главное в боевых искусствах – первые шаги. В противном случае, ему достаточно было бы договориться с Терроком и спарринговаться с ним до умопомрачения. Но только будет ли толк? Арес выразился ясно – нужен нормальный учитель.

– А может быть господину наставнику требуется помощник? – вкрадчиво поинтересовался Виктор. – Молодой, сильный и…

– Нет, не требуется, много вас тут таких, – быстро ответил мастер.

– И находчивый! На которого всегда можно положиться! Который не предаст в трудную минуту! Который ценит свое время, а особенно – время учителя! Который…, – Антипов был готов еще долго заниматься саморекламой. Говоря откровенно, этот процесс доставлял ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Стоп! – снова перебил его Пекста. – Что-то ты разошелся. Читать-писать умеешь?

– Нет пока, но отлично считаю! В уме складываю, вычитаю, делю, умножаю. А также рублю деревья, пилю бревна, варю кашу, куртуазно общаюсь с благородными дамами, некуртуазно с неблагородными, но все равно произвожу на всех замечательное впечатление! А еще могу….

– Хватит! Ну ты и горазд болтать. Приходи завтра с утра, когда все ученики соберутся. Я подумаю, как тебя использовать, такого краснобая.

– Я….

– Молчи! Иди давай. Завтра с утра. Можешь не прощаться, а то, смотрите, как разошелся.

Виктор слегка пожал плечами, глубоко и уважительно поклонился и покинул гостеприимный дом.

'Завтра я его дожму, точно дожму, – думал он, выходя на улицу. – Главное – не прогадать. Пусть буду бесплатно на него работать, но зато и ничего не платить за уроки! А как быть с Аресом? Нужно бы предупредить, что так все складывается…. Ладно, завтра разберемся, как лучше поступить'.

Впервые за несколько последних дней к Антипову пришла надежда. Радостная и приятная. Такая, что хотелось ускорить шаг и торопиться навстречу лучшему будущему. Бывший студент гордился тем, что почти справился с заданием Ареса. Ему уже мерещилось, как он, слегка подучившись, кого-то побеждает в честном бою, бог войны получает силу, а потом дает ему… дает ему…. ну, дает ему что-нибудь полезное. Что послужит причиной дальнейших побед и очередных подарков, ведь Аресу лучше знать, что нужно дать в первую очередь. Виктор был чрезвычайно доволен собой.

Он нисколько не волновался по поводу того, что победы будут производиться далеко от места обитания его спасителя и покровителя. Тот подробно объяснил, что если человек посвящен какому-то богу, то все поступки этого человека оцениваются с точки зрения полезности для бога. И если оказываются

полезными, то питают божественные силы. А если человек еще специально посвящает нужное действие своему покровителю, то это усиливает эффект многократно.

– Вот представь, что ты наколол дров. Для себя. – сказал Арес в ответ на этот вопрос во время очередной беседы на полянке. – Представил?

– Представил, – охотно откликнулся Виктор.

– И вот ты стоишь перед ними и решаешь не использовать их сам, а подарить кому-то. Например, какому-то своему знакомому.

– Ну, это тоже представил, – с легким недоумением ответил тогда Антипов. – Хотя с какой стати мне отдавать хорошие дрова? Они подмокли, да?

– Нет, не подмокли, – смиренность в голосе бога войны даже настораживала. – Просто обычные хорошие дрова.

– Ну ладно… представил.

– Эти дрова как-нибудь изменятся, если ты решишь их кому-то подарить? – поинтересовался бог.

– Изменятся? Нет. С чего бы им меняться? – Виктор удивился такому вопросу.

– Неверно. Они изменятся, но только этим изменением твой знакомый воспользоваться не сможет. А я смогу. Если ты дрова мне решишь отдать.

– А тебе дрова зачем? – недоумение Антипова росло.

– Баню топить. Что еще богу делать с дровами? – в голосе Ареса не было и тени эмоций. – Вот как ты думаешь, зачем они мне? Дрова как вещь мне абсолютно не нужны. Мне нужно твое желание их отдать, а также твой труд. Чем больше труд, тем ценнее подарок.

– Так если они тебе не нужны, то я могу их подарить и тут же взять обратно? – оживился Антипов. – И так сделать много раз подряд?

– Многие доходят до этой мысли, только не так быстро, как ты. Гермес бы оценил хватку. Но так нельзя. Не сработает. Отдал дрова – и забудь о них. Можно даже в храм не нести, просто забудь. Выброси. До дров мне нет никакого дела. Только сам поступок важен.

Конечно, Виктор понял, что Арес говорил вовсе не о дровах. Победы – вот что интересовало его в первую очередь. Честные, хорошие победы. Еще вчера Антипов думал о них, с трудом сдерживая зубовный скрежет. Думал как о чем-то нереальном, издевательском. Но сегодняшняя беседа с учителем фехтования вдохновила его. Похоже, что все изменится. К лучшему. Можно ведь начать с малого? Победить сначала какого-нибудь воина-хлюпика. Тем более и убивать для этого не нужно – важен лишь

факт победы. Выбил оружие, например, и все, дело сделано! Потом – получить награду, снова одержать верх над кем-то, кто уже посильнее будет. Опять – награда. И тому подобное. Вот так рассуждал Виктор. Весьма наивно, забывая о том, что в жизни мало что отличается прямолинейностью. Тем более, долговременные планы. Судьба приготовила очередной удар, и бывший студент, не подозревая об этом, весело двигался ему навстречу.

Антипов пошел обратно той же дорогой. Он уже ощутил силу выпитого вина. Если полчаса назад его состояние можно было описать 'чуть-чуть пьян', то сейчас он стал уже 'немного пьян'. Нюанс, казалось бы, небольшой, но очень важный для всей его дальнейшей жизни. Виктору положительно не везло со спиртным в последнее время.

Он миновал площадь, свернул на знакомую улицу, ведущую к трактиру, размышляя о том, не зайти ли еще раз туда. Хотя бы чтобы сказать спасибо хозяину заведения. Но ничего определенного решить не успел, потому что вдруг заметил небольшую толпу, которой еще недавно здесь не было. Толпа состояла из простолюдинов: человек десять-пятнадцать стояли на небольшом расстоянии друг от друга, образуя круг и за чем-то внимательно наблюдали.

Виктор подошел поближе. Пока что ничего не было видно, но он сумел протиснуться между какой-то полной матроной в фартуке и мужчиной с небольшой тележкой, наполненной овощами. Взору предстало интересное зрелище. На земле лежал весьма прилично одетый пожилой человек. По виду – зажиточный торговец. Бумажные листы, которые он, скорее всего, нес, были разбросаны на мостовой. Над торговцем нависал молодой парень, вооруженный обнаженным мечом и смешно торчащими юношескими усиками. Однако то, что он говорил, совсем не выглядело смешным.

– Да как ты посмел, смерд, натолкнуться на меня?! – яростно вопрошал он торговца. – Да ты хоть знаешь, кого толкнул? Я сейчас вот тут прилюдно выпущу твои кишки, толстопузый грамотей. Распустились совсем в этом городе! Учить вас надо! Но ничего. Сейчас научу.

'Научит, – сразу же мелькнула мысль в голове Виктора. – Этот точно научит. А народ стоит и смотрит, словно так и надо. Придурок же человека убьет!'

– Ты знаешь, кто я такой? – продолжал вопить дворянин, поигрывая мечом и еще больше распаляя свой гнев. – Сейчас, перед смертью, узнаешь.

Вот тут-то вино и сыграло роковую шутку с Антиповым.

Возможно, в нормальном состоянии он бы просто прошел мимо, не стал бы даже 'глазеть', чтобы не уподобляться толпе, но сейчас чувство потаенной ярости и раздражения на происходящее было готово выплеснуться. В этом чувстве собралось все, что Виктор испытал за последние дни. Недоумение, удивление своим новым положением, неприятие существующего порядка вещей и многое другое. И сейчас стало совершенно невозможно вытерпеть все это.

Сын лесоруба раздумывал недолго. Он подошел к ближайшему каменному забору, подпрыгнул, подтянулся, заглянул за него, а потом неторопливо взобрался, опираясь на выступы, и оседлал ограду. Его неожиданный поступок привлек внимание как зевак, так и действующих лиц, но Виктора это не смутило. Он распрямился, принимая максимально возможную для сидящего на заборе гордую осанку.

-А ты меня знаешь? – вдруг спросил он солидным и важным голосом, обращаясь к раздраженному дворянину.

В глазах того мелькнуло удивление. Он посмотрел на странного человека, расположившегося на ограде, моргнул и ответил:

– Нет, не знаю.

– Хорошо. Хорошо, что не знаешь, – степенно заметил Виктор, а потом добавил. – Обезьяна!

И чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, что имеется в виду, Антипов вытянул руку по направлению к дворянину, устремив на него свой указательный палец, и столь же важно произнес:

– Ты – обезьяна. Обезьяна с мечом.

Дворянин на миг замер. Казалось, что он сначала не мог поверить в происходящее. Его лицо начало быстро покрываться красными пятнами. Он поперхнулся и выдавил из себя непослушными губами:

– Что?! Что ты сказал?!

– Акт первый, судьбоносный, – заявил Виктор, обращаясь к зрителям. – Обезьяна злится. Акт второй, заключительный: обезьяна лезет на забор, но, увы, ей мешает меч.

Дворянин, вмиг потеряв голову, бросился к обидчику. Антипов не стал ждать, пока оружие окажется в непосредственной близости от него, а легко перебросив ногу через ограду, спрыгнул с другой стороны и побежал прочь. Он еще долго слышал, как дворянин осыпал проклятиями и дерзкого смерда и того, кто поставил этот забор, и свой меч, который за что-то там зацепился. Виктор надеялся, что у торговца хватило ума воспользоваться суматохой и удрать.

Бывший студент чувствовал удовлетворение от содеянного.

Наконец-то он совершил что-то действительно полезное! Впрочем, какое-то смутное чувство тревоги внезапно посетило его. Ему казалось, что когда он спрыгивал, на улице мелькнуло что-то знакомое. Точнее, кто-то знакомый. Но Антипов не был уверен в этом и вскоре перестал волноваться по такому ничтожному поводу.

Глава 13.

Дорога домой всегда легка. Кажется, что ноги сами несут усталого путника туда, где его встретят и ему обрадуются. В теплые комнаты, где знакома каждая мелочь от тумбочки до украшений, расставленных на полках или даже сваленных там же в кучу. Где царит милый сердцу беспорядок, покрытый небольшим слоем пыли, и где ждут уютный диван или привычное кресло перед телевизором или компьютером. У некоторых, возможно, есть собака и тогда впечатление от встречи с домом усиливается, сопровождаясь громкими и приятными звуковыми эффектами и прикосновениями шершавого языка. Но даже если комнаты пусты, то все равно они разрушают привычное ощущение одиночества. Хотя бы ненадолго. Потому что человек дома – не то же самое, что человек на улице. Дома хозяина окружает целый мир. Его собственный мир. Созданный им. Дом захватывает человека в свои объятия, заставляя на миг отрешиться от реальности. И в этот самый миг одиночество исчезает. Потому что слишком зависит от внешнего мира. Да что там, только внешний мир и порождает его.

Однако Виктору его новый дом вряд ли пришелся по душе. В самом деле, что может быть хуже комнаты, в которой все лежат вповалку, где царит духота и при всем при этом не с кем толком словом перемолвиться?

Антипов опасался общаться с баронской челядью, 'постельничьими', не доверяя им. На основании слухов, которые ходили в кругах 'наружников', у него создалось отчетливое впечатление, что за стеной живут вруны и клеветники, так и норовящие подложить ближнему свинью. Им скажешь что-то, а они побегут не просто доносить, а еще и переврут все.

Слуги барона тоже относились к сыну лесоруба настороженно. Им было невдомек, с какой целью его милость потащил за собой дурачка. Алькерт, разумеется, никого не посвятил в свои планы. Валена, лакей-распорядитель, колебался, давать ли Ролту какие-нибудь задания или нет. Виктора эта ситуация полностью устраивала. Он собирался извлечь из своего неопределенного статуса как можно больше. Пока у него было свободное время, Антипов хотел им воспользоваться на полную катушку. Поэтому бывший студент, сделав небольшой крюк, весьма осторожно вошел на территорию постоялого двора. Ему ни к чему было излишнее внимание.

Войдя внутрь здания, Виктор поднялся по лестнице, чтобы пробраться в свою комнату, если, конечно, ее можно было назвать

комнатой, и притвориться отдыхающим после чудовищных трудов на благо замка. Но едва он достиг второго этажа, как один из воинов ан-Орреанта, Теанар, зачисленный в дружину меньше года назад, окликнул его:

– Эй, Ролт, тебя господин барон требует. Немедленно!

В прежнем мире Антипов обязательно бы расспросил, зачем требует и почему, но сейчас такие вопросы были совсем неуместны. Он просто развернулся и безропотно пошел по коридору второго этажа, но не вправо, как собирался, а влево.

Подойдя к нужной двери, Виктор на миг заколебался, стучать или нет, но потом решил, что вежливость еще нигде не вредила, и постучал.

– Кто там? – тут же раздался голос барона. – Входи!

Антипов толкнул дверь и оказался в спальне, пожалуй, самой роскошной на этом постоялом дворе. Хотя, конечно, он еще не видел комнаты Маресы, поэтому не мог быть точно уверен в первоначальной оценке.

Рядом с большой кроватью у окна стоял стол. На нем было свалены не бумаги, а оружие. Парочка мечей, кинжалы, шлем… Виктору даже показалось, что он очутился в музее, посвященном средним векам, только персонал еще не успел все расставить по местам как следует.

Барон находился в центре комнаты. Судя по его пыльным сапогам, он недавно откуда-то вернулся.

– Ролт? Решил почтить своим присутствием нашу скромную обитель? – в тоне Алькерта проскальзывали какие-то новые, незнакомые нотки. Виктор сразу же насторожился.

– А где тебя носило несколько часов? Я приказал тебя разыскать еще Зентел знает сколько времени назад! Где ты был? Отвечай!

'Н-да, вот теперь опять нужно что-то выдумывать, – подумал Антипов. – Что же за жизнь такая? Я попал в мир, где приходится постоянно врать. Через месяц, глядишь, так натренируюсь, что смогу занять пост президента какого-нибудь небольшого государства. Для большого тренироваться дольше придется'.

– Глубоко извиняюсь, ваша милость, – тоном, полным раскаяния, ответил Виктор, – заблудился я. Вышел со двора, хотел лишь оглядеться, посмотреть, что за углом… свернул, потом еще раз свернул и обнаружил, что все, потерялся! Два часа дорогу искал обратно. Думал, что конец, придется на улице ночевать. А людей не мог расспросить, злые они какие-то, с мечами друг на друга бросаются.

С точки зрения опытного студента, отговорка была универсальной. За ней просто не могло последовать серьезного

наказания. Заблудился в незнакомой местности, а потом нашелся. Бывает. Злого умысла в этом нет. Вообще никакого умысла нет. Что взять с сына лесоруба, который в городе никогда не был?

Возможно, что и барон подумал именно так. Его лицо на миг слегка разгладилось, но вновь приобрело суровое выражение. Антипов внимательно следил за мимикой собеседника. И эта мимика ему решительно не нравилась.

– С мечами бросаются, говоришь…. Ну-ну. А знаешь, Ролт, что произошло совсем недавно недалеко отсюда?

– Не могу знать, ваша милость. Я-то, наверное, был в другом месте. В каком – уже не помню даже, – голос Антипова был невероятно простодушен.

– Я помогу вспомнить, Ролт. Несколько минут назад иду по улице и вдруг вижу – ан-Еррес с обнаженным мечом стоит. А ан-Еррес, надо сказать, – не только младший сын нашего графа, но и друг жениха Маресы. Рядом с ним какие-то люди, а на каменной ограде сидит человек и что-то говорит с таким важным видом, что, думаю, наверное, переодетый принц. Потом пригляделся – нет, не принц.

'Все, я влип, – мысли Виктора лихорадочно запрыгали, – осталось только понять, насколько влип'.

– И вот этот непринц говорит предерзкие вещи. Дворянину! И будь прыткий непринц просто горожанином, еще бы куда ни шло. Мне бы дела до этого не было. Но он живет у меня в замке и работает на меня! Он – мой человек! – голос барона загрохотал. – Да если граф узнает об этой истории, то вообще может решить, что я специально поручаю смердам оскорблять его сына! У меня-то с ним отношения не из лучших! Что, граф поверит в то, что такой языкастый крестьянин сам по своей воле дерзил?! Мои люди не дерзят, Ролт! Они вышколены! Это все знают! Да граф за такие штучки и на дуэль меня может вызвать! Или войска послать на замок! Ах ты, негодяй!

'Интересно, здесь водятся такие белые пушные зверьки? Или клерки с карандашами? Писцы, называются. Похоже, что водятся. Много-много писцов. И все крупные, лоснящиеся, раскормленные…'.

– Запорю! – Алькерт даже топнул ногой от избытка чувств.

'До свидания, гражданин барон, приятно было познакомиться, но отныне нам немного не по пути'.

Виктор, не говоря ни слова, резко развернулся и вылетел во все еще открытую дверь. Одновременно с этим раздался крик ан-Орреанта:

– Держи его! Хватайте Ролта!

Теанар, оказавшийся поблизости, не успел отреагировать.

Антипов ловко обошел его и устремился к лестнице. К чести солдата, он не стал мешкать и бросился вдогонку.

Виктор быстро понесся вниз. Лестница вела в просторную прихожую, за выходной дверью которой располагался дворик с небольшой оградой. Ограду перемахнуть легко, но сначала нужно до нее добраться. К разочарованию сына лесоруба, на крик барона выскочили несколько человек. Двое: лакей-распорядитель и конюх оказались как раз между лестницей и дверью. Антипов, пригнувшись, ринулся на прорыв как заправский игрок в рэгби или американский футбол. По пути он не забыл прихватить большую корзину, стоявшую у лестницы, и, на мгновение распрямившись, метнул ее в голову лакея. Тот машинально отпрянул в сторону, корзина врезалась в конюха, который весьма неудачно принял ее на грудь, от чего заметно покачнулся. Виктор влетел в образовавшийся промежуток между двумя преградами. Его скорость лишь чуть-чуть уступала скорости плетеного снаряда.

Оставалось дело за малым – открыть дверь и оказаться во дворе. К сожалению, дверь открывалась внутрь, а не наружу. И если лакей с конюхом опешили и в ближайшие несколько секунд не представляли из себя серьезной угрозы, то несущийся вдогонку солдат был все еще полон физических и моральных сил.

Виктор не раз замечал в себе способность мгновенно и правильно оценивать обстановку. Он точно знал, когда нужно нападать, а когда – убегать. Второе происходило несравнимо чаще первого, потому что, говоря откровенно, Антипов, как и всякий здравомыслящий человек, предпочитал нападать, обладая некоторым перевесом в силах. Лучше – значительным. Вот и на этот раз правильное решение пришло вовремя. Уже перед самой дверью он резко затормозил и пригнулся еще больше, буквально свернувшись в клубок.

Если Виктору не везло с вином, то определенно везло с тем, чтобы успешно притворяться препятствием на пути у бегущего. Сначала его жертвой пал воин противника в лесу, теперь вот – Теанар.

Молодой солдат бежал широко, размашисто, видимо он вырос где-нибудь в деревне и простор полей выработал такой тип бега. И еще, наверное, в той деревне не было кочек посреди дороги. Отсутствие привычки к означенным кочкам его и погубило. Теанар, уже протянувший руку, чтобы схватить беглого лесоруба за шиворот, внезапно обнаружил, что цель исчезла. Он хотел было осмотреться, чтобы вновь найти виновника баронского гнева, но обнаружил, что времени на осмотр почти не осталось. Он был практичным человеком, этот солдат, с мудрой

сельской хваткой и хозяйственной жилкой. Поэтому сразу же понял две вещи. Во-первых, в полете чрезвычайно трудно вертеть головой, потому что непреодолимо хочется видеть, куда, собственно, летишь. Во-вторых, дверь выглядит крепкой. Очень крепкой. И, похоже, что избежать столкновения с ней не удастся. А так хотелось бы…. Но воин сумел подавить зарождающийся крик и смог взять себя в руки, вспомнив то, чему учил его десятник – если проигрываешь бой, то нужно это делать так, чтобы и положение противника тоже ухудшилось.

Виктор был готов разразиться проклятиями, когда увидел, что произошло: солдат ударился головой о доски и рухнул так, что дверь оказалась заблокированной его телом. Требовалось время на то, чтобы очистить путь. А лакей и конюх уже почти пришли в себя. Конечно, они были слабее Ролта, но их ведь двое, к тому же, другие слуги и солдаты уже бегут сюда.

Антипов схватил лежащего и, слегка приподняв, швырнул тело в сторону конюха. Для лакея же, который уже был почти готов схватить сына лесоруба, Виктор использовал верное средство, применяемое еще в дни своего детства, и которое по эффективности уступало мало чему. Он оскалился и зарычал. Будь на месте Валена солдат, тот бы, возможно, не испугался. Но лакей не был воином. В его глазах мелькнул страх – мало ли что придет в голову дурачку, и он быстро отскочил прочь. Путь наружу был открыт.

Свобода. Сладостное слово. Ничего нет желанней ее. Можно обойтись без еды или питья, но без свободы – нет! Она, только она предел всех мечтаний. Каждый цивилизованный человек должен стремиться к ней, бороться с тоталитаризмом, рушить диктатуры, сражаться с тиранами. Виктор понял все это именно сейчас, когда взялся за ручку двери и рванул, рванул на себя. Он видел, как неторопливо, словно в замедленных кадрах, появляются кусок земли двора, чахлая трава, забор, какое-то ведро, ворота, глаза сотника Керрета….

Глаза сотника Керрета! Они находились буквально в метре от Антипова и с ними еще можно было бы как-то смириться, если бы они были сами по себе. Но, увы, к ним прилагалось могучее тело в броне, снабженное очень крепкими конечностями. Даже более того, за спиной сотника, чуть сбоку, стояли еще другие солдаты. И, судя по их виду, были готовы исполнить приказ барона буквально. А именно – схватить бедолагу Ролта. У Виктора мелькнула досадная мысль, что эти люди, похоже, лишены всякого воображения. Зачем же воспринимать слова Алькерта именно так? Почему не понять, например, иносказательно? Может быть его милость просто изволит шутить?

Антипов сделал глубокий вдох и бросился на сотника. Какой у него был выбор? Назад, где слышен топот за спиной или вперед, где безмолвные яростные глаза и крепкие руки? Бывший студент не стал выбирать ни то, ни другое. Он выбрал ноги. А именно, снова сгруппировавшись, совершив какой-то немыслимый изгиб в своем теле, нырнул между ног сотника. Он почувствовал, как чья-то рука хватает его за рубашку и впервые пожалел, что не бежит обнаженным. А лучше даже не просто обнаженным, а обмазанным с ног до головы скользким маслом, которым пользуются некоторые борцы и культуристы. О, эти люди знают, что делают. Их никто никогда не поймает.

Впрочем, качество материала оставляло желать лучшего, и с громким треском кусок рубахи оторвался. Мысленно благословив замковую портниху из наружников, Виктор быстро-быстро пополз вперед на четвереньках, пытаясь на ходу приподняться, чтобы перескочить через забор.

Его кто-то сумел схватить за ногу, Антипов, не глядя, лягнул обидчика другой ногой, хватка ослабла, и бывший студент уже был готов разогнуться, как вдруг что-то тяжелое навалилось на него. Отчаяние придало лесорубу сил. Он извернулся, пытаясь то ли ударить, то ли укусить, ухватил пальцами за что-то мягкое, скорее всего, ухо, рванул, услышал чей-то вопль, потянул еще сильнее, но тут же понял, что не в состоянии шевелиться. Его руки оказались прижаты к земле. Ноги тоже. Как минимум трое воинов держали его. Из последних сил приподняв голову и скосив глаза, Виктор увидел барона, который, видимо, наблюдал за всем действием с самого начала. Алькерт подошел к нему, обескураженно качая головой, наклонился и сказал:

– Ну ты, Ролт, даешь. После чего развернулся и отправился обратно в дом.

Через полчаса Виктор сидел в отдельной комнате на том же самом постоялом дворе. Его никто пока что не бил и даже дверь была не заперта. В этом отсутствовала необходимость – на ногах Антипова красовались самые настоящие кандалы: два железных кольца, скрепленных цепью между собой.

Барон любил награждать и наказывать своих подданных прилюдно. В воспитательных целях. Поэтому приказал пока что не трогать сына лесоруба и отложить кару до прибытия в замок.

'Вот и приехали, господин Колумб, – печально думал бывший студент. – Недолгая у меня была карьера. Вот это и значит – невезение. И почему барон именно в тот момент должен был увидеть мой разговор с этим типом… как его? Ан-Ерресом. Вот же молодой отморозок. Да и Алькерт тоже хорош. Боится графа. А ведь сам наверняка этого ан-Ерреса недолюбливает. И почему я

должен страдать из-за сословных предрассудков? Бежать нужно как-то, бежать…'.

Но побег был весьма затруднителен. Комнату Ролту выделили на третьем этаже и категорически запретили спускаться во двор без разрешения. Окно располагалось аккурат над парадной дверью. На ночь незадачливого сына лесоруба грозили запереть. Как бежать? Будь Виктор профессиональным взломщиком, у которого припрятаны за поясом отмычки и инструменты кузнеца, он бы как-нибудь смог избавиться от кандалов и открыть замок. Но ничего этого у него и в помине не было, включая навыки вора.

У Антипова на душе скребли кошки. Нет, конечно, он был не против наказания, если уж сделал что-то плохое и попался. Но проблема в том, что с его точки зрения, ничего плохого не случилось, а наказание категорически не нравилось. Хотя, конечно, это не первая несправедливая кара в его жизни (точнее, жизнях). С этим тоже можно смириться. Но сам метод!

Виктор особенно не возражал бы против того, чтобы посидеть в тюрьме. Денек-другой. Еще и не такие люди там сидели. Можно даже в кандалах, если это кому-то нужно. Но телесные наказания были противны его сути.

Сидя на своем матрасе, набитом соломой, Антипов очень переживал по этому поводу. Его кулаки непрерывно сжимались и разжимались, в то время, как Виктор, не обращая ни на что внимания, вынашивал планы побега. Эти планы разбивались о суровую реальность, но молодой человек не переставал думать.

'С кандалами я далеко не убегу, – рассуждал бывший студент. – Понятно, что меня сразу же схватят. Хотя, с другой стороны, зачем бежать? Можно ведь красться. Вопрос лишь в том, как, куда и что я буду делать там, где окажусь'.

Кроме всего прочего, сыну лесоруба было бесконечно жаль, что его блестящая идея по поводу обучения у опытного фехтовальщика накрылась медным тазом. Если не получится сбежать, то барон, естественно, потащит его обратно в замок. И потом, даже если удастся перетерпеть наказание, нужно будет возвращаться в город по незнакомой и неприветливой местности, где каждый феодал считает себя властителем судеб, а люди относятся к путешественникам в высшей степени подозрительно. И эту подозрительность может смягчить только одно – сильный отряд за спиной. По какой-то странной причине к косвенной угрозе люди относятся с большей враждебностью, чем к угрозе реальной.

Виктор с трудом дождался темноты. Он не мог сказать, что к нему плохо относились. Напротив, все смотрели с каким-то

сочувствием. И даже позвали к ужину на кухню. Антипов кое-как, по-черепашьи, спустился по лестнице, гремя кандалами. Его никто не пытался обижать. Даже Теанар с перевязанной головой при встрече во время ужина похлопал по плечу. Ободряюще. Словно та рана, которую получил воин, не идет ни в какое сравнение с теми ранами, которые приобретет Ролт.

– Привет, Теанар, – сказал ему Виктор. – Ты прости, что так получилось. Я не хотел ведь. Собирался просто сбежать.

– Зря побежал, Ролт, – ответил молодой воин. – Покаялся бы, глядишь, его милость и смягчил бы наказание. А так, пятьдесят плетей – не шутка.

Антипов еще не до конца понимал, что это значит, но интонации сказанного вызвали мурашки на коже.

– А что, потом долго болеть придется? – спросил он.

– Болеть – не то слово. Если вообще выживешь. Но тут зависит от того, как бить. Можно с силой, когда кожа и мясо рвутся после каждого удара, а можно и послабее. Если послабее, то еще ничего, выкарабкаться можно. А если с силой… сам понимаешь.

И сын лесоруба понял. Только сейчас понял, что означают в реальности пятьдесят плетей, предписанных ему господином бароном. Их ведь можно не пережить! Зависит, конечно, от мастерства палача, но шансы на то, чтобы покинуть экзекуцию живым, наверное, не очень велики. Алькерт в приступе ярости, похоже, решил убить Ролта. Чтобы другим неповадно было.

Осознание этого бросило молодого человека сначала в жар, а потом в холод. Он кое-как, не помня себя, закончил ужин, а потом, оказавшись в своей комнате, прежде всего впал в панику. Одна-единственная мысль свербила в мозгу Виктора – его, наверное, скоро убьют. Убьют насовсем, навсегда, и никакой Арес уже не поможет. Его, весельчака, оптимиста и, вообщем-то неплохого человека, уже не будет. Та, первая смерть, казалась даже легкой по сравнению с этой. Потому что наступила внезапно, а перед второй смертью Антипов должен еще мучаться от знания ее срока.

Молодой человек пару часов бродил туда-сюда, еле переставляя ноги. Когда первая паника прошла, он начал думать о том, где же совершил ошибку, и ничего не находил. По его представлениям, все действия были совершенно правильны. Но, похоже, что кодексы поведения Виктора-студента и Ролта-лесоруба слегка различались. И цена за пренебрежение этим различием была очень проста – смерть.

Поэтому когда наступила глубокая ночь, Виктор решил оставить на потом вопрос о кандалах, и реализовать

напрашивающуюся возможность побега. Он отбросил последние сомнения и принялся за дело. Все его вещи остались при нем, включая кошель с монетами. Благородный барон не занимался крохоборством. И за неимением других режущих предметов, Антипов остановил свой выбор именно на монетах.

Достав одну из серебрушек из кошеля, он принялся точить ее край о цепь кандалов. Металл поддавался легко, не сталь ведь, поэтому уже через несколько минут ребро монеты стало достаточно острым.

Порезать матрас из мешковины на полосы тоже было вообщем-то просто. Связать их простым двойным узлом – еще проще. Теперь оставалось окно. Там не было стекла, просто наглухо вделанная в стену рама, затянутая какой-то пленкой. Возможно, кожей или кишками животного или еще чем-то в этом духе.

Виктор не стал размышлять о том, какой убыток нанесет владельцу постоялого двора, а просто вырезал эту пленку из окна. Лаз получился не очень широким, но в целом, при большом желании пролезть было можно. Желания у Антипова имелось в избытке.

Он выглянул к окно и постарался рассмотреть происходящее во дворе. Вроде бы никого не было видно. Все спали, а если кто и не спал, тот находился в здании.

Кое-как примотав мешковину к единственной в комнате скамье, молодой человек выбросил другой конец 'веревки' в окно и, пятясь задом, начал протискиваться в лаз. Его расчет строился на двух предположениях. Во-первых, мешковина выдержит вес тела лесоруба, а во-вторых, скамья, будучи подтянутой к окну натянутой 'веревкой', не выскочит следом за Виктором и не ударит его, упавшего, по голове.

'Вот подговаривал же меня приятель заняться с ним альпинизмом, – мрачно думал Антипов, медленно спускаясь вниз и борясь с непослушными кандалами, – а я, дурак, отказался. Может быть, если бы согласился, то сейчас был бы опытным скалолазом и полез бы с большим комфортом. Хотя, слышал, что опытные скалолазы предпочитают не рисковать, если страховка плохая. Так что, возможно, и к лучшему, что не стал альпинистом. Наверное, будучи им, вообще бы никуда не полез'.

Мешковина неприятно потрескивала, скамья поскрипывала, кандалы позвякивали, а Виктор, думая о том, что вот-вот упадет и расшибется, продолжал спускаться. Третий этаж, с одной стороны, это не очень высоко, можно даже при желании спрыгнуть и, если повезет, отделаешься каким-нибудь незначительным переломом или вывихом. Но с другой стороны,

прыгать Антипов никак не мог. Из-за кандалов. В них не попрыгаешь. Да и перелом ему не был нужен. Куда же с таким повреждением убежишь? Поэтому он, судорожно цепляясь за мешковину, медленно, но неуклонно полз вниз.

Виктор непрерывно оглядывался на приближающуюся землю, с нетерпением ожидая момента, когда наконец достигнет ее. И какова же была его радость, когда ноги все-таки коснулись твердой опоры! Антипов вздохнул с нескрываемым облегчением, осторожно отпустил 'веревку', чтобы скамья не громыхнула наверху, повернулся лицом к забору и… замер.

Он так и не понял, откуда там взялся десятник Оннеа. Тот самый, которому сын лесоруба чуть не оторвал ухо в пылу борьбы за свободу. Виктор вытаращил глаза от удивления и разочарования. Он даже хотел пощупать приземистую фигуру десятника, чтобы убедиться, что это – живой человек, а не привидение, внезапно возникшее в совершенно пустом дворе. Хотел, но не решился. Оннеа, возможно, уха до сих пор не простил, а ухудшать положение фамильярностью – себе дороже. Впрочем, голос десятника ясно показал, что тот был из плоти и крови:

– Его милость говорил, что ты попробуешь сбежать. Признаться, я не поверил. Но господин барон хорошо разбирается в людях. Так что, Ролт, давай-ка назад. Лезть обратно наверх по твоему канату я тебя не заставлю. Пойдешь по лестнице. И старайся не шуметь, а то еще госпожу разбудишь.

Глава 14.

Виктор не сомкнул глаз той ночью. Его продолжали беспокоить мысли по поводу предстоящей экзекуции. Однако это беспокойство было деятельным. Антипов не просто переживал из-за своего будущего, но и усиленно размышлял о том, как все изменить. Пока что у него было два варианта действий: успешный побег и попытка склонить барона на свою сторону. Если первое требовало времени и удачи, то второе представлялось последним шансом на спасение. Виктор мог рассказать Алькерту о себе, об Аресе, о своем мире и прочем. Мог, но не очень-то хотел.

'Давайте рассуждать, – думал бывший студент. – Вот я признаюсь барону во всем. Как на духу. И что сделает его милость, будучи практичным человеком, желающим добра своим замку и землям? Если верит в мои байки, то отдает меня жрецам или тихо душит во избежание неприятностей. Если не верит, то в моем положении это ничего не меняет, умру от побоев. Сдохну, околею как собака! А как поступят со мной жрецы, господин Коперник? Или правильнее сказать 'господин Джордано Бруно'? Арес ведь меня недаром предостерегал от тесного общения с ними. Тут вообще что-то не так, что-то нечисто в королевстве Датском. Но так как я – не Гамлет, то пока что разбираться в этом не с руки'.

Антипов очень тешил себя надеждой, что у него еще есть время, хотя бы несколько дней, которые планировалось провести в городе. И, возможно, удастся сбежать, нужно лишь смотреть в оба, поджидая подходящий случай. Поэтому утром, невзирая на бессонную ночь, он превратился в гигантские глаза и уши. Благо дыру в его окне никто заделывать не стал, ограничились лишь конфискацией скамьи, чтобы было не к чему привязать другую веревку, если вдруг она чудесным образом отыщется. Новый матрас ведь не выдали, поэтому Ролт мог спать только на старом сене, оставшемся с предыдущей попытки бегства.

'Сколько времени у меня есть? Три-четыре дня? Как же мне должно не повезти, чтобы за это время не подвернулся хоть какой-нибудь случай! Я-то ведь, в отличие от этих безграмотных невежд, знаком с литературой! О, литература – великая сила. Особенно та ее часть, которая касается приключений, погонь и бегств из тюрем, господин Гудини'.

Виктор старался смотреть на жизнь оптимистично. Он верил в свое воображение и был готов не упустить малейшее изменение обстановки. Но, к сожалению, процесс, запущенный появлением Ареса в этом мире, добрался наконец и до постоялого двора

города Парреана. В лице, как ни странно это звучит, самого Аренепрета, главного жреца Зентела в этой местности.

Незабываемый визит произошел утром, еще до обеда, когда барон готовился к очередной встрече с потенциальным женихом, а Антипов, припав к окну, изучал обстановку.

Сначала на подъезжающую карету мало кто обратил внимание. Кроме Виктора. Он-то сразу заметил, что карета-то не сама по себе, а за ней следует десяток всадников, из которых двое очень странные. Со щитами на руках и парой мечей за спиной. Вокруг них клубилась едва заметная серая дымка, весьма напоминающая ту, которую сын лесоруба видел у ученика мага.

Карета остановилась точно напротив ворот постоялого двора. Слуга в светлом одеянии спрыгнул с запяток и поспешно распахнул двери. Оттуда степенно вышел человек среднего роста в белой мантии и зеленом шарфе. Всадники моментально спешились. Они взяли пассажира кареты в полукруг, а слуга начал барабанить в дверь.

Но еще до того, как раздались первые удары, воины барона, бывшие во дворе, пришли в движение, сгруппировавшись около главного входа. Однако Алькерт, находящийся там же, поспешил успокоить их, и знаком показал, чтобы ворота открыли. Один из воинов, не дожидаясь привратника, поспешил исполнить приказ. Ворота распахнулись и жрец в сопровождении охранников величаво вошел внутрь.

– Ваша благость! – барон приветливо протянул руки и расплылся в фальшивой улыбке. – Какая честь для меня! Проходите, прошу вас, располагайтесь. Чем могу быть полезен?

– Рад видеть вас, господин барон, – важно ответил жрец. – Меня привело к вам небольшое дело, которое не терпит отлагательств. Именно поэтому я прибыл сам, а не вызвал вас для беседы, молитв и покаяний.

Виктор ощутил, как напряглась фигура Алькерта после того, как последнее слово было произнесено. Но поза и выражение лица оставались радушными.

– Конечно, конечно, ваша благость. Можете мной располагать. Не угодно ли пройти в кабинет? Там нам никто не помешает. Я немедленно распоряжусь доставить обед.

– Не надо обеда, барон, – голос Аренепрета был официален и сух. – А в кабинет, конечно, пройдемте. Мои люди подождут меня на улице. Дело не займет много времени.

Сейчас Виктор безумно хотел услышать, о чем же они будут говорить. Но, к сожалению, и жрец и барон вскоре скрылись из виду.

'Эх, если бы меня поместили в комнату над бароном, уж как-

нибудь исхитрился бы подслушать, – подумал Антипов. – Пол бы разобрал, что ли… '

Между тем оба бывших объекта наблюдения поднялись по лестнице и оказались в личном помещении ан-Орреанта. Аренеперт отказался присесть на стул, а остался стоять, заставив стоять и собеседника. Он был полон решимости как можно быстрее покончить со всем этим.

– Господин барон, не изменили ли вы своего решения не передавать церкви спорные холмы под виноградники?

– Ваша благость, я с удивлением узнаю, что мои исконные земли оказываются спорными, – лицо барона выражало изумление, такое же фальшивое, как и его улыбка.

– Значит, не изменили… ну хорошо. Господин барон, если вы отказываетесь идти на сотрудничество в этом деле, то не пойдете ли в другом? Поверьте, это не только в наших, но и в ваших интересах.

– Я сделаю все, что потребует храм великого Зентела, – Алькерт театральным жестом приложил руку к груди. – И что не пойдет во вред моим владениям, конечно. Жрец сделал вид, что не заметил оговорки:

– Нам нужен кое-кто, господин барон. Один человек. И думаю, что вопрос с виноградниками был бы улажен, если бы вы нашли нам этого человека.

– Какой человек? – на этот раз Алькерт удивился вполне искренне.

– Какой-нибудь, кто подходит под описание.

– А… ваша благость, могу ли я ознакомиться с описанием?

– Мошенник, вор, прелюбодей или убийца, – скороговоркой выпалил жрец. – Но необходимо, чтобы эти качества проявились в нем в последние несколько дней.

– Мошенник? Убийца? – брови Алькерта поползли вверх. – Боюсь, что здесь не могу вам помочь. Хотя и рад бы. Таких нет в моем замке. Может быть в деревнях поискать….

– Господин барон, я хочу, чтобы вы поняли меня правильно. У нас сложное положение. По сути, сейчас меня устроит любой человек, который внезапно проявил бы некоторые странности в указанный промежуток времени. У вас есть такой на примете?

Ан-Орреант хотел было снова ответить отрицательно, но вовремя спохватился. И если бы его сейчас видел Виктор, то ни за что не поставил бы на то, что барон думает о своем лакее-распорядителе, менестреле или о ком-то из десятников. Алькерт думал именно о нем, о сыне лесоруба. Слишком уж заметной фигурой стал Ролт.

– Может быть и есть, ваша благость, … дайте-ка мне минутку

подумать.

Лицо жреца озарила улыбка. Конечно, он ни на секунду не допускал, что у какого-то захолустного барона в руках окажется настоящий подозреваемый, но вдруг кандидатура будет настолько подходящей, что сможет показать, как старается Аренеперт на благо церкви?

– Ваша благость, а что вы собираетесь делать с этим человеком?

– Господин барон, я не могу вам сказать. Это из разряда церковной тайны.

Алькерт сразу же нахмурился. Ему не нравилась игра 'в темную'. Если бы жрец 'скормил' ему какую-нибудь ложь, то скорее всего судьба Ролта была бы предрешена. Но так… не зная обстоятельств… нет, барон не мог на это пойти.

Чтобы вникнуть в ход мыслей ан-Орреанта, нужно четко представлять себе, что он был за человек. Чрезвычайно жесткий, даже жестокий, осторожный и невероятно практичный. И два последних качества подсказывали ему, что выдавать так просто Ролта нельзя. Если не знаешь, что будут с ним делать церковные мыши. Может быть его используют публично, как это они любят? Или даже отпустят, переведя в городскую тюрьму. И тогда есть большие шансы, что граф узнает, кем был наглый оскорбитель его сына. А ведь это не шутка! С одной стороны сомнительная благодарность церкви, а с другой – реальный гнев сюзерена. По большому счету Ролта вообще нужно сейчас спрятать и никому не показывать вплоть до самого ухода из города.

– Ваша благость, мне нужно еще время, чтобы подумать. Хотя бы несколько дней. Мне показалось, что есть такой человек, но потом я рассудил, что странностей в нем особенных не было.

Улыбка медленно сползла с лица Аренепрета. Возможно, если бы барон вообще не намекал сначала, что такой человек есть, все бы и обошлось, но сейчас, когда он дал надежду….

– Вот как? Это значит, что вы отказываетесь идти навстречу скромному желанию церкви? Ну что же… я слышал, что ваша дочь выходит замуж? Это ведь так?

– Да, ваша благость.

– И это замужество увеличит ваше благосостояние, господин барон? За счет каких-нибудь угодий, например. Или еще чего-то.

– Возможно, что увеличит…, но на что ваша благость намекает?

– Скоро узнаете, господин барон, скоро узнаете.

С этими словами жрец резко развернулся и покинул комнату. Его движения выдавали раздражение крайней степени. Не останавливаясь нигде, он прошествовал прямо к карете,

погрузился в нее с помощью слуги и быстро уехал, сопровождаемый охраной.

Барон, выскочивший следом за жрецом на крыльцо, проводил его взглядом, а потом с тревогой обернулся к сотнику, стоящему подле:

– Керрет, я сейчас быстро съезжу к ан-Реттеа. Нужно его предупредить о том, что больше не могу тут оставаться. Пусть потом к нам приезжает или мы к нему. Переговоры-то почти закончены. А ты собирайся. Чтобы к моему возвращению все было готово. Мы покидаем Парреан.

Через час Виктор уже трясся на телеге, оставляя за собой в меру гостеприимный город. Погода была сумрачной, настроение – печальным, будущее – мрачным. Антипов поймал себя на желании этому всему соответствовать. Он окинул взглядом процессию из повозок и карет и затянул песню. Это был весьма смелый перевод 'Эй, дубинушка, ухнем', но зато его бас смог раскрыться здесь в полной мере. После первого же куплета сотник Керрет подъехал к нему.

– Что поешь, Ролт? – спросил он. – Я такого еще не слышал.

– Это песня лесорубов, господин сотник, – ответил Виктор. – В ней поется о том, как тяжело тащить бревна из леса.

– Ну-ну, – Керрет слегка отъехал.

После 'Дубинушки' Антипов сделал паузу, необходимую ему для примерного перевода другой заунывной песни: 'Ох, мороз, не морозь меня'. Надо сказать, что это произвело впечатление. К нему приблизился не только сотник, но и большая часть солдат. Виктор почувствовал, что настал его бенефис. Ему больше никто не задавал вопросов, все только прислушивались.

Затем Антипов снова взял тайм-аут. Он решил выступить с явным шлягером про дороги, пыль, да туман. На этот раз перевод занял больше времени, но бывший студент особенно не заморачивался с рифмами и ударениями, рассудив, что непритязательная публика удовольствуется мелодией и смыслом текста. Заменив 'выстрел' на 'полет стрелы' Виктор с блеском и печалью спел очередную партию, сожалея о том, что не может брать уроки вокала. Когда он умолк, сотник Керрет подъехал к барону и осторожно предложил:

– Ваша милость, может быть поменяем Ролту наказание на что-нибудь другое? Он ведь явно не со зла. Дурачок ведь, что с него взять?

Нельзя сказать, что на барона певческий дар лесоруба не произвел впечатление. Произвел и немалое. Но Алькерт оставался верным себе.

– Нет, Керрет, этого простим, а другие на голову сядут, –

ответил он. – Нужно показать пример.

Виктор догадывался, о чем сотник говорит с бароном. До него долетали не только обрывки фраз, он еще видел взгляды, которые бросали на него собеседники. Но, к большому разочарованию, понял, что разговор не принес плодов. Однако когда из кареты раздался голос Маресы: 'Папа, нам нужно поговорить!', Антипов понял, что его акции резко пошли вверх. И он принялся за вокал с новыми силами и новыми песнями.

Однако барон, выскочивший вскоре из кареты, пребывал в состоянии ярости. Он запретил сыну лесоруба дальнейшие певческие упражнения и оставшийся путь в замок прошел в тишине и без приключений. Если конечно не считать разгневанные взгляды Алькерта, которые он бросал то на карету с дочерью, то на Виктора.

По прибытию домой слух о произошедшем разнесся с быстрой молнии. Поэтому когда Ролта поместили в тюрьму рядом с казармой, предварительно сняв кандалы, к нему чуть ли не выстроилась очередь из визитеров. И десятник Нурия пропускал их без всяких возражений.

Сначала пришел Кушарь. Он помялся в дверях, потом поинтересовался, что же произошло, и услышав версию Виктора, которая гласила, что почтительный сын понятия не имел о том, что оскорбляет дворянина, а не уличного паяца, решил отправиться к барону с прошением и объяснением ошибки.

Затем примчалась Ханна. Она принесла с собой кувшин молока и мягкий душистый хлеб. Отдав это все Ролту, девушка немного постояла, теребя разноцветные ленты и выслушивая комплименты по поводу своих красоты и доброты, которые не уступают одна другой. Когда после какой-то особенно витиеватой фразы на ее глаза навернулись слезы, Ханна убежала, чтобы не разрыдаться прямо в тюремной камере. Но Виктор недолго был в одиночестве, размышляя о том, что даже в заключении могут найтись приятные стороны. Потому что следом за девушкой пришел сам господин менестрель.

Это был мужчина небольшого роста с тонкими чертами лица, худыми руками и аккуратной бородкой. Вопреки обычной серо-коричневой моде, он был одет в красную куртку с черным узором на рукавах и воротнике. А в руках держал мандолину, которая по внешнему виду отличалась от уже знакомого Виктору инструмента.

– Здравствуй, Ролт, – сказал он, присаживаясь на приделанную к стене скамью рядом с узником. – Я вот узнал, что господин барон решил тебя примерно наказать и подумал, а не поговорить ли мне с тобой перед этим.

– Здравствуйте, господин менестрель, – Виктор даже привстал, верный своему принципу: 'Сохраняй вежливость с теми, кто тебе не враг и не друг'.

– Мой слуга многое о тебе рассказывал. А теперь вот еще получил отзывы от воинов, которые ездили с вами в город. И сказал себе, почему бы не взглянуть на дарование.

– Конечно, смотрите, господин менестрель. Может быть недолго смотреть осталось, – Виктор пожал плечами. Он не совсем понимал смысл визита Нартела, но не хотел упускать любую, пусть даже самую призрачную надежду выбраться отсюда.

– Ну-ну, не будь столь пессимистичен, Ролт. Лучше вот сыграй мне что-нибудь. Если можешь, конечно.

– Могу, господин менестрель. Наверное.

– Ну-ка, попробуй, – Нартел без лишних слов осторожно протянул инструмент и медиатор Виктору.

Тот взял мандолину, именуемую здесь варсетой, внимательно посмотрел на нее, потрогал струны и оценил звук. Этот инструмент был гораздо лучше ученического. Гораздо. Хотя, конечно, немного не дотягивал по качеству до фабричного продукта средней руки в его мире. Но Антипов оценил мастерство создателя мандолины. И тут же спохватился. Если он попробует сыграть на ней какую-нибудь музыку, новую для менестреля, то у того возникнет резонный вопрос, откуда Ролт ее знает. А если сын лесоруба еще и скажет, что свободными от рубки деревьев вечерами пишет чудесные мелодии, ярко представляя себе, как их нужно играть, то это будет вообще. У Нартела и так возникнет неприятный вопрос, где Ролт познакомился с варсетой. Но этот вопрос – мелочь по сравнению с новой музыкой.

Виктор принял простое решение – он еще несколько раз потрогал струны, а потом бегло сыграл ту самую нехитрую мелодию из песенки про львов, которую ему показал ученик менестреля. На этот раз получилось даже лучше, чем тогда. Возможно, потому, что Антипов уже привык ее играть, или потому, что инструмент был качественнее.

Нартел внимательно выслушал Ролта, лишь иногда у Виктора создавалось впечатление, что тот порывается что-то сказать, но останавливает себя. А потом менестрель задал тот самый вопрос.

– А где ты этому научился, собственно? – поинтересовался он, когда музыка смолкла.

Но Антипов не дал вовлечь себя в очередную ложь, сложную и опасную разоблачением. В самом деле, как сын лесоруба мог научиться играть на варсете? Лишь под влиянием невероятных обстоятельств.

– Это моя маленькая тайна, господин менестрель. И мне

кажется, что я унесу ее с собой в могилу.

Менестрель в упор посмотрел на Ролта, но настаивать на ответе не стал. Виктор мог поклясться чем угодно, что если бы появилась новая музыка, то ситуация была бы совсем иной. А так, навык игры – мелочь.

– А что за песни ты пел по пути из города в замок? – снова спросил Нартел.

– Печальные песни, господин менестрель. Было бы странно, если бы пел веселые.

– Нет, я имел в виду, где ты их слышал? Кто тебя научил?

– Придумал, господин менестрель. Все придумал на ходу.

Нартел бросил на сына лесоруба очередной недоверчивый взгляд и, увидев честные и простодушные глаза, понял, что все равно пока что ничего не добьется.

– Хорошо, Ролт, мы поговорим с тобой в следующий раз. Обо всем.

– Но….

– Я постараюсь объяснить господину барону, что он слегка погорячился, – прервал вопрос Виктора менестрель. – Если не получится, то договорюсь с Мареком, палачом. Он кое-чем мне обязан. Так что, будет больно, неприятно, но несмертельно. Не переживай особенно. Через пару недель уже сможешь ходить.

'О, у меня, оказывается, появляются могущественные покровители, господин Бонасье. Похоже, что не умру. То есть, конечно, умру, но это будет явно не сегодня. Какое огорчение для зрительского зала'.

– О, господин менестрель, благодарю вас! – вскричал Виктор. – Очень рад, что вы столь любезно согласились принять такое участие в моей судьбе! Уже через две недели смогу ходить. Надо же. Вот это – радостная новость.

Нартел снова внимательно посмотрел на собеседника, пытаясь понять, издевается тот или говорит искренне. И опять натолкнулся на чистый и наивный взгляд.

– До встречи, Ролт, – сказал он. – Поговорим с тобой после.

Когда дверь за менестрелем захлопнулась, Виктор недолго радовался относительно хорошим известиям. Потому что радость получилась какая-то смазанная. Ей трудно было предаваться всей душой.

'Ну вот, господин Чернышевский, какие-то дикари над вашей головой поломают шпагу и подвергнут экзекуции на потеху толпе. А потом, недели через две, вы сможете передвигаться с посторонней помощью. Очень гуманно. Очень. Человеколюбие и всепрощение так и прет. Поблагодарить господина барона перед поркой, что ли? Так, чтобы уже наверняка запороли. Какое

позорище…. Эх, вообще не нужно было возвращаться. Но кто же знал?'

Антипов теперь понимал, что выживет, но вот почему-то такая жизнь ему совсем не нравилась. Публичная порка в его глазах представлялась некоей вехой, которая наверняка отделит прошлого Виктора от теперешнего. Отделит и сделает жизнь хуже и беспросветней. 'Отделяться' бывшему студенту не хотелось категорически. Это было против его убеждений и самоуважения.

Однако он недолго переживал. Барон, не желая медлить с наказанием, назначил экзекуцию на тот же день. Поэтому примерно через час после визита менестреля за Виктором пришли.

Двое солдат забрали Ролта и повели его на небольшую площадь перед внутренними воротам. Нурия провожал своего подопечного сочувственным взглядом.

На этой площади было нечто вроде постамента. Иногда там произносились речи и зачитывались распоряжения. Теперь вот конструкция служила в качестве эшафота.

По мере приближения Виктора к месту наказания, его и без того безрадостное настроение ухудшалось еще больше. Помимо вполне ожидаемых опасений получить увечье, он испытывал совершеннейшее омерзение к тому, что произойдет.

Поднявшись по трем скрипучим ступеням, Антипов оказался рядом с коренастым лысоватым мужичком, одетым почему-то в потертый кожаный фартук. Марек был очень плохо выбрит и от него несло чесноком. Палач подтолкнул Ролта к столбу на краю помоста и зашептал на ухо:

– Ты не переживай, парень, я буду не сильно бить, а ты ори погромче. После десятого удара сделай вид, что потерял сознание. Его милость, скорее всего, остановит меня.

'Похоже, что Марека просил за меня не только менестрель, – подумалось вдруг Виктору. – Видимо, еще кто-то…, возможно, даже человек десять, судя по его обходительности. Занятно, конечно, что у меня столько поклонников. Но как же это все отвратительно выглядит! Палач, помост, толпа любопытствующих, барон с кислой миной на лице… досталось ему, бедолаге. Ну ничего, сейчас еще больше достанется. Да и мне заодно'.

– Господин барон! – закричал Антипов, отворачиваясь от столба и пытаясь поймать взгляд хозяина замка. – Разрешите обратиться, господин барон!

– Чего тебе, Ролт? – мрачно отозвался тот. Было видно, что общение с узником не доставляет ему никакого удовольствия.

– У меня есть просьба, господин барон! Я желаю проверить

себя!

– Какая просьба, Ролт? Что ты несешь?

– Хочу записаться в дружину, господин барон. Хочу пройти испытание.

Алькерт оцепенел. Вместе с толпой и палачом. Казалось, что несколько секунд вообще никто даже не дышал, такая стояла тишина.

– Ролт, ты чего? Соображаешь, что говоришь?

– Имею право, господин барон!

– Какое еще право?!

– По вашему собственному приказу. Я его наизусть помню, господин барон. 'Любой может пройти испытание немедленно, если светло и враг не стоит у ворот'. Хочу пройти испытание, господин барон! Сейчас ведь не ночь, да и врага вроде бы нет.

Вот теперь публика заволновалась. Люди начали роптать и перешептываться. Виктор поймал удивленный взгляд Кушаря и восхищенный – Ханны. Террок, который стоял в первых рядах, смотрел весьма настороженно.

– Ролт, у тебя нет шансов, – ответил Алькерт после небольшого раздумья.

– Как знать, господин барон! Считаю, что шансы есть! – Виктор ответил моментально. – Разрешите назначить испытание! Слово господина барона крепко! Это всякий знает.

Хозяин замка глубоко вздохнул. Видно было, что он сдерживается из последних сил:

– Вот после наказания и проверишь себя, Ролт.

– Но тогда я не смогу, ваша милость, – возразил Виктор. – По самой простой причине – буду мертв. Нельзя ли сначала испытание, а потом – наказание?

Толпа снова всколыхнулась при этих словах. Антипов угадал правильно: публика жаждала зрелищ, а тут появилась возможность получить двойное удовольствие – сначала избиение Ролта десятником, а потом – еще и палачом.

Барон хотел еще что-то ответить, но поймал взгляд сотника Керрета, который стоял неподалеку, и это, похоже, окончательно вывело его из себя. Виктор был прав в своих выводах – за него просили. Да так, что достали Алькерта очень сильно.

– Испытание, Ролт?! Тебе нужно испытание?! – хозяин замка говорил весьма раздраженным тоном. – Будет тебе испытание! Десятник Рунер примет его. Немедленно, как я и обещал. Вот теперь ты сам выбрал свою судьбу. Плети будут потом… если выживешь.

'О, господин Вольтер, барон, кажется, собирался меня простить. Ну, или смягчить наказание. Великий гуманист, без

сомнений. Но жребий брошен, как говорится. Пусть они хоть застрелятся, но так позорно избить я себя не дам и потом. Схватка лучше. К тому же, кто знает, может и продержусь, если очень повезет. А воины здесь – привилегированное сословие. Их не порют'.

Вздох пробежался по толпе. Десятник Рунер был сущим безумцем, душегубом, зверем. Его не допускали не только до экзаменов кандидатов, но и до обучения солдат. Хотя, конечно, личная подготовка десятника была просто великолепна. В прошлом это в значительной мере помогало ему калечить учеников.

Но Виктор принял известие с улыбкой на лице. Ему это все уже настолько осточертело, что он был готов броситься на означенного Рунера даже без тренировочного меча, просто с голыми руками.

Переход от одной площадки до другой не занял много времени. Часы тоже принесли споро. Антипов и глазом не успел моргнуть, как ответственный за его судьбу сменился: вместо палача Марека перед сыном лесоруба стоял худощавый и высокий человек. Жилистый, в засаленной кожаной куртке, с длинными руками, вдавленным носом и гримасой пренебрежения к противнику. Рунер. Местный маньяк.

– Что выбираешь, Ролт? – поинтересовался сотник Керрет, взявший на себя роль неофициального распорядителя. – Меч или копье?

– Я бы предпочел топор, господин сотник, но думаю, что такой выбор не предусмотрен.

– Бери меч, – внезапно встрял в разговор Алькерт. – Эй, кто-нибудь, наденьте на Ролта шлем!

'Надо же, какая забота, – про себя восхитился Виктор. – Его милость собирается продлить удовольствие. А то вдруг я тут раскину мозгами в первые секунды. Нет, барон тревожится и о публике, чтобы зрелище не получилось смазанным. Рачительный хозяин'.

Десятник Нурия приблизился, нахлобучил на сына лесоруба шлем и вручил один из тренировочных мечей.

– Иди на сближение, – быстро шепнул Нурия. – Не позволяй ему избить себя деревяшкой. Он тебе все ребра сломает.

Виктор не успел поблагодарить его за совет, как воин рядом с часами плеснул туда ковш воды. Рунер атаковал незамедлительно. Его меч просвистел совсем рядом с лицом Ролта, а потом впился в плечо. Левое.

Антипов тут же отступил на несколько шагов, а потом, держа в голове совет Нурия, решил ему последовать. И храбро бросился

на противника, широко замахнувшись своим мечом. Рунер легко ушел от удара и Виктор почувствовал, как в его живот врезалось что-то типа молота. Он согнулся, прижимая руки к больному месту, но следующей целью десятника было его колено. Молодой человек рухнул на землю, боль застилала глаза, но удар по спине произвел очищающее действие на мысли. Виктор выпростал руку и схватил за щикотолку своего противника. А потом дернул, что было сил, забыв о своих травмах. Все-таки горячка боя притупляла чувствительность.

Десятник не смог удержать равновесие и тоже упал, а сын лесоруба начал подтягивать его к себе за ноги, словно удав, заглатывающий жертву. Виктор проигнорировал пинок свободной ногой по плечу, относительно слабый удар меча по голове, но резкий захват руками своей шеи не смог выдержать. В глазах сразу же помутнело.

– Время! – раздался голос сотника Керрета.

– Не засчитано! – злорадно сказал, словно выплюнул, Рунер. И с этим трудно было не согласиться – сын лесоруба копошился на земле, стараясь подняться на ноги, но сие действие получалось плохо.

– Вставай и иди получать свои плети, Ролт, – безжалостно произнес барон, глядя как поверженный старается встать хотя бы на четвереньки. Виктор даже уловил в его голосе разочарование. Видимо, тот рассчитывал, что Рунер все-таки убьет наглеца и дело благополучно завершится.

'Не беспокойся, ваша милость, я сейчас облегчу тебе жизнь', – подумал Антипов.

– Прошу назначить испытание, господин барон, – сказал он, с трудом становясь на одно колено.

– Какое испытание? – Алькерт сначала даже не понял, о чем говорит дерзкий сын лесоруба.

– Хочу вступить в дружину, господин барон. Прошу назначить бой, чтобы проверить меня.

– Да ты что?! Тебе мало тут досталось?!

– В приказе вашей милости ничего не говорилось о том, что испытания не могут идти подряд. А слово барона крепко, это все знают.

– Ты и на ногах-то не стоишь, Ролт. Какое еще испытание? – теперь голос Алькерта звучал чуть ли не ласково. Виктор, кряхтя, поднялся, опираясь на деревянный меч.

– На ногах могу стоять, ваша милость. Прошу назначить испытание.

Барон и сотник Керрет переглянулись. Выражение лиц обоих было еще то. Антипов почти слышал безмолвную речь: 'И что

будем делать, ваша милость?' 'Как мне уже надоел этот лесоруб, сотник'. 'Потащим его к палачу, ваша милость?'

'Что-то ты очень добр к нему, сотник. Если он хочет сдохнуть, то зачем ему мешать?'

– Десятник Рунер примет испытание, – отозвался барон. – Часы готовы?

– Да, господин, – ответил воин, стоящий рядом с ними.

– Тогда начинайте.

Виктор увидел, как на лице Рунера расцвела торжествующая усмешка. Уж теперь-то он добьет наглеца, осмелившегося опрокинуть его за землю.

Антипов стоял, выставив вперед меч. Не самое удачное положение, но выбирать не приходится – быстро перемещаться он больше не мог.

Рунер, осклабившись, демонстративно и несильно ударил по мечу противника, а потом, резко уйдя в сторону, сделал выпад, нацеленный в бок Ролта. И попал. Разумеется, попал, но тело Виктора уже пришло в движение.

Антипов не был намерен позволить себя так легко убить. Оттолкнувшись одной ногой, он прыгнул в сторону десятника. И почти что промахнулся, только в последний момент сумел ухватить рукой за куртку Рунера. Ухватил, подтянулся и, не обращая внимания на удары, вцепился другой рукой в воротник. Десятник снова рухнул, но на этот раз оказался сверху Ролта. И из этого положения, выронив меч, начал методично бить его по ребрам. Но удары не были очень сильны – Виктор прочно вцепился в тело противника и отпускать его не собирался, даже обхватил руками за торс, чтобы десятник не смог встать.

Рунер вскоре понял, что подобная борьба не приносит существенных результатов. Резко разогнувшись для замаха, он ударил лбом по голове лесоруба, а когда тот слегка обмяк, выскользнул из объятий, пнул лежащее тело, схватил меч и нанес несколько сильных ударов сверху, не опасаясь, что этот бой остановят досрочно. Однако особо разойтись ему все же не дали.

– Время! – сказал сотник Керрет.

– Не засчитано! – сквозь зубы процедил Рунер. Он просто трясся от бешенства. Похоже, что щенок до сих пор жив.

Но Виктор был не только жив, он еще и пытался встать. Ему это не удалось даже с помощью меча, поэтому он пополз к ограде, чтобы иметь дополнительную опору.

– Ролта к палачу! – распорядился барон. Двое солдат уже были готовы исполнить приказание, даже подняли лесоруба на ноги, но Антипов, едва шевеля непослушными губами, пробормотал:

– Слово господина барона крепко….

– Что? Что ты сказал? – Алькерт сам подошел поближе, чтобы быть уверенным, что не ослышался.

– Прошу назначить испытание, ваша милость, – громко говорить у Виктора пока что не получалось. – Чувствую, что смогу стать дружинником. Нужно проверить себя.

– Охренеть, – произнес сотник Керрет.

Лицо барона стало пунцовым. Он решил, что наглый лесоруб просто издевается то ли над ним, то ли над всеми присутствующими. Алькерт бросил быстрый взгляд на Рунера и увидел, как тот от нетерпения закусил губу.

– Десятник Рунер примет испытание, – произнес барон свистящим шепотом. – Часы готовы? Начали!

Что случилось дальше, Виктор помнил смутно. Почти совсем не помнил. Когда его отпустили воины, он оперся спиной на ограду, поднял над головой меч, а потом из последних сил прыгнул на противника, что-то крикнув при этом. Простое и короткое слово, которое не было знакомо никому из присутствующих. Слово из четырех букв, начинающееся на 'А'. И затем, очень быстро, его сознание померкло.

Глава 15.

Когда Виктор пришел в себя, то обнаружил две вещи. Во-первых, он не чувствовал резкой боли, только какое-то неприятное ощущение медленно разливалось по всему телу, переходя с одного места на другое. А во-вторых, его слегка удивил тот факт, что он находится в доме лесоруба. Антипов находился на том же самом топчане, на который его положил Кушарь еще в те времена, когда Ролта придавило деревом. Это было совсем недавно, но казалось, что прошла вечность.

Виктор прислушался к своему телу и то, что он обнаружил, совсем не радовало. Когда организм здоров, его обычно не замечаешь, теперь же беспокоила, ныла каждая клеточка. Бывший студент попробовал пошевелить руками и ногами, но даже это стало практически неподъемной задачей. Конечности двигались слабо, а на напряжение мышц отвечали острой болью. В довершение ко всему Антипова бил озноб и сильно тошнило, а в горле словно стоял ком, который невозможно проглотить.

– Смотри-ка, он очнулся, – раздался знакомый голос.

Виктор с трудом слегка повернул голову и увидел Нартела и Кушаря. Они оба стояли около стола и смотрели на него.

– Неизвестно только, надолго ли, – ответил менестрель. – Ты меня слышишь, Ролт?

– Слышу, – прошептал Антипов.

– После всего случившегося может говорить, надо же. Хотя лекарь предупреждал, что он придет в себя.

– Что со мной? – отозвался Виктор, пытаясь определить причину мрачного тона собеседника. Он, вроде бы в сознании, значит, выжил. Радоваться нужно.

– Ничего, ты не волнуйся, – быстро ответил менестрель. – Хотя, конечно, жаль, что так получилось.

– Мне сильно досталось? Кушарь отвернулся. Было видно, что он не может проронить ни слова.

– Порядочно, – ответил Нартел. – Но, надо сказать, что ты произвел на всех впечатление. Барон даже остановил схватку досрочно. Видимо, воин в нем взял верх над правителем. У нашего господина всегда так – внутри него словно двое живут: военный и повелитель. Часто побеждает второй, но и первый иногда выходит на свободу. А может … все-таки правитель это был, кто знает? Такое избиение не понравилось нашим воякам. Керрет и Нурия были просто мрачнее тучи. Вот его милость и решил не провоцировать недовольство….

Антипов попытался нахмуриться, он не вполне понимал, о

чем так резво болтает менестрель. В голове шумело очень сильно.

– Остановил схватку? – прошептал он, хватаясь за ключевые слова.

– Да, Ролт. И это был мудрый поступок. Продолжать не имело смысла. Ты потерял сознание, а Рунер просто избивал почти мертвое тело.

– А наказание? – поинтересовался Виктор. Несмотря на плохое самочувствие главный вопрос все-таки беспокоил его. – С ним как? Перенесли, что ли?

– Нет, не перенесли, – покачал головой менестрель.

– Отменили?

– Да. Барон даже сказал, что такие лесорубы, как ты, ему не нужны. Тебе нужно быть либо покойником, либо воином.

Когда до Виктора дошел смысл этой фразы, он слабо улыбнулся. Неужели ему удалось? Неужели все это было не напрасно? И он страдал не зря, а сумел превозмочь тяготы, выпавшие на его долю?

– Получается, что господин барон согласился взять меня в дружину?! – Виктор попробовал приподняться, но резкая боль в животе заставила его передумать.

– Лежи, лежи, – Нартел успокаивающе вытянул вперед руки. – Лекарь сказал, что тебе нельзя шевелиться.

– Меня осматривал лекарь? – Антипов даже удивился такой чести. Или ему уже положено, если он воин?

– Барон приказал. Всем было любопытно, что с тобой станет. Лекарь влил в тебя какую-то гадость и сказал, что это снимет боль….

– Как влил? Я же был без сознания, – Виктору все же удалось нахмурить брови.

– Через специальную трубку. Изогнутую такую…, – Нартел принялся подозрительно словоохотливо отвечать на этот второстепенный вопрос. – К ней крепится воронка. Он вставил трубку в горло через рот и влил довольно много….

Антипов попытался сосредоточиться и понял, что так и не узнал, зачислен он в дружину или нет.

– Господин барон согласился на то, чтобы я был воином? – повторил он.

Нартел помялся, посмотрел в один угол дома, потом в другой и неохотно ответил:

– Нет, Ролт, не согласился.

– Тогда как… я не понимаю…. Он сказал, что я либо покойник, либо воин….

Нартел и Кушарь одновременно опустили головы. Антипов слегка нахмурился и… понял.

Жизнь, как правило, состоит из ясных для каждого этапов: молодость, зрелость, старость и смерть. К этому все настолько привыкли, что стараются не думать о подобном, потому что такие мысли неизменно портят настроение. В самом деле, к чему молодому, здоровому мужчине размышлять о том, что настанет день, когда его немощное тело уже будет не в состоянии служить как положено? Исчезнет привычная скорость ходьбы и движений, появится сутулость, незнакомые женщины начнут уступать места и никогда уже не посмотрят на так, как смотрели раньше. Но даже в этом печальном состоянии человек все равно точно не знает, когда придет его час. И здесь проявляется великая милость природы – незнание даты смерти. Что может быть лучше для иллюзий, которые сопровождают людей на протяжении всей жизни?

Виктор неожиданно для себя оказался исключением из этого правила. Он внезапно лишился всех иллюзий. Словно обухом по голове ударило. Все его планы, маленькие радости, большие огорчения, мысли, умные и не очень, мгновенно утратили свое значение. То значение, над которым он трясся, ради которого трудился и даже жил. Все это молнией пронеслось в его голове, несмотря даже на небольшой туман в ней. Впрочем, известия туман рассеяли. Что ему теперь? Для чего все это было? Зачем он сражался и проигрывал, улыбался и печалился? Чтобы умереть вот так, в маленький хижине лесоруба? В чужом замке, окруженный почти чужими людьми?

Однако Антипов с честью принял удар. Похоже, что такого рода поведение вошло у него в привычку. Он просто немного побледнел и спокойно спросил:

– Сколько мне осталось?

– До заката, – ответил менестрель, по-прежнему пряча глаза. – Лекарь сказал, что у тебя несколько переломов, но это пустяки по сравнению с остальным. Твои внутренности разорваны, Ролт. От ударов тренировочным мечом. Тут даже маг уже не поможет. Ну, наши точно не помогут. Слишком тонкая работа для них.

Повисла пауза. Виктор обдумывал ситуацию, а Кушарь с Нартелом смотрели на него с горечью в глазах.

'Странно ощущаю себя для умирающего, – думал Антипов. – Ничего вроде бы особенно не болит, наверное, из-за лекарства. Голова соображает. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Лучше было бы находиться в забытье до конца. Однако если соображаю, то придется этим воспользоваться. Нужно…'.

– Так скажи, Ролт, а где ты научился играть на варсете? – менестрель прервал размышления.

'А вот и причина, по которой Нартел объявился. А я-то гадал,

что он тут делает. Любопытно ему, выходит'.

Виктор бы с удовольствием рассказал менестрелю правду, какая уже разница? Но правда потребовала бы времени, да еще сколько! Это же целая история и Нартел не отстанет, пока не разузнает все. А если Антипову осталось жить всего ничего, то глупо тратить это время на удовлетворение чужого любопытства. Пока он может соображать, лучше подумать, что и как. Кто знает, может быть найдется выход?

– Я не могу сказать, господин менестрель. Простите.

Нартел скорчил гримасу. Видимо, он рассчитывал на другой ответ. Но потом, рассудив, что умирающего неприлично допрашивать, произнес:

– Хорошо, Ролт. Прощай. К сожалению, тебе я ничем уже помочь не могу.

– Прощайте, господин менестрель.

Тот пожал плечами и удалился с выражением разочарования на лице. Но тут Виктор не видел своей вины. О себе ведь хотя бы перед смертью можно подумать?

– Вот так-то, Ролт, – пробормотал Кушарь, когда дверь за Нартелом захлопнулась. – Не везет нам. Ни тебе, ни мне. Жизнь такая….

Это сообщение не явилось для Антипова откровением. Он нисколько не ожидал, что жизнь крестьян в Средние века будет наполнена радостью и счастьем.

– Скажи, отец, а нет ли поблизости других магов или лекарей, которые могут мне помочь? Или хоть кого-то?

– Да откуда, Ролт? На землях барона все лучшие живут в замке. В деревнях лишь знахари, да повивальные бабки.

– Понятно, – Виктор снова задумался.

По сути, у него оставалось два выхода. Первый – надеяться на чудо в лице Ареса. Но тут, похоже, чудеса себя исчерпали. Второй – обратиться за помощью к жрецам. Они-то наверняка смогут его вылечить. Но помимо того простого соображения, что до них еще как-то нужно добраться, Антипова эта идея совсем не привлекала. У жрецов в его глазах была плохая репутация. К тому же, так получилось, что изначально он и они принадлежали к разным лагерям. И если Виктор пойдет к ним с просьбой и, естественно, рассказом обо всем, это будет очень напоминать предательство. А предательство… ну, предательство никогда не нравилось Антипову. Не нравилось принципиально, настолько же принципиально, как и телесные наказания. У каждого человека свой набор ценностей и своя граница, через которую переступить он не может.

'Однако тут долго думать нечего, – подумал Виктор. – Если

уж так получилось, то мне нужно хотя бы сообщить Аресу о случившемся. Мы ведь с ним в одной лодке, он должен знать. К тому же, может быть он что-нибудь предложит? Надежда, конечно, слабовата. Но как связаться с ним? Я пойти туда не могу. Послать Кушаря? Так Арес его не поймет. Язык-то другой. Что же делать?'

– Отец, а ты не можешь где-нибудь раздобыть бумагу или пергамент и перо? – Антипов очень сильно хотел верить, что его рука справится с задачей и сумеет что-нибудь нацарапать.

– Зачем тебе, Ролт? – поразился Кушарь.

– Хочу кое-что написать, а ты отнесешь…, – еще Виктора очень беспокоила мысль, сможет ли Арес прочитать послание. Бывший студент понятия не имел, как это все работает, в каком виде бог присутствует на полянке, что он там умеет, а что нет. Но, рассуждая здраво, если Арес может видеть то, что происходит вокруг, хоть и на небольшом расстоянии, то значит, чтение записки окажется ему по силам. А уж неграмотным он не будет, это понятно.

– Куда отнесу? Зачем? – лесоруб все еще не понимал. Ему показалось, что Ролт начал нести бессвязную чушь.

Антипову было жаль тратить время на объяснения, но ничего другого не оставалось. Он уже открыл было рот, чтобы сказать, что он в своем уме, что вопросы не нужно задавать, а письмо надо отнести на опушку и там оставить, как почувствовал что-то. Это 'что-то' было очень странным. Словно внутри него звенел колокольчик. Даже не колокольчик, а звонок, типа дверного, но очень тихого. Такой звук возникает, когда подходишь к плотно запертой двери, жмешь на кнопку, а он где-то там вдалеке 'тренькает' и его слышно еле-еле. Или другой пример – телефон, который изо всех сил пытается сообщить хозяину, что кто-то хочет с ним связаться, но это получается плохо. Потому что телефон находится не просто в соседней комнате, а еще и под подушкой. Конечно, Виктор не слышал звук, но ощущение, которое испытал, почему-то прочно ассоциировалось именно со звонком.

Антипов на мгновение замер. Он пытался понять, что же происходит. Может быть действительно начался бред и скоро наступит забытье, из которого уже не будет выхода? Виктор закрыл глаза, чтобы еще раз прислушаться к ощущениям. И когда он отгородился от внешнего мира, то смог наконец вслушаться в 'звук' этого самого звонка. И то, что Антипов уловил, было похоже на бред ничуть не больше, чем все остальное, уже случившееся с ним. Виктор слышал зов.

Зов не был оформлен в слова, но когда бывший студент

осознал его существование, моментально пришло понимание, что это и зачем. Так, когда человек смотрит на дерево, ему становится ясно, что перед ним именно дерево, а не что-то иное. Его так научили в далеком детстве, когда он еще толком не представлял себе многих вещей. И вот, похоже, что Виктора научили тоже кое-чему. Скорее всего, во время переноса из одного тела в другое. Ему даже стало любопытно, что он еще знает, но любопытство было тут же подавлено.

– Отец, ты сможешь сейчас запрячь телегу?

– Телегу? – этот вопрос только укрепил Кушаря в мнении, что его сын бредит. Сначала тому понадобилась бумага, а теперь вот телега.

– Да. Ты погрузишь меня на нее и повезешь в лес.

– Зачем, Ролт?! Зачем?

– Я хочу умереть в лесу, отец. На это-то хоть имею право? Сделаешь? – идея поехать на полянку выглядела здравой. Не только из-за зова, но еще и потому, что Виктор не был уверен, что лесоруб сумеет достать бумагу, и что на ней удастся хоть что-то написать, а потом этот текст будет прочитан. Тут слишком много предположений, чтобы верить в успешный исход дела. Но если Антипов сумеет добраться до опушки, то это, конечно, совсем другой разговор. По крайней мере, он исполнит свой союзнический долг до конца.

– Но ты же можешь не перенести поездку! В телеге ведь трясет! – Кушарь был удивлен и возмущен неожиданным желанием.

– Постараюсь перенести, отец. Послушай меня. Я родился в этом захолустном замке и всю жизнь прожил тише воды и ниже травы, пытаясь угождать желаниям хозяев. И твоим, кстати, тоже. Но стоило мне высунуться, и вот чем все закончилось. Неужели я не могу умереть так, как мне хочется, отец? Уж такую-то малость можно для меня сделать, для своего единственного сына?

Лесоруб, судя по его виду, собирался что-то ответить, но не смог найти подходящих аргументов.

– Рад, что ты согласился, – произнес Виктор. – Спасибо. И постарайся запрячь телегу побыстрее, а то и в самом деле на полпути окочурусь. И волокушу захватить не забудь.

Кушарь вышел, покачивая головой. Он даже не решился уже спрашивать, зачем Ролту понадобилась волокуша.

У лесоруба не было ни собственной телеги, ни лошади, но он мог пользоваться хозяйскими, если возникала такая необходимость. Тягловую лошадь можно было взять в конюшне, получив разрешение конюха, а телеги располагались неподалеку, под навесом. Это было очень удобно: взял лошадь, запряг ее в

повозку и поехал по своим делам. Закончил дела – вернул телегу на место, распряг тягловую скотинку и отдал конюху. Барон любил порядок во всем.

Кушарь сделал все быстро. Не прошло и получаса, как Виктора перенесли в повозку на мягкое сено, взятое заботливым отцом взаймы у того же конюха. К своему удивлению, Антипов обнаружил, что возле дома находились Ханна, Ранька, Террок и еще несколько представителей местной молодежи. Они не решались зайти внутрь, зато теперь могли отдать последний долг своему знакомому. Ханна не решилась подойти поближе, просто стояла у ограды, покусывая губы, а вот Террок приблизился.

– Ты молодец, Ролт, – с восхищением зашептал он, быстро оглянувшись по сторонам. – Я бы так не смог. Довести господина барона до белого каления! После последнего боя он рвал и метал. Его милость до сих пор вне себя! И это… я знаю, что ты умираешь. Ролт…. Прощай, Ролт.

– Ничего, Террок, может быть еще свидимся, – через силу ответил Виктор. После небольшой тряски боль дала о себе знать, несмотря даже на выпитое лекарство. Он попытался поймать глаза Ханны, ему это не удалось, тогда Антипов просто смежил веки, пытаясь не стонать. Телега тронулась.

Бывший студент не заметил, как они выехали за ворота. Периодически он впадал в забытье, находясь в каком-то сумеречном сознании. Ситуация иронически напоминала ту, когда отец транспортировал его из леса в замок. Но тогда была надежда выжить….

По пути Виктор дал необходимые пояснения Кушарю. Что даже если потеряет сознание, пусть его доставят на ту самую полянку. Аресу будет нетрудно догадаться, что к чему, увидев умирающее или даже мертвое тело. Почему-то получалось, что самым близким существом в этом мире у Антипова был странный античный бог, полный злого сарказма.

Кушарь выполнил работу на совесть. Он довез сына на телеге до леса, затем выгрузил его, невзирая на плачевное состояние, переложил на волокушу и оттащил на опушку.

Когда Виктор оказался в состоянии покоя, лежа на ровной земле без тряски, он почувствовал себя лучше. Антипов открыл глаза, посмотрел на лесоруба и произнес:

– Отец, не мог бы ты оставить меня одного? Не очень надолго. Дойди до телеги, посиди там немного, а потом возвращайся. Я не умру к тому времени.

– Ладно, – Кушарь, видимо, решил соглашаться со всеми причудами сына. Он махнул рукой, развернулся и пошел по направлению к дороге. Виктор остался в одиночестве.

– Арес, – слабо позвал он. – Арес, ты меня слышишь?

Словно легкий ветерок пронесся по полянке. Антипову даже показалось, что стало как-то светлее.

– Арес? – повторил он. – Ты здесь?

– Здесь, здесь, – раздался насмешливый ответ. – Где же мне еще быть? Это некоторые ходят по окрестностям и городам, наслаждаются жизнью, попадают в передряги и совсем не думают о том, чтобы сделать нормальную статую. Хотя бы небольшую. Чтобы я тоже мог перемещаться с ее помощью.

Виктор даже не сразу понял, о чем говорит собеседник. О статуе! О какой-то ерунде, когда он, единственное связующее звено бога войны с внешним миром, умирает! При чем тут статуя?

– Арес,…, – начал Антипов, стараясь найти слова, чтобы объяснить произошедшее.

– Кстати, а чего это ты разлегся? – перебил его голос, доносящийся из ниоткуда. – Мужчина в летах таскает тебя, как младенца. И этого человека я хочу сделать воином…. Позор! Это певцы, философы и поэты могут себе позволить нежиться в тени. А ты, воин, должен либо сражаться, либо тренировать свое тело. Чтобы в один прекрасный день прийти к ленивому философу или поэту и доказать ему, что он выбрал неправильную профессию.

– Но, Арес, я умираю! – Виктор был огорчен несправедливыми упреками. Неужели бог ничего не видит?

– Умираешь? – удивился тот. – С чего бы это?

– Я сражался… несколько раз… и меня сильно ранили… лекарь сказать, что мне жить осталось всего ничего….

– Сражался с этим типом со сплющенным носом? Ну, он так себе боец. Хотя, конечно, на тебя и такого хватит. Потому что тренироваться нужно. Больше и чаще. В тренировках секрет побед!

'Позвольте, – подумал Виктор. – Это что-то новое. Откуда Арес знает, с кем я дрался? Он же не может видеть так далеко. По крайней мере, говорил мне, что не может'.

– А откуда ты знаешь, как было дело? – осторожно спросил Антипов. – И… почему так странно говоришь? Разве не заметно, что я умираю?

– Только совсем безответственный человек может загромождать своим трупом это чудесное место, – ответствовал Арес. – Поэтому никаких трупов здесь не будет. Я не позволю. У меня тоже есть чувство прекрасного. Что же до того, что знаю, как все произошло, то да. Знаю! Еще бы мне не знать, откуда поступает энергия. Это, мой друг, как азбука. Бог должен быть в курсе источника своих сил.

– Какая энергия? – Виктор почувствовал, что совсем запутался.

– От поединка. Какая же еще?

– От чьего поединка, Арес?

– От твоего, мой беспамятный друг.

– Но… я ведь проиграл! А ты, насколько понимаю, получаешь силы от побед.

– Ну да. От побед. И еще кое от чего, с ними связанного. И это кое-что даже лучше, чем победы. Хотя и встречается значительно реже. К сожалению.

– От чего? – Антипов только сейчас начал осознавать, что случилось что-то… положительное. Что, возможно, не приведет к его смерти, а даже наоборот….

– Вот скажи, как называется поступок человека, который настолько глуп, что жертвует всем, что у него есть, ради какой-то высокой и благородной цели? Да еще делает это на поле боя, – воздух рядом с лежащим словно начал сгущаться. В нем появились какие-то мерцающие точки.

– Как называется? – Виктор совсем не был настроен отгадывать загадки. Его интересовал главный вопрос – будет он жить или нет.

– Очень просто, – точки сгруппировались, оформляясь в какой-то образ. – Подвиг. Обычный подвиг, посвященный мне, скромному богу войны. Вот так-то, мой друг.

Антипов был готов зажмуриться, так непривычно оказалось зрелище, возникшее перед ним. Совсем неподалеку появился полупрозрачный силуэт мужчины, окруженного золотистым сиянием. Его кучерявая борода оставалась неподвижной, несмотря на легкий ветерок, а глаза… глаза смотрели насмешливо, словно говоря: 'Молодец. Тебе пришлось тяжело, но это того стоило. Я почти готов исполнить любое твое желание. Еще пара тысяч таких боев – и дело сделано. Сущий пустяк'.

Глава 16.

Чудеса и обыденные явления нередко очень похожи. Настолько, что их может отличить только наметанный глаз человека, разбирающегося в вопросе. Возьмем простой пример. В доме, который отключен от источника питания за неуплату, вдруг загораются все лампы. Чудо? Да, несомненно, если оценивать происходящее с точки зрения представителя электрической компании. Но с точки зрения владельца дома, который напрямую подключился к воздушной линии электропередачи, это не будет чудом. Поэтому все необычные явления целиком зависят от наблюдателя, его образованности и осведомленности.

Однако Кушарю было достаточно своего собственного житейского образования, чтобы понять, что он является свидетелем чего-то странного. Когда лесоруб явился на полянку, переживая о том, увидит ли своего сына живым, то обнаружил Ролта не только в сознании, но и стоящего в полный рост и сжимающего в руках толстый сук дерева. Кушарь был потрясен до глубины души. И, естественно, первая его мысль касалась сомнений в собственном рассудке.

– Ролт, ты ли это?! – воскликнул он. – Или мне все чудится? Почему ты стоишь? Разве можешь стоять?!

Виктор обернулся к собеседнику, отрывая внимательный взгляд от своей ноши.

– Прости, отец, что невольно напугал тебя, – ответил он. – Но это действительно я. И со мной сейчас в порядке… похоже на то.

– Но… как это может быть? – Кушарь нерешительно шагнул к сыну, губы его дрожали.

– Да я это, я. Вот можешь потрогать, – Антипов протянул лесорубу руку, но не смог справиться с деревом, отчего то выскользнуло и, ударив его по ноге, откатилось прочь.

Виктор стоически перенес боль. Удар бревном был такой мелочью по сравнению со всем остальным.

– Но… что случилось? – Кушарь был по-прежнему поражен. Он подошел к Ролту, стоящему на одной ноге и сжимающему обеими руками другую нижнюю конечность, и крепко взял его за плечо. Ошибки не было – перед ним был действительно его сын. Не в силах сдержать своих чувств, лесоруб обнял Ролта.

– Понимаешь, отец, – задыхаясь в крепких объятиях, начал объяснения Виктор, – я выздоровел совсем внезапно. Вот сразу после того, как ты ушел….

– Так же не бывает! – Кушарь отодвинулся, чтобы еще раз посмотреть на сына.

– Мне так раньше тоже казалось. Но потом… когда на меня упало дерево… я начал кое-что подозревать.

– Что? При чем тут дерево? – в голосе лесоруба было недоумение.

– Все началось с него, отец. Вот подумай сам. Огромное дерево падает на человека. Бьет его по голове. Может ли он выжить после этого? Ну, сомневаюсь. А я выжил! И не просто выжил, а болел совсем недолго!

– И что?

– Как что? После этого я заподозрил, что тут все не так просто. И решил проверить.

– Проверить?

– Ну да, отец. Ты же помнишь, что я несколько раз ходил на эту поляну? Мне показалось, что именно это место обладает целебными свойствами. Здесь я чувствую прилив сил… И вот, когда неважно себя чувствовал пару раз, приходил сюда. И что ты думаешь? Немедленно выздоравливал!

Лесоруб смотрел на Ролта широко открытыми глазами. Потом отвернулся и начал осматривать поляну. Он даже присел, чтобы потрогать траву под ногами. Все выглядело нормальным.

– Но, Ролт, тут же нет ничего особенного!

– Нет. Но я-то здесь выздоравливаю!

Это был несомненный факт, который нечем опровергнуть. Лесоруб еще раз осмотрелся и нерешительно спросил:

– А это место только тебе помогает или кому-нибудь еще?

– Думаю, что только мне, – серьезно ответил Виктор. – Я ведь лишь чувствую здесь прилив сил. Ты не чувствуешь, не так ли? Кушарь прислушался к себе:

– Да нет, вроде.

– Ну вот. Все правильно тогда.

Лесоруб нахмурился. Он решительно не понимал, что происходит, ему не нравилось объяснение, данное сыном, но ничего другого просто не было.

– А что мы скажем в замке? – поинтересовался Кушарь. – Расскажем им… как есть?

– Ну что ты, отец, – горячо возразил Виктор. – Разве можно говорить об этом? О полянке и прочем…. Уверен, что господин барон решит расследовать, что и как…. Еще запретит мне сюда приходить. Нет. Мы скажем другое.

– Что?

– Что я выздоровел своим ходом.

– Но….

– Вот послушай, что я придумал. Мы возвращаемся в замок вечером. Я еду на телеге… лежу. По-прежнему смертельно болен,

но почему-то не умер. И завтра не умираю и послезавтра…. И раз так, то понятно, что выздоравливаю!

– Да, это хорошо, – согласился лесоруб. – В это все поверят. А долго болеть собираешься?

– Неделю примерно.

– Неделю?! Так у тебя же переломы! Ну, были….

Вот именно в этом заключалась слабость плана Виктора. Он не хотел долго болеть и торопился изучить небольшой подарок, который получил от Ареса. Не желал также и рассказывать никому правду. Включая Кушаря. Арес высказался определенно на этот счет: время не пришло и в случае чего от спешки вреда будет больше, чем пользы. Раннее обнаружение себя противоречило намерениям пришлого бога.

– Это мы потом решим, отец, когда придет время выздоравливать. Объявим, что существует какое-нибудь целебное средство или что-то вроде этого. Конечно, нужно сделать так, чтобы звучало достоверно. Но у меня будет целая неделя, чтобы все обдумать. Главное – лекаря ко мне не подпускать, если он вдруг решит полюбопытствовать.

Конечно, Кушарь замечал, как переменился его сын, но чтобы так…. Чтобы придумать с ходу разумное объяснение невероятному событию…. Это поразило лесоруба чуть ли не больше, чем чудесное выздоровление. Ему казалось, что перед ним совсем другой человек.

Поверил ли он в объяснение о поляне? Не совсем. Здравый смысл пожилого человека подсказывал ему, что здесь что-то не так. Как поляна сама по себе может кого-то излечить? Чепуха. Но, с другой стороны, возможно, здесь скрывается такая тайна, о которой лучше не расспрашивать. Тем более, на этой самой поляне. Может быть, потом что-то прояснится. А сейчас разумнее сделать вид, что поверил. Но, в любом случае, Кушарь был безумно рад, что не потерял своего единственного сына.

– Я тут еще побуду, отец, – сообщил Виктор. –А ты может быть пойдешь к телеге? Нельзя ведь ее бросать около дороги. Вдруг украдут. А вечером вместе поедем. С тобой пойти не могу, а не то увидит кто.

– Но ты можешь просто полежать на телеге, – возразил Кушарь. Ему не очень-то хотелось сейчас расставаться с сыном.

– Успею еще належаться. Целая неделя впереди. Кстати, ты не мог бы мне дать топор? – Виктор кивнул на небольшой топорик, торчащий из-за пояса лесоруба.

– Зачем тебе? – поинтересовался Кушарь.

– Сгодится для чего-нибудь. Что мне тут без дела ошиваться?

Виктор еще немного поговорил с лесорубом, а потом, когда

тот ушел, нагнулся и поднял оброненное бревно.

– Все же оно тонковато, – сказал он. – Да и суховато. Наверное, придется другой сук срубить.

– Решай сам, – отозвался невидимый голос. – Ты же считаешь, что справишься.

– Ролт – просто мастер по дереву, Арес, – ответил Виктор. – С этим обычным топориком он мог вырубить все, что угодно. Думаю, у меня получится. А сходство какое требуется?

– Что значит какое? Сходство должно быть. Я не требую абсолютного, но хотя бы примерно. Чтобы меня можно было узнать. Будь у меня больше сил, было бы достаточно любой хорошо сделанной статуи с атрибутами и надписями. Но сейчас мне нужно сходство, так проще будет перемещаться.

– А размер? Вот такая высота достаточна? – Антипов широко развел руки.

– Да. Хотя чем выше, тем лучше.

'Ну, конечно, он хочет метра три-четыре, господин скульптор из Родоса, – подумал Виктор. – но такой размах я просто не потяну. Метр – вот мой предел и то придется несколько часов проваландаться. Надо думать, что до заката закончу'.

Однако Антипов рьяно взялся за дело. Прежнее бревно, которое он нашел в лесу, было отброшено, зато обнаружился подходящий сук. Виктор быстро срубил его, удалил ненужные ветки и начал свою деятельность в этом мире в качестве художника. Он специально отошел подальше от поляны, прежде всего затем, чтобы Кушарь, если вдруг вернется на поляну, не смог понять, чем Ролт занимается, но также и для того, чтобы и Арес не видел ход процесса. Виктор, несмотря на решительные заверения заказчика в успехе, отнюдь не был полон надежд на благополучный исход. Это была его первая серьезная творческая работа в качестве скульптора.

Антипов работал споро, стараясь не думать о том, что делает, чтобы не портить деталь. Он решил не уделять особое внимание туловищу и конечностям, а сосредоточиться целиком на лице. Пусть это будет просто удачное изображение по пояс! Если все получится, и Арес одобрит результат, то статую можно будет взять с собой и нужда в посещениях полянки отпадет. Все-таки не очень удобно каждый раз сюда бегать. Особенно во время так называемой болезни.

Виктор точными быстрыми движениями высекал лицо. Ему казалось, что он делает это как настоящий профессионал. Нос получился очень даже неплохим, щеки и лоб – еще лучше, а скулы были просто похожи на аресовские. Ну, конечно, если принять во внимание тот факт, что их было трудно разглядеть за

бородой. Уши, правда, подкачали из-за своей непропорциональной длины, но бывший студент не расстраивался. Уши – ведь мелочь. Главное, что все остальное похоже. Особенно, скулы.

'Да-с, господин Петров-Водкин, а я ведь, пожалуй, гениален, – думал, радуясь, Виктор. – Кто бы мог сказать, что из меня получится такой отличный скульптор? А как я работаю топором! Просто любо-дорого посмотреть. Что ни удар – все в точку! Снимаю ровно столько, сколько нужно. Не больше и не меньше. Вот где проявляется настоящий дар. Арес правильно сделал, что доверил мне эту непростую работу'.

Через некоторое время Антипов отступил немного назад и оглядел продукт. На него смотрела деревянная статуя с узким лицом, длинным носом, выступами над щеками, запавшими глазами и ушами, достигающими шеи. Скульптура была похоже больше на истуканов острова Пасхи, чем на Ареса, но Виктор, гордый собой, предпочитал видеть лишь хорошее. Его первый блин не вышел комом. А он действительно создал нечто. Разве это не повод для гордости?

Когда любой художник начинает свой творческий путь, он, как правило, преисполнен веры в себя. Все, что выходит из под его кисти, вызывает восторг. Восторг самого художника, естественно, а иногда родственников, близких друзей и подчиненных. Начинающие творцы, даже самые умные из них, по какой-то загадочной причине начисто лишены самокритики. Критика приходит потом. Чаще всего со стороны, заставляя творца воспитывать собственную, если, конечно, он хочет действительно преуспеть.

Находясь в приподнятом настроении, Виктор потащил работу на поляну. Он не замечал даже ветви, царапающие его, так торопился представить шедевр на суд заказчика.

– Вот, – сказал он, ставя произведение искусства в центр опушки. – Закончил наконец! Ну как? Арес отозвался тут же.

– Что ты закончил, мой друг? – с любопытством в голосе осведомился он.

– Скульптуру, – пояснил Виктор. – Вот эту.

Повисла пауза. И эта пауза совсем не понравилась чувствительной душе скульптора. С каждой проходящей секундой в сердце бывшего студента закрадывалось какое-то смутное сомнение. Не то в собственной гениальности, не то в том, что он поторопился с демонстрацией. Возможно, стоило подправить волосы или плечи или еще что-то. Косметически, конечно.

– Ну, – наконец отозвался Арес, – при некотором допущении это действительно можно назвать скульптурой.

Виктор мгновенно встревожился. Он уже долго общался с богом, чтобы понять, что тот отнюдь не в восторге. Но почему не в восторге? Все ведь, кажется, в порядке. Особенно, скулы. Или Антипов поторопился с оценкой собственных способностей? Может быть он не гениален, а просто очень талантлив? И ему требовалось немного больше времени на работу. Волосы вот точно нужно подправить.

– А что она изображает? – поинтересовался бог войны.

Если есть вопросы, которые могут убивать наповал, то это – один из них. Сердце Виктора учащенно забилось. Что означает этот вопрос? Арес демонстративно не хочет узнавать свое изображение или искренне недоумевает? Интуиция Антипова сработала как надо, подсказав ему, что не всегда нужно отвечать прямо.

– Ну, я ведь собирался сделать твое изображение…, – уклончиво произнес бывший студент.

– Да, собирался, – подтвердил Арес. – А почему вместо полезного и нужного занятия потратил столько времени на это вот? Кстати, ты до сих пор не сказал мне, что это такое.

Мысли Антипова понеслись вскачь. Конечно, он мог бы просветить собеседника насчет скульптуры, но что-то, какое-то глубокое чувство подсказывало Виктору, что этого делать не следует. Бог войны сейчас в силе, вон как здорово вылечил… а хватит ли у него сил на новое лечение?

– Да так, одна вещица, – задумчиво произнес Виктор, еще раз оглядывая плоды своего труда. У него появилось ощущение, что и скулы-то не особенно похожи. – Безделушка.

– Безделушка? – похоже, что Арес искренне недоумевал.

Антипов поймал себя на том, что размышляет о людях. А именно – об одном своем приятеле, который остался в прежнем мире. Тот, человек умный, образованный, достойный во всех отношениях, совершенно не воспринимал насмешки в свой адрес. Не то, чтобы не переносил их, а просто не умел замечать. Он был такого высокого мнения о своей персоне, что не представлял себе, как другие могут быть не согласны с ним по этому вопросу. И если бы кто-нибудь попытался объяснить ему суть насмешек, то, пожалуй, натолкнулся бы на грандиозное удивление.

– Знаешь, Арес, я просто хотел потренироваться. Ведь изобразить бога непросто! Это – ответственный труд. Вот и сделал просто другую скульптуру. Совсем постороннего человека. Да и вообще, чувствую, что сегодня ничего не получится все равно. Пожалуй, завтра-послезавтра еще попробую.

Следующие несколько дней для Виктора прошли довольно однообразно. Кушарь привез его на телеге обратно. Живого,

конечно. Что вызвало некоторое удивление стражников у ворот. Антипов был снова занесен в дом, где его одолели печальные мысли по поводу того, что в течение некоторого времени он сможет перемещаться лишь внутри четырех стен. Но чего не сделаешь ради конспирации?

Затем до бывшего студента начали доходить интересные слухи посредством Кушаря. Прежде всего Виктор узнал, что господин барон издал любопытный приказ. В нем говорилось о том, что теперь испытания на место дружинника не могут идти подряд для одного и того же кандидата. Кроме того, заведомо больные или травмированные претенденты тоже не имеют право участвовать. Алькерт подошел к делу с педантичностью хорошего чиновника, пытающегося устранить сбой в функционировании бюрократической машины.

Далее Антипову стало известно, что почти все в замке ожидают его гибели. Нет, конечно, не мечтают о ней, а просто ждут как чего-то неизбежного. Однако после того, как Виктор их разочаровал, не умерев не только в тот же день, но и на следующий, к ожиданиям стала примешиваться неуверенность. Люди начали поговаривать, что сын лесоруба живуч, как арнеп, и что наверняка выдержал бы еще один бой с десятником, если бы не потерял сознание. Лесоруб сообщил Ролту, что слухи о возможности дополнительного боя докатились и до барона, чем вызвали очередной приступ неописуемого раздражения. Дело дошло до того, что его милость соизволил справиться о здоровье Ролта и, узнав, что ухудшения не наблюдается, чрезвычайно удивился и, похоже, тоже разочаровался. Но здесь Виктор, всегда готовый оказать Алькерту какую-нибудь услугу, ничем не мог помочь.

К чести Антипова, он хорошо распоряжался свободным временем, не валялся на топчане в бесплодных переживаниях по поводу утраты дома, родных и близких, а пытался совершенствовать свои навыки скульптора. Кушарь притащил несколько деревянных болванок и с удивлением наблюдал, как его сын делает из них статуэтки. С точки зрения лесоруба, у Ролта получалось очень хорошо, он даже склонялся к мысли, что это можно выставлять на продажу. Но Виктор был недоволен своими успехами. По сути, ему удавалось все, что угодно, но только не Арес. После последнего разговора на поляне самокритика Антипова невероятно обострилась, подстегиваемая беспокойством о собственном здоровье. Бывший студент сумел сделать скульптуры английского джентльмена, викинга, злого карлика и неизвестного вождя одного из африканских племен. И все это – вместо Ареса, который упорно не получался.

Первые три дня все было хорошо, а проблемы начались на четвертый, когда пришел лекарь. Виктор очень сомневался, что визит эскулапа был обусловлен заботой о его здоровье, скорее всего, уважаемый Паспес любопытствовал, отчего же неугомонный лесоруб не умер, вопреки всем прогнозам. Но это было еще хуже. Антипов никак не желал навести на подозрения, что он притворяется.

К счастью, лекарь предупредил Кушаря о своем визите загодя. Поэтому когда Паспес вошел в дом, обстановка там соответствовала жилищу, где находится умирающий. Скульптуры были припрятаны, а на низком топчане лежал больной и слабо стонал, словно в забытье. Его один глаз был закрыт полностью, а другой – приоткрыт самую малость, чтобы иметь возможность следить за всеми действиями гостя.

– Ну, как ты себя чувствуешь, Ролт? – поинтересовался лекарь, поправляя свою штопанную куртку и подходя поближе.

– А, господин лекарь, – прошептал Виктор, перемежая слова со стонами. – Я так рад вас видеть. Может быть вы принесете мне исцеление… или хотя бы облегчение страданий.

– Позволь-ка мне взглянуть на твой живот….

– О, господин лекарь, не прикасайтесь ко мне. Прошу вас.

– Почему это?

– Все болит, господин лекарь. Мне кажется, что прикосновение убьет меня.

– Не убьет, я осторожно, – Паспес потянулся рукой к больному, но испуганно отдернул ее, когда Ролт завопил изо всех сил:

– Помогите! Убивают!

– Ты чего орешь? – удивился эскулап.

– Ко мне нельзя прикасаться, господин лекарь. Мне сейчас невыносима даже мысль об этом.

– Да? А так орать тебе разве не больно?

– Больно, господин лекарь, но ведь надо как-то спасаться. Паспес с недоумением повернулся к Кушарю, стоящему рядом:

– И давно это с ним?

– Давно, господин. С тех самых пор, как на него упало дерево, он и чудит, – последовал флегматичный ответ.

– Но я не об этом спрашиваю. А о том, что случилось после схватки с Рунером.

– Это все только ухудшило, господин лекарь.

– Н-да…. Ролт, а ты пил тот успокоительный отвар из трав, которые я тебе дал?

– Пил, господин лекарь. А как же?

– И что, помог?

– Замечательно помог, господин лекарь. Спасибо вам.

– И ты стал после него спокойней? Хотя по желанию занять место дружинника этого не скажешь….

– Конечно, стал даже равнодушным. Без сомнений.

– А как же схватка? Испытание? Твои наглые выходки и дерзости? Что-то не похоже, что ты успокоился.

– Я успокоился, господин лекарь, – с убеждением в голосе заверил его Виктор. – Теперь гораздо спокойней отношусь к тому, что обо мне подумают другие. Брови Паспеса поползли вверх:

– Однако! Видимо, лекарство оказало на тебя необычный эффект….

– Господин лекарь, могу ли попросить кое о чем? Перед смертью…, – теперь голос Виктора был снова слаб и наполнен дрожью.

– Перед какой смертью, Ролт? Что-то не похоже, что ты умираешь… и не понимаю, почему.

– Но если я не умираю, не могли бы вы мне дать лекарство, от которого быстрее все заживает? Чтобы уже через несколько дней я был на ногах, несмотря на переломы?

– Если бы оно у меня было, то дал бы. Такого лекарства нет.

– А мой отец говорит, что есть, – прошептал Виктор. Паспес быстро обернулся к Кушарю. Тот выглядел ошарашенным.

– Это – отвар из кестра, господин лекарь, – Антипов специально выбрал то растение, в котором был уверен. Кестр, подорожник на его родном языке, пользовался и здесь большой популярностью и был известен даже Ролту.

– Чушь! – старичок покачал головой. – Отвар из листьев кестра используют при удушливом кашле, а из семян – при бесплодии у женщин. 'Век живи, век учись', – подумал Виктор и проникновенно произнес:

– Господин лекарь, это – наш старинный семейный рецепт, который достался еще от прабабки. Чтобы кестр помог при ранениях, его нужно собирать ранней весной, в первую неделю после появления ростков. А иначе – бесполезно. Ведь правда, отец?

Кушарь порывался что-то сказать, но подавил это желание и лишь кивнул, изумленно глядя на Ролта.

– И что, ты пьешь этот самый отвар из ростков кестра? – скептически поинтересовался Паспес.

– Да, господин лекарь, – прошептал Виктор. – Хотя его осталось очень мало. Дня на два-три еще. Но пока что не помогает. Думал, что ваше лекарство лучше поможет.

– Ну-ну. Полагаю, что узнаю о результатах. Буду очень удивлен, если выяснится, что у кестра есть новые свойства.

'Конечно, господин Авиценна, ты будешь удивлен, это я тебе гарантирую, – принялся размышлять Виктор. – Причем, сразу не поверишь, разумеется, ведь явно не дурак. Да и какая разница, веришь ты мне или нет! Ведь опровергнуть-то меня можно только одним способом – проверить эти самые ростки. Но у тебя они вряд ли есть, а у меня через пару дней все якобы закончатся. И будем ждать весну. А до нее еще дожить нужно, чтобы собрать ростки в первую неделю после их появления. Байка о кестре сработает как надо, я буду вне подозрений. И интерес к моему чудесному исцелению через месяц пойдет на убыль. А по весне обо мне уже все забудут. Так что, проверять можешь сколько душе угодно. Время работает на меня'.

– А если я сумею быстро выздороветь, господин лекарь, это же поможет вам… в вашем нелегком труде?

– Конечно, Ролт, конечно, – Паспес даже слегка посмеивался над мыслью о том, что кестр может влиять на скорость заживления переломов.

– И тогда… вы пойдете мне навстречу?

– На какую встречу, Ролт? – не понял лекарь.

– Научите читать и писать? Теперь Паспес уже широко улыбнулся:

– Если ты быстро выздоровеешь, то обещаю.

Глава 17.

Луч солнца, проникнув через витражи, осветил полоску пыли неподалеку от чьей-то белоснежной мантии. Главный жрец Зентела в Парреане отодвинул стул с резной спинкой и встал из-за стола. У него была привычка расхаживать взад и вперед, когда он принимал какое-то важное решение. Подчиненные, оставшиеся на своих местах, молчаливо следили за ним.

– Итак, высокочтимые, – Аренеперт старался говорить громким, уверенным голосом, – у нас имеются три кандидатуры: ан-Кесер, ан-Киала и ан-Орреант. Первый отхватил кусок земли у соседа, второй получил большую прибыль – подчиненные ему купцы успешно торгуют полотном, а третий готовится выдать дочь замуж и, как мне сообщили, приобрести контроль над частью тракта. Конечно, это все не то, что хотелось бы иметь, но больше у нас ничего нет. К тому же, со всеми тремя у церкви в Парреане есть неурегулированные вопросы… материального характера. Это и явилось той причиной, по которой мы остановили выбор на этих троих… по совету уважаемого Туунера.

Слушатели мерно кивали вслед за словами главного жреца. Каждый из них знал, что, конечно, могли бы найтись кандидаты и получше, но они приняли решение совместить приятное с полезным и получить прибыль в любом случае.

– Высокочтимые! – продолжал Аренеперт. – Нам нужно выбрать из них лишь одного и сначала покончить с ним. Его благочестие не позволит сразу же напасть на двоих… вы знаете правила. Да и силы наши ограничены, еще неизвестно какое войско даст граф. Так что, один! Только один! И мой вопрос – кто? Кем будет этот один: ан-Кесером, ан-Киалой или ан-Орреантом?

– Ваша благость, – подал голос Нуараа, внимательно взирая на главного жреца маленькими глазками, – а кто из них самый слабый? Ну, в военном смысле.

– Ан-Киал, конечно. У него и стена пониже и меньше сотни бойцов. С ним будет легко справиться. А самый сильный – ан-Орреант. Крепкий орешек. Практичный хозяин.

– Тогда может ан-Киала выберем, ваша благость? Чтоб уж наверняка, – Нуараа прищурился, словно кот в ожидании вкусной кормежки.

– Можно и его, – Аренеперт замедлил свой шаг. – Еще мнения будут?

– Я бы предпочел ан-Кесера, ваша благость, – заметил толстяк Сарек. – Его владения примыкают вплотную к землям храма. Если

часть из них перейдет к нам, то никто не станет особенно возражать….

– Да… пожалуй… в этом что-то есть…. Туунер, вы что думаете?

– Ан-Орреант, ваша благость, – пожилой посвященный третьей ступени говорил с легкой одышкой. – Только он и никто иной.

– Почему? – удивился Аренеперт. Остальные так же изумленно взирали на автора неожиданного заявления.

– Потому что он сильнее всех, ваша благость. Пользуется авторитетом. Большим авторитетом! И кто знает, когда еще выпадет возможность с ним так просто покончить. А остальные – так, мелочь. Если бы не нежелание главного храма, то мы бы уже давно прибрали их к рукам. А вот ан-Орреант – другое дело. Я предлагаю уничтожить сильного и дальше жить со слабыми. Будет хорошим уроком для остальных.

Виктор распахнул дверь дома и шагнул за порог. Светило яркое солнце, в воздухе витали знакомые запахи, а по улице, как обычно, бегали дети. Срок болезни благополучно истек. Пришло время для полного выздоровления.

Бывший студент вышел со двора и направился вдоль домов. Он старался идти не быстро, словно с трудом, чтобы не привлекать нежелательное внимание. Но с этим явно не получалось – на него было устремлено множество глаз с таким выражением, как будто люди увидели привидение.

Но Антипов старался не замечать эмоции прохожих. Он вежливо здоровался и гордо шествовал мимо. За последние дни сын лесоруба стал сверхпопулярной фигурой.

Ханну Виктор встретил почти у самых внутренних ворот. Она стояла к нему спиной и расправляла какой-то кусок материи, который держала в руках. Бывший студент получил возможность неслышно подойти к ней, чем и воспользовался.

Антипов тронул девушку за левое плечо и сделал шаг вправо. Ханна обернулась, никого не увидела, хотела снова вернуться к своему занятию и столкнулась нос к носу с улыбающимся Ролтом.

– Привет, очарование моей души, – сказал он.

– Ой, – ответила Ханна, роняя материю. Впрочем, Виктор не дал вещи упасть на землю, а ловко подхватил сверток.

– Знаешь, просто тону в твоих глазах, – произнес он. – Кстати, ты умеешь оказывать помощь утопающим? Если нет, то тебя научу. Это просто: подносишь свой рот ко рту бедняги и начинаешь помогать ему дышать. О, Ханна, пусть я буду этим беднягой! Самым счастливым из всех бедняг!

– Ролт, ты… выздоровел уже? – неуверенно спросила

девушка. – Выздоровел, да? Но… как же…?

– Выздоровел, моя радость. Ты что, не веришь? Вот потрогай меня. Я живой. Да, Ханна. Но ты продолжай, трогай, не останавливайся.

– Но… Ролт, ты же был сильно болен. Все говорили, что у тебя несколько костей сломано.

– Сердце мое, это все благодаря господину лекарю. Он пришел ко мне несколько дней назад и говорит: Ролт, а не попробовать ли тебе чудодейственное средство? Оно, правда, не всем помогает, но если кому помогает, то уж наверняка! Вот я и попробовал. Мне помогло.

'Я буду не я, если об этой истории через час не узнают все в замке', – подумал Виктор.

– Да, я слышала много хорошего о господине лекаре, – пробомотала Ханна, отбирая руку у молодого человека.

– Солнце мое, неужели ты не рада, что я стою перед тобой целый и невредимый?

– Рада, конечно, – ответила девушка, поднимая растерянные глаза на собеседника.

– А я уж как счастлив! Ханна, мы ведь встретимся сегодня вечером, чтобы я мог рассказать тебе в полной мере о своей неземной радости?

– Я не знаю… это немного неожиданно….

– О, неприступнейшая, сжалься! Все эти дни я мечтал лишь об одном: увидеть твои глаза в свете луны! Посмотреть, как луна отражается в них и, поверь мне, это отражение будет лучше, чем оригинал!

– Ну, Ролт, я постараюсь, – неуверенно ответил девушка.

– Я буду молить всех богов, чтобы тебе это удалось и я, наконец, обрету настоящее счастье!

Через несколько минут Виктор продолжил свой путь, заручившись согласием Ханны прийти на свидание. Антипов даже в прежнем мире предпочитал встречаться с красивыми женщинами. Не потому, что сам был чертовски привлекателен внешне, а потому, что думал, что знает правила этой игры и преуспевает в ней. Он рассуждал так: красивая девушка изначально находится в более проигрышной ситуации, чем некрасивая, и даже не отдает себе отчета в этом. Дело в том, что выбор у красавицы меньше, чем у всех остальных представительниц женского пола. Пусть звучит парадоксально, но факт есть факт. Она выбирает только из тех, кто выбирает ее. Красавице не нужно искать самой, ей достаточно лишь ничего не делать и иногда благосклонно кивать в ответ на мужское внимание. Только слишком уж решительные и предприимчивые

женщины способны преодолеть эту ситуацию и проявлять инициативу. Но таких очень мало, потому что сытый не станет активно искать еду, тем более, если эту самую еду подносят на блюдечке. Некрасивые девушки, наоборот, находятся в самостоятельном поиске и выбирают не из тех, кто уже выбрал их, а из всей массы мужчин, доступных для общения. У них выбор больше.

А красавица – ведь тоже женщина, чувствительная, нежная, и на определенном этапе жизненного пути она начинает интуитивно ощущать, что происходит что-то не то. Ее окружают активные мужчины, которые, к тому же, похожи друг на друга. Похожи потому, что только самые настырные и наглые остаются с ней, видя немаленькое количество других поклонников. И если девушка не способна осознать ошибку, то у нее создается превратное впечатление, что все мужчины одинаковы. И вот тут-то на сцену выходит Виктор. Его цель – не столько очаровать, сколько поразить, удивить, выделить себя из общей массы. И в большинстве… да что там, в подавляющем большинстве случаев такая стратегия приносит свои плоды. Антиповская теория подтверждается на практике.

Размышляя об этом, Виктор приблизился вплотную к внутренним воротам, чьи металлические петли кто-то так тщательно начистил, что они блестели на солнце. Створки были распахнуты, но усатый стражник окрикнул его:

– А ты куда собрался?

Если бы этот вопрос был задан Ролту еще месяц назад, то интонации в нем были бы совсем другие. Сейчас же воин, наслышав о 'подвигах' сына лесоруба, больше спрашивал, чем приказывал ответить.

– Я к господину барону, – солидно сказал Антипов. У него был такой вид, словно ан-Орреант мечтал об этой встрече все последние дни. И вот, наконец, Виктор осчастливил хозяина замка своей персоной.

– А господин барон, что, ждет тебя?

– Его милость будет рассматривать вопрос о моей дальнейшей судьбе, – дипломатично ответил бывший студент. И его никто бы не смог упрекнуть во лжи, если бы такое обвинение вдруг возникло: на вопрос стражника он ответил абсолютно правдиво. Другое дело, что воин понял ответ по-своему – барон приказал лесорубу явиться. Но здесь уже вины хитрого Ролта не было.

Солдат кивнул – дескать, проходи. И Виктор, конечно, не преминул воспользоваться разрешением. Он пошел по уже знакомой дороге прямо к двери хозяйского дома. Приблизившись,

взялся за холодную железную ручку, повернул ее и оказался в том же коридоре с лестницей, где уже бывал ранее.

'Куда теперь? – подумал Антипов. – К баронскому кабинету или лучше спросить у кого-нибудь, где найти его милость, а, господин революционный матрос Железняк? Зимний дворец, должно быть, посложнее был. Ну ладно, пойду в кабинет, чего уж там'.

Он поднялся на второй этаж, прошел мимо нескольких закрытых дверей, остановился возле нужной и постучал.

– Войдите, – раздался знакомый голос с чуть заметной хрипотцой.

Виктор толкнул дверь и предстал перед господином бароном. Тот сидел за столом и, верный своим привычкам, занимался отнюдь не канцелярской работой, а начищал мягкой тряпочкой лезвие короткого меча. Подняв голову, чтобы посмотреть, кто же там пришел, Алькерт увидел Ролта. И гамма чувств тут же отразилась на его лице.

Вот представьте себе, что в вашем собственном любимом саду, который окружен заботой и всяческим вниманием, завелся кролик. Маленький, но коварный. Он пока еще не нанес никакого ущерба, но рачительный хозяин должен предвидеть будущее. Ловушки и всяческие приманки были поставлены, но, увы, мерзкое животное успешно избегало их. Дальше больше – когда вы стали выслеживать и изучать его убежища, то выяснилось, что маленький негодяй нарыл множество ложных нор. Более того – в отсутствие хозяина зверек позволяет себя ласкать вашей же дочке. И вот, само существование кролика настолько достало вас, что, закусив удила, вы принялись за массированную атаку на животное, нанося вред чудесному саду своими руками. Но сначала все шло без успеха. Причем, домашние, видя такое дело, резко воспротивились подобной активности. Начались скандалы. Но, к счастью, животное в ходе последних боев все же получило ранение, скорее всего, смертельное, и куда-то исчезло. Видимо, умирать. И вот, в один прекрасный день, когда семейные неурядицы только-только сошли на нет, а сад был восстановлен во всем своем великолепии, вы снова замечаете этого кролика, спокойно резвящегося на травке. И что вы почувствуете?

Вот и барон Алькерт почувствовал примерно то же самое. Будь на его месте не в меру гневливый человек, доблестному Ролту настал бы мгновенный конец. Но Виктор знал, к кому шел. Его милость был прагматиком и умел ставить дело выше эмоций.

– Это ты, Ролт? – спросил барон с таким выражением на лице, словно только что глотнул уксус вместо вина. – С тобой уже все в порядке?!

– Благодарю, ваша милость, – поклонился Антипов. – Стараниями господина Паспеса со мной все хорошо.

– Паспеса? Погоди-ка…, ты ведь болел… сколько? Дней десять?

– Неделю, ваша милость.

– Неделю?! С переломами и прочим?!

– Да, господин барон. Господин лекарь был так добр, что дал совет, как можно выздороветь быстро.

– Быстро? Дал совет? – Алькерт нахмурил брови, от чего на лбу обозначились глубокие морщины. – Но это невозможно!

– Все дело в том, ваша милость, что существует один старинный рецепт. И несколько дней назад мой отец спросил у лекаря, можно ли им воспользоваться. Господин Паспес ответил: можно, почему бы не попробовать? Я попробовал и вот…, нахожусь перед вами, господин барон.

– Что за рецепт, Ролт? Почему я о нем никогда не слышал?

– О, я не разбираюсь в этом, ваша милость. Рецепт связан с ростками кестра. Думаю, что господин Паспес может объяснить все гораздо лучше меня.

Виктор ясно представлял себе, о чем и как Алькерт теперь спросит лекаря. И что тот ему ответит. Примерно так: 'Да, господин барон, мы говорили об отваре кестра, но я даже думать не мог, что он поможет'. В любом случае, разговор такого плана не бросит и тени подозрения на сына лесоруба. Хотя бы насчет этого можно быть спокойным.

– Вот как? – в голосе барона все равно сквозило недоверие, слишком уж много в последнее время пришлось думать о Ролте. – Я спрошу, конечно. А ты чего ко мне заявился? Показать, что здоров?

– Пришел за указаниями, ваша милость.

– За какими еще указаниями?

– Ну как же, вы ведь сказали сразу после схватки, что такие лесорубы вам не нужны. И что я должен быть либо покойником, либо воином. Вот я и пришел за распоряжениями, – тон Виктора был абсолютно невинен и безмятежен.

Барон с силой бросил меч на стол и крепко сжал зубы. Его взгляд не предвещал ничего хорошего, но Антипов выдержал его с простодушно-мечтательным выражением на лице.

'Вот – очередной момент истины, господин Швейк, – подумал он. – Сейчас и выяснится, как такой достойный и бравый солдат смог благополучно выжить, общаясь с нервными офицерами'.

– Ты понимаешь, Ролт, что я могу тебя убить? Вот прямо сейчас? – Алькерт говорил, едва сдерживаясь.

'Кажется с теми же словами к Швейку обращался и поручик.

Но ничего, сейчас проясним ситуацию – насколько можно верить классике'.

– Понимаю, господин барон. Но зачем меня убивать? Я же тише воды и ниже травы. Меня не видно и не слышно, – Антипов смотрел на хозяина замка чистым и недоумевающим взором. Алькерт сделал глубокий вдох и выдох, постепенно приходя в себя. 'Ух, пронесло', – подумал Виктор.

– Твое счастье, Ролт, что за тебя просили люди… многочисленные люди. То ли ты им понравился чем-то… вот уж не знаю чем… то ли твое пение… но ладно! Я дам тебе шанс. И только один шанс! Ты меня понимаешь? 'О, кажется, все налаживается'.

– Понимаю, господин барон. Алькерт снова взял меч в руки и, успокаиваясь, рассматривал его.

– Пойдешь к Нурия. Скажешь ему, что я тебя отправил на обучение.

– Спасибо, господин барон!

– Молчи! Не перебивай! Не испытывай мое терпение!

– Простите, ваша милость.

– Так вот, если мне Нурия скажет, что у тебя не получается, что из тебя толку не будет, то все! Я больше ничего от тебя о желании вступить в дружину слышать не хочу. Ты меня понимаешь?

– Да, ваша милость.

– Вообще ни слова, ни полслова, ни намека!

– Да, ваша милость.

– И потом, если у тебя ничего не выйдет, а у тебя ничего не выйдет, я знаю, ты отправишься к Нартелу. Господин менестрель почему-то изъявил желание взять еще одного ученика – тебя. Все ясно?

– Да, господин барон.

– Теперь – прочь! Быстро!

Виктор коротко поклонился и буквально выбежал из кабинета, не забыв аккуратно закрыть за собой дверь. Нельзя сказать, что ход разговора явился для него сюрпризом, примерно так он себе все и представлял, разве что барон сумел удивить известием об ученичестве у менестреля. Но все равно – Антипов был счастлив. Сердце в его груди радостно билось, дышалось на редкость легко, он был готов прыгать от переполнявших эмоций. У него получилось! Он преодолел наконец эту сословную преграду, казавшуюся столь незыблемой! Он сумел добиться согласия от самого упрямца Алькерта! Вот оно – счастье.

Виктор сбежал по ступеням, выскочил из донжона и бросился на поиски Нурия. Он не хотел терять времени даром. И его уже

совершенно не интересовал вопрос, о чем подумают люди, когда увидят бегущего сына лесоруба, который еще несколько дней назад был при смерти. Что-то подсказывало Антипову, что ближайший урожай ростков кестра будет востребован как никогда.

Теперь бывшему студенту почти нравилась его жизнь. В кои-то веки хоть что-то начало удаваться. Он чувствовал себя так, словно снова оказался в своем родном мире. У него был пример перед глазами: совсем недавно, еще до печального случая на раскопках, Антипов сдавал экзамен, к которому был готов весьма посредственно. И надо же такому случиться, что вытащил три билета из пяти, на которые вообще не знал ответ. Казалось бы – двойка, вот что ему светило. Три неотвеченных вопроса – не шутка, особенно, если заданий не так уж много. Несколько минут он сидел, словно громом пораженный. Потом спохватился и приготовил блестящие ответы на те билеты, которые знал. И – пошел к экзаменатору. К счастью, тот, мужчина средних лет, не стал сам выбирать вопросы, а предложил ему начать. Виктор великолепно и подробно поведал о том, о чем говорилось в известных ему билетах. Потом со вздохом открыл очередной вопрос, ожидая неминуемого провала, но экзаменатор остановил его и стал задавать дополнительные вопросы по тому материалу, который Антипов знал. Это его спасло. Случай, счастливый случай. И вот после этого экзамена незабываемое счастье охватило его. Он выскочил из аудитории сам не свой, а потом долго шел куда-то, даже не зная куда, и, вопреки традиции, отметил свой успех не сразу, а немного погодя, пытаясь смаковать радостное ощущение, незамутненное алкоголем.

В состоянии душевного подъема Виктор и нашел десятника Нурия. Тот сидел на бревне рядом с казармой, наблюдая за тренировками трех пар солдат. Трудно было сказать, собирается он давать советы или нет, но пока что десятник был недвижим, подпирая руками подбородок. Неизвестно, сколько он сидел бы в этой позе, но, увидев Ролта, начал медленно распрямляться. Примерно так же отреагировали и солдаты, бывшие во дворе. Они, сжимающие в руках деревянные мечи и щиты, прекратили тренировку и удивленно уставились на бегущего сына лесоруба.

Но Антипов остановился только около Нурия. Не обращая больше ни на кого внимания, он набрал в легкие побольше воздуха и выпалил:

– Господин десятник! Господин барон распорядился, чтобы я был зачислен в дружину и поступил в ваше распоряжение для дальнейшего обучения.

Было непонятно, что произвело на Нурия большее

впечатление: бег еще недавно смертельно раненого человека или его заявление. Поразмыслив, десятник решил вести расспросы по порядку.

– А ты здоров, Ролт? – поинтересовался он.

Вопрос был настолько привычен Виктору, что он немедленно дал на него развернутый ответ, упомянув на этот раз не только кестр и Паспеса, но и господина барона. Антипов ярко представлял себе, как будут выглядеть слухи, пущенные Ханной и солдатами-слушателями, когда они столкнутся друг с другом. Ожидалась путаница, что тоже было только на руку бывшему студенту. Нурия все выслушал очень внимательно, а потом задал очередной вопрос:

– Так господин барон приказал тебе учиться у меня?

– Да, господин десятник, – подтвердил Виктор.

Надо отдать должное Нурия, он недолго привыкал к своему новому статусу наставника лесоруба. А легко поднялся с бревна и сказал, обращаясь к Ролту:

– Пойдем. Раз уж ты зачислен, то занятия начнем сегодня же. Сначала получишь рестр. У тебя ведь нет своего? А потом посмотрим, на что ты способен.

Нельзя сказать, что слово 'рестр' не было знакомо Ролту. Было. И означало вид дерева. Дерево странное, разлапистое, не встречающееся на Земле, с широкими листьями, напоминающими кленовые, но только более закругленными. Сын лесоруба знал, что древесина и местная магия были как-то связаны. В народе ходили легенды, что маги не переносят рестр, даже панически боятся его. Но Ролт как-то убедился в том, что легенды врут. Когда увидел, как маг замка осматривал бревна из рестра. В его действиях не было никакой паники, он просто трогал кору и что-то говорил своими спутникам. Поэтому информация, доставшаяся Виктору, была крайне противоречива.

Что касается проверки умений, то здесь Антипов был спокоен. Конечно, подарок Ареса ничего не мог дать ему прямо сейчас, но зато потом, после нескольких тренировок… вот здесь Виктор очень сильно надеялся на успех.

Глава 18.

Маги бывают разные по характеру, по внешнему виду, по уму и по способностям. Но их неизменно объединяет одно: принадлежность к группе избранных. Когда человек узнает о том, что у него есть магические способности, то это разом меняет все его мировоззрение. На Земле сказали бы, что он вытащил счастливый билет и возгордился, а на Штераке говорят, что боги получили еще одного могучего слугу, который занял приличествующее ему положение.

Боги и маги тесно связаны в представлениях людей. Все полагают, что Дар – это благословение, и мало кто из непосвященных знает, как тяжело иногда складываются отношения между могущественными магами и почти всемогущими богами. Это отношения шакала и волка. Шакал знает, что последний силен, завидует ему, но при этом не упустит возможности стащить что-нибудь прямо из-под носа. Волк же видит, что соперник временами наступает чуть ли не на пятки, его это раздражает, но поделать ничего не может. Шакал ловок, быстр и в ключевых вопросах пользуется безоговорочной поддержкой товарищей. Идеальным выходом было бы планомерное истребление всего их племени, но волк не имеет права нарушить баланс, иначе погибнет сам. С исчезновением магов исчезнут и боги. Чем больше в мире волшебства, тем сильнее небожители. Со смертью последнего настоящего мага придет конец и последнему богу. И тогда люди одумаются и начнут размышлять об истинности и об единобожии. А единобожие и магия несовместимы – общее правило для всех миров.

Цат ун-Катор, маг замка ан-Орреант, все это отлично знал. Он был очень образован, родился в обеспеченной купеческой семье, обучался у лучших местных учителей, закончил Академию в Трилиа и много путешествовал. Ун-Катор мог бы стать даже придворным магом, если бы, поддавшись на уговоры друзей, не принял участия в попытке государственного переворота. Заговор потерпел поражение, маг бежал и был вынужден осесть в одном из захолустных баронств, и больше никогда не привлекать к себе внимания.

На момент появления Виктора, ун-Катор был уже девяностолетним стариком. Хотя маги нередко доживали до ста лет и более, пылкие забавы молодости давно стали недосягаемыми для Цата. Он уже не мог искренне радоваться жизни, любить женщин, ненавидеть врагов, да и не хотел всего

этого. Его чувства притупились – старость взяла свое. Но ум мага по-прежнему был остр.

Цат мог часами просиживать в своем любимом кресле с высокой спинкой и роскошной обивкой, наблюдая в окно за небом и птицами. Тогда в его голове роились мысли не только о прошлом и настоящем, но и о будущем. Он никогда не упускал возможности ознакомиться с последними столичными новостями и занимал себя тем, что пытался угадать, как будут развиваться дальше те события, о которых узнал.

В этом же кресле барон и застал мага, когда пришел к нему за советом. Тот сидел, откинув голову назад и положив руки на подлокотники. Ун-Катор привычно приветствовал барона легким кивком, а посетитель после первых ничего не значащих фраз быстро перешел к сути дела.

– Вы ведь слышали о Ролте, сыне лесоруба? – спросил Алькерт. – Этого Ролта обсуждают в замке вот уже несколько дней.

– Слышал, конечно, господин барон, – подтвердил Цат. Его лицо было гладко выбрито, а седые волосы коротко подстрижены – противоречие неписанной традиции, по которой все маги, кроме боевых, обязаны иметь бороду и ходить с патлами. Причем почему-то считалось, что чем длиннее и шире борода, тем больше волшебная сила ее обладателя и гонорары. – Многое слышал. И о странном выздоровлении и об испытании… многое.

– Я говорил с ним несколько раз, – произнес хозяин замка. – И он произвел на меня очень нехорошее впечатление. Лекарь тоже согласен со мной. Что-то с этим Ролтом не так.

– Он не нерт, – спокойно бросил маг.

– Не нерт, – согласился барон. – Но, возможно, и не сын лесоруба. Брови Цата слегка приподнялись:

– А кто же?

– Не знаю. Но мне очень хочется это узнать. Вот подумайте сами – сегодня я поговорил с ним в своем кабинете, а потом заинтересовался тем, как он смог прийти ко мне, миновав охрану. Расспросил охранника и выяснил, что у того сложилось впечатление, что я этого Ролта позвал!

– Он наврал воину на посту? – в тоне мага можно было даже различить небольшое сочувствие к человеку, о котором шла речь.

– Нет, не наврал! В том-то и дело, что Ролт не произнес ни слова лжи! А впечатление сложилось, что я его позвал. В выцветших глазах Цата на какой-то миг блеснул интерес.

– Это редкий дар, – пробормотал он. – Может быть боги просто сжалились над ним и наградили разумом?

– А заодно и умением играть на варсете, – с иронией ответил

барон.

– Вот как? – теперь уже и выражение лица мага выдавало заинтересованность. – Ролт умеет музицировать? Где же он этому научился?

– Нигде, господин ун-Катор. Негде ему было учиться. Вот что меня тревожит, – пояснил Алькерт.

– Но сражаться он ведь не умеет?

– Нет. И это сбивает с толку. Я ни в чем не уверен.

– А он что говорит?

– Я его еще не расспрашивал, но Нартелу Ролт не сказал ровным счетом ничего.

Маг хотел еще что-то сказать, но передумал и погрузился в задумчивость. Барон присел на край массивного желтого стола, стоящего в углу комнаты, и скрестил руки на груди. Он смотрел то в окно, то на собеседника и ждал вердикта. После довольно длительного молчания Цат откашлялся и произнес:

– Я слышал о подобных случаях. Либо это пробуждается память предков, либо двое поселяются в одном.

– Как двое в одном? – не понял барон.

– Человек заболевает и раздваивается. А иногда даже растраивается. В нем начинают жить разные люди. По очереди. Правда, сомневаюсь, чтобы у них были особенные способности… но чего не бывает?

– Это болезнь?

– Да, – кивнул маг.

– Ролт не болен. Лекарь бы заметил, – возразил барон.

– Тогда нужно поспрашивать, ваша милость.

– Да. Я так тоже думаю. Но еще не решил, как.

Любому несведующему человеку эта фраза бы не дала никакой информации. Но маг, плоть от плоти этого мира, точно знал, что Алькерт имеет в виду. Барон мог спросить тремя разными способами. Во-первых, в ходе обычной беседы. По-отечески, так сказать. Во-вторых, под пыткой. В-третьих, с помощью мага и одного любопытного средства под названием маре-н-мар. И если он пришел к ун-Катору, то становилось ясно, к чему склоняется.

– Конечно, я помогу, господин барон. Пусть будет маре-н-мар.

Алькерт поморщился. Несмотря на то, что инициатива исходила от него, он не любил даже говорить об этом. Средство в сочетании с определенным воздействием мага приводило к известному результату: правдивой болтливости. Результат не был стоек, повторные применения ставили под угрозу жизнь допрашиваемого, но эффект присутствовал. Считалось дурным тоном использовать маре-н-мар на дворянах. Это правило было

вызвано справедливыми опасениями знати рано или поздно превратиться в жертву, поэтому никто бы не рискнул его нарушить при возможности огласки. Никому не хотелось оказаться обесчещенным. Но сын лесоруба – не дворянин, с ним можно и не такое, но все равно барон чувствовал себя не очень хорошо, когда обсуждал это.

– Ладно, господин ун-Катор, я еще подумаю, понаблюдаю за ним… думаю, что допросим его после небольшой кампании. Сейчас просто нет времени, готовимся.

– Вы все-таки решили напасть на нашего соседа?

– Конечно. Нужно ведь отомстить за его попытку похитить Маресу. А иначе надо мной будут смеяться. Подумают, что все сойдет с рук. Просто политика, господин ун-Катор, ничего личного.

Антипов шел за Нурия, по-прежнему гордясь тем, что ему удалось выполнить задачу-минимум и приступить к обучению. Солнце едва клонилось к закату, и у новоявленного бойца было полно времени, которое он рассчитывал потратить с пользой, принимая во внимание опыт и авторитет наставника.

– Ты вообще что-нибудь знаешь о том, зачем воину реесстр? – спрашивал Нурия на пути в кладовую, расположенную внутри казарм.

– Нет, господин десятник, – честно ответил Виктор. – Я слышал кое-что, но лучше бы вообще ничего не слышал. Потому что все очень запутанно.

Антипов не мог исключить тот простой факт, что бедняга Ролт не владел и общепринятой информацией. Действительно, кто будет что-то рассказывать дурачку? Однако Нурия воспринял ответ как должное.

– Вот скажи, есть ли у воина шансы победить мага? – поинтересовался он. Виктор на ходу пожал плечами:

– Зависит от того, что может маг. Нурия резко остановился и внимательно посмотрел на новобранца:

– И кто-то считал, что у тебя с головой не все в порядке. Да ты соображаешь лучше некоторых. Правильно! Маги способны на многое, если им не мешать. Например, они могут поковыряться в твоем теле. Своей Дланью. Тебе это надо?

Антипов резко мотнул головой. Конечно, ему не надо. Сама мысль о том, что кто-то будет в нем 'ковыряться' внушала некоторую тревогу.

– Вот и воину это не надо. А иначе, какой он воин, если маг на расстоянии просто убьет его одним прикосновением? Но пойдем. Чего встал? – Нурия, похоже, уже забыл о том, что остановился именно он. Виктор снова двинулся следом за

десятником.

– Длань мага – это такая штука, от которой лучше держаться подальше. Но к счастью, против нее есть средство. И это – рестр.

Нурия открыл дверь, ведущую в небольшую комнату. Там был своеобразный склад. На необработанных полках лежали щиты и мечи, а около стены стояли копья. Десятник достал откуда-то сверху холщовый мешочек, развязал его и достал несколько щепок.

– На вот, – сказал он. – Одну повесь на шею, вторую – на пояс, а остальные – прикрепи на запястья и голени.

– А зачем так много? – удивился Виктор.

– Затем, что одна щепка на груди не будет тебя закрывать целиком. Длань мага сможет коснуться рук или ног. И все. Скажи, какой из воина боец, если конечности не работают? Вот то-то. А рестр мешает Длани проникать куда-либо рядом с ним. Так что, цепляй щепки без разговоров. Чтобы до завтра все было готово.

– Так что, маг со мной больше ничего не сможет сделать? – поинтересовался Антипов.

– Самой Дланью – ничего. А вот с ее помощью много чего. Кто помешает ему взять в Длань меч или швырнуть в тебя какой-нибудь горящей веткой? С магами нужно держать ухо востро, Ролт. Конечно, были бойцы, которые только тем и занимались, что сражались с ними или даже с храмовой сар-стражей, но мы не из таких. Для нас главное выжить и навалиться скопом. Один на один против трехрукого ты все равно ничего не сделаешь, хоть обвешайся рестром с ног до головы.

– А она длинная, эта Длань?

– У кого как. Бывает, что и пятнадцать шагов. Но такое редко встречается. Чаще поменьше. Вот, бери этот щит, и меч сейчас найдем… потяжелее.

Виктор принял грубо сколоченный круглый щит, окованный по краям железом, и сразу отметил его немаленький вес.

– А меч мне зачем? – спросил он. – Не лучше ли топор? Я ведь к нему привычен.

– Эх, Ролт, – вздохнул Нурия, – господин барон запретил использовать топоры для дружины. Лет пять назад была битва при Ниире. Подрались двое графов. Так вот, у одного, того, что держал оборону, большинство воинов было с топорами. А у того, кто нападал, – с мечами. Тогда-то и стало ясно, что топоры проигрывают подчистую. Правильно его милость решил. Топор – оружие работяги, а меч – воина. Им и рубить и колоть можно. У нас еще остались двуручные топоры исключительно для проламывания строя. Но с ними потом будем тренироваться. Главное – щит и меч.

'Интересно, а алебарды здесь есть? – подумал Виктор. – Они ведь тоже и колят и рубят, да еще крючком захватывают. И на топор похожи. Надо спросить, только местное название мне неизвестно'.

– Господин десятник, а имеются ли у нас такие штуки, которые выглядят как копья, но с лезвием топора? Нурия удивленно посмотрел на новобранца:

– Ролт, вот возьми-ка этот меч. А таких штук я никогда не видел. Любопытно, конечно, взглянуть. Но всему свое время! Господин барон поручил мне обучить тебя основам. Вот я и научу работе со щитом и мечом. Для начала. Так что, не отвлекайся. Или хочешь сказать, что умеешь этой штукой драться?

– Нет, не умею.

– Тогда что об этом говорить? Неизвестное оружие, Ролт, потребует времени на овладение им. Теперь иди во двор. Там и начнем.

Виктор направился наружу, сжимая тяжеленный железный меч с широким лезвием и щит. Ему хотелось верить, что это – не постоянное его оружие, а лишь тренировочное. В казармах находилось несколько человек и они провожали Ролта взглядами, полными недоумения и даже сочувствия. Примерно так и должны смотреть ветераны на новичка, которому ничто не светит.

Антипов вышел из казарм, прищурился на ярком солнце и тут же понял, что попал в оборот. Потому что Нурия разразился командами.

– Смотри на меня, Ролт, – сказал он. – Видишь, как я стою? Щит в левой руке, закрывает грудь и живот, левая нога впереди, слегка согнута. Сделай так же. Виктор принял требуемое положение.

– Это основная стойка, Ролт, – произнес Нурия. – Ты ее будешь использовать всегда. Та нога впереди, которая под щитом. Теперь разберемся с мечом. Есть три положения меча: свечка, стрела и борона. Свечка – меч занесен над головой, смотри на меня. Стрела – меч на уровне груди. Здесь нужно прятать кисть за щитом. И последняя – меч отведен кзади и вниз, словно лошадь тащит за собой борону. И никакое четвертое положение я не хочу видеть. Ты понял, Ролт?

Виктор понял, и результатом явилось то, что спустя час он как заведенный повторял переходы из одного положения в другое, застывая на некоторое время в каждом поочередно. По его лицу струился пот, рука онемела и затекла, перед глазами появились мушки, а десятник сидел на завалинке и флегматично наблюдал за действом.

– Ты не устал, Ролт? – с заботой в голосе осведомлялся он. –

Если устал, то отдохни, конечно… после заката.

– Я не устал, господин десятник, – сжав зубы, отвечал Виктор. – Нельзя ли мне еще что-нибудь показать? Кажется, что переходы из одного положения в другое я уже освоил.

Бывший студент был согласен на что угодно, лишь бы сменить утомительную однообразность движений.

– Освоил или нет, будет видно завтра, – рассудительно заметил Нурия. – Не надо заставлять себя. Делай, пока идет. А завтра с утра продолжим.

Антипов хотел было еще что-нибудь ответить, но не мог. Его дыхание сбилось и вырывалось с хрипом через рот. Губы пересохли, и глоток воды представлялся недосягаемой мечтой. Зато примерно через полчаса Нурия, так и не услышав мольбы о прекращении тренировки, сжалился над новобранцем.

– Ну хорошо, Ролт, – сказал он. – Я покажу тебе как надо перемещаться и менять стойки с каждым шагом. Если сумеешь повторить с первого раза, то молодец. Пойдем дальше. А если нет, вернемся к тому, что ты сейчас делаешь.

– Почти все движения начинаются с маленького шага вперед 'щитовой' ногой, – продолжил Нурия, убедившись, что новичок с облечением расслабился и вонзил в него внимательный взгляд, страстно желая ничего не пропустить и все точно скопировать. Десятник ни за что бы не поверил, что нормальное подражание возможно после первого же показа, но таков был его метод: он всегда предоставлял своим ученикам иллюзию выбора. Чтобы они не впадали в отчаяние раньше времени. – Затем обычно следует большой шаг вперед 'мечевой' ногой. Если это выполнено правильно, то резко увеличивает силу удара. Я покажу тебе простую связку: верхняя атака из положения 'свечка', защита, боковая атака из положения 'стрела', защита, потом опять 'свечка', защита, 'борона', защита, 'стрела', защита. 'Охренеть', – подумал Виктор.

– Второй раз сегодня показывать не буду. Смотри! Следи за ногами!

Десятник начал быстро перемещаться вперед и назад в пределах полутора метров. Одновременно с этим он обозначал атаку мечом и тут же отступал назад. Каждый шаг поднимал пыль, которая не успевала достичь пика высоты своего полета до следующего шага. Сделав последнее движение, Нурия взглянул на новобранца и остался доволен увиденным. Брови Ролта были нахмурены, шея вытянута вперед, а на лице написано выражение 'И что, кто-нибудь это может с ходу запомнить?!'

– Повтори, – сказал десятник.

Виктор едва заметно пожал плечами. Он особенно не верил в

успех, но принял исходную позицию, немного помедлил и шагнул….

Чем отличается ребенок от взрослого, когда пытается чему-то научиться? Понятно, что отсутствием прежних навыков, которые нередко вредят и мешают освоить правильное движение. Но самое главное – ребенок быстр в учебе, он схватывает все 'на лету' по известным специалистам биологическим причинам. Ребенок пластичен, он 'создан' для того, чтобы учиться. Но если к его способностям прибавить взрослый опыт, общий, 'невредный', то результат окажется поразительным. Ребенок еще не в состоянии полностью владеть своим телом, его координация движений оставляет желать лучшего, и это сказывается на результатах обучения. Иными словами, и у взрослого и у ребенка есть достоинства и недостатки, и в идеальном случае нужно просто взять и объединить все достоинства. Тогда получится нечто потрясающее. Вот Арес так и поступил. Он не стал давать Виктору ни скорость, ни силу, ни магию, ни что-либо подобное, а просто подарил способность к двигательному обучению. Качественно и стремительно. Лучше, чем это делал бы наивный ребенок, и быстрее, чем опытный взрослый.

Итак, Виктор шагнул. А потом шагнул еще раз и еще; его руки, сжимающие щит и меч, действовали в такт перемещениям ног. Точь в точь, как показал Нурия. И Антипов, к своему изумлению, чувствовал, что у него получается. Он – почти точная копия десятника, не больше и не меньше. Его мышцы пытались полностью воспроизвести тот образ, который бывший студент держал в памяти. 'Свечка', защита, 'стрела', защита, 'свечка'… вот сделан последний шаг и Виктор остановился, тяжело дыша. Но он находился в лучшем положении, потому что десятник не дышал вообще.

И когда Антипов увидел выражение глаз наставника, то понял – получилось. Пытка по отрабатыванию положений руки с мечом вряд ли вернется за ненадобностью. И эта мысль принесла огромное облегчение, которое можно сравнить только с воздействием холодного душа после многочасового перехода по пустыне.

– Ты это умел ранее? – Нурия нашел в себе силы высказаться лишь через несколько секунд после того, как Виктор замер.

– Нет, господин десятник, – на губах сына лесоруба расцветала улыбка. Он еще не знал, что именно сделал, ему было неизвестно, что Нурия, да и любой наставник в замке отнес бы подобное копирование скорее к чуду, чем к чему-то нормальному. Но Антипов догадывался, что сделано хорошо. На совесть.

– А ну-ка, повтори, – произнес Нурия.

– Хорошо, господин десятник, – теперь Виктор был полон веры в себя.

Они закончили задолго после заката. Десятник все не мог поверить своим глазам. Он показал Ролту еще одну связку, потом еще одну, очень редкую, и с ужасом наблюдал, как сын лесоруба безупречно выполняет то, что, как считал Нурия, кроме него не было известно никому. В конце концов десятник сдался. Он не мог понять, что происходит.

– Ролт, завтра будем осваивать рубку мечом, – хмуро пробурчал Нурия. – Связка без практики – просто танец. Посмотрим, как ты справишься.

– Хорошо, господин десятник, – с радостью откликнулся Виктор, тоже удивленный, но тем, что у него еще остались силы радоваться. Он сдал меч и щит, а потом побрел домой, еле переставляя ноги. Ныло все тело, а особенно – правая рука, которой пришлось помахать.

'Мне нужно полежать, – думал Антипов. – Совсем немного, часов десять. Но, похоже, не получится. Сколько у меня времени в запасе? Думаю, час максимум. И это все, что может позволить себе такой доблестный воин, как я. Ханна ведь будет ждать…. О, господин Ловелас, я раньше никогда не сомневался в собственной потенции, но сейчас меня гложут подозрения… и что случится, если она уступит моим просьбам? А не просить не смогу, я себя знаю…. Но между словом и делом большая разница, которую очень тонко чувствует каждый начинающий мечник вроде меня'.

Глава 19.

Ранним утром, когда первые рассветные лучи только начинали проникать сквозь облачное небо, а воздух был свеж и безветренен, на площадке перед казармами собралась небольшая толпа. Судя по поведению этих людей, их нетерпеливым и одновременно с тем расслабленным позам, посторонний наблюдатель мог бы сказать, что ожидается представление, а толпа – зрители. И был бы прав.

– Что он копошится? – спрашивал сотник Керрет Нурия. – У нас времени в обрез. Скоро господин барон с проверкой нагрянет. Готовиться надо.

– Сейчас… заблудился он там, что ли? – десятник хотел уже сам войти в дверь казарм, как вдруг она распахнулась и оттуда, прихрамывая, вышел актер в намечающемся моноспектакле, Ролт, уныло волоча двух своих вчерашних друзей: щит и меч.

Сын лесоруба выглядел неважно. Под его глазами пролегли синие тени, щеки запали, а очумело-сонливый взгляд с горечью взирал на комитет по встрече.

'Пожалуй, это худшая ночь в моей жизни, – печально думал Виктор, осматривая собравшихся, – если принять во внимание еще и утро'.

Бывшего студента можно было понять. Ночью он все же собрался с силами, чтобы пойти на свидание с Ханной. И даже более того, добился определенного успеха. Но закрепить его не смог. Потому что заснул прямо там, на роскошной груди. После чего был безжалостно разбужен, получил порцию утешений, а также обещание встретиться завтра, и отправился восвояси. Такое испортит настроение кому угодно. Виктору можно было только посочувствовать.

Однако если до этого он относился к Ханне немного легкомысленно, то теперь даже проникся к ней некоторым уважением. Девушка не была неопытной, и более того, умела пользоваться своим опытом – качество, встречающееся не так уж часто. Она хотела верить, как и большинство женщин, в высокие чувства со стороны мужчин, но при этом ни на минуту не забывала о том, что нужно поклоннику в первую очередь. Тело, а лучше – красивое тело. И Ханна старалась. Ее наряды выделялись на общем фоне, она пыталась быть веселой и жизнерадостной, догадываясь, что это тоже идет на пользу, и, конечно, поддерживала свою красоту всеми доступными средствами. Виктор не знал, есть ли у него конкуренты, которые добились большего, чем он, и это тоже был огромный плюс. Разумеется,

Антипов отдавал себе отчет, для чего старается Ханна. Ради будущего замужества. Удачного, конечно. Однако Ролт был не очень завидным женихом, поэтому Виктор догадывался, что он просто нравится девушке. Что она, возможно, отступила от своих принципов ради того, чтобы получить удовольствие от общения с ним. И Антипову вовсе не хотелось разочаровывать очаровательную Ханну в такой малости.

Виктор мог размышлять о девушках много и делал это охотно. Но сейчас, когда он покинул пределы казармы, все воспоминания улетучились под влиянием изучающих и скептических взглядов.

– Ну-ка, – обратился к Виктору Керрет, поглаживая черную бороду, – показывай, чему ты вчера научился. А то что-то рассказ Нурия не очень… гм… правдоподобен.

– Хорошо, господин сотник, – голос Антипова не был наполнен энтузиазмом, он попытался принять первоначальную стойку, но сотник остановил его.

– А что ты кривишься, Ролт? – поинтересовался он.

– Рука болит, господин сотник. После вчерашнего.

– Терпи, солдат, – усмехнулся тот. – Нурия, поможешь новому бойцу?

Десятник подошел поближе и, не говоря ни слова, схватил правую руку Виктора и принялся ее мять изо всех сил. Конечно, вполне возможно, что он мял вполсилы, а то и вчетверть силы, но многострадальному Антипову было достаточно и этого. Слезы брызнули из глаз. Он с трудом боролся с желанием отнять руку у злокозненного Нурия, да и вообще убраться куда подальше. Но дело требовало новых подвигов.

– Готово, – произнес десятник в довершение ко всему ударив по больной руке.

Впрочем, этот последний 'аккорд' был действительно последним. Виктор ощутил облегчение. Болело уже не так сильно, вполне терпимо.

– Начинай, – распорядился Керрет.

Антипов снова принял стойку и, решив продемонстрировать самое простое, принялся за дело. Он зашагал вперед и назад, обозначая атаку и, наоборот, прячась за щит. Даже самому Виктору показалось, что у него получается лучше, чем вчера. Исчезла некоторая напряженность, угловатость, он выполнял движения совершенно свободно. А заключительная часть была сделана даже с некоторым шиком. Так заканчивает выступление танцор, чувствуя, что оно удалось.

Сотник внимательно посмотрел на застывшего новобранца, пожевал ус и поинтересовался:

– И что, ты видел эту связку только один раз?

– Да, господин сотник, – браво отрапортовал Виктор.

Керрет поднял левую бровь и посмотрел на Нурия. Тот развел руки. Остальные четверо десятников, присутствующие там же, начали негромко переговариваться.

– Покажи еще что-нибудь, Ролт, – последовал очередной приказ.

– Хорошо, господин десятник! – Виктор снова начал двигаться из базовой стойки. На этот раз он выбрал вторую связку. Выступление прошло даже лучше, чем в первый раз – мышцы разогрелись и конечности хорошо слушались.

– Н-да, – произнес Керрет, когда сын лесоруба остановился. – Интересно. Ну-ка, дай мне щит и меч. 'О, еще один учитель', – с тоской подумал Антипов, но приказ выполнил.

– Повтори-ка вот это. Следишь? Готов? – сотник с любопытством смотрел на Ролта.

– Да, господин….

Закончить Виктору не дали. Керрет начал движение. Быстрый косой удар из 'свечки', затем мгновенный переход в 'стрелу', колющее движение мечом, потом какой-то хитрый маневр, состоящий из двух шагов назад…. Если бы Антипов не был так сконцентрирован на перемещениях сотника, то увидел бы, что Нурия скривился. И по мере этих самых перемещений, лицо десятника становилось все более перекошенным.

– Вот так-то, Ролт, – сказал Керрет, когда закончил. – Повтори!

– Господин сотник….

– Что, Нурия?

– Господин сотник, там в шести местах были… ошибки. Керрет расхохотался. Его смех был откровенным и радостным.

– Конечно, десятник! Как же без них. Без ошибок любой повторит, если знает связку. А Ролт пусть с ними попробует!

Нурия нахмурился. Он понял, что Керрет испортил красоту специально, но не одобрял такого примера.

– Ты, это, Ролт… постарайся повторить, а потом быстренько все забыть, – сказал он, обращаясь к новобранцу, но бросая укоризненный взгляд на начальство. – Такое не нужно держать в памяти.

– Хорошо, господин десятник, – Виктор не знал, получится ли забыть, но дал себе слово попытаться.

Он снова принялся за работу. Пыль так и летела из-под ног. То ли по совпадению, то ли еще по какой-то причине, Антипов почувствовал явную ненормальность как раз в шести местах. Ощущался дискомфорт при их выполнении. Но все равно

постарался скопировать движения сотника как можно точнее.

– Ты можешь повторить все, что угодно? – изумленно спросил Керрет, когда Ролт уставился на него в ожидании других приказаний.

– Наверное, господин сотник. Я еще не полностью уверен, но скорее всего. Могу повторить все движения.

– Очень необычно… очень! Надо бы рассказать об этом господину барону. Похоже, Нурия, тебе в кои-то веки достался идеальный ученик. Смотри – не испорть!

– Не испорчу, господин сотник, – посмеиваясь, ответил десятник. – Сегодня проверю, как он осваивает рубку, и буду делать из него рыцаря-чемпиона.

– Ну, ты хватил!

– А что? С таким-то даром! От нас еще никто на турнирах не побеждал. Думаю, что господин барон поддержит.

– Нурия, я понимаю твое рвение, но не замахивайся на невозможное. Ролт – не дворянин. Его милость не станет такого выставлять на ристалище.

– Эх, господин сотник, когда у моего деда передохли все петухи, ему удалось раздобыть лишь какого-то облезлого. И вот этот облезлый отлично справлялся с работой.

– Да ты шутник, Нурия! Вот бы не подумал…. Только при господине бароне так не шути.

– Что я, враг себе, что ли?

– Ладно. Позанимайся с новичком, дай ему задание, а потом иди к нам.

– Будет сделано, господин сотник, – ответил Нурия и, обернувшись к Виктору, снова хлопнул его по плечу и добавил. – Не нервничай, парень. Никто тебе не позволит выйти на турнир. Да и не справишься. Пошли, дерево рубить будешь.

– Дерево? – удивился Виктор. – Деревянным мечом или этим?

– Почему деревянным? Своим, железным. Только недоумки бьют деревом по дереву. Меч чувствовать нужно. Как он входит, как отскакивает. А тренировочные мечи – баловство одно. Ими можно пользоваться, когда уже проникся духом рубки. Пошли!

Виктор двинулся за десятником в обход казарм. Насколько он представлял себе местное понятие рыцаря, это должен быть дворянин, лучше – высокородный, обладающий недюжинными боевыми навыками, которого выставляет на турнир его собственная семья. С этой точки зрения, барон – тоже был рыцарем, потому что принимал участие в военных состязаниях, но благополучно все проиграл. По крайней мере, так было известно Ролту. Сыновья барона еще никак не зарекомендовали себя, но в замке ходили слухи, что на самого старшего надежд

точно нет. Итак, рыцарь – подобие профессионального спортсмена. Так в тот момент казалось Антипову.

Нурия остановился около бревна, которое было вставлено вертикально в выемку между четырьмя вкопанными в землю досками. Ролт знал, что это бревно – ствол липы, самого мягкого из местных деревьев. Его отец неоднократно снабжал замок липами для воинских нужд.

– Вот что ты будешь рубить, – сообщил десятник, оглядываясь на своего ученика.

Виктор внимательно посмотрел на бревно. Если бы при нем был его любимый двуручный топор, то несчастная деревяшка была бы срублена очень быстро. Но у Антипова мелькнула мысль, что Нурия имеет в виду нечто другое.

– Во-первых, будешь бить по бревну, не забывая о щите, и из правильного положения, – десятник, казалось, угадал его мысль. – Во-вторых, меч – не топор. Им работать сложнее. Очень важно наносить верные удары. Например, ты можешь точно поразить врага, но удар будет под таким углом, что не причинит ему вреда. А враг ведь немедленно ответит! Ты – труп после этого. Или не сможешь быстро вернуть меч после удара, который просто ранил. Ты снова труп. Удар должен быть чистым! Вот попробуй, рубани бревно.

Виктора не нужно было просить дважды. Он подошел к мишени, принял стойку 'борона' и с размаха нанес сильный удар сбоку. Меч глубоко вошел в древесину и Антипову пришлось рвануть его на себя, чтобы освободить.

– Я же говорю, меч – не топор, – продолжая Нурия. – Ты видишь? Удар был сильный, точный, но твой меч застрял. Да и отозвался в твоей руке. Отозвался ведь? А все потому, что ты ударил неверно, да и не тем местом. У каждого клинка есть особенная часть, музыкальная. Она находится примерно в двух-трех ладонях от кончика. Если ей бить, то дрожание от удара пойдет не к твоей руке, а к цели. Понял?

– А у моего меча где это место? – задал резонный вопрос Виктор.

– Ты сам должен выяснить, – ответил Нурия. – Будешь бить, пока его не найдешь.

– Господин десятник, а можно вопрос?

– Валяй, парень.

– Я слышал, что бывают… очень мощные удары самым кончиком меча… такие, что разрубают доспех. Это правда?

– Где ты такое слышал?! – Нурия моментально наполнился возмущением. – Вот же чушь мастеровым лезет в голову. Наверняка среди вас не было кузнеца, когда об этом говорили. Не

вздумай так делать! Кончик – самое слабое место клинка. Им можно колоть, но не рубить! Твой меч, конечно, плохой, но все равно его не порть! Понял?

– Понял, господин десятник.

– Начинай рубить. Чего ждешь?

И в последующие часы Виктор выяснял на практике, насколько меч отличается от привычного топора. И здесь его предыдущие умения больше мешали, чем помогали.

Вторую половину дня Антипов был свободен как птица. Его наставник оказался очень занят, за рубку не похвалил, а лишь разочарованно пробурчал: 'На сегодня все. Может быть завтра получится'. После чего посоветовал Ролту вообще забыть о том, что он держал в руках топор ранее. А затем скрылся в донжоне вместе с остальными десятниками.

Виктор оказался предоставлен самому себе. Его уже никто не заставлял возвращать щит и меч в кладовую, поэтому он еще немного поупражнялся самостоятельно, потом попытался начистить свое оружие и заточить, но это все равно не принесло существенных результатов. Он не чувствовал меч так, как топор, и понимал, что его удары далеки от совершенства. Бывший студент догадывался, что делает что-то не то, но не знал, как исправиться. Однако он не стал долго предаваться раздумьям, а решил, пользуясь свободной минуткой, нанести важные визиты. Прежде всего – Аресу.

Вооруженного Ролта выпустили из ворот без лишних вопросов. Теперь уже стражники принимали его почти что за коллегу. Несмотря на немаленький вес снаряжения, Виктор добрался до опушки сравнительно быстро. И тут же предоставил отчет о своей болезни, выздоровлении, зачислении на военную службу и успехах в изготовлении статуи. Арес остался верен себе и прежде всего похвалил меч своего жреца.

– Хорошее оружие, – сказал он. – На дубинку похоже. Предлагаю им бить исключительно плашмя. Эффект будет такой же, а звону больше. Антипов слегка обиделся:

– Но другого мне не дадут. Пока с этим не научусь.

– Этот твой десятник знает толк в новичках, – заметил Арес. – Если ты научишься с тем, что держишь в руках, то потом освоишь что угодно. Все равно что поехать на колеснице без колес. После нее все остальные колесницы будут казаться совершенством.

– А нельзя ли мне получить какой-нибудь совет? Ну, чтобы быстрее пошло. А то с мечом плохо получается.

– Наглость – вот что отличает людей от животных, – печально подытожил Арес. – А не ум, как думают некоторые… наглецы. Я заметил это еще там, на Земле, но здесь столкнулся просто с чем-

то выдающимся. Все же не перестают меня удивлять люди, не перестают…. Тебе, что, мало? Мало того, что я дал?

– Что ты, Арес, не мало! Много даже, – отверг беспочвенные обвинения Виктор. – Просто еще не привык к этому. Забочусь ведь о благе… в отсутствие инструкций.

– В отсутствие инструкций? Значит, план будет таким. Ты осваиваешь вот эту свою дубинку. Потом находишь того, кто ее сделал, и бросаешь в огонь обоих. Постарайся, чтобы кузнец помучился. Затем изготавливаешь мне статую и принимаешь участие в какой-нибудь войне или турнире. Турнир даже лучше. Мне нужны силы для того, чтобы незаметно проникнуть на местный Олимп, или что тут у них вместо него.

'Ну вот и программа, господин Керенский. Пункт с кузнецом пропускаем из человеколюбивых соображений… но с остальным-то что делать?'

– А… сторонники нам еще не нужны? – эта мысль давно волновала Виктора. Он опасался того, что если с ним что-нибудь случится, то и будущее Ареса окажется под вопросом. С другой стороны, если даже Антипов погибнет, а бог войны наберет силу, то может быть потом сумеет вернуть к жизни своего первого жреца? Но к сожалению, предусмотрительный Виктор даже приблизительно не представлял себе ход мыслей древнего существа.

– Не нужны, – отрезал Арес. – Рано. Я в тебя уже столько вложил, что если ты не справишься сам, то мой долг – умереть от позора. Сторонники потом будут. Иди. Сражайся. Побеждай!

С этим жизнеутверждающим напутствием Виктор отбыл, все более и более сожалея о том, что ему не достался какой-нибудь другой бог. Более мирный, рассудительный, с реалистичным взглядом на происходящее, а не кровожадный маньяк, требующий невозможного. Как 'побеждай'? Кого 'побеждай'? Антипов только начал учиться и, по его расчетам, предстояло пройти долгий путь, прежде чем удастся достичь хоть какого-то мастерства.

Вернувшись в замок, Виктор снова немного потренировался в рубке, а потом посетил лекаря. Тот не очень сильно удивился появлению Ролта, потому что слухи о выздоровлении докатились до каждого в замке. Паспес просто лишний раз уточнил, где и как нужно собирать чудесные ростки, получил развернутый и красочный ответ, а потом поинтересовался, для чего Ролту грамотность.

– Хочу стать большим военачальником, – доверчивым шепотом произнес Антипов, словно открывая огромную тайну. – А грамотность, как я слышал, для этого необходима. Нужно писать приказы, получать донесения, работать с картами….

– Ты же собирался стать певцом, – со вздохом сказал старичок.

– Одно другому не мешает, – рассудительно заметил Виктор. – Днем буду воевать, по вечерам петь, а по ночам… пожинать плоды и того и другого.

Разговор происходил в комнате, которую Антипов посещал ранее. Лекарь в уже ставшей привычной Виктору синей куртке сидел за столом и помешивал непонятную вязкую гадость в плошке. Борода Паспеса на каком-то этапе влезла в жидкость, поэтому ее конец слипся и стал коричневым.

– Ну что же, – опять вздохнул старик, – обучение грамоте потребует времени….

– Если слова пишутся не так, как произносятся, – уточнил Виктор.

– Что? – косматые брови лекаря сдвинулись.

– Я же умею говорить, – пояснил Антипов, – поэтому если письмо простое, то освою его быстро.

– Скажи еще, что ты знаешь правила построения фраз, – лекарь не смог сдержать горькой иронии.

– А разве не знаю? – не понял Виктор.

– Знаешь, конечно. Но говоришь уж слишком витиевато. Для лесоруба. Но пусть с этим господин барон разбирается. А от меня чего хочешь? Показать тебе буквы?

– Да, господин Паспес. Если можно. А слова пишутся так же, как произносятся?

– Большинство. На бумаге буквы записать?

– С картинками, господин Паспес.

– С картинками?

– Да. Вот вы пишете букву, а я рядом рисую картинку к ней, где эта буква первая. Например, дерево или стол или цветок…. Так и запомню.

– Ты этому где-нибудь уже учился?

– Что вы, господин Паспес. Я ведь неграмотный.

– Ну-ну, – недоверчиво произнес лекарь. После чего достал откуда-то неровный лист грубой желтой бумаги, гусиное перо и медную чернильницу.

– Когда выучишь буквы, бумагу верни, – сказал он. – Она хоть и дешевле пергамента, но завозится из Трилиа, и это бывает нечасто. Может быть мне потом пригодится… с твоими рисунками.

– А нельзя ли мне еще какую-нибудь книгу, господин Паспес? Попроще. Для тренировок? Я тоже верну. Если, конечно, вы не хотите, чтобы я читал исключительно здесь. Помешаю ведь вам наверняка.

Лекарь подозрительно посмотрел на сына лесоруба, но затем поднялся, подошел к какому-то черному деревянному сундуку, стоящему в углу, и, покопавшись, извлек оттуда нечто потрепанное в коричневой кожаной обложке.

– Возьмешь вот эту. Она неполная, так что особой ценности не представляет. Но все равно, чтобы принес назад!

– Конечно, господин Паспес.

Вскоре Виктор ушел из комнат лекаря с добычей. Алфавит оказался простым и состоял из двадцати девяти букв. Антипов полагал, что легко их выучит, потом прочитает книгу и окончательно овладеет грамотностью. Конечно, нужно еще потренировать письмо, но для этого не обязательно использовать бумагу. Достаточно даже почвы и деревянной палочки, если уж на то пошло.

'Однако, уровень подозрений зашкаливает, господин Пуаро, – размышлял бывший студент по пути домой. – Старый гриб, похоже, вообще ничему уже не верит. Самое интересное, что бы я не сделал, все только ухудшается. Моя речь, стремление стать воином, выздоровление, песни, игра на варсете…. Постойте-ка, а я ведь могу уже объяснить эту игру! Отличная мысль, между прочим. Теперь надо бы с Нартелом встретиться и очистить свою совесть от черного налета лжи и уверток. Ведь если кто-нибудь решит собирать против меня улики, то кроме варсеты и нет ничего'.

Выйдя от лекаря, Виктор не сразу направился к выходу, а поднялся по лестнице и повернул налево. Там, в кадке около большого окна, рос розовый куст. Антипов уже давно приметил его. На этом самом кусте цвела одна-единственная красная роза. Но зато какая крупная! Бывший студент оглянулся по сторонам и, убедившись, что никто не видит, срезал ее и положил за пазуху. Ведь следовало подумать и о предстоящем свидании.

Виктор намеревался заглянуть к менестрелю немедленно после этого, но не позволила совесть. Его неудержимо тянуло к снаряду. Если бы Антипов только знал, что уже и барон полон подозрений, то побежал бы к Нартелу со всех ног, но, увы, бывший студент находился в неведении.

Бревно стояло на своем месте. С прошлого захода Виктора остались глубокие зарубки. Он попробовал наносить удары в других местах. Дело двигалось, все вроде бы получалось, но не так хорошо, как хотелось Антипову. Он знал, что с его способностями к обучению мог бы достичь большего. Но, видимо, прежние навыки мешали. Виктор действительно желал забыть о том, как он владеет топором, но умения, закрепленные годами, не давали ему свободы. Ему нужно было нанести один-единственный

идеальный удар, чтобы запомнить его и потом уже повторять без проблем. Но этот удар не удавался.

Новоявленный воин промучился до позднего вечера, но потом все же бросил бесплодные занятия и заспешил на очередную встречу с Ханной. На этот раз он оставил дома щит и меч, захватил цветок и устремился за конюшню. Там, в уединенном месте, девушка уже ждала его, сидя на расстеленном разноцветном платке.

– Здравствуй, моя душа, – Виктор тихо подошел к Ханне, достал розу и протянул ее царственным жестом. – Это тебе. Смотри, какая красивая.

– Ой, – девушка всплеснула руками, ее глаза заблестели. – Надо же! Ролт! Я бы никогда не подумала, что есть еще одна такая! Да ты просто замечательный! Надо же! И где ты ее только взял?!

– А где есть еще одна? – поинтересовался Виктор.

– Ну как же… в донжоне цветет. Любимая роза госпожи баронессы. Единственная на весь куст. Госпожа строго-настрого запретила ее срывать, сама поливает! Представляешь?

– Представляю, – задумчиво пробормотал Антипов. – Скажи, Ханна, а ты в розах разбираешься?

– Да нет, не очень. А что?

– Видишь ли, радость моего сердца, вот эта твоя роза особенная. Она называется… эээ… цветок роковой любви. Ее окутывает тайна, поэтому не могу сказать, где ее взял. А еще с ней связана легенда.

– Какая, Ролт? – в голосе девушки звучал неподдельный интерес.

– Когда мужчина дарит этот цветок своей возлюбленной, – слова Виктора звучали глубоко, веско и романтично, – то на розу можно смотреть совсем недолго. Тогда она скрепляет сердца. А если наслаждаться ее красотой день или два, то красота отравит любовь, испортит все. Поэтому нужно взглянуть на нее очень быстро, а потом сразу же выбросить.

– Выбросить? – с огромной жалостью переспросила девушка.

– Да. Выбросить. А лучше – немедленно закопать.

Глава 20.

Что такое ссора? Виктору временами казалось, что это – следствие расхождения между реальным видением человека и его желаемым образом. С помощью криков, угроз, а то и шантажа ссорящийся пытается пытается довести кого-нибудь до идеала. Например, жена, орущая на мужа, бросающаяся на него в истерике и готовая убить, вовсе не желает ему зла, а просто стремится превратить своего благоверного в совершенство. Ничего особенного.

Но даже несмотря на снисходительное отношение к ссорам и выяснениям отношений, Антипов не нашел в себе сил, чтобы сразу же признаться Ханне насчет розы. Ибо нечего портить хорошее свидание всякими глупостями. Конечно, он догадывался, что скоро всем в замке станет известно о пропаже цветка, но это будет потом. А сейчас нужно лишь получить удовольствие от момента. И, надо сказать, ему это удалось.

На следующее утро Виктор проснулся в прекрасном настроении. Его не смутила ни пасмурная погода, ни ворчание Кушаря, ни хмурый вид Нурия, которого Антипов встретил около казарм. Однако первая же фраза, произнесенная десятником, слегка поколебала радужный настрой.

– Мы выступаем завтра, – сказал тот. – Сотней. Господин барон приказал всем быть готовыми.

– Куда выступаем, господин десятник? – удивился Виктор.

– В гости к нашему соседу, ан-Турре.

– Это тот, который собирался похитить Маресу?

– Да, тот самый.

– А что же я буду делать тут без вас, господин десятник? – в голову Антипова даже не приходила мысль, что его, необученного, возьмут с собой. – Вы мне дадите другого учителя?

Лицо Нурия помрачнело. Он потер рукой лоб, глядя куда-то вдаль, а потом, не смотря на собеседника, ответил:

– Ты идешь с нами.

– Как это? – Виктор даже растерялся. – Э… господин десятник, а что же я буду делать? Нас ведь осада ждет, я так понимаю….

– Осада не осада, а идешь с нами, – старому солдату самому не нравилось то, что он говорил. – Так приказал господин барон. Специально о тебе упомянул.

'О, приехали…, – мысли Виктора смешались. – Это для того, чтобы мне жизнь маслом не казалась? Так, вроде, и без того не кажется. Какое уж тут масло? Жру черствый хлеб, словно ишак'.

– Вот что, парень, – Нурия поправил накидку, которая закрывала кольчугу, – я тебе, конечно, выдам доспех, но… ты – самый слабый боец в моем десятке. Хотя с твоими способностями еще несколько недель тренировок и за тебя можно не беспокоиться…. Но у нас нет недель. А есть один день.

– Но….

– И надо провести его с пользой! – десятник прервал Виктора.

– Господин….

– Помолчи! Сейчас ты возьмешь деревянный меч и мы будем на практике отрабатывать работу со щитом. Потрачу на тебя полдня, но это ничего…. Иначе ведь в первой же схватке мой десяток лишится бойца. А так хоть что-то освоишь, и если будешь держаться позади, может все обойдется. Удары потом тренировать будешь. Что делать – приходится торопиться.

– Да, господин десятник, – Антипов был непрочь держаться позади. Приказ барона явился для него большой неожиданностью и серьезно испортил настроение. Это все равно, что заявить человеку, выигравшему в лотерею, что фирма разорилась и никаких выплат не будет, да и вообще его банк тоже лопнул, а последние сбережения потеряны.

Виктор успел отойти на несколько шагов, чтобы раздобыть тренировочные мечи, но остановился. Ему в голову пришла удачная, как показалось, идея.

– Господин десятник, а что если мне просто дать топор? Двуручный. Я же умею с ним обращаться, поэтому могу пригодиться без тренировок. А щит и меч потом освою.

– Не неси ерунду, Ролт, – Нурия был явно не в духе. – Для двуручника нужен хороший доспех. Особенно на руки. А ты знаешь, сколько он стоит? Господин барон вряд ли распорядится тебе его выдать. Что-то не любит он тебя, да и незачем такую ценность на новичка вешать. А без доспеха ты труп. Защиты-то нет! Быстро тащи мечи!

Антипову было известно, что хотя Алькерт принципиально не экономил на снаряжении своих солдат, но гарантировал лишь некий минимум. Лучшее снаряжение воин должен либо добывать сам, либо получать в качестве подарка за заслуги. Десятники вели учет того, что из экипировки принадлежит замку, а что – лично воину. Если солдат погибал в бою, то часть снаряжения возвращалась в кладовые, а остальное шло семье.

Вскоре Виктор принес два меча, изготовленных из дуба местным плотником. Тренировочное оружие было сделано грубо, зато рукоять отполировали многочисленные руки, через которые оно прошло.

– Запомни самое главное, – произнес Нурия, принимая меч и

вешая свой круглый щит на левую руку, – не позволяй своему мечу оказаться между двух щитов. Если такое случится, то тебя не спасет ничто. Противник просто прижмет твой меч к твоему же щиту, а другой рукой нанесет хороший рубящий удар. Готов?

– Да, господин десятник.

Нурия, не добавив больше ни слова, быстро сделал шаг вперед, ударил щитом по щиту Виктора, отклонил его и обозначил колющий удар сверху по голове.

– Не зевай. В бою ты был бы без глаза в лучшем случае. Повтори!

Антипов глубоко вздохнул и попытался скопировать прием. Что-что, а это ему удавалось.

– Еще раз! – Нурия еще никак не мог привыкнуть к тому, что у нового ученика все быстро получается. Виктор сделал.

– Нормально. Теперь смотри!

Десятник нанес несильный удар сверху по щиту Антипова, а потом быстро переместил меч вниз и прикоснулся им к колену новичка.

– Повтори!

Часа через два бывший студент только и мог, что удивляться выносливости Нурия. Тот показывал и показывал приемы, заставляя ученика их копировать, потом возвращался к уже пройденному и вновь переключался на что-то новое. Виктор запоминал быстро, можно сказать, стремительно.

– Неплохо, Ролт, – подытожил десятник, когда время приблизилось к обеду. – Может быть и выживешь. Если высовываться не будешь. Сейчас отдохни полчаса, а потом еще с Нарпом позанимаешься. Будешь тренировать не нападение, а защиту. Чтобы продержался до тех пор, пока тебе кто-нибудь из опытных солдат поможет. Нападение опасно – раскроешься и конец.

Нельзя сказать, что Виктор за утро вымотался так же, как в первый день. Почему-то он ощущал гораздо меньшую усталость. Но все равно она была. Поэтому Антипов просто сложил вооружение в кладовую и поплелся домой, чтобы подкрепиться. Но ему не суждено было выйти спокойно даже со двора, принадлежащего казармам, потому что его ждала Ханна.

Девушка стояла неподалеку от калитки, нервно теребя свои ленты. Ветер играл с ее темными длинными волосами и Виктор невольно залюбовался открывшейся картиной. Но мужчина тут же одернул себя, потому что догадывался о причине появления Ханны. Не время умиляться, нужно готовиться к отражению атаки. И, видит Арес, эта атака может быть похуже меча.

Ханна не стала разочаровывать ожидания Антипова. Она

подскочила к калитке, взяла его за рукав и прошипела, глядя в его глаза чистым и недобрым взглядом:

– Пошли! Нам нужно поговорить!

Виктор не стал возражать. Это не был первый в его жизни разговор с разгневанной девушкой. В таких случаях лучше не противиться, а предоставить другой стороне возможность высказаться. Пусть это займет некоторое время, но ничего. Если будет очень долго, то можно подумать о чем-то своем, о приятном… почему-то именно в такие моменты думается особенно легко и продуктивно.

Вот совсем, казалось бы, недавно Антипов объяснялся с одной барышней. Та была очень недовольна его поведением, а именно тем, что он не появился на встрече, когда узнал, что там же будут присутствовать и родители означенной особы. Виктор узнал о себе много нового, выяснив, что он безответственный трус, боящийся серьезных отношений, патологический лжец, который не держит обещания, да и вообще человек, не склонный к мужским поступкам. Антипов сумел бы многое сказать в свое оправдание. Например, о том, что у него могли быть серьезные отношения, но с ней, с девушкой, а никак не с ее родителями. Или о том, что ложью является все, что женщины понимают неправильно. А также о том, что мужские поступки, о которых с восторгом говорят девушки, вообще не присущи мужчинам. Но он смолчал. Потому что его оправдания были бы бессмысленны, как бессмысленна попытка указать ветру куда дуть. Ветер – воздушное создание, он не подчиняется земным законам.

Между тем, Ханна, оттащив сына лесоруба на расстояние, достаточное, чтобы их не слышали ничьи любопытные уши, выпалила:

– Ролт, почему ты мне не сказал о розе? О том, где ее взял?

Виктор с горечью отметил, что девушка не предоставила ему даже шанса похвалить ее красоту, что являлось скверным признаком.

– Ты хоть понимаешь, что наделал? – продолжала Ханна, горячась. – Госпожа баронесса просто вне себя! Сначала она подумала, что это кто-то из постельничьих, потом принялась расспрашивать, кто еще был в донжоне! Ролт, а если выяснится, что мы в этом замешаны? Ты знаешь, что будет?!

Антипову очень понравилось вот это самое 'мы'. Девушка не отделяла себя от него. Добрый знак!

– Ханна, но откуда же узнают? – спросил он утешающим тоном. – Если ты не расскажешь, то и не узнают.

– Ты такой же, как и все остальные, Ролт! – припечатала его Ханна. – Ради того, чтобы произвести на меня впечатление, готов

на что угодно! На самый плохой поступок! 'Нет, похоже, что 'мы' – недобрый знак', – изменил свое мнение Виктор.

– Я сегодня все утро об этом думала. И решила, что такое прощать нельзя!

'Эх, не успел я с комплиментами…, а сейчас поздно уже. Будет лишь хуже'.

– Самовлюбленный тип! Мужлан, не способный подумать о будущем! 'Хуже и так будет…. остается последнее средство'.

– Не прощу тебя, Ролт! Все, прощай!

Глаза Виктора вмиг сделались печальными, на лице поселилась настоящая скорбь. Он протянул руки к уже уходящей девушке и произнес тоном истинного трагика, гения сцены, съевшего собаку на исполнении роли короля Лира:

– Ханна, а я ведь завтра иду на войну. Девушка мгновенно обернулась.

– На какую войну? – живо поинтересовалась она.

– С соседом. Но это еще не самое плохое…, – Антипов тяжело вздохнул.

– А что самое? – ожидаемо спросила Ханна, пожирая взглядом лицо собеседника, пытаясь оценить мимику, чтобы понять, не разыгрывают ли ее.

– Лестница, – мимика Виктора была лишена даже тени наигранности.

– Что?

– Лестница, Ханна. Господин барон приказал мне первому лезть по лестнице на стену вражеского замка. По самой плохой лестнице, конечно. Чтобы отвлечь внимание противника от хорошей, на которой будут другие. Но я не ропщу, такова доля солдата. Не знаю, свидимся ли мы. Эх…. Взгляд Ролта был наполнен грустью.

– Ты правду говоришь? – быстро спросила девушка. – Ох…. 'Припекает', – подумал Виктор.

– Но ты иди, иди, Ханна. Забудь обо мне как можно скорее. У тебя ведь своя жизнь, полная веселья и счастья. Зачем тебе простой солдат, которого завтра, скорее всего, не станет? Ступай Ханна, я скажу отцу, чтобы он все имущество, которое останется после меня, подарил тебе на свадьбу.

– Но почему господин барон решил так с тобой поступить? – спросил девушка, снова подходя к сыну лесоруба. Ее глаза начали медленно наполняться слезами.

– Не знаю, Ханна. Его милость не любит меня. Впрочем, меня никто не любит. Даже ты. Такой уж мой удел.

– Ох, Ролт….

Следующий день принес Виктору массу новых впечатлений. С

раннего утра в замке наметилось оживление. Солдаты сновали туда-сюда, выводились из стойл лошади, кричали хриплыми голосами десятники. Антипов поначалу думал, что отряд выйдет налегке, потому что злокозненный сосед находится рядом, но выяснилось, что барон решил все сделать основательно.

Бывший студент вместе со своим десятком, в котором было двенадцать человек, включая командира, сгрудился у стены. Нурия приказал ждать здесь и никто не собирался ослушаться. Виктор видел, как появляются странные телеги. У одной из них, очень длинной, колеса были необычно широкие, обитые железом, на другой покоилась какая-то гигантская стрела, а третья везла толстые металлические листы, прикрепленные к доскам.

– Разборной таран, – пояснил Нарп, состоящий в десятке Нурия, безусый молодой солдат с вьющимися каштановыми волосами, пожалуй, на года два-три старше сына лесоруба. – Видишь, Ролт? А сейчас вывезут лестницы.

И действительно показалась телега, груженная длинными основательными лестницами. Ее тащила пара могучих коней, высоких, с сильными ногами.

– Все, будем седлать лошадей, – Нарп, видимо, считал своим долгом просвящать новичка.

– Но я не умею, – быстро прошептал Виктор. – Никогда не седлал! Да и езжу плохо!

– Ничего, не боись. Помогу тебе. Все покажу.

Антипов был благодарен Нарпу. Приятно иметь приятеля, который расположен к тому, чтобы помогать. Виктор не забывал зло, но помнил и добро. У него вообще была хорошая память.

Примерно через час войско барона покинуло замок. Сын лесоруба трясся в седле, старательно наблюдая за другими наездниками и пытаясь перенимать их повадки. На нем был округлый железный шлем, закрывающий уши, кольчуга под серой накидкой, плохая и короткая, новый деревянный щит примерно полметра в диаметре, прежний тяжелый недлинный меч, хлипкое копье и бесполезный лук. Перед тем, как это все вручить Ролту, Нурия прочитал целую лекцию о щедрости господина барона и о том, что никто из соседей не заботится так же хорошо о войске, как его милость. Виктор проникся важностью момента, клятвенно пообещав себе при первой же возможности избавиться от этого хлама и заменить его на что-нибудь более качественное. Однако он небезосновательно подозревал, что просто так выбросить не получится – придется сдать на склад для того, чтобы следующий новичок носил все это. А пока что шлем сползал на глаза, меняя свое положение в такт шагам смирной клячи. Это ужасно раздражало Антипова, к тому же, он до сих пор был возмущен

тем, что барон приказал ему присоединиться к войску. Не иначе, его милость не потерял надежду тихо и мирно ликвидировать занозу в здоровом теле замка – Ролта.

Через несколько часов показались земли соседа. Конечно, Виктор понятия не имел о том, что они уже на вражеской территории, но его любезно просветил Нарп. Барон не стал задерживаться, а быстрым маршем двигался дальше, видимо, к замку своего врага. И приказ остановиться поступил, только когда отряд вошел в какую-то деревушку.

– Рейя, – сказал Нарп. – До замка ан-Турре рукой подать.

Антипов был по-прежнему благодарен за информацию, но объективные причины заставляли его сдерживать свою признательность. После верховой езды болело все тело с непривычки. Виктору даже казалось, что это его судьба – безостановочно страдать в новом мире.

Бывший студент спешился и занял очередь у колодца, чтобы попить воды и умыться. Пыль всю дорогу застилала глаза и у Антипова было такое чувство, что его лицо покрыто толстым слоем грязи. Но расслабиться ему не дали – Нурия спешно собирал свой десяток.

– Быстро! Быстро! – кричал он. – По коням!

– Кто-то для нас работенку придумал, – вздохнул Нарп, снова взбираясь на свою лошадь. – Всегда так! Другие десятки отдыхают, а мы пашем.

Виктор тоже недовольно сопел, ставя ногу на стремя. Конные прогулки ему решительно не нравились.

Отряд, не теряя времени, выехал за деревянные ворота поселка и только тогда Нурия соблаговорил объяснить цель поездки.

– Там сейчас другой десяток перекрыл дороги от замка, чтобы гонцов перехватывать, – сказал он. – Мы его сменим, а то они с самого утра сидят. А потом и нас кто-то сменит. Господин барон опасается, что кто-то из соседей может прийти на помощь ан-Турре.

– Тьфу, – пробормотал Нарп. – Это ведь до заката просторожим!

– Там пять дорог, – произнес Нурия. – Две главных, на которых я поставлю троих, а остальные маленькие, на каждой – по двое.

– А нас куда, интересно? – прошептал приятель Виктору. Десятник словно услышал его слова.

– Ролт с Нарпом пойдут на самую маленькую дорогу, – сказал он. – Ролт новичок, так будет лучше. По ней никто не ездит. Там вообще сейчас один человек в засаде.

Антипов знал, что в местности, куда он попал, преобладает лесостепь. Это означает, что рано или поздно любая дорога пойдет через деревья. Очень удобно для всяческих засад.

– Господин десятник, а если гонец будет не один, а двое-трое? – поинтересовался Нарп. – Как мы с Ролтом справимся?

– Откуда у ан-Турре столько людей? – хмыкнул Нурия. – У него в замке-то человек восемьдесят. Посылать троих гонцов вместе – расточительство. И не дергайся, Нарп, по вашей дороге никто не пойдет.

В конечном итоге все закончилось тем, что Виктор со своим приятелем оказались на небольшой лесной тропинке, по которой едва-едва могли проехать два всадника. Десятник с остальными отправился на свои посты, дав задание отыскать Рауда, воина, который сейчас сидел в засаде.

– Слушай, а этот Рауд нас не подстрелит? – интересовался Антипов, уклоняясь от свисающих веток. Его маневры не всегда оказывались полезны, потому что темно-зеленые листья то и дело задевали шлем.

– Не должен, – ответил Нарп. – Мы ведь в другую сторону едем, к замку. И не торопимся. А это важно – нас Рауд успеет рассмотреть. Если бы неслись галопом – другое дело.

Виктору хотелось надеяться, что солдат прав. Получить стрелу из чащи леса удовольствие маленькое. Да и не из чащи тоже. Но тогда хотя бы видно, кто тебя подстрелил. Все-таки утешение, любопытство перед смертью будет удовлетворено.

Но плохие предчувствия Антипова оказались ложными. Когда воины подъезжали к повороту, из-за ствола толстого дуба показалась сначала голова, а потом и туловище солдата. Ролту он был уже знаком.

– Явились, – произнес Рауд, оглядывая визитеров черными слегка навыкате глазами. – Долго же добирались! Я тут с утра кукую. В руках солдат сжимал лук.

– А…, – начал Виктор.

– Нет, никого не было, – покачал головой тот. – Ни души!

– Отдохнем хотя бы! – радостно подытожил Нарп. – Будем по очереди дежурить!

– Э, нет, – покачал головой Рауд. – Я пока тут сторожил, обнаружил еще одну тропинку. Вон там. Приятели посмотрели в указанном направлении, но так ничего и не увидели.

– Совсем недалеко отсюда, но разорваться я не мог, пришлось рисковать. Совсем недавно осмотрел ее, никто не проезжал. Так что, вам разделиться нужно будет.

– Разделиться? – переспросил Виктор без энтузиазма.

– Да. А что? Луки у вас есть, с такого расстояния не

промахнетесь. Да никого тут и не будет. Вы ведь недавно подошли?

– Лук-то есть, только он им пользоваться не умеет, – хохотнул Нарп.

– Как не умеет? – удивился Рауд, отчего его глаза еще больше выпучились.

– Не успел научиться. С мечом еще куда ни шло, иногда нормально даже, а вот с луком беда.

Антипов кивнул, подтверждая сказанное. Не то, чтобы Ролт совсем не умел пользоваться луком, нет, немного умел, как и все дети, выросшие в деревне. Но на этот навык Виктор не поставил бы не только свою жизнь, но и серебряную монетку. Еще задолго до того, как ему стукнуло двадцать, после нескольких печальных происшествий, он твердо пообещал себе в мало-мальски опасной ситуации никогда не полагаться на умение, в котором не уверен.

– Хм, – Рауд на секунду задумался. – А как ты собирался отдохнуть тогда, Нарп?

– Да послал бы Ролта вперед. Он бы и подал знак. Закричал бы как птица или еще что. Воин кивнул, принимая объяснение:

– Тогда все равно разделитесь. Хотя бы наблюдать Ролт будет. А я в лагере скажу, чтобы сюда еще одного прислали.

– Хорошо, – согласился Нарп.

– Бывайте! – Рауд вывел из зарослей лошадь, взгромоздился на нее и отбыл.

– Ну что, кто здесь останется? – поинтересовался новый приятель сына лесоруба, провожая глазами предшественника.

– Без разницы, – пожал плечами Виктор.

– Ладно. Ты тут побудь. А я туда пойду.

– Веревку дашь? Она ведь тебе не нужна? – Антипов кивнул на моток крепкой веревки, притороченной к седлу.

– Дам. А зачем она тебе? – поинтересовался Нарп.

– Ну, может пригодится. Не знаю еще.

– Держи. Не потеряй!

Вскоре Виктор остался в гордом одиночестве. Он быстро нашел место, на котором лежал Рауд, отвел лошадь подальше в лес и привязал там.

'Ну что, господин Робин Гуд, ваш выход, – подумал Антипов. – Стрелять я не умею, ну и ладно. Это еще не повод, чтобы мимо меня скакали всякие гонцы'.

Бывший студент примотал один конец веревки к дереву на противоположной стороне дороги, потом вернулся на 'лежбище' и привязал другой конец к дубу так, чтобы веревка лежала на земле. Попробовал быстро натянуть с помощью подобранной палки – получилось.

'Вот так! Дешево и сердито. Если лошадь будет бежать, то никуда не денется. А почему бы гонцу не поспешить? На то он и гонец'.

Виктор вернулся на тропинку и замаскировал ловушку травой и веточками. Если не приглядываться, то заметить невозможно. А потом с чувством выполненного долга залег, сжимая в руке палку. Теперь главное – просто поднять веревку в нужный момент, а дальше лошадь просто зацепится за нее.

Время тянулось медленно, но Антипов предавался размышлениям. Он думал об Аресе, о том, что так толком и не узнал, что из себя представляет бог войны и почему был вынужден бежать. Потом его мысли переключились на воспоминания о доме. Не о том доме, который у него был сейчас, а о настоящем. О белом высоком здании, где он вырос, о дворе, в котором любил играть мальчишкой, о своих друзьях, часть из которых давно разъехалась, но почему-то сейчас вспоминалась очень отчетливо. Звуки леса были чужды ему. Он бы охотней услышал шум автомобилей, бормотание телевизора, дверной звонок или жжужание электродрели. Да что там! Виктор был согласен даже на бормашину! Только бы эта самая бормашина была поблизости вместе с человеком в белом халате. О, как бы он был рад самому обыкновенному дантисту! И согласился бы на то, чтобы запломбировать разом все зубы! Без анестезии.

Антипов понял, что его мысли ведут куда-то не туда. Он попытался сосредоточиться, придать им не странное, а конструктивное направление, как вдруг услышал какой-то шум. Этот звук нарастал и очень напоминал стук копыт лошади, несущейся галопом. Сердце Виктора учащенно забилось.

'Неужели едет по моей дороге?' – подумал он. Но приближающийся шум развеял всякие сомнения. Да, похоже, что гонец избрал именно этот путь.

Новобранец сделал глубокий вдох и замер, судорожно сжав палку. Всадник не заставил себя ждать. Вскоре на тропинке показалась лошадь, несущаяся по весь опор. Антипов не стал утруждать себя разглядыванием, кто там сидит на ней, а просто поднял веревку. Мгновение – и он почувствовал резкий рывок, палка вылетела из его руки. Наездник то ли крикнул, то ли взвизгнул, раздался звук падения и веревка тотчас ослабла. Виктор быстро высунулся из-за дерева, хватая меч за деревянные ножны.

Картина на дороге поражала воображение. Лошадь барахталась на тропинке, пытаясь подняться. Всадник перелетел через ее голову и приземлился, по всей видимости, не очень удачно. Он слегка шевелился, но не пытался встать на ноги.

'Оглушен', – догадался Виктор.

Антипов быстро подбежал к мужчине, сорвал с пострадавшего ремень и заведя его руки за спину, скрутил их. Гнедая лошадь тем временем встала на ноги, вид у нее, как показалось бывшему студенту, был ошарашенный. Она сильно прижала уши, раздула ноздри, а глаза раскрыла так широко, что было видно белки.

Виктор оттащил всадника в заросли, а потом, осторожно приблизившись к животному, взял за узду. Он старался не делать резких движений, потому что чувствовал неуверенность в обращении с лошадьми. Если бы на его месте был человек более опытный, то поступил бы точно также. Благородные животные в таком состоянии опасны, способны в любую минуту рвануться в сторону, укусить или ударить копытом. Поэтому интуитивно Антипов все сделал правильно. Он отвел лошадь в чащу, к своей кляче, а сам вернулся к пленнику.

Глава 21.

Захваченный гонец был молодым мужчиной с редкой черной бородой, небольшим загнутым носом и близко посаженными глазами. Когда Виктор вернулся, тот уже пришел в себя и настороженно смотрел на воина барона, прищурив веки. Кожаный красный шлем бывшего всадника сдвинулся и наполз на брови. Антипов решил помочь пленнику и освободил его голову, рассудив, что теперь уже защищаться будет не от кого.

– Неплохой шлем, – дружелюбно сказал сын лесоруба. – Но у меня лучше. Железный.

В доказательство своих слов он постучал себя по макушке. Раздался приглушенный металлический звук. Пленник молчал, только пытался принять положение поудобней, видимо, лежать на спине на связанных руках было не очень приятно.

– А вот твоя куртка получше моей, – Виктор кивнул на железные пластины, нашитые поверх одежды лежащего. – Хотя у меня вообще никакой нет, только накидка.

Если говорить не о чем, но хочется, то лучше говорить о пустяках – хороший принцип.

– Что ты сделал с лошадью? Почему она упала? – пленник, наконец, соизволил вступить в разговор. 'Он не успел заметить веревку', – догадался Антипов.

– Споткнулась, – сказал он. – Когда кто-то пробегает мимо меня, то часто спотыкается. Мужчина нахмурился, отчего его черные брови сделались еще гуще:

– Почему?

– Карма такая. Но тебе этого не понять, – Виктор был непрочь поболтать с представителем вражеского лагеря, но вдруг подумал, что неплохо вернуть ловушку на место. А вдруг второй гонец пожалует?

Антипов направился к дороге и снова замаскировал веревку, закрыв ее травой. Вернувшись, он подобрал упавшую палку и положил ее рядом с дубом на случай, чтобы быстро ей воспользоваться. Теперь можно продолжить беседу.

Виктора в его действиях извиняла лишь неопытность, да еще, пожалуй, волнение. Он не стал сразу же обыскивать пленника, забрал только меч, а потом, когда тот уже пришел в себя, стало, вроде бы, поздно. Лежит связанный – все в порядке.

Однако новобранец ошибался. Порядка никакого уже не было. Когда Антипов обошел два дерева и приблизился к тому месту, где лежал мужчина, то с удивлением обнаружил, что тот приподнимается. И даже более того – его руки свободны и одна

из них сжимает длинный тусклый нож в полладони шириной.

Незнакомец услышал шум, резко обернулся и, осклабившись, прыгнул на своего пленителя, когда тот только выглянул из-за ближайшего ствола. Видимость оставляла желать лучшего из-за кустарника и высокой травы. Противников разделяло небольшое расстояние, метра два. И прыжок бы удался на славу, если бы левая нога воина вдруг не подломилась. Тот сумел с трудом удержать равновесие, схватившись за дерево. Виктор быстро отпрянул назад. Произошедшее явилось большим сюрпризом. 'Что за фигня? – подумал он. – Как этот тип освободился? Какой шустрый!'

Между тем пленник не оставил попыток добраться до тела своего недруга. Он сделал быстрый шаг здоровой ногой и нож просвистел совсем недалеко от лица Антипова. Сын лесоруба с перепугу выхватил свой меч, но придержал удар. Его противник, похоже, повредил ногу при падении с лошади и не мог нормально двигаться.

– Слышь, ты, брось нож! Брось, кому я сказал! – Виктор достаточно быстро освоился с обстановкой и не хотел доводить дело до кровопролития.

В ответ на разумное предложение, незнакомец резко присел и едва не чиркнул ножом по бедру новобранца. Но, к счастью, снова потерял равновесие и уцепился за дерево. Антипов отпрыгнул и, бросив оценивающий взгляд на недоброжелателя, который, видимо, был отличным воином, метнулся назад в кусты. Неизвестно, что подумал о нем пленник, но сын лесоруба решил подойти к делу основательно и вернулся вскоре, сжимая в руке щит, оставленный под дубом. Теперь расклад был ясен. Виктор собирался принять нож на щит и снова оглушить незнакомца. Бросаться с голым мечом на противника не хотелось. Так его легко убить или даже попасть самому под удар. И то и другое было нежелательно.

– Брось нож, в последний раз говорю, – произнес Антипов, как ему хотелось надеяться, предупреждающим тоном.

Незнакомец недобро зыркнул и еще крепче сжал оружие. Он успел подняться и теперь стоял, прижимаясь спиной к дереву.

Виктор выставил вперед щит и начал осторожно приближаться к противнику. Тот попытался принять стойку, слегка присев и расставив руки в стороны.

Новобранец приблизился по всем правилам, не откланясь ни на йоту от канона, который преподал ему Нурия. Противник атаковал стремительно, но щит оказался на месте. Нож стукнул по нему, Антипов размахнулся и хотел было нанести удар рукоятью меча по голове, но мужчина уклонился. Его равновесие

снова было неустойчиво и Виктор, воспользовавшись ситуацией, ударил правой ногой чуть выше бедра. Неприятный тип упал, так и не выронив нож, и, быстро перекатившись, начал подниматься, опираясь на другое дерево.

– Бросай нож, мужик, не доводи до смертоубийства! – новобранец не на шутку рассердился. – Ты же ранен, ходить не можешь! К чему все это? Бросай нож!

Губы раскрылись, обнажив крупные желтые зубы. Из-за бороды было непонятно, то ли он улыбается, то ли просто оскалился.

– Ну, как хочешь! – Виктор ринулся вперед. Эта атака явилась почти точной копией предыдущей. Нож звякнул о щит, рукоять меча не смогла поразить голову, зато толчок ногой получился лучше прежнего.

Враг опять упал, но теперь Антипов не стал дожидаться, пока он поднимется, а развернув меч плашмя, обрушил его на голову упрямца. Тот как-то странно захрипел и повалился на землю. Воин барона поморщился, ему очень не понравился хруст, который раздался во время столкновения меча с противником. Этот звук напоминал треск яичной скорлупы, если на нее резко наступить ногой.

Новобранец осторожно подошел к лежащему и наступил на кисть, все еще сжимающую нож. Тот не шелохнулся. Виктор отложил щит в сторону и, направив острие клинка в грудь незнакомца, осторожно вытащил оружие из кулака. Пальцы мужчины безвольно обмякли.

'Кажется, не дышит…, – Антипов был возмущен до глубины души поведением незнакомца. – Я не рассчитал силу удара, слишком волновался…. Проклятие! Ну почему этот осел не бросил нож? Вот же какие кретины бывают! Или он понял, что я не опытен и решил меня подловить? Все равно осел!'

Виктор много читал о том, что когда убиваешь человека, то испытываешь потрясение, долго нервничаешь, переживаешь, обдумываешь все до мельчайших деталей. Похоже, что это был не тот случай. Его переполняли эмоции, но какие-то однобокие. Он чувствовал только раздражение из-за того, что 'идиот' не бросил нож. И ничего более. То ли Антипов успел проникнуться духом этого мира, где жизнь не стоит и ломаного гроша, то ли испытания сделали его сердце черствым, но никакой вины он не испытывал. Ни малейшей. Тем более старался сохранить жизнь своему пленнику.

'Поздравляю с первым трупом, – мрачно сказал он себе. – Вот уж Арес обрадуется. Хотя чему тут радоваться? Победа-то хлипкая, над раненым. Эх'.

Виктор решил оставить труп здесь и вернуться к своим обязанностям, а именно – к засаде. А потом, когда прибудет смена или напарник, незнакомца можно будет обыскать.

Новоявленный убийца печально побрел к дубу, размышляя о том, что придурки могут жить долго, но если начинают бросаться с ножами на добропорядочных людей, то пиши пропало. Тут уж их обычное везение поворачивается к ним спиной.

Он снова засел в засаде, искренне надеясь, что напарник придет скоро. Ему было трудно сказать, сколько времени он прождал, но вдруг снова услышал какой-то шум. И этот звук мало того, что приближался со стороны замка, так еще напоминал стук копыт скачущей лошади.

'Ты смотри, какое-то рыбное место, – озадаченно подумал Виктор. – Неужели второй гонец? Но почему снова по моей дороге?'

Но Антипов решил не предаваться бесплодным догадкам, а действовать. Он взял в руки палку и изготовился. Из-за дуба было видно плохо, но воин барона старался вглядываться как только мог. И действительно – на тропинке показался всадник!

Виктор быстро отвернулся, поднял палкой веревку и снова обратил взор к дороге. Надо сказать – вовремя. Зрелище разительно отличалось от предыдущего. Несущаяся лошадь внезапно остановилась и взвилась на дыбы прямо перед натянутой веревкой, испустив звонкое ржание. 'Эх, рано поднял', – догадался Антипов.

Всадник кубарем вылетел из седла и перекатился несколько раз, прежде чем остановиться. Лошадь же, всхрапнув, бросилась в кусты.

Виктор не стал ее догонять, а мгновенно распрямился и кинулся к очередному пленнику. Тот, как и его предшественник, шевелился, но новобранец решительно сдернул шлем с головы врага и вполсилы ударил по темечку рукоятью меча. Теперь-то ловец гонцов был осторожен, наученный горьким опытом. 'Должно хватить, господин Пирогов!', – подумал он.

Быстро оттащил тело с дороги и уже наметил план, как прочно свяжет руки и ноги куском веревки, а потом пойдет на поиски лошади, как вдруг услышал снова подозрительный звук.

'Чтоб мне провалиться! Опять, что ли?! Да что же это такое, не тропинка, а проходной двор!' – звук еще больше усилил возмущение Виктора.

Он бросился к дубу и принял исходную позицию, надеясь, что на этот раз все пройдет как надо, потому что времени на маскировку веревки уже не было. Антипов спешил, поэтому не столько увидел, сколько услышал близость очередного всадника.

Он сориентировался по мелькнувшей тени и 'активировал' ловушку. Тут же раздался знакомый грохот. 'Ну, хоть на этот раз прошло как надо!'

Виктор быстро выскочил из засады и устремился к лежащему человеку. Он сделал прыжок, потом шаг, потом…, впрочем, с каждым новым движением вперед его пыл угасал, а настроение портилось. Он почувствовал какую-то непонятную тоску, сжавшую грудь. Ноги враз потяжелели и просто отказывались идти. Его внезапно одолела апатия. Совершенно ничего не хотелось делать! Такое бывает только у пресыщенного жизнью человека, но даже у него не наступает столь внезапно. Антипов остановился, глядя на то, как всадник пытается приподняться, потом развернулся и зашагал в сторону кустов, постепенно ускоряясь и даже переходя на бег.

– А ну стой! – прокряхтел голос за спиной.

Новоявленный воин замер, подняв глаза к небу. Тоска превратилась во вселенскую печаль.

– Стою, – вздохнул он.

– Да чтоб тебя разорвало, Ролт! Недаром господин барон хотел от тебя избавиться! Я теперь вижу, почему! Столько лет служу, но такого в моем десятке еще не было!

– Виноват, господин Нурия, – пробормотал Антипов, оборачиваясь.

На тропинке в окружении веток и местами пожухлой травы, копошился десятник, пытаясь подняться. Его шлем слетел на землю, на доспехах налипла грязь, волосы стояли дыбом, а глаза были красноречивей любых слов. Перехватив этот взгляд, Виктор понял, что сегодняшний день тоже не задался.

Чуть позже все выяснилось. Оказывается, что барон ан-Турре послал двух гонцов. Первый попытался проехать по незаметной тропинке, на которой притаился сын лесоруба, а второй поскакал прямиком к большому тракту, где засел Нурия с воинами. Судьба первого Виктору уже была известна, а вот другой гонец вовремя заподозрил засаду и успел развернуться. Нурия тут же приказал солдатам отсечь его от замка, а сам бросился следом. Гонец заметался, запаниковал, а потом решил вырваться тем же путем, что и первый, рассудив, что второго на одной и той же дороге ждать, скорее всего, уже не будут. Увы, он не учел ответственного новичка, которого все эти размышления нисколько не волновали, и который был готов складывать гонцов хоть штабелями.

Когда Виктор вернулся в лагерь, то выяснилось, что он является счастливым обладателем нескольких вещей. Прежде всего, оружия и доспехов двух гонцов, а также серебряных и медных монет, найденных при них. Лошадей у него забрали,

потому что такая ценная добыча – не по чину для новобранца. Первое животное отошло Нурия, потому что его лошадь поломала ногу во время падения и десятник тут же перерезал ей горло – кости ног у лошадей не срастаются. Второе животное, пойманное в лесу, было конфисковано для барона, но осталось в аренде у сына лесоруба. Забрали также две золотые монеты, найденные при гонцах, зато оставили все серебро. Логика этого поступка Антипову не была ясна, потому что серебро, взятое вместе, составляло большую сумму, чем два золотых.

Виктор взял себе более-менее приличный меч первого гонца, а свой сдал десятнику. Также он разжился небольшим топором (всегда полезная вещь!), хорошей курткой с железными пластинами и одним металлическим наручем. Кольчуг у гонцов не было, видимо, непосильная по тратам вещь для ан-Турре.

Когда незадачливый воин рассказал командиру о своих подвигах, то Нурия подумал и простил. Все-таки два перехваченных гонца – не шутка. Но десятника очень интересовало, что же случилось с первым пленником. Почему его тело так далеко от тропинки, да и вообще, с какой стати там следы борьбы.

– Я его хотел взять живьем, – заявил Антипов, которому совсем не хотелось вдаваться в подробности о бездарном связывании. Зато ответ был правдив. – Но просто запинал до смерти. Так получилось.

– Если пленник сопротивляется, то убивай сразу же, – произнес Нурия. – А то он все равно сбежит или убьет кого. Мы не можем держать смутьянов.

Виктор постарался избавиться от излишков оружия и доспехов и после долгой и упорной торговли продал остатки человеку из обоза. Теперь у него было около ста серебряных монет – целое состояние. Вот только куда их потратить?

Перекупщик Ереа, пожилой безбородый мужчина в потертом коричневом плаще и с тонкими пальцами, словно принадлежащими скрипачу, казалось, задался тем же вопросом.

– А что ты будешь делать со своими деньгами? – поинтересовался он, когда Ролт, завершив сделку, еще даже не успел отойти от телеги, к хламу которой покупатель присовокупил захваченное у гонцов барахло. Вопрос рассмешил Виктора.

– Буду на них смотреть, – ответил он. – Может, попробую за вкус. Что с ними еще делать, пока не закончится штурм? Или ты предлагаешь мне подкупить защитников? Тогда нужно всем скинуться!

– Смотри сюда, – сказал Ереа, засовывая руку под плащ и

вытаскивая на свет божий два небольших кошеля. – Вот этот принадлежит десятнику Нурия, а вот этот – Нарпу. Он ведь твой приятель, не так ли? Антипов недоуменно взирал на позвякивающие мешочки.

– Они дали мне их на хранение на случай, если с ними что-нибудь произойдет, – пояснил перекупщик. – Я обслуживаю твой десяток. Поэтому если ты отдашь деньги, а сам погибнешь при штурме, который начнется наверное завтрашним утром, то я передам все Кушарю. До последней монетки!

– Но… ведь за хранение тоже нужно платить? Или как? – Виктор задал вполне логичный вопрос.

– Не нужно, – покачал головой Ереа, пряча кошели куда-то вглубь плаща.

– А….

– Моя выгода в том, – опытный торговец опередил вопрос новобранца, – что если наш отряд будет разбит, то я брошу все свои вещи, кроме этих монет, заберусь на самую быструю лошадь и поскачу в замок так, что меня никто не догонит. И вот тогда, если потеряю весь скарб, то возьму треть от всех спасенных денег. Так все мы делаем, Ролт. Согласен?

– А если мы победим?

– Получишь все назад. Или Кушарь получит, это уж как кости лягут.

– Слушай, а бумагу ты можешь сохранить? И книгу….

– Книгу? – удивился Ереа, отчего его маленькие овальные глазки превратились в круги, умудрившись нисколько не увеличиться.

– Да, мне ее дал господин лекарь. Если что, вернешь ему?

– Хм… ну, давай сюда свою книгу. Но только я ее спасать не буду. Спасаю только деньги! Ну, или еще драгоценности….

Виктор, сидя в засаде, умудрился выучить почти все буквы и даже немного почитать. У него получалось пока что не очень хорошо, но он рассчитывал на отличный результат в самое ближайшее будущее.

Когда Антипов заключал сделку с перекупщиком, в доме, в котором обосновался барон ан-Орреант, состоялась любопытная беседа. Знай предприимчивый сын лесоруба, что там будет обсуждаться его судьба, то непременно решил бы подслушать. Но, к счастью или к несчастью, он ничего такого не знал.

– Так что, Ролт быстро учится? – спрашивал сидящий на скамье Алькерт у Нурия, стоящего перед ним. – И гонцы – тоже его заслуга?

– Да, ваша милость, – отвечал десятник. – Иногда я на него сержусь… гм… даже очень, но в целом он молодец. Будет толк из

парня!

– Н-да…, – по тону барона невозможно было понять, приятно ему это известие или вовсе даже нет, – ну что же, тогда пусть идет на стены вместе с твоим десятком. Не буду его переводить.

– Но, господин барон, он же не готов! – Нурия даже не ожидал, что будет с таким жаром просить за Ролта. – Поставьте его в группу поддержки. Пусть он возьмет башенный щит или держит лестницу. Или хотя бы приставьте к тарану.

– Твой десяток всегда штурмует стену, – медленно ответил Алькерт, недовольный неожиданной строптивостью подчиненного, – так будет и на этот раз. Ролт в твоем десятке. Ему там самое место. И все! Больше не хочу об этом говорить.

Нурия вышел, обескураженный. Он теперь отчетливо понимал, что барон хочет избавиться от сына лесоруба и сделать это так, чтобы его смерть не привлекала особенного внимания. Идеальный способ – от руки противника. Но десятник-то – командир! И он не может позволить, чтобы его подчиненные шли на верную гибель. Нурия хоть и не был дворянином, но был человеком воинской чести. Ему совсем не нравилась мысль, что новобранец должен умереть. Если барону так нужна жизнь Ролта, то пусть делает все по правилам, чтобы ни у кого не было сомнений в вине лесоруба. Как в прошлый раз – с приговором многие согласились, но потом-то барон сам даровал прощение. И сейчас никакой вины на Ролте нет. Солдафон Нурия терпеть не мог интриги любого вида, даже если они исходят от непосредственного начальства. У Алькерта в замке была практически абсолютная власть, но она держалась лишь на согласии подчиненных с его политикой. А подчиненные, великолепные бойцы, тщательно выпестованные самим же господином бароном, имели собственное мнение по многим вопросам. Убить врага, пограбить и пожечь крестьян противника – это они с радостью. Но отдать своего без всякой вины… это почти то же самое, что лишиться законной доли добычи! Дружина не любит подобные шутки.

Поэтому Нурия первым делом отправился на поиски Ролта. И, разумеется, быстро нашел его. Гроза вражеских гонцов безмятежно валялся на охапке сена под каким-то деревом. Лежа на спине, он держал в руках свою новую куртку и внимательно рассматривал то ли крепление пластин к коричневой коже, то ли еще что-то.

– Вставай! – закричал Нурия еще издали. – Чего разлегся?!

Виктор сначала даже не понял, что обращаются к нему, но увидев разгневанное лицо десятника, резво вскочил на ноги.

– Что ты лежишь без дела?! – набросился на него Нурия. –

Рано тебе прохлаждаться!

– А… что делать-то, господин десятник? – Антипов даже слегка растерялся, не зная, чем вызван напор. Он ведь совсем недавно вернулся с 'задания', где неплохо зарекомендовал себя. Да и у Нурия еще полчаса назад не было никаких нареканий.

– Найдешь Нарпа, вдвоем возьмете штурмовую лестницу с телеги и приставите вон к тому дому, – палец говорящего показывал на самое высокое строение в поселке, скособоченный и почерневший от времени сруб. – Что смотришь? Быстро!

Виктор побежал выполнять приказ, на бегу одевая куртку. Его кольчуга была снята, а к обновке хотелось привыкнуть. Новая одежда не только обладала существенным весом, но и ограничивала ряд движений. Антипов не знал, правильно он поступает или нет, пытаясь носить доспех без гамбесона. Но попытка – не пытка. Расстояние между блестящими прямоугольными пластинами было совсем невелико и, похоже, прежний владелец холил и лелеял свою защиту.

Нарп отыскался вскоре и через несколько минут приказ Нурия был исполнен. Длинная лестница стояла у хибары так, что ее верхняя часть уходила далеко в небо. Но, казалось, десятнику не было до этого никакого дела.

– Живо облачайся! – снова закричал он. – Чтобы сейчас же надел кольчугу, этот свой доспех, взял в руки щит и меч. Быстро!

Виктор был поражен. Ну какая муха укусила обычно спокойного Нурия? Новобранец снова ринулся выполнять приказ и вскоре предстал перед начальством в полном боевом облачении.

– Я сказал – только меч и щит в руках, а не меч, щит и копье! – заорал десятник на подчиненного. – Что ты собираешься делать с копьем и мечом, держа их в одной и той же руке?! Брось копье!

Оружие упало на землю – Антипов решил выполнить приказ буквально. Нурия злобно покосился на бойца, но почему-то воздержался от замечаний.

– Теперь смотри на меня, – сказал он. – Показываю, а ты повторяешь. Понял?

– Да, господин десятник!

Нурия мгновенно взбежал по почти вертикально приставленной лестнице до самой крыши. Виктор едва не схватился за сердце – десятник не пользовался руками! И это ему нужно повторить?!

– Что встал?! – командир спрыгнул на землю. – Делай то же самое, держа щит и меч! Вперед! Пошел!

Взволнованный Антипов храбро бросился на лестницу, но нога сорвалась с третьей же ступени. Он рухнул на землю,

стараясь не порезаться собственным мечом.

– Вставай! – заорал Нурия. – Куда ты смотришь?! Ты, олух, на лестницу смотришь?! Наверх смотри! Враг там! И щитом закрывайся! Щитом! Пошел! Нет, стой! Виктор остановился, в его голове все перемешалось.

– Надень ножны на меч, неумеха! В бой пойдешь без них, но мне не нужно, чтобы ты себе сейчас голову оттяпал! Быстро! Быстро!

Вокруг собралась толпа из любопытствующих. Они не рисковали давать советы новичку в присутствии Нурия, но негромко переговаривались между собой и, похоже, делали ставки на то, поломает ли Ролт свои кости прежде чем научится хоть чему-нибудь или нет. Они, конечно, не знали, что сын лесоруба обучается стремительно. На то, чтобы довести желаемые движения до автоматизма, у обычного человека уходит минимум несколько дней, но Ролт мог справиться гораздо быстрее.

Однако Виктору не было никакого дела до пересудов. Впереди была цель – лестница, а позади – непонятно чем разгневанное начальство. Если бы он начал осматриваться по сторонам, то непременно заметил бы, как из соседнего здания выглянул барон, привлеченный шумом. Алькерт ознакомился с обстановкой, поморщился и снова скрылся в помещении. Он не верил, что Нурия добьется успеха, ведь штурм начнется этой ночью.

Глава 22.

Яркий месяц висел на небе, словно приклеенный, а облака, на которые то и дело бросали взгляды воины барона, и не думали его закрывать.

– Ничего, ничего, – бормотал Нурия. – Рано или поздно вон те тучи наползут на него, тогда и начнем. Терпение важно для воина. Нужно ударить вовремя, никак не раньше.

Виктор вместе с четырьмя десятками солдат сидел в небольшом лесочке и обозревал вражеский замок. Антипов мелко трясся то ли от холода, то ли об возбуждения. Шутка ли – первый настоящий бой!

Замок ан-Турре белел неподалеку. Его стены, метров в шесть-семь высотой, были украшены редкими зубцами и небольшими башенками. За время перемещения из лагеря в лес десятник описал сыну лесоруба задачу.

– Башни всегда выступают вперед, – говорил Нурия. – К ним близко не подходи. Они расположены на расстоянии полета стрелы друг от друга, чтобы отстреливать нападающих. Но если идти на штурм посередине между ними, то ничего, ночью никто никуда не попадет. Теперь слушай внимательно, если мы закрепимся на стене, то внутрь башен не суйся. Там будет винтовая лестница, по которой сможет пройти только один человек. Отличное место для защиты! Один хороший воин сумеет остановить пару десятков. Тем более, стена будет справа от тех, кто спускается, и даже при отсутствии внутренних перегородок размахнуться мечом не получится. У нас есть несколько левшей, так что если дойдет до сражения в таких башнях, то их и пошлем, или в упор из луков расстреляем.

– Твоя задача – сбрасывать противника со стены и гасить факелы, – продолжал десятник. – Нам не нужно освещение. Иначе со стороны донжона нас расстреляют как птах. Когда поднимешься, будь начеку. Ширина стены не очень велика, по ней могут пройти плечо к плечу лишь двое. Легко сорваться, сражаясь. Но узость стены нам на руку. Ты увидишь.

Антипов сидел, крепко сжав рукоять своего нового меча. Он уже успел немного к нему привыкнуть. Это оружие было немного длиннее прежнего и по качеству металла превосходило 'дубинку'. Узкое лезвие шириной меньше ладони позволяло наносить хорошие удары, несмотря на то, что новый меч весил меньше старого. Теперь Виктор нуждался в подходящих ножнах.

Новобранец до боли в глазах вглядывался то в замок, то в облака, ожидая, когда же небо подаст знак. Ему совсем не

нравилось находиться в промежуточном состоянии: уже не в лагере, но еще не в бою. Лучше уж ринуться в сражение, чем сидеть и дрожать.

Что-то прикоснулось к его шлему и Виктор обернулся. Он сидел на земле, опираясь плечом на ствол дерева. Многие из его сослуживцев стояли, но некоторые сидели и даже лежали. Антипову казалось, что им совершенно все равно – идти на смерть или нет.

– Не дергайся, Ролт, – успокоительно сказал Нарп, возникший за спиной новичка. – Мы легко возьмем стену. Если ты не сорвешься, то наверняка не будешь даже ранен. Сложности возникнут потом, когда пойдем на донжон.

– Почему? – поинтересовался Виктор.

– Стены донжона выше, а мы не сможем уже отойти туда, где стрелы нас не достанут. Окажемся между двух стен. У ан-Турре луки дрянь, такие же, как у нас, но все-таки несколько человек потеряем. Хотя будет видно! Посмотрим, что придумал господин барон.

Антипов глубоко вздохнул. Несмотря на заверения Нурия и Нарпа в том, что на первом этапе луков можно не опасаться, ему все-таки очень не хотелось, чтобы откуда-то из темноты прилетела случайная стрела и вонзилась в него. Хотя теперь-то он был неплохо защищен. Особенно против ударов в туловище. Кольчуга в сочетании с железными пластинами, возможно, могла бы остановить даже стрелу, выпущенную в упор. Из плохого лука, конечно. Но таковых-то большинство!

– А хороших луков у ан-Турре точно нет? – спросил Виктор.

– Да кто его знает, – пожал плечами Нарп, и этот жест совсем не успокоил собеседника. – Нет, кажется. Ты вообще хоть представляешь, сколько он стоит? Как несколько твоих доспехов. Вон у нашего барона и то есть штук пять-шесть, не больше. Думаю, они неплохо поработают сегодня.

– Так что, получается, что его милость богаче всех соседей?

– А то! Только за последние десять лет земли господина барона увеличились вдвое! Если так пойдет дальше, то, того и гляди, станем графской дружиной. Но повоевать придется. Как же без этого? А графский дружинник, это, скажу я тебе, не фунт гороха. Тут и денег больше и уважения. Да и броню получше выдадут….

– А разве можно стать графом, просто воюя? –спросил любознательный Виктор.

– Конечно! Королю-то нет никакого дела до того, что здесь происходит, – тоном опытного царедворца принялся поучать приятеля Нарп. – Или даже есть, но он ничего поделать не может.

Столица-то там, а мы тут. Король просто признает нового графа, чтобы получить больше войска, если вдруг начнет собирать армию. От барона двадцать конных дружинников выставлять полагается, а от графа – двести плюс двадцать за каждое баронство под его рукой! Чуешь разницу?

Антипов чуял, но все-таки ему казалось, что ан-Орреант еще далек от вожделенного титула. Для этого, как минимум, нужно донести до графа ан-Трапера мысль, что баронство-то ему уже не принадлежит. А сколько может выставить граф без ущерба для обороны своей резиденции? Четыреста? Пятьсот? А если кликнет вассалов? Так и до нескольких тысяч добраться можно. Нет, господин барон безнадежно далек. Тут не десять, а пятьдесят лет нужно, чтобы набрать достаточную мощь. И то, если позволят. Да и не факт, что король признает. Антипову казалось, что на Земле графские титулы приобретались несколько иначе.

– Тихо вы! – негромко прикрикнул Нурия и, подняв лицо к небу, многозначительно добавил. – Кажись, начинается. Большая туча с неровными краями наконец стала наползать на луну.

– Сейчас, сейчас, – пробурчал десятник. – Готовимся!

Виктор знал приказ – как только луна полностью закроется, немного подождать и начинать. Секунды медленно шли, совпадая с гулкими ударами сердца. Воины застыли в нетерпении.

– Все! Вперед! – десятник первый рванул с места. Остальные бросились за ним.

Удивительно, но Антипову не пришлось нести лестницу. Выяснилось, что он – штурмовик, а лестницы таскать и приставлять должна была группа поддержки, специальный десяток, приданный к трем штурмовым. Атакующий не должен устать перед выполнением своей задачи.

Стоило только выскочить из леска, как сразу же раздались звуки горна – противник объявлял тревогу. К удивлению Виктора, на ближайшей стене никого не было видно. По крайней мере, факелы не мелькали, создавалось впечатление, что освещена только противоположная часть замка. А примерно на полпути к замку какой-то грохот пронесся над местностью, казалось, что били огромной кувалдой по гигантскому пню. И звук вскоре повторился.

– Таран, – выдохнул Нарп на бегу.

Все стало на свои места. Барон имитировал атаку на ворота, в то время, как одна из штурмовых групп собиралась захватить противоположную стену. Новобранцу было интересно, что случится, если враг их заметит. А в том, что на близком расстоянии воинов с лестницами можно разглядеть, сомнений не было.

И точно – как только отряд подбежал к стене, опять раздались звуки горна, перемежаемые с криками. Скоро, очень скоро замелькали факелы, но десяток поддержки уже приставлял лестницы.

– Ближе, – нетерпеливо хрипел Нурия. – Ближе!

Виктор с изумлением наблюдал, как солдаты устанавливают лестницы на совсем небольшом расстоянии друг от друга. Несколько человек отделилось от общей группы и, прикрываемые башенными щитами, начали стрельбу из луков, ориентируясь на факелы.

– Все! Вперед! – взревел десятник.

Трое солдат побежали по лестницам, сжимая в руках щиты и оружие. За ними – еще трое, потом еще. Сверху раздались лязгающие звуки. Воины сражались.

Виктор немного выждал, а потом бросился к ступеням в числе последних. Десятник запретил ему рваться вперед. Антипов резво бежал по лестнице, тоже не прибегая к помощи рук. Что-то ударило по щиту. Воин чуть было не поскользнулся возле самой стены, но сумел выпрямиться. Тот дом, на котором новобранец тренировался, был значительно ниже.

'Спасибо, Арес, – думал Виктор. – Я, наверное, был в чем-то несправедлив к тебе'.

Какая-то тень мелькнула перед самым носом – один из бойцов ан-Орреанта бежал по самой кромке, прыгая с одного зубца на другой. Когда Антипов приземлился на стену, то понял, в чем был смысл установки трех лестниц рядом друг с другом. Слишком узкое пространство не позволяло нескольким воинам встать на пятачке перед тремя лестницами. Крайние штурмовики могут быть атакованы, а средний обязательно прорвется. И если действовать быстро, то у противника просто не будет времени на создание толковой обороны, тем более с самого начала большая часть защитников сконцентрировалась около ворот.

Виктор обнаружил, что находится в гордом одиночестве. Кусок стены, захваченный воинами ан-Орреанта, стремительно расширялся. Снизу доносились стоны раненых, но Антипов предпочитал не присматриваться. Он заколебался, куда бежать – вправо или влево. Сделал шаг туда, шаг сюда и остановился.

Внезапно над стеной показалась голова. Это был Тапеа, один из солдат десятка поддержки. Он неуклюже вскарабкался, таща башенный щит.

– Что встал, Ролт? – поинтересовался воин. – Твои вон там. Штурмуют башню. Держи-ка, отнеси им, пригодится. Всегда одно и то же.

Тапеа протянул сыну лесоруба огромный деревянный щит.

Виктор не представлял, зачем он нужен при атаке башни, но спрятал меч в ножны и только сейчас заметил, что в его собственный щит впилась стрела.

'Не фига себе, – подумал Антипов. – Это откуда же она прилетела? А если бы я медленно полз по лестнице и не закрывался щитом? Был бы похож на ежа. Хм… спасибо, Нурия. День благодарения какой-то'.

Он вырвал стрелу, повесил на правую руку башенный щит и помчался туда, куда указал Тапеа. Бежать пришлось недолго. Путь Виктора преградила башня. Судя по происходящему, солдаты барона ан-Орреант, ворвались туда и даже прошли ее насквозь. Но все же, когда Антипов заглянул внутрь, там что-то происходило.

На небольшой площадке перед лестницей, ведущей вниз, собралось несколько человек. Двое из них сжимали в руках луки, а Нарп, подняв щит, пытался спуститься, но неизменно отпрыгивал назад. Нурия стоял неподалеку, около деревянной внутренней перегородки и весь его вид выдавал нетерпение. Увидев Ролта с его щитами, десятник тут же взбодрился.

– Молодец, что принес защиту! – крикнул он. – Займешь место Нарпа! Готов?

– Готов, – ответил удивленный Виктор. – А что делать-то?

– У нас тут перестрелка. Те, внизу, засели с луками. Если пойдем нахрапом, то потеряем одного-двух. Не хотелось бы! Так что, ни туда, ни сюда. А ты со своим щитом вовремя! Нарп, отойди. Ролт пойдет.

Приятель Виктора быстро отпрыгнул назад, а Нурия подтолкнул лесоруба на лестницу. Антипов постарался максимально спрятаться за щитом, и это у него вполне получилось. Большое сооружение из толстых грубо обработанных досок запросто скрывало за собой человека, особенно, если человек слегка присел.

– Вперед! Вперед! – торопил Нурия. – Потесни их, они тебе ничего не сделают. Давай!

Виктор медленно двинулся вперед. Он слышал ругательство, донесшееся снизу, потом стрела чиркнула по каменной стене и бесславно упала. Новобранец спускался по винтовой лестнице, а за ним шел Нурия и еще один воин, держа луки наготове.

– Сейчас кто-нибудь на тебя с мечом бросится, – прошептал десятник. – Но ты не тушуйся. Когда я скажу, упадешь на ступени, а сверху щитом прикроешься. Потом быстро вскочишь. Понял?

– Понял, – хотел ответить Виктор, как внезапно его щит потряс удар. Вторая слева доска треснула, Антипов едва удержался на ногах. Потом еще удар!

– Падай! – крикнул Нурия.

Новобранца не нужно было долго просить. Он тут же опустился на ступени, закрывшись щитом, как говорил десятник. Взвизгнули тетивы луков.

– Попался! – удовлетворенно крякнул командир. – Готов! Поднимайся, Ролт!

Легко сказать, но нелегко сделать. На нижнюю часть щита Виктора навалилась какая-то тяжесть, прижимая его к ступеням. Антипов с трудом приподнялся и сбросил ношу. Что-то загрохотало.

– Топор у него был, – пояснил Нурия. – Теперь вперед! Сейчас побегут.

И точно – десятник как в воду глядел. Снизу, откуда-то из-за поворота, раздался топот ног и звук хлопнувшей двери. Враг организованно отступал. У Антипова мелькнула мысль, что его командир даже опытнее, чем казалось поначалу. Это сколько же нужно провести боев, чтобы вот так угадывать действия противника?

Нурия не стал никого преследовать, только приставил у входа в башню человека и приказал остальным вернуться на стену. Больше Виктор ничем не проявил себя в тот день. Чуть позже, когда все внешние укрепления оказались в руках ан-Орреанта, Ролту вручили факел и приказали вместе с остальными жечь постройки, расположенные между наружной и внутренней стенами. Жалкие лачуги, примостившиеся там, Антипов без особенных колебаний предавал огню, потому что их обитатели укрылись в донжоне. Между стенами замка ан-Турре расстояние было совсем невелико, гораздо меньше, чем в ан-Орреанте. Первый больше походил на замок, чем второй. Ан-Орреант был подобен крупной деревне или крохотному городку.

Виктор метался с факелом, предусмотрительно спрятавшись за башенным щитом. Если сначала со стороны донжона никто не стрелял, то потом, когда основная часть войска ан-Турре отступила, на внутренних стенах наметилась нежелательная активность. Но новобранцу с его защитой это было безразлично.

Все уже поняли, что барон не собирался в тот же день брать донжон. Когда постройки запылали, а ворота были выломаны, поступил приказ покинуть замок. Отряд ан-Орреанта организованно, опасаясь внезапной вылазки, оставил захваченное. Виктору оставалось только гадать, что Алькерт собирается делать дальше, ограничится ли он достигнутым или попытается 'дожать' соседа. А нанесенный ущерб уже был велик, особенно, если учесть, что защитники потеряли больше воинов, чем нападающие. Это противоречило всему, что Антипов читал

ранее о военном деле. Но десятники барона не только отличались отменной выучкой, а еще дорожили подчиненными. Наверное, в этом секрет успеха.

Отряд вернулся в лагерь, были выставлены часовые, но штурмовых десятков это не касалось. Новобранец упал на ворох сена и заснул богатырским сном. Почему-то ему привиделись кошмары. Самым последним, наиболее пугающим, был очень красочный сон о том, что Виктор оказался в каком-то городке. Судя по одеяниям людей и доспехам воинов, древнеславянском.

В этом сне Антипов стоял на какой-то площади, озирался по сторонам и пытался понять, куда же его занесло на этот раз. Мимо проходили и пробегали люди, иногда толкая его, но не обращая внимания. Неизвестно, как долго Виктор простоял бы там, но к нему подошел какой-то стражник в кольчуге с подозрительно добрым лицом, который чем-то напоминал человеколюбивую версию десятника Нурия.

– Что ты здесь делаешь, парень? – поинтересовался он.

– Не знаю, – честно ответил Виктор. – А где это я? И что здесь происходит? Почему все бегают?

– А, это у нас тут батыйка шалит. Ничего! Ты, я вижу, парень здоровый. Пойдем со мной, я выдам тебе меч и щит.

– А город-то как называется? – воскликнул Антипов, смирившись с тем, что все его хотят завербовать на военную службу.

– Так это ж… не знаешь разве? Козельск. Не боись, отобьемся. И не таких бивали. Пошли!

Виктор проснулся в холодном поту, тяжело дыша. Он, конечно, восхищался мужеством защитников того славянского городка, но не был морально готов разделить с ними славу. Его вообще слабо привлекали награды, выданные посмертно.

Солнце только-только начало подниматься. Антипов взял два ведра воды, подошел к колодцу и наполнил их. Потом, отойдя за какой-то сарай с неплотно пригнанными бревнами, полностью разделся и вылил на себя эту воду. Он очень старался поддерживать тело в чистоте. Даже в доме Кушаря поставил специальную кадку, чтобы в ней мыться за неимением душа.

Несколько из его сослуживцев, проходя мимо, заметили водные процедуры, но ничего не сказали. Если человеку нравится поливать себя холодной водой поутру, то пусть. Вреда это никому не наносит. Безобидное чудачество, каких много у Ролта.

Антипов оделся и только потом заметил, что происходит что-то не то. Два-три вестовых созывали десятников в дом, занимаемый бароном. Судя по их бегу, Алькерту командиры понадобились весьма срочно.

Новобранец вернулся к колодцу, рядом с которым уже толпились люди, и увидел Нарпа, сидящего неподалеку и с интересом разглядывающего свой щит. При свете дня была видна небольшая трещина и воин пытался понять, оставить щит у себя или заменить его в обозе.

– Привет! А что здесь происходит? – поинтересовался Виктор у приятеля точь в точь как во сне. – Почему десятники бегают?

– Не знаю точно, – Нарп оторвался от щита и посмотрел на новобранца. – Как только прибыл гонец из нашего замка, так все и началось. Антипов секунду помедлил.

– Так, значит, это не связано со штурмом донжона?

– Похоже, что нет. Но думаю, что скоро все узнаем.

Нарп оказался прав. Не успели приятели толком обсудить проблему щита, как заметили Нурия, приближающегося к ним. Лицо десятника было весьма озабочено. Он быстро шел, механически ощупывая ремень, но, увидев своих подчиненных, остановился.

– Собирайтесь, – произнес Нурия, оглядывая приятелей с каким-то новым выражением глаз. – Скоро выступаем.

– К замку ан-Турре? – уточнил Виктор.

– Нет. Домой.

– Почему, господин десятник? – Нарп от удивления отложил щит в сторону.

Нурия сделал движение, словно собирался уходить, но передумал. Видно было, что он настолько озадачен, что ему хотелось выговориться.

– Скоро наш замок возьмут в осаду, – сообщил он. – Барон получил известие от верного человека.

– Кто возьмет? – Антипов и Нарп спросили одновременно.

– Граф и церковники. Жрецам понадобилась голова господина барона.

– Почему? – Нарп был не на шутку изумлен. – У нас не очень хорошие отношения, но ведь и не настолько плохие!

– Не знаю точно. Никто не знает. Там ходят слухи, что барон поклоняется какому-то новому богу. Какая чушь! Виктор и приятель переглянулись.

– Но… это же неправда, господин десятник, – заметил Нарп, нахмурившись.

Воин знал, что такого не скрыть. Если феодал менял предпочтения, например, решал поклоняться не Зентелу, а Неру, то вместе с ним предпочтения меняли и подчиненные. Все бы узнали об этом. Но и Зентел и Нер и многие другие относились к одному пантеону. Люди обычно желали иметь своим покровителем того, кто на их землях пользуется большей

поддержкой. Глупо было бы обращаться к Неру, если его ближайший крупный храм находится в пяти днях пути. А Зентел вот он, везде в этой местности. Но даже подобную глупость никто особо не осудит. Однако если речь идет о поклонении какому-то неизвестному богу, то это было, мягко говоря, не принято. Не принято настолько, что никто даже не слышал о подобном. Что это еще за новый бог? Откуда ему взяться? Бред какой-то, как думал Нарп.

– Сам знаю, что неправда, – буркнул Нурия. – Собирайтесь! И десятник удалился размашистым шагом.

– Дела-а, – протянул Нарп. – Выходит, на нас пошел сам граф?

Виктор сосредоточенно молчал. Он думал. Информация, принесенная Нурия, произвела на него огромное впечатление.

– Интересно, выдержим ли мы осаду? – продолжал Нарп, не обращая никакого внимания на реакцию Ролта. – Это ведь какая сила! Граф и жрецы Зентела…. Интересно, сколько у нас времени осталось? Антипов не слышал приятеля. Он занимался интенсивным умственным трудом.

'Новый бог, выходит. Оригинально, господа жрецы. Вы, что же, ко мне подбираетесь? Но при чем тут голова барона? Да Алькерт выдал бы меня, не задумываясь, если бы замку угрожала реальная опасность. Значит, вы не ко мне, хотя и знаете о новом боге? Это можно допустить. Но при чем тут барон, не пойму'.

Отряд выступил вскоре. Виктор ехал на своей новой лошади и размышлял, размышлял. Ситуация была запутанная.

Антипов уже вполне прилично держался в седле. Если подвести итог его новым умениям, то он многого достиг. Хотя, конечно, оставались еще области, где Виктор даже не начинал обучение, например, работа с копьем и луком. К тому же, его финансовое положение значительно улучшилось. Он разжился новым оружием и доспехами, но это все было такой мелочью по сравнению с главным – будущей осадой замка. Если его убьют, то все окажется бесполезным.

Когда войско достигло родных стен, у новобранца было лишь одно объяснение происходящего. Жрецам или местным богам удалось установить факт появления нового бога, а также примерно определить место. Это место – на землях ан-Орреанта. И теперь они решили найти того человека, который связан с богом, а через него выйти и на главное действующее лицо. И, не мудрствуя лукаво, начали с верхушки, с барона, чтобы потом, видимо, двинуться дальше и устроить тотальный геноцид. А если так, то получается, что жрецы во что бы то ни стало хотят уничтожить Ареса. Ну, и Виктора заодно. И вот эти выводы

Антипову кардинально не понравились.

По сообщениям неведомого друга барона, вражеская армия должна была подойти не раньше, чем через пару дней. Времени достаточно для подготовки. И барон по прибытию в замок начал действовать. Местные крестьяне еще раньше стараниями Нартела получили приказ везти продовольствие. Все принималось под опись. Кроме того, местная власть рекомендовала им покинуть деревни и уходить в леса или к соседям, чтобы переждать напасть. Потом замок возместит убытки.

Сразу же был сформирован караван, который должен вывезти из крепости людей, бесполезных для обороны. По сути, остались лишь здоровые мужчины, а женщины, старики и дети должны выехать в направлении, противоположном Парреану, к одному из друзей Алькерта.

Солдаты барона тоже были очень заняты, но Виктор незамедлительно после прибытия в замок улучил возможность наведаться к Аресу. Теперь, когда у него была лошадь, путь отнимал еще меньше времени, чем раньше.

Достигнув леса, Антипов спешился и взял своего Росинанта за узду. Он не решился оставить благородное животное без присмотра. Ведя лошадь, Виктор тщательно следил, чтобы ветки не задевали ее, и жалел, что нет попоны. Так и прибыл на полянку.

Арес отозвался сразу же и моментально получил ворох свежих новостей. Они впечатляли, рассказчик не скупился на красочные описания и выводы.

– Вот я и думаю, что жрецы решили истребить все и вся в округе, – подытожил свой доклад бывший студент. – Но зачем они так хотят избавиться от нас, непонятно. После непродолжительного молчания Арес изрек:

– Местным я, конечно, не нужен. Возможно, им самим тут тесновато, поэтому понимаю их желание меня устранить. Но не понимаю другое – люди-то при чем. С гибелью стольких людей этот твой Зентел больше потеряет, чем приобретет. Он ведь не бог смерти, а так, второстепенный божок виноделия. Нет, мой друг, тут что-то не то.

– Но тогда получается, что жрецы хотят убить лишь барона! – горячо произнес Виктор. – Нонсенс!

– Ну почему сразу нонсенс? – голос Ареса интонациями напоминал заправского университетского профессора, читающего лекцию. – Богам стало известно, что я где-то здесь. Они сообщили жрецам. А те просто захотели решить часть своих проблем под предлогом поимки тебя. Я такое видел часто, даже слишком часто. Вы, люди, очень предсказуемы. За исключением некоторых,

которые ловят на лесных тропинках своих командиров.

Виктор потрепал лошадь за холку. Ему было до сих пор стыдно за тот случай. Он, конечно, должен проявлять больше внимания. То, что Арес узнал об этом, уже не удивляло. Бог дал понять, что получает полную картину происходящего, если ему достается хоть капля силы. Тогда Антипов внес свой небольшой вклад в войну. Бог, должно быть, получил сущие крохи от таких жульнических побед. У Антипова тут же мелькнула мысль, что ему лучше не говорить ни с кем о важных вещах во время распития вина. Кто знает, может, тот человек окажется невольным поклонником Зентела.

– Этого не опасайся, – Арес ответил на вопрос встревоженного Антипова. – Ты у меня один, и я за тобой слежу, как могу. У Зентела жрецов и последователей масса. И если он не обладает множественными личностями, а он не обладает, если с ним все в порядке, то не станет отслеживать каждый источник силы. Просто не сможет. Я вот тоже в свой золотой век не имел никакой возможности к этому. Одно дело получить информацию, а совсем другое – ее осознать. Мы ведь просто боги, отнюдь не всесильные и не всеведущие. Можем одномоментно думать лишь о единственной проблеме и быть в одном месте в одно и то же время. Как и люди. Мы вообще похожи на вас.

Виктор поймал себя на мысли, что бог войны что-то разговорился. Сейчас настал удобный момент, чтобы расспросить его об отличиях божественной природы от человеческой, но, увы, Антипов очень торопился. В свете новых сведений ему следовало интересоваться лишь самым важным.

– Так получается, что Зентел не сможет узнать, кто, например, посещал его храм или целовал статую? – спросил он.

– Только если будет лично присутствовать при этом, – последовал ответ. – Сколько у него статуй? Несколько сотен? Он может войти в каждую из них, но лишь в одну. Ты понимаешь?

Виктор кивнул. Ему все стало ясно, и это радовало. Зентел многого не может. Что ж, тем хуже для него.

– А почему ты спрашиваешь об этом? – насторожился Арес. Антипов не знал, стоит ли говорить правду, но внезапно решился.

– Хочу раскрыть себя, – ответил он.

– Как раскрыть? – в тоне собеседника мелькнуло удивление.

– Вот так, чтобы жрецы узнали о моем существовании. Но, конечно, это случится не здесь. Я много думал. Так будет лучше для всех.

Глава 23.

Вернувшись в замок, Виктор успел застать караван. Ворота были распахнуты, и перед ними и за ними выстроился ряд телег. Люди суетились, таскали какие-то мешки, а некоторые просто обнимались. Жены прощались с мужьями, а дети с отцами.

Антипов проехал мимо первых повозок, груженных скарбом, с грустью посмотрел на свою прежнюю лошадь, ее сейчас понизили в ранге и запрягли, миновал плотника, успокаивающего своего малолетнего сына, который, как знал Ролт, в прошлом году поймал и приручил вороненка. Новобранец собирался осторожно въехать в ворота, чтобы никого не задеть, но резко натянул поводья. Он увидел Ханну. Девушка стояла, опираясь на деревянный бортик телеги, и смотрела на него. Ее простое платье светлых тонов выгодно подчеркивало тонкую талию и красивую грудь. Он уже встречался с ней после возвращения, просто сообщил, что жив-здоров, но это было до того, как весть о новой напасти разнеслась по замку.

– Привет, моя радость, – Виктор спешился. – Что-то ты грустна сегодня. Не огорчайся. Поедешь ведь скоро. Путешествие как-никак. Новые места, новые приключения.

– Какие еще приключения, Ролт? – спросила девушка тихим голосом. – Я-то уеду, а ты останешься.

– Останусь, конечно, что же делать? Но зато представь, как я буду тебя встречать! – мужчина беззаботно улыбался. – Нарву цветов. Теперь уже можно. Ведь госпожа баронесса тоже уезжает.

– Вас всех убьют, – сказала Ханна. На ее глаза начали наворачиваться слезы.

– Убьют? Ну почему же так мрачно. Кого-то только ранят. Улыбнись, свет моей души. Посмотри, какая погода! В такую погоду нельзя печалиться. А нужно собирать грибы, ходить на рыбалку, плавать в речке, лежать на морском берегу на разноцветном полотенце, громко петь, танцевать ламбаду. Ты умеешь танцевать ламбаду? Нет? Но ничего, я тебя научу. Главное, чтобы это никто не видел, а то могут неправильно понять.

– Ролт, что ты такое говоришь? Мы ведь навсегда прощаемся, – несмотря на огорчение, в голосе девушки мелькнула досада. У нее не укладывалось в голове, как в такой момент можно рассуждать о пустяках.

– О, Ханна, ты только посмотри на себя! На свои волосы, брови, губы, глаза. Взгляни. Только взгляни! Ну какой мужчина в своем уме сможет проститься навсегда с такой девушкой, как ты?

Это совершенно исключено, о, луч света в темном царстве.

– Ролт, ну неужели в такой момент ты не можешь поговорить нормально?

– Радость моя, я сейчас очень спешу, но обещаю, что мы еще встретимся. Полностью в этом уверен! Послушай, ты сейчас поедешь в безопасное место, потом вернешься сюда и все будет хорошо.

– Но….

– Верь мне, Ханна, верь мне. Я не могу всего сказать, но лучше просто думать о приятном, забыв печали. Что для тебя является приятным, звезда моя? Знаю, что некоторые девушки любят очень неожиданные вещи. Одним нравится выращивать колючки в горшках, другим прыгать со скалы в воду, а третьим получать в подарок драгоценности и мечтать о том, что скоро они тоже начнут со спокойной душой выращивать колючки в горшках и прыгать со скалы в воду.

– Ролт!

– Прости, душа моя, но я должен уйти. Дела, служба. Увы, нет никакой возможности заняться личной жизнью.

Виктор не решился поцеловать девушку прилюдно, чтобы не скомпрометировать, но бросил на нее страстный взгляд (так ему хотелось думать) и поспешил в замок. Он нисколько не преувеличил, его действительно ожидали важные и неотложные дела. Причем, их успех зависел исключительно от того, насколько быстро Антипов с ними расправится.

Новобранец лихо проехал по единственной улице, остановился около дома лесоруба, соскочил с лошади и бросился к двери. К счастью, Кушарь был на месте.

– Привет, отец! Я скоро уезжаю, – протараторил Виктор, заходя внутрь, – но тебе будет нужно этим вечером сходить к господину барону. Передать кое-что.

– Что передать? – опешил лесоруб. Он сидел за столом и мрачно рассматривал пустой светло-коричневый кувшин с ручкой. Видимо, раньше там было пиво.

– Передаешь ему записку и на словах кое-что.

– Какую еще записку? – теперь все внимание Кушаря было приковано к Ролту.

– Которую я напишу, – ответил Антипов, садясь за стол и доставая из сумы бумагу, полученную обратно от перекупщика.

Виктор положил лист на стол и почти совсем примерился оторвать неисписанную часть, как вдруг хлопнул себя рукой по лбу:

– Эх, пера-то нет! Как же я писать буду?!

– А ты умеешь писать? – осторожно осведомился Кушарь.

Если он и был слегка пьян, то мгновенно протрезвел.

– Не то, чтобы хорошо, но кое-как могу, – ответил Антипов. – Научился в походе. Вот по этому листу, который мне дал лекарь и книге. Быстро писать еще не получается, конечно. Лесоруб отодвинул кувшин к окну, чтобы ничто не загораживало сына.

– Отец, пообещай мне, что ничего не станешь пить сегодня, а передашь слово в слово, что я скажу, – Виктор внимательно посмотрел на Кушаря. – У меня нет времени доставать перо и чернила. Обещаешь? Тот был настолько удивлен, что медленно кивнул.

– Хорошо, – выдохнул Антипов. – Когда я уеду, ты пойдешь к господину барону и скажешь, что Ролт отбыл в Парреан снимать осаду, что я никакой не дезертир, а тружусь на благо замка. И что скоро вернусь.

– Подожди, – лесоруб положил руки на стол. – Ты что хочешь сказать? Что уезжаешь прямо сейчас?

– Да, отец.

– Перед осадой? Бежишь?!

Виктор покачал головой. Вот оно, началось. Хорошо, что он не пошел к Нурия. Тот бы точно решил, что сын лесоруба свихнулся, никуда бы не отпустил, а еще запер бы в каземате.

– Не будет никакой осады, отец. Если у меня все получится, то не будет. Враг подойдет к замку, может, постоит немного и уйдет. В крайнем случае – один-два штурма. Но думаю, что вы тут продержитесь. Это тоже скажешь господину барону.

Лесоруб, прищурившись, посмотрел на сына. В его взгляде читалась озабоченность.

– Нет, я не сошел с ума, отец, – Виктор старался говорить как можно более убедительно. – Все в порядке.

Кушарь взъерошил свои волосы. Он был озадачен. По его лицу нетрудно было прочитать мысли. С одной стороны, он не понимал, что происходит, а с другой, был немного рад такому исходу. Даже если Ролт окончательно тронулся рассудком, то он, по крайней мере, выживет. А это хорошо, единственный сын, как-никак.

– Но кто же снимает осады, находясь вдали от замка? – спросил лесоруб. – Разве так можно?

– Эх, отец, ты отстал от жизни, – вздохнул Виктор. – Сейчас все именно так и делают. Осады снимаются не там, где они происходят, а совсем в других местах.

Антипов не стал особенно рассиживаться. Кушарь доведен до нужной кондиции и передаст сообщение. Предстояла еще одна встреча.

Виктор аккуратно взял бумагу со стола. Пригодится, чтобы

еще в дороге немного позаниматься. План подразумевал умение писать, если уж даром рисовальщика судьба не наградила.

На этот раз Антипов не стал садиться на лошадь, а повел ее за узду. На улице была небольшая грязь, которая пачкала кожаные башмаки. Да-да, на ногах новобранца были именно башмаки. По какой-то загадочной причине сапоги еще не получили распространения в этой местности. Их никто не носил. И если простой солдат ограничивался грубо сделанными башмаками, то знать пользовалась изящными и дорогими туфлями.

Новобранец подошел к казармам, оставил лошадь у калитки, сам вошел внутрь и вскоре вернулся, но не один. Его сопровождал Нарп. Воин шел за сыном лесоруба неохотно и поминутно окликал его.

– Я не понимаю, Ролт, – бормотал он, – почему нам нужно говорить за крепостной стеной? Что, внутри замка нельзя? Если так приспичило что-то мне поведать, то почему мы не пойдем в трактир? Так ведь все люди делают!

Может быть так люди и делают, но Виктор решил поступить иначе. Он еще не совсем доверял приятелю, поэтому эксцессы были не нужны.

Воины вышли за ворота, которые пока еще никто не удосужился закрыть. Караван-то не отправился, а царящая суматоха была только на руку Антипову.

Отойдя от замка на достаточное, по его мнению, расстояние, Виктор обернулся к Нарпу и произнес совершенно серьезным тоном:

– Если тебе сейчас покажется, что я сошел с ума, то этому не верь. И просто передай Нурия то, что скажу. Да и всем остальным рассказать можешь.

Антипов не доверял и барону, поэтому счел нужным оповестить дружину о своем будущем поступке. Если все получится и он вернется с победой, то его милость просто не осмелится прибегнуть к наказанию. Виктор отлично изучил порядки, царящие в замке. Барон прислушивался к настроению своей гвардии. А возможное обвинение в дезертирстве выглядело весьма непривлекательным.

Примерно полчаса спустя Антипов ехал на северо-запад, удаляясь от замка ан-Орреант. Лето подходило к концу. Вечера стали прохладны, хотя солнце еще согревало. Темно-зеленая листва деревьев пока что крепко держалась на ветвях, но новые побеги росли медленно, растения словно предчувствовали перемены и запасались силами, чтобы достойно встретить ненастье.

Перемены ожидал и Виктор. Он не был полностью уверен в успехе своего начинания, но какой у него выбор? Если есть хотя бы малый шанс снять осаду, то нужно им воспользоваться. В замке оставался Кушарь, которому Антипов вовсе не желал зла. Там же был и плотник, отец белобрысого сорванца, грозы воронят. А ведь если семьи теряли кормильца, то их жизнь резко ухудшалась. Виктору хотелось, чтобы детство этого мальчика и других детей продлилось еще чуть-чуть. Пусть пока что ловят птиц и не думают о будущем. О будущем будет думать он, Антипов, ведь, как ни крути, оно от него зависит. Память Ролта сыграла с ним скверную шутку. Он не мог спокойно относиться к судьбе обитателей замка.

Путь Виктора лежал в Парреан. Для студента-географа не составляло никакого труда ориентироваться на местности. Еще в прошлую поездку в город он запомнил все, что нужно. И дорогу и направление. Вообще же, это – два разных понятия. Человек может ехать по знакомой местности и не представлять себе, в какую именно сторону света он движется. Зато если знаешь направление, то дорога неважна. Не заблудишься, даже если свернешь с пути.

Антипов не стал ехать напрямик, а решил сделать небольшой крюк, чтобы не столкнуться с враждебным отрядом. Его лошадь шла не самой быстрой рысью – неопытный всадник опасался загнать животное. Новобранец вполне освоился с верховой ездой, он, как заправский наездник, опирался на свои колени и опускался в седло в такт шагам животного. Погони он не опасался – барону сейчас явно не до беглого сумасшедшего, вот-вот нагрянет враг.

Дорога была пустынна, но Виктор все равно тщательно вглядывался вдаль. Особое внимание он уделял той части пути, которая проходила через лес. Встреча с разбойниками была нежелательна, больше всего на свете ему хотелось добраться до места без происшествий.

Когда начало темнеть, Антипов всерьез озаботился местом для ночлега. По его прикидкам, он должен прибыть в Парреан завтра к вечеру, если сделает привал, или днем, если будет ехать всю ночь. Но Виктор помнил об арнепах, весьма неприятных хищниках. Конечно, столкновение с ними было маловероятно, но рисковать не хотелось. Поэтому когда вдали, немного в стороне от основной дороги, показалось село, новобранец без раздумья свернул к нему.

Это было небольшое поселение на восемь домов, обнесенное традиционной деревянной изгородью. Около ворот в пыли играли дети, торопливо рисуя что-то на земле палочками. Их спешку

можно легко понять – солнце скоро сядет и не будет видно ни зги. Дети так увлеклись, что поздно заметили гостя, но обратив на него внимание, нисколько не испугались. Наверное, потому, что он был в единственном числе, да и не очень страшный на вид.

– Чьи это земли? – спросил Виктор, подъехав прямо к воротам. – Ан-Орреанта?

– Да, господин солдат, – отозвался парнишка, чей наряд заключался в длинной сорочке непонятного цвета, а штанов не было вообще. – А там, за леском, уже баронство ан-Ральти начинается.

Антипов бросил быстрый взгляд в указанном направлении, но тут же снова переключился на собеседника.

– Ну-ка, открывай ворота, – сказал он.

У мальчишки не возникло ни малейших сомнений в праве незнакомца распоряжаться. Гость был одет как солдат барона, этого достаточно. К тому же, на землях ан-Орреант царил порядок – разбойники не рисковали здесь задерживаться надолго.

Невысокая фигурка подбежала к ограде, рыжеватая макушка скрылась из виду, но вскоре снова возникла, когда ворота начали отворяться. Виктор, покопавшись в поясном кошеле, протянул мальчишке медную монету, которая вызвала настоящий фурор среди детей. У новобранца был еще один кошель в суме, набитый серебром.

– У кого здесь можно на ночлег остановиться? – поинтересовался Виктор.

– Так у нашего старосты, – охотно ответил мальчик, отрывая восхищенный взгляд от монетки. – Вон его хата. У него завсегда все ночуют.

Антипов тронул коня и поехал в указанном направлении. Надо сказать, что его уже встречали. Жители выглядывали из домов и из-за углов, а в доме старосты на покосившееся крыльцо вышел весьма упитанный черноволосый мужчина и, уперев рука в бока, внимательно наблюдал за гостем.

– Привет, хозяин, – Виктор начал слезать с седла, но не успел твердо встать на ноги, как мужик огорошил вопросом:

– Ролт, ты ли это? Тебя ведь Ролт зовут?

Антипов поглядел на незнакомца, сощурив глаза. В памяти сына лесоруба вроде бы что-то появилось, но уж очень нечеткое.

– Ну, я, – буркнул он.

– А ты, что же, меня не узнал? Хотя да, я ведь лет пять назад из замка уехал. А до того мы с твоим отцом дружили. Я ведь Мират-гончар! Имя тоже было смутно знакомо.

– Как отец-то? – засуетился хозяин, гостеприимно ведя коня в сторону сарая, видимо, выполняющего роль хлева. – А ты,

смотрю, возмужал! В баронскую дружину взяли? Повезло! Да и… эээ… поправился, что ли?

Виктор хотел было уточнить, в каком смысле он поправился, но быстро понял, что Мират имел в виду умственные способности.

– Поправился. Как же без этого? Чем-то долго болеть вообще трудно. Или поправляешься или привыкаешь. А привычка – уже не болезнь.

– Проходи в дом, Ролт, – крикнул хозяин от дверей сарая. – Жинки сейчас нет, вернется лишь завтра, но угощу, чем смогу!

Быстро выяснилось, что угостить Мират может лишь вином и хлебом. Больше ничего не осталось. Одна телега отправлена в замок еще днем, а остальные – к соседям. Деревни начали эвакуацию. Виктор сначала удивился такой оперативности, но потом подумал, что иначе никак не выжить. На завтра был намечен отъезд большей части жителей.

Хозяин это все вываливал скороговоркой на гостя, разливая по чашкам вино. Похоже было, что гончар большой охотник до непринужденных бесед.

– Жрецы Зентела советуют пить утром по одной чашке вина, а вечером только по три, – наставительно заметил Антипов, которому совсем не хотелось напиться накануне важного мероприятия. Но хозяин понял фразу по-своему:

– Вот не поверишь, Ролт, вечером получается, – говорил он, – а утром никак. С вечера вино есть, а утром нетути! Приходится днем опять за ним идти. Ни разу не удавалось благочестиво выполнить завет Зентела. Мой грех!

Мират наливал вино из изящного белого глиняного кувшина, расписанного мастерскими узорами. Такой посуды в этом мире Антипов еще не видел.

– Кувшин нравится, да? – гончар заметил взгляд гостя. – О, кувшины у меня получаются особенно хорошо! Я ведь когда уехал из замка, сначала в город подался. И там стал работать подмастерьем у самого Еартаса! А он, просто чудо что за мастер. Не чета мне. Самому графу посуду поставляет.

– Красивый рисунок, – похвалил Виктор.

– Постой-ка! Сейчас покажу тебе кое-что получше! – хозяин вскочил из-за стола, покрытого скатертью нежно-желтого цвета, и устремился за перегородку, разделяющую дом на две части.

Не успел Антипов рассмотреть получше посуду, стоящую перед ним, как Мират вернулся, неся перед собой как великую драгоценность еще один кувшин. Серебристый с золотыми узорами примерно на поллитра в объеме.

– Вот, – с гордостью сказал он, нежно опуская ношу на стол. –

Из такого пьет сам граф!

Виктор осторожно взялся за горлышко и поднес кувшин к глазам. Узор был нанесен очень тонкой кистью, а наружная поверхность казалась подобной глазури. Антипов повертел произведение искусства и так и сяк, восхитился рисунком и формой, а потом поинтересовался:

– Почему из такого пьет сам граф? Таких кувшинов должно быть много.

– Много?! – толстяк от возмущения даже подался вперед. – Да Еартас сделал всего несколько таких для господина графа! Подобные этому стоят только на графском столе и нигде больше! Сделано по личному заказу! Ну, разве что еще у меня есть вот этот. Позаимствовал, когда представилась возможность.

Виктор внимательно выслушал сообщение, водя пальцем по выпуклостям рисунка. Его лицо стало задумчивым.

'Вот оно как, – голова работала четко и ясно, – кувшин значит. А что, в этом что-то есть. Думал, воспользуюсь кинжалом там или платком какого-нибудь барона, а тут целый граф с кувшином. Вовсе даже небанально. Интересно судьба складывается. Глупо было бы не воспользоваться такой возможностью. И поисками заниматься не надо. Экономия времени, так сказать'.

– Продай кувшин, Мират, – сказал Виктор. – Я хорошо заплачу.

Толстяк опешил от такого предложения и часто-часто заморгал запылившими жиром веками.

– Нет, Ролт, – произнес он после паузы. – Не могу. Я к нему привязан.

– Пять серебряных монет, – отчеканил Антипов.

– Нет, – Мират покачал головой.

– Десять!

– Нет.

– Он тебе нужен лишь для того, чтобы потешить свое тщеславие, а мне – для дела, – начал убеждать гончара Виктор.

– Для какого, Ролт? – в голосе хозяина звучал неподдельный интерес.

– Друг у меня в Парреане, – начал сочинять Антипов. – А у него – богатый родственник, покровитель. Так этот родственник собирает… гм… вот такие кувшины. И если я ему подарю один, то он ко мне благоволить станет. Улавливаешь?

– Улавливаю, – кивнул гончар, – но продать не могу. Понимаешь, Ролт, тут такое дело….

– Какое? – Виктор увидел, что хозяин замялся.

– Ну… когда я пью из этого кувшина, то представляю, что я

сам графских кровей… привык уже к этому. Ты извини. 'Не продаст, – подумал Антипов. – Нарциссизмом болеет'. Виктор поставил кувшин на стол и демонстративно посмотрел в окно.

– Ну, не продашь и ладно, – сказал он. – Давай-ка лучше выпьем. То, что на столе, мы скоро допьем, так что неси еще. Гончар развел руками:

– А больше ничего и нету. Жинка-то только это оставила.

– Неужели совсем нету? – артистично удивился Виктор. – А я-то думал выпить с хорошим человеком. Мы вот встретились после стольких лет, а теперь уже не знаю, когда доведется свидеться.

– Ну… не то, чтобы совсем нету, – начал отвечать хозяин, поморщившись, – есть кое-что. Соседи мне оставили два бочонка. До завтра. А завтра мы уже поедем.

– Да? Это же хорошо, Мират, – весьма натурально обрадовался Антипов. – Если ты не продаешь кувшин, то куплю у тебя бочонок. Согласен? Я не думаю, что соседи будут в обиде, если ты выручишь за него хорошую цену. Огонек интереса зажегся в глазах гончара.

– А зачем тебе бочонок, Ролт?

– Как же, Мират? Это я для тебя стараюсь. Мы с тобой его вместе и прикончим.

– Что, весь?!

– Ну, конечно, весь. Что там пить? Пустяки. Да и Зентел на ночь советует. Вино для здоровья полезно, говорят.

Ранним утром следующего дня развалина по имени Виктор выползла из гостеприимного дома. Его сильно качало, в голове поселились барабаны, в глазах – звездочки, в мыслях – путаница, зато в сумке покоился заветный кувшин. Когда хозяин дошел до невменяемого состояния, то все-таки согласился его продать. И что удивительно, наутро о сделке не забыл. Антипов жульничал в выпивке как мог, но все равно это явилось ударом по молодому организму сына лесоруба. Новобранец искренне надеялся, что идея с кувшином того стоила.

Дальнейший путь до Парреана прошел без происшествий. Виктор несколько раз останавливался в селах, чтобы полить свою больную голову холодной водой из колодцев и к вечеру, когда на горизонте показались серые стены города, почувствовал себя вполне сносно.

'Посмотрим, как пройдет первая фаза плана, мистер Фикс', – подумал Антипов, подъезжая к коричневым массивным воротам, открытым нараспашку. Виктор пока еще не видел ни одного рва вокруг крепостных стен. Он решил подробнее расспросить об этом Нурия, если выпадет такая возможность.

– Куда, откуда, кто таков? – выговорил привычные слова один

из бородатых стражников равнодушным тоном. Новобранец быстро отметил кожаные доспехи, шлемы и копья не очень хорошего качества. Впрочем, все это он видел еще во время визита в Парреан с бароном.

– Мират, дружинник его милости ан-Ральти. Прибыл к мастеру Пексте по поручению моего господина, – Антипов выдал заранее заготовленную версию, без стеснения использовав имя бывшего владельца кувшина.

– А, барон приказал тебе подучиться. Мало что умеешь? – стражник хохотнул, отчего черная длинная борода нелепо затряслась. Но Виктор уловил в тоне отголоски зависти. Похоже, что стражник был сам не прочь подучиться у хорошего мастера. Но для этого нужно, как минимум, перестать тратить деньги на женщин и выпивку, что выше сил некоторых особей. Остается завидовать тем, кто может справиться с собой.

– Мало что, – согласился Антипов. – Все время стоял на страже у ворот, так ничему и не научился.

Лицо бородача вытянулось. Он мрачно переглянулся с сослуживцами, хотел что-то сказать, резкое, судя по выражению глаз, но сдержался.

– Одна серебрушка и въезжай.

Виктору казалось, что это накладно, все-таки в прошлый раз барон заплатил за всех скопом, но он без возражений полез в кошель и достал требуемое.

Стражник буквально вырвал короткими и грязными заскорузлыми пальцами монету из руки воина, сунул какой-то кожаный жетон, а потом показательно отвернулся, словно приезжий перестал для него существовать.

Антипов посмотрел на свою ладонь. На потертой поверхности красноватой кожи были нацарапаны числа. Ему давалось пять дней. Потом, видимо, он должен был обновить жетон.

'Вот же мерзкая рожа, – подумал Виктор. – А если бы я не умел читать, то так бы ничего и не понял. Интересно, какой здесь штраф за просрочку? Или прямо в кутузку бросают? Да и вообще не помешало бы с местными правилами ознакомиться. А то влипну еще до того, как успею сделать главное'.

Новобранец проследовал по относительно знакомым улицам. Для начала он хотел найти место, где мог бы остановиться, и предполагал, что знакомый трактирщик, злостный разбавитель пива, поможет в этом.

Глава 24.

Парреан был забавным городом. В его архитектуре преобладали двух-трехэтажные строения, но материалы, из которых они были сделаны, различались в зависимости от районов. В центре, а также между центром и главными воротами, наблюдались почти исключительно каменные дома. Зато в остальных местах – деревянные. В последних жила беднота, да так, что в одном и том же небольшом доме нередко ютились двадцать, а то и больше семейств. Деревянные дома перестраивались, к ним добавлялись новые стены, домишки, имеющие вид сараев, но непременно со вторым этажом. Иногда первоначальный облик здания не угадывался вообще. Это все создавало невероятно комическое впечатление. Когда их узрел Виктор, то почему-то первое, что пришло ему на ум, – сравнение с коммунальными квартирами.

Антипов сумел устроиться довольно быстро. Постоялый двор, куда он попал по совету трактирщика, назывался 'Дворянский виноградник'. В нем традиционно останавливались виноделы среднего достатка и воины. Дворяне этим местом брезговали, но название вывески отражало честолюбивые мечты хозяина.

Когда Виктор сторговался с владельцем по поводу цены (серебряный в день), то оставил в небольшой комнате с окном часть пожитков, включая бесполезные копье и лук. И больше не стал там задерживаться ни на минуту. Его ждало главное дело.

План гостя города был прост. Он рассуждал так: жрецы знают о появлении нового бога и, судя по всему, отнюдь не рады этому. Им также известно, что у бога должен быть помощник, человек, на которого он опирается. По какой-то причине приспешники Зентела избрали своей целью ан-Орреанта, обвиняя его в пособничестве пришельцу. Причина неважна, важен факт. И что случится, если вдруг выяснится, что барон ни при чем? Виктор подозревал, что это кое-кого сильно разочарует. Но как доказать, что барон ни при чем? Очевидно, что нужно просто предъявить им настоящего 'преступника'. И сделать это желательно подальше от баронства.

Конечно, Антипов не собирался отдавать себя в руки местного правосудия. У него были другие мысли на этот счет. Можно ведь обозначить свое присутствие, не сдаваясь. Что для этого нужно? Лишь наглость и воображение. И то и другое имелось в избытке.

Виктор решил написать послание жрецам Зентела. И сделать это не на бумаге (письмо выглядело несерьезно, тем более, не

указывало на местоположение отправителя), а подойти масштабно, чтобы напугать, разозлить и показать собственную значимость. Иными словами, заставить немедленно действовать. Так, чтобы жрецам стало совсем не до ан-Орреанта.

Понятно, что идеальная цель для послания – храм Зентела в Парреане. Именно там необходимо увековечить свои письмена. Тогда нужный эффект будет достигнут. Не на заборе ведь писать, в самом деле?

Антипов уточнил направление у хозяина постоялого двора и выехал. Теперь он был верхом и ему не приходилось судорожно озираться по сторонам, опасаясь, что какой-нибудь безумный всадник собьет его. Виктор двигался по городским булыжникам, покачиваясь в такт цокоту копыт.

Он проехал многолюдную Графскую площадь, посередине которой росло одно-единственное дерево, повернул на улицу Менял, где находилось множество лавок, и, как и предсказывал хозяин постоялого двора, вскоре очутился перед храмом Зентела, а точнее, целым храмовым комплексом.

За двухметровой каменной стеной располагались несколько зданий. Одно из них, несомненно, являлось храмом, зато другие, высокие и низкие, были либо подсобными помещениями, либо предназначались для проживания жрецов и служек.

Антипов с некоторой опаской въехал в ворота, но стражники не обратили на него никакого внимания. До заката пускали всех. Виктор проследовал по прямой дороге и вскоре спешился у коновязи. Там уже стояло несколько лошадей и гость города решил, что оставить верного Буцефала без присмотра будет безопасно. В самом деле, ведь стража кругом.

Воины, охраняющие храм, в бело-зеленых накидках ходили парами. За короткий путь от ворот до коновязи Виктор заметил четверых. Двое пошли в одну сторону, а еще двое – в другую. Похоже, что храм был под надежным контролем. И это совсем не понравилось Антипову.

'Так-с, господин Вийон, это вам не стишки кропать, – подумал визитер, – тут нужно обратиться к вашему второму я. Как слышал, вы тесно вращались в уголовном мире. Жаль, что не могу похвастаться таким же опытом. Но посмотрим. Деваться-то некуда, за этим и приехал'.

Виктор подошел к храму совсем близко, чтобы убедиться, что сооружение построено почти что в древнегреческом стиле. Вокруг прямоугольного здания шли ряды белых колонн. Они стояли на основе, покрытой зеленой плиткой. Такой же зеленой была и крыша. С точки зрения Антипова, наблюдалось лишь одно отличие от древнегреческого дизайна, но весьма существенное, –

на крыше находились шесть небольших круглых и белых башенок без окон.

Посетитель смело направился ко входу, но был остановлен невысоким пожилым человеком в жреческих одеяниях.

– Внутрь с оружием нельзя, – серые глаза равнодушно скользнули по невежественному воину. – Можешь вон туда сложить. Потом заберешь.

Виктор не стал спорить, а подойдя к небольшой площадке, разгрузился, оставив на ней меч и топорик. Щит был приторочен к седлу лошади. Сторож даже не повернул головы, видимо, был уверен, что его распоряжение будет беспрекословно исполнено.

Антипов поднялся по трем невысоким каменным ступенькам, прошел мимо колонн и оказался внутри помещения. Кроме него там было еще несколько человек, но, в отличие от них, Виктор не стал сразу же 'пялиться' на статую Зентела, установленную в центре, а обращал внимание на детали. Так, например, он отметил, что деревянные двери храма довольно прочны и держатся на мощных железных петлях. Левая створка запирается на засов, для которого предусмотрена выемка в полу, а в правую вделан замок. Печальное наблюдение. Антипов не был великим специалистом по замкам.

Он прошел еще немного вперед и оказался перед большой, примерно в четыре метра в высоту, белой статуей Зентела. Бог держал в одной руке виноградную кисть, а в другой – кувшин. Виктор даже залюбовался его совершенным лицом, видимо, скульптор был очень талантливым.

'Красиво сделано, – подумал посетитель, – мне до такого мастерства далеко, но тем не менее…. Нос слишком прямой, без изъяна, бороды нет. Разве это хорошо? Настоящая красота должна быть немного ущербна. Но ничего, если все получится, то это мы подправим. Мое сердце настоящего художника кровью обливается, видя, что можно сделать лучше'.

Антипов быстро огляделся вокруг. Некоторые посетители были на коленях и молились, а другие стояли, кто у алтаря, кто у статуи. Впрочем, несколько человек чинно сидели на мягких скамьях, расположенных вдоль стен. Алтарь, расположенный почему-то за статуей, представлял из себя мраморное возвышение, сияющее белизной. Рядом с ним на специальных подставках располагались плошки с горящим маслом. В помещении царил запах благовоний.

Кто-то в белой мантии мелькнул неподалеку и Виктор тихим голосом задал вопрос:

– Господин, я это… хочу пожертвовать… где можно?

То ли жрец то ли служка, совершенно лысый, внимательно

посмотрел на воина, мгновенно пришел к выводу, что от него крупных пожертвований ожидать не приходится и сказал:

– Вон там сосуд, солдат.

– Благодарю, – Антипов набожно поклонился статуи и алтарю и двинулся в указанном направлении.

Там стояла большая синяя амфора с вызывающей надписью: 'Искупление грехов начинается отсюда'. Виктор заглянул внутрь, заметил тусклый блеск монет, а потом демонстративно достал из кошеля серебро и, держа руку высоко над горлышком (чтобы все видели, что он бросает), отпустил монетку. Серебрушка сверкнула напоследок гранью и скрылась в темноте. 'Теперь ты мой должник, Зентел', – мысленно подытожил Антипов.

Он снова огляделся. Видимо, воин в храме представлял из себя привычное зрелище, поэтому никто не обращал на него внимания. Зато Виктор тщательно осмотрел стеклянные витражи, нижний край которых был расположен примерно в трех метрах над полом.

'Окна есть, а нормальных рам нет. Не открываются, – с печалью подумал посетитель. – А если разбить, то на звук сбежится вся стража. Жаль'.

Антипов еще немного походил туда-сюда, не заметил ничего интересного и вышел, разочарованный. Ситуация была скверной. Он уже знал, что сразу после заката двери храма запираются. У них не стоит стража – это плюс, но зато очень часто расхаживает вокруг, и двери, похоже, хорошо освещены – это минус. Окна же расположены в тени колонн, это хорошо. Но не открываются, а если и открываются, но с очень громким звоном – это плохо. Виктор не был 'медвежатником', но предполагал, что в храм можно попасть только двумя способами: через дверь или через окно. Невозможно, немыслимо! Новобранец не был бы удивлен, если бы узнал, что представители местного преступного мира даже не пытались поживиться церковной утварью.

Между тем, Антипов очень хотел оказать почести Зентелу наедине. Просто всей душой стремился к этому. Потому что иначе нельзя. За спиной замок. И по поводу грядущей осады богу виноделия следовало сказать отдельное спасибо.

Виктор нетерпеливо покусывал губы, перебирая один вариант за другим. Он еще ни к кому не стремился на ночное свидание с таким пылом, как к статуе Зентела. Конечно, можно было бы затаиться в храме, чтобы выползти из укрытия после заката, но проблема в том, что там совершенно негде спрятаться. Все отлично просматривается.

Визитер решил изучить другие здания комплекса. Солнце уже клонилось к закату, поэтому он торопился, опасаясь, что стража

его прогонит. Виктор подобрал свое оружие, бросил оценивающий взгляд на коновязь и пошел вдоль колонн храма. Судя по тому, что его никто не остановил, подобные прогулки разрешались. Что неудивительно, храм – место публичное, как и баня.

Проходя мимо очередной стражи, Антипов заметил, что на поясе одного из охранников висел горн. Очень здраво – если что, можно быстро и эффективно подать сигнал тревоги.

Виктор не стал подходить к другим зданиям близко, чтобы не вызывать подозрений, но отметил, что несколько окон в одном из них открыты. Все, что ему удалось разглядеть, были ряды спинок стульев. То ли столовая, то ли зал заседаний. Открытые окна – хорошо, конечно, но какой прок от них, если они принадлежат столовой? Воина интересовал храм.

Когда посетитель обошел пару раз вокруг обители статуи и алтаря, раздался протяжный звук колокола. Храм закрывался от посетителей. Антипов не торопясь направился к лошади. А потом стал медленно отвязывать ее, наблюдая за происходящим.

В храм через единственные двери начали заходить служки, они что-то делали внутри, но вскоре все вышли, а последний запер дверь на замок. Потом зажег два факела перед дверью и отправился в сторону серого трехэтажного здания, в котором находились то ли столовая, то ли зал заседаний.

– Проваливай, парень! – раздался за спиной недоброжелательный голос. Виктор обернулся и заметил двух стражников, сжимающих в руках копья.

– Ухожу, ухожу, – успокоительно заметил он, быстро взгромоздился на лошадь и отбыл, нисколько не сомневаясь, что ворота тоже вскоре закроются.

Антипов отправился на постоялый двор, отдал лошадь конюху, а сам поднялся к себе. Молодой воин был безутешен. Ему казалось, что в храм не попасть, а на ограде рисовать не хотелось. Он ведь не мальчишка какой, а серьезный человек, начинающий осквернитель святынь. Конечно, в крайнем случае, можно и на ограде что-нибудь изобразить, но тогда все поймут, как он мелок. Нет, к делу нужно подойти основательно. К мелкому врагу отношение соответствующее.

Виктор напряженно думал и не видел выхода. Он обещал снять осаду и снимет ее, чего бы это не стоило. Антипов с удовольствием разнес бы храм вообще по камешкам, и его нисколько не мучила бы совесть. Потому что противник ведь не шутит. В замке и Кушарь и плотник и Нарп… да практически все знакомые.

Постоялец уселся на матрас, застеленный каким-то серым

тонким одеялом, обхватил руками голову и погрузился в размышления. Что делать? Храм или ограда? А если храм, то как? Похоже, что встреча наедине со статуей Зентела откладывается на неопределенный срок.

Неизвестно сколько времени Антипов просидел вот так. Он немного отвлекся, когда в дверь постучали.

– Входите, – пробормотал воин.

Двери распахнулись и в проеме показалась служанка, черноволосая особа средних лет, возможно, приходящаяся родственницей хозяину. Потому что в их чертах лица было что-то общее. Скорее всего, форма нижней челюсти, чуть выступающей вперед.

– Господин будет ужинать? – поинтересовалась женщина.

– Нет, не буду, – ответ казался резким, но Виктору это было безразлично.

– Как угодно. Хотя бы лампу зажгли. Масляная медная лампа стояла на табурете около стены.

– Обойдусь! Дверь захлопнулась. Антипов вернулся к прежнему занятию.

'Ну ладно, – думал он, – если с храмом не получается, испорчу хотя бы ограду. Жаль, конечно, очень жаль. Эффект будет не тот. Из-за храма все жрецы наверняка прибежали бы обратно в город, а ограда выглядит как мелкое хулиганство'.

Посидев еще немного, Виктор решил все-таки зажечь лампу, потому что комната погрузилась в почти полную темноту. Только из окна проникал слабый свет от факелов, горящих во дворе. Что толку сидеть в потемках?

На табурете рядом с лампой лежало оборудование для зажигания. Огниво. Любопытная такая вещь, состоящая из железной палочки, кремня и сухой тряпки. Воин чиркнул палочкой по кремню, посыпался сноп искр и тряпка загорелась.

Минуту спустя, когда лампа освещала комнату, можно было горевать при свете. Но Виктор почему-то не стал возвращаться к своему занятию. Он задумчиво смотрел на масляную лампу и его губы медленно складывались в зловещую улыбку.

Следующим утром Антипов проснулся очень рано. Он позавтракал в трактирном зале на три медяка, стремительно собрался и отбыл. Путь новобранца лежал на рынок.

Парреанский базар открывался с первыми лучами солнца. Ему принадлежала огромная площадь на окраине города. Ее специально не занимали никакими строениями и даже больше – снесли несколько старых зданий, чтобы дать дополнительное место такому прибыльному занятию.

Рынок было нетрудно найти. Виктор обнаружил его, почти

даже не плутая. К глубокому сожалению воина, передвигаться по площади, уставленной торговыми рядами, верхом не представлялось возможным. Поэтому Антипов сдал лошадь на хранение стражнику у коновязи, что обошлось ему в медяк, и смело вклинился в толпу.

Молодого человека не интересовали ни фрукты, ни овощи, ни прочая снедь, но зато он, не торгуясь, купил две емкости с горючим маслом, а также черную краску и столь же черный плащ. Затем прошел мимо хозяйственных рядов, удержался от соблазна взглянуть на оружие и, после непродолжительных поисков, нашел то, что надо. Прилавок с музыкальными инструментами, а именно – с трубами. За этим прилавком стоял настоящий богатырь: коренастый человек с широченными плечами и руками-кувалдами, одетый в черный кожаный жилет на голое тело. Облик витязя довершал сплющенный нос и огромный шрам через поллица.

– Что остановился, солдат? – доброжелательно поинтересовался продавец, заметив колебания потенциального покупателя. – Что приглянулось-то?

– Это ты трубы продаешь? – недоверчиво спросил Виктор, с подозрением оглядывая могучего собеседника.

– Я. Кто же еще? – пробасил тот. – Мои трубы! Выбирать будешь?

Антипов подумал, что если вести речь о трубах, то в данном случае лучше подразумевать базуки, но вовремя остановил подобные ассоциации.

– Мне нужен горн, – сказал он. – Позвонче.

Богатырь задумался на несколько секунд, а потом схватил с прилавка небольшую медную трубу и протянул покупателю:

– Вот. Попробуй.

Виктор взял инструмент, поднес к губам и дунул. Ему приходилось играть и на духовых инструментах. Не часто, конечно, но основы он знал. По рынку разнесся гулкий вой, но люди даже не повернули головы. Наверное, привыкли к подобному.

– Нет, – сказал Антипов, качая головой. – Звонче надо.

– А ты разбираешься, – уважительно заметил продавец. – Ладно. Возьми вот эту.

Богатырь сунул руку куда-то под прилавок, пошарил там и извлек другую трубу, очень похожую на первую.

Покупатель дунул и в эту. Звук разнесся такой, что закладывало уши. Тон трубы был высок и прекрасен. На этот раз люди, стоящие неподалеку, не только повернулись, но и шарахнулись.

– Эта подойдет, – произнес Виктор. – Сколько?

– Тридцать серебром, – степенно сказал продавец.

– Сколько?!

– Тридцать.

– Да за такие деньги я вырежу свистелку из дерева и она будет звучать точно так же!

– А ты умеешь? – удивился богатырь.

– Умею, умею. Пять!

– Что?! Пять?! Да за пять ты только со свистелкой и будешь ходить! Двадцать восемь.

– За двадцать восемь я не буду ходить со свистелкой, а буду с ней ездить в красивой карете, которую куплю на сэкономленные деньги. Шесть!

Прошло довольно много времени, прежде чем цена в одиннадцать серебряных монет устроила обоих. Но все равно Виктор был очень огорчен тем, как быстро тают деньги, заработанные непосильным ратным трудом.

– Слушай, – сказал Антипов, уже собираясь уходить. – А ничего, если я проверю сейчас, как звучит сигнал тревоги нашего замка? Сюда стража с перепугу не сбежится?

-А у вас какой? – поинтересовался богатырь, слегка разочарованный сделкой.

– Вот такой. Ту-туу-ту, – промычал покупатель.

– Не надо трубить. У нас такой же.

– Что, везде? Даже у охраны жрецов?

– Везде.

– Ну, спасибо, – Виктор отбыл, получив всю нужную информацию.

Аренеперт, главный жрец Зентела в Парреане, неплохо перенес путешествие. Он даже нашел в нем некоторую приятность. Граф, мечтающий о поддержке жрецов для борьбы с соседом, дал войско без лишних вопросов. В распоряжении Аренеперта оказалось девять сотен: триста человек собственной храмовой стражи и шестьсот графских воинов. Магов же было двадцать четыре – большое количество. Восемь от графа, а остальные – сар-стража.

Главный жрец путешествовал в карете с комфортом. Он сидел на мягких зеленых подушках, подобранных специально под цвет обивки. Его сопровождали несколько доверенных лиц, чтобы развлекать беседой. Аренеперт не любил отказывать себе ни в чем, даже во время похода.

К замку ан-Орреант прибыли к вечеру. Огромное количество телег, осадных орудий, воинов и обозных требовало организации. Поэтому сразу никакого штурма не было, просто начали

разбивать лагерь, и выслали к барону переговорщиков, обещая справедливый суд. Переговорщиков противник вытолкал взашей, впрочем, этого следовало ожидать. Жрец явился ведь за головой барона, это ясно всем.

В центре лагеря установили просторную серую палатку для Аренеперта. Все-таки посвященный пятой ступени – очень серьезная должность. Еще немного и он будет иметь право на то, чтобы стать магом. Не просто магом по рождению, а милостью бога. Большая разница! Рядом с этой палаткой – еще одну, для штаба. Один из графских сотников, осторожный человек, предложил обнести лагерь оградой на случай нападения арнепов, но главный жрец лишь слегка усмехнулся и оставил предложение без внимания.

Когда лагерь устроился, уже совсем стемнело, но графские командиры посоветовали провести пробную атаку. Были подготовлены несколько лестниц, но их едва успели приставить к стене, как они лихо запылали. Штурмовой отряд тут же отошел, потеряв несколько человек от стрел. Аренеперт философски пожал плечами и приказал готовить требушеты к завтрашнему дню.

Ночью враг предпринял неожиданную вылазку – несколько всадников выскочили из ворот и нанесли ущерб численности часовых, а потом так же быстро скрылись. Конечно, это оказало раздражающее действие на осаждающих, но все равно явилось каплей в море. Когда требушеты будут готовы, начнется серьезное действо.

Поэтому Аренеперт проснулся с чувством радостного предвкушения. Ему очень хотелось не пропустить интересное зрелище пожара. Он умылся, омыл руки, слегка подзакусил фруктами и был уже готов выйти наружу, как двери палатки всколыхнулись и в них буквально ввалился Укреа, посвященный второй ступени, еще молодой человек с короткой стрижкой и по-юношески круглыми щеками. Его мантия, когда-то белая, была покрыта толстым слоем пыли. Он сам тяжело дышал и водил из стороны в сторону безумными округлившимися глазами.

– Что такое, Укреа? Почему вы здесь?! – Аренеперт так удивился внезапному появлению подчиненного, что выронил из руки огрызок яблока. К счастью, тот упал не на пол, а на белый столик, стоящий перед жрецом.

– Беда, ваша благость! Беда! – мужчина с трудом сфокусировал глаза на начальстве и простер руки вперед. – Ужасно! Как это все ужасно, ваша благость!

Его руки дрожали. То ли по причине длительной верховой езды, то ли вследствие сильного волнения.

– Что за беда? Что случилось? – Аренеперт совсем не ожидал такого напора. – Ты вообще как здесь оказался?

– Скакал полночи и все утро, ваша благость! Кажется, загнал двух лошадей… не знаю….

– Укреа, каких еще лошадей? Что случилось-то? – главный жрец привстал из-за стола и поправил свой зеленый шарф.

– Беда! – гонец посмотрел на пол с таким видом, словно хотел немедленно рухнуть туда и больше никогда не вставать. – Мы нашли, нашли его!

– Кого? Да говори ты толком! – жрец ничего не понимал.

– Нашли… Посредника! Его!

– Как?! – изумленно выдохнул Аренеперт. – Настоящего?!

– Да, ваша благость, да! – гонец едва не рыдал. – Настоящего! О, ужас!

– Что? Почему ужас?! Это же радость! Где он?!

– Не знаю, ох, не знаю….

– Укреа, да что с вами? Придите в себя! Где Посредник, я вас спрашиваю!

– Нет… нет его… ушел, убежал, пропал….

– Как пропал?! А где вы его видели?

– В храме.

– В храме?!

– Мы не видели, ваша благость, просто он был там, – мужчина теперь уже почти стонал.

– Как был? А вы где были?

– Нас не было…. Аренеперт плюхнулся обратно на стул:

– Да объясните, объясните наконец!

Укреа тяжело задышал и зашарил руками по груди. Казалось, что просторная мантия мешает ему. Но потом сделал над собой усилие и изрек нечто связное:

– Он пришел ночью, ваша благость, как только стемнело. Один или с сообщниками, мы не знаем. Пришел, залез в храм и… осквернил его! О, ужас!

– Осквернил? Как?! – теперь уже и жрец пришел в небывалое волнение.

– Он… они залили все черной краской. И алтарь и даже статую.

– Статую?!

– Да, ваша благость. Разбитый кувшин, в котором была краска, мы нашли там же. О, ужас! Это ведь еще не все….

– Не все?

– На постаменте статуи нашего милостливого господина какой-то негодяй написал 'Зентел, надо делиться, ешкин кот'.

Жрец сильно побледнел. Он не знал, что такое 'ешкин кот', но

подозревал, что это либо молитва, либо проклятие. Но даже без этого сам призыв делиться ввергнет господина в ярость. И тогда достанется всем!

– Это все? – спросил Аренеперт слабым голосом.

– Нет, ваша благость. Мерзавцы испортили и саму статую. Они пририсовали нашему господину бороду и усы.

– Тоже черной краской? – после секундного раздумья уточнил жрец. С его точки зрения, это был, конечно, грех, но не такой большой, как совет делиться.

– Да! И сделали еще кое-что….

– Что?

Посланник замялся. По его лицу было видно, что он пытается найти нужные слова и не находит их.

– Дело в том, ваша благость, что этот Посредник, похоже, очень плохой художник, – наконец начал отвечать Укреа.

– Плохой художник? – эхом отозвался Аренеперт.

– Да, очень плохой. Он оставил рисунки на стенах. Но они настолько низкого качества, что никто бы и не понял, что они означают.

– Но вы-то поняли? – последовал закономерный вопрос.

– Да, ваша благость. Но лишь по той причине, что он подписал их, чтобы все было ясно.

– И что там, на этих рисунках? – поинтересовался жрец все более затухающим голосом.

– Вы, ваша благость. А еще Его благочестие!

– Верховный жрец?!

– Да.

– И как он нас нарисовал?

– Вместе.

– Вместе?

– Да, вместе… вместе, ваша благость… в том самом смысле….

– Он подписал сверху рисунков наши имена?

– Не только имена… а еще и действия. Он ведь очень плохой художник, ваша благость. Аренеперт рванул за ворот мантии, зеленый шарф отлетел в сторону.

– Но как?! – вскричал он. – Как этот мерзавец проник в храм?! Там же охрана!

– Через окно, ваша благость.

– Разбил окно? Но почему никто не услышал?

– Был пожар в соседнем здании, там, где зал.

– Как пожар?

– Оно сгорело дотла, ваша благость, мы ничего не смогли сделать. Похоже, что этот мерзавец поджег его с помощью масла.

– Поджег?! Но ведь если разбить стекло в храме, это все равно слышно! Там же огромные витражи!

– Ваша благость, постоянно бил колокол и еще звучали горны. Стража играла тревогу. Посредник, видимо, подождал очередной сигнал трубы поблизости и в этот самый момент разбил окно. Никто ничего не услышал.

Аренеперт схватился за голову и начал рвать на себе волосы. Внезапно очень важная мысль озарила его. Он вскинул подбородок и в упор посмотрел на гонца:

– А откуда вы узнали, что это сделал Посредник?! Откуда? Вдруг кто-то другой?! Просто какой-то негодяй? Обычный негодяй!

– Он написал имя нового бога, ваша благость. Это был акт служения, – со вздохом ответил Укреа.

– Акт служения?! – жрец подпрыгнул на месте. – Имя! Какое имя?! Что же ты молчал?! Это же важно! У нас будет хоть что-то! Назови мне имя!

– Запямятовал, ваша благость, – гонец порылся в глубинах мантии и извлек оттуда клочок бумаги. – Перенервничал и запямятовал. Вот, я записал.

– Читай!

– А… л…, – начал Укреа, заикаясь – л-ло. Потом остановился, набрал полную грудь воздуха, сосредоточился и выпалил:

– Локи!

– Как?

– Локи, ваша благость. Так Посредник и написал. Вот, дословно 'Да здравствует Локи, великий бог вреда и обмана, мой покровитель'.

Жреца моментально прошиб пот. Надо же, к ним пожаловал бог-пакостник со странным именем. Такого, наверное, еще не было. Нужно срочно уведомить Его благочестие и господина! Хотя, наверное, они уже в курсе. Подобные новости разносятся быстро.

– А вы распорядились никого не выпускать из города? – с тревогой поинтересовался Аренеперт. Еще не хватало, чтобы Посредник ускользнул.

– Все ворота заперты, ваша благость, и с ночи не открывались, – отрапортовал Укреа. На его простоватом лице отразилось небольшое облегчение. Если они поймают наглеца, то начальство смилостливится. – Нуараа распорядился запечатать город до вашего возвращения.

– Это правильно, – кивнул жрец.

Внезапно двери в палатку колыхнулись и за ними раздался зычный голос Винста, одного из сотников.

– Ваша благость, – закричал он, – почти все готово. Мы можем начать штурм еще до полудня!

Аренеперт криво усмехнулся. Если бы он не вырос в хорошей воспитанной семье, то сейчас бы разразился площадной бранью. Какой, к демонам, штурм! Главный жрец хорошо понимал, что случится вскоре. И Его благочестие и господина будет интересовать один-единственный вопрос: если Посредник находится в Парреане, то что человек, ответственный за его поимку, делает в захолустье, рядом с замком какого-то жалкого барона?

Глава 25.

В Парреане росло мало травы, поэтому утренняя роса оседала бесконтрольно и где угодно. На стеклах богатых особняков, медных ободках ведер, наконечниках копий, даже на шлемах дремавших стражников. Росе сопутствовал запах, непередаваемый аромат города, который уже не спит, но еще толком не проснулся. Ночной прохладный ветер пытался разогнать человеческие запахи, заменить их сухим воздухом полей или влажным и терпким леса, но рассвет неизменно показывал, насколько напрасны эти старания.

Виктор не обращал особого внимания ни на росу, ни на городской аромат, усиливающийся по мере пробуждения жителей. Он очень торопился, пытаясь прийти первым к своему новому учителю фехтования, Пексте. Сегодня должно было состояться первое занятие.

Антипов ехал не с легким сердцем, а очень волновался по поводу произошедшего в храме Зентела. Нет, со стороны Ареса недовольства не ожидалось. Бог войны во время последней встречи заявил однозначно:

'Я не могу и не хочу контролировать все сферы. Любовь, мудрость, торговля, глупые шутки – это все вне моей компетенции. У меня нет никакого желания запрещать тебе любить или развлекаться. Главное – придерживайся плана. Стань хорошим воином, а то сейчас твой уровень все еще столь низок, что я не советовал бы принимать участие в серьезных сражениях. Хочешь сбежать от осады? Беги. От тебя пока что никакого толка не будет. В бегстве от неминуемого поражения нет ничего позорного, я тоже, бывало, бе… отступал. Даже считаю, что тебе лучше попробовать себя в турнирах. Кое-что закономерно проиграешь, кое-что случайно выиграешь, хорошо для начала. И учись. Учись!'

'А разве бог не чувствует обиды, если его последователь хотя бы в шутку обращается к другому богу?' – интересовался Виктор.

'Ты совсем не понял, что я сказал, – ответил Арес. – У богов могут быть какие угодно отношения между собой, плохие или очень плохие, но разделение по сферам деятельности – это незыблемая часть гармонии мироздания. Я не запрещал и не мог запрещать своим жрецам обращаться, например, к богине любви в поисках ее милости. Каждый из моих людей имел право поклоняться кому угодно в мирное время, но сражения – это моя вотчина! Все, что с ними связано, – мое! А остальное меня не интересует'.

'Но здесь ведь не так, – справедливо возразил Антипов. – В этом мире боги ревнуют своих верующих к другим богам, они даже четко разделились по территориям!'

'То, что здесь происходит, загадка для меня самого, – сообщил Арес. – Может быть что-то прояснится, когда я сумею проникнуть на местный Олимп. А пока что не знаю. Это выглядит странно'.

С последним утверждением Виктор был полностью согласен. Конечно, он не жил в Древней Греции, но все же ему казалось, что должно быть как-то иначе. Не столь агрессивно и непримиримо. Поэтому причина волнения Антипова крылась вовсе не в Аресе, а в местных жрецах. Ему казалось, что он недостаточно замел следы. Конечно, идея с кувшином была хороша, теперь после небольшого расследования подозрения в первую очередь падут на графа или его челядь, но ведь есть ниточки, за которые можно потянуть и выйти на сына лесоруба. Во-первых, продавцы масла и краски, а во-вторых, хозяин постоялого двора и трактирщик. Если последних опросить и сопоставить показания, то выяснится, что щедрый молодой воин имеет два разных имени и служит двум баронам. Однако Виктору хотелось верить, что до этого не дойдет. Хозяин постоялого двора и трактирщик плохо знали друг друга, с чего бы им болтать о нем, Ролте? Должно произойти нечто невероятно несчастливое, чтобы их показания легли рядом. Хорошо еще, что в свой первый визит к Пексте Антипов не назвался. Теперь он с легким сердцем мог считаться Миратом в местных фехтовальных кругах. А вот продавцы черной краски и масла – это уже серьезно. Осквернитель храма надеялся лишь на то, что еще не существует хороших следователей. Уверенность в этом была велика, но все равно не снимала тревогу полностью.

'Итак, господин Торквемада, – размышлял Виктор, – что они сделают со мной, если поймают? Принесут в жертву? Сожгут живьем? Сварят в кипящем масле? Или придумают что-нибудь эксклюзивное, специально для меня? Понимаю, конечно, что преступление и наказание изредка бывают взаимосвязаны, но я вообще-то на лобстера не похож'.

Иногда волнение Антипова усиливалось настолько, что он всерьез думал о немедленном возвращении к барону. Но здесь наблюдались трудности. Потому что ворота были заперты с той самой ночи, наполненной дымом, криками и сладостным ощущением небольшой мести. Парреан теперь можно покинуть, только имея специальное разрешение. Иными словами, всех пускали, но никого не выпускали.

С этими неспокойными размышлениями Виктор подъехал к знакомому светло-коричневому дому. В самый первый визит сюда

молодой человек не заметил въезд во дворик, зато сейчас проехал под небольшой аркой с правой стороны дома и оказался перед коновязью. Оставив здесь лошадь, Антипов распахнул широкую дверь, покрашенную в темно-зеленый цвет, и проник в тренировочный зал под открытым небом. Бывший студент уже знал, что в доме имеется и другое помещение для тренировок, под крышей. Но его, видимо, использовали лишь в плохую погоду.

Пекста, одетый в черные штаны и куртку, уже находился в зале. Он опустил деревянный меч, которым примеривался к бревну, висящему на веревках и посмотрел на вошедшего.

– А, это ты, – голос учителя был тих. – Ну-ка, иди сюда, посмотрим, на что ты способен.

Виктор вчера, после суетливой ночи, заплатил за пять занятий вперед, выторговав три серебряных монеты. Поэтому в этом дворике он находился по праву. А ничто так не укрепляет веру в себя, как обладание значительным имуществом или мало-мальскими правами.

– Бери свой щит и вот этот меч, – продолжал Пекста. – Готов?

Виктор кивнул и принял стойку 'борона'. Учитель оглядел его и одобрительно кивнул. А потом взял себе щит и другой тренировочный меч. Посмотрел немного на ученика, пружинисто покачиваясь на полусогнутых ногах, а затем внезапно приблизился и нанес прямой удар. Антипов парировал щитом, не задумываясь. Пекста отпрыгнул и после небольшого промедления провел серию атак. Виктор, руководствуясь наукой Нурия, старательно защищался.

Учитель снова отступил, взял в правую руку щит, а в левую меч, и пошел на сближение, пытаясь зацепить своим щитом край щита противника и 'поразить' правую руку ученика. Виктор тут же сделал шаг назад, закрылся и даже обозначил атаку сбоку.

– Хм, однако, – произнес учитель, оглядывая стоящего перед ним, – помню, что в самый первый раз ты мне говорил, что совсем ничего не умеешь. Соврал?

– Нет, господин Пекста, – Виктор с жаром отверг несправедливое предположение.

– А как тогда такое может быть?

– Научился.

– Научился? Этому? – на носатом лице учителя возникло неописуемое изумление. – За три-четыре недели? Занимался все дни напролет, что ли?

– Жить захочешь, еще не так раскорячишься, – пробурчал Виктор некстати вспомнившуюся цитату.

– Что? – не услышал собеседник.

– Ночей не спал, все тренировался, господин учитель! – громко и внятно доложил Антипов.

– Ну-ну. Ладно, проверим вот что, – Пекста отложил в сторону меч и взял короткое копье, стоящее в высокой корзине среди прочего инвентаря. Конец копья был обмотан тряпками.

– Этим владеешь? – поинтересовался учитель.

– Копьем в одной руке? Нет, – честно ответил Антипов. – Я и двумя руками с ним не справлюсь.

– Сейчас одноручное копье редко используется, – пояснил мастер, медленно выводя оружием круги. – А жаль. В среднем сочетание 'щит и копье' уступает щиту и мечу, но не на высших уровнях владения ими. Ты должен знать три правила, если вооружен копьем, неважно для одной или двух рук. Во-первых, никогда не выходи против щитоносца с мечом, если не знаком с его стилем. Во-вторых, рубящие удары копьем можно и нужно наносить, используй для этого широкое лезвие. Но только против копейщиков и воинов с двуручными топорами! Щитоносцев просто коли, если сможешь. В-третьих, никакой инициативы, просто используй ошибки противника. Помни эти правила не только, если копье в твоих руках, но если ты с мечом и щитом сражаешься против копейщика. Учись сразу же определять его опытность, иначе подколет как щенка, глазом не успеешь моргнуть. Защищайся!

Учитель мгновенно перешел в атаку. Виктор сосредоточился и, как ему показалось, отбил первый натиск. Но быстро выяснилось, что нет. Пекста закрутил копьем меч воина, а потом неожиданно поразил плечо, причем удар оказался продолжением вращения.

– Вот так-то, – сказал он. – Когда сражаешься с копейщиком, бойся этого. Вращение на два-три оборота и удар – основной прием. Ну ладно, с тобой все понятно уже. Знаешь основы работы со щитом и мечом, а больше ничего.

– Господин учитель, а вы, что, владеете всеми видами оружия? – поинтересовался Виктор.

– Всеми известными мне, – кивнул Пекста. – Какими-то лучше, какими-то хуже, но научить могу чему угодно. Если знаешь меч, двуручный топор, копье и цеп, то сможешь быстро освоить самое странное оружие.

– А никогда не встречали топора на длинном древке, которым можно колоть и цеплять? – Антипову не давала покоя мысль об алебарде.

– Нет, не встречал, но у меня есть нечто похожее. Пойдем, покажу тебе оружие. Думаю, что это входит в курс обучения. Или твой барон уже показывал? – учитель внимательно посмотрел на

подопечного.

– Ничего не знаю, ничего не видел, – Виктор был сам в восторге от своей откровенности.

– Следуй за мной.

Пекста развернулся и пошел в дом, демонстрируя гибкую и тренированную спину. Антипов побежал за ним, потому что шаги учителя были слишком уж широки.

Хозяин открыл входную дверь, свернул направо по коридору, облицованному черным деревом с узорами, распахнул еще одну дверь и приглашающим жестом показал ученику 'заходи'. Антипов смело проследовал внутрь, прошел пару шагов и остановился, пораженный. Вся немаленькая комната от пола до потолка была увешана оружием. Чего здесь только не было! Мечи самой разнообразной длины и формы, копья со странными наконечниками, железные щиты с непонятными выступами, топоры, ничуть не напоминающие орудия труда лесоруба…. Плотность висящих предметов была настолько высока, что светло-желтая стена местами полностью затенялась.

– Здесь висят все типы оружия, которые мне известны, – сказал Пекста, обводя рукой стены. – Еще мой прадед начал собирать эту коллекцию. К сожалению, не все предметы настоящие, а некоторые из них сделаны по подобию. Вот, например, это копье. Ты видишь, какой длинный и широкий наконечник? Им можно и колоть и рубить. Но железо, из которого оно сделано, плохое. Копья такого типа изготавливаются на севере из специального железа. Твердого и гибкого. У нас такого нет. 'Он о стали, кажется, говорит', – подумалось Виктору.

– А что, это специальное железо в рудниках добывают, господин учитель?

– А где же еще, парень? – удивился Пекста.

– Ну, может быть, его сделать самому можно? – прозвучал невинный вопрос.

Мастер с подозрением посмотрел на собеседника, но быстро расслабился. Ученик казался обычным баронским подданным, хоть и был выдающимся болтуном. Такой вряд ли будет задавать вопросы с какой-то задней мыслью.

– Понимаешь… Мират, да? Понимаешь, сделать возможно, но запрещено законом, к сожалению.

– Запрещено? – теперь и голос Виктора был полон удивления.

– Да. Все, что найдешь в рудниках или еще где, то твое. Но чтобы что-то сделать самому, требуется разрешение жрецов. Вот еще мой прадед, тот самый, который начал коллекцию, попытался с приятелем-кузнецом усовершенствовать железную руду для оружия. Добился кое-каких результатов, но когда об этом узнали

жрецы, то запретили категорически. Прадед отошел в сторону, а кузнец не послушался и вскоре пропал. С тех пор его не видели. И так во всем.

– Как во всем? – не понял Антипов.

Пекста вздохнул, выглянул в решетчатое окно и, не увидев других учеников, продолжил:

– Если ты придумал что-то новое, то обязан показать жрецам и получить разрешение на изготовление этого. Если разрешение дано, то продолжай. Не дано – ни-ни! Схватят и убьют.

'О, господин Галилей, тут, кажется душители прогресса собрались', – вывод был очевиден.

– А с этим… изобретением что случится, господин учитель? Заберут?

– Ну почему заберут? Оставят. Пользоваться можно тем, что есть, а повторять, копировать нельзя. Например, ты нашел такое вот копье, только настоящее, можешь оставить себе. Даже если кузнец, его выковавший, пропал бесследно, как и приятель моего прадеда.

– А если просто руду найти подходящую? – Виктор пытался понять логику странных законов.

– Тогда можно. Бери руду, плавь и делай копье. Но не вздумай руду изменять без разрешения!

'Изобретать нельзя, – догадался Антипов. – А все остальное можно. Вот маразм!'

– А маги, господин учитель? Разве они не могут сделать руду или даже доспехи лучше?

– Могут, Мират. Магам, как раз, этого никто не запрещает. Но желающих находится мало. Потому что почти никто из магов не знает, что и как нужно делать, а те, кто знает, не хотят тратить на это своего времени. Это же недели и месяцы работы над одним доспехом. Кто может это оплатить? Однако мы отвлеклись! Посмотри сюда. Видишь вот эту штуку? Это глефа. Похоже на копье, но вместо наконечника клинок. Может снабжаться и крючком.

Виктор воззрился на интересную вещь: к длинному древку было приделано легкое лезвие то ли топора, то ли чего-то типа этого.

– Оружие исключительно пехоты, с моей точки зрения, – продолжал учитель. – У нас не пользуется интересом, а вот западнее встречается часто. Там же есть и редкая разновидность для всадников, на которой режущая кромка не столь широка, а вот колющая часть очень хорошо сделана. Но это для одиночных наездников-умельцев. В строю лучше использовать обычные копья. То, о чем ты говорил, выглядит как глефа, должно быть.

– Да вроде тяжелее, – пробормотал Виктор.

– Что, лезвие массивнее? – заинтересовался Пекста. – Тогда это для очень мощных доспехов. Такие встречаются в единичных количествах. Нет смысла против них что-нибудь придумывать. За свою жизнь ты с такими и не столкнешься.

Вот в этом у Антипова были большие сомнения, но он благоразумно не стал их высказывать.

– Ты заплатил всего за пять занятий, – продолжал учитель, – поэтому я покажу тебе как можно больше, но по одному-два раза. Что запомнишь, то твое. Сначала ты освоишь правильную атаку с мечом. То, что я увидел, никуда не годится, хотя защита у тебя хороша. Потом поработаешь с копьем. Очень полезно для выживания и схваток с копейщиками. И старайся тренироваться как можно чаще. Найди себе напарника, лучше – из ветеранов. Позанимайся с ним, потом найди другого и так далее. Думаю, что в замке твоего барона таких много.

Виктору не дали толком рассмотреть коллекцию, потому что прибыли остальные ученики. Они собрались во дворе, наемники, мелкие дворяне, представители купеческого сословия, и Пекста с Антиповым вышли к ним. Из пестрой толпы человек в пятнадцать отделились два помощника наставника – приходящие работники, выполняющие универсальную вспомогательную роль: от уборки территории до спарринг-партнеров.

К собравшимся присоединился и Виктор. Он встал за каким-то торговцем и слышал, как тот шепотом рассказывает своему приятелю-наемнику о кошмарном происшествии с храмом Зентела.

– Мне все выложил друг мужа сестры одного из храмовых стражников, – с жарким энтузиазмом шептал купец, рыжеволосый парень в добротной красной куртке. – То, что говорят, неправда! На самом деле это вбесившаяся из-за пожара лошадь разгромила храм, а служка, который полез под купол, чтобы обновить краску, не срывался вниз с ведром сам по себе.

– Слабо верится, – в тон приятелю отвечал наемник, здоровый детина в коричневой накидке поверх кольчуги. – Поговаривают, что там на стенах были страшные письмена, призывы демонов! А лошадь ведь не умеет писать. Подозревают, страшно сказать, одного из младших жрецов!

– Глупости, – купец стоял на своем, – мне точно известно, что лошадь ворвалась в храм, сбила лестницу, служка упал прямо на статую и залил все краской. Потеки на стенах просто напоминали письмена.

– Это был осел, – заметил стоящий рядом дворянин с надменным лицом и в потертой одежде, – осел забежал в храм,

зацепился ногой за веревку, которую привязали к статуе, чтобы немного сдвинуть, и статуя рухнула прямо на главного жреца!

'Вот с этим трудно поспорить, – подумал Виктор. – Возможно, что это был действительно осел. Тоньше надо действовать, тоньше'.

– Мне сообщил сосед, что главный жрец вернулся в город этой ночью, – покачал головой наемник. – Он должен быть живым, разве что его труп сначала вывезли, а потом ввезли. К тому же, если это был осел, то кого же тогда ловят? Ворота до сих пор закрыты, храмовая стража так и шныряет повсюду. Кого ловят? Лошадь?

– Может быть это был уже и не главный жрец вовсе, – предположил купец, но тут же закрыл своей ладонью рот, испугавшись собственной догадки.

– Нерт, думаешь? – нахмурился дворянин. – А что, может быть….

– Я все понял. Точно! – громким шепотом зашипел торговец. – Нерт вселился в лошадь. Она опрокинула служку с краской, потом взяла в зубы кисть и написала, что с сегодняшнего дня поклоняется не Зентелу, а новому богу. Ой!

– Зентел велик, но все же не настолько, чтобы ему поклонялись и лошади, – с оттенком сомнения произнес дворянин. – Вот, думаю, что Неру могут поклоняться даже ослы. Отец богов, как-никак.

– Но кого же тогда ловят? – продолжал настаивать наемник.

Его резонный вопрос остался без ответа, потому что учитель наконец распределил задания. Виктор с усердием включился в тренировки, которые ему так дорого обошлись, стараясь забыть о беспокоящей его проблеме с расследованием недавнего происшествия.

Помещение было очень странным. Оно словно состояло из двух разных частей. С одной стороны находился осквернённый храм, чьи стены, замазанные на скорую руку, отнюдь не радовали глаз, а с другой стороны располагался фонтан с веселыми брызгами воды и беззаботными толстыми золотыми рыбками. Переход между двумя помещениями не был заметен, но никто из смертных не решился бы пройти через него.

Аренеперт стоял в храме, понурив голову. Его белоснежная мантия и широкий зеленый шарф являли собой идеальный порядок. Напротив главного жреца, на стороне фонтана, находились двое: седовласый мужчина в такой же белой мантии, только с узким зеленым шарфом, и юноша, одетый в легкомысленную золотистую тунику. Последний сидел на бортике и, не обращая внимания на двух жрецов, неторопливо

бросал в воду корм. Раскормленные рыбки столь же лениво подплывали, чтобы разинуть рот и заглотить угощение.

– Итак, Аренеперт, вы можете толком рассказать, как именно получилось, что вы не только проморгали Посредника, но и позволили ему принести храм нашего господина в жертву своему покровителю? Да еще в такой… гм… извращеннной форме, – голос Верховного жреца был наполнен тщательно отмеренным негодованием. Тут важно было не переборщить. Если возмущение будет невелико, то господин разгневается такой безответственностью, а если будет слишком велико, то господин вспомнит о том, что Ларант – тоже лицо, причастное к происходящему.

– Каюсь, Ваше благочестие, проморгали, – поза и жесты Аренеперта были наполнены горечью. – Искали со всем тщанием, но, как выяснилось, не там.

– А где? – строго спросил Ларант. – У какого-то барона? Почему у него, когда Посредник был под боком?

– Мы ведь не знали, Ваше благочестие, – голос жреца дрожал. – Все указывало на барона. Он самый сильный в округе, держится независимо, готовится разбогатеть и усилить свое влияние! К тому же, как исключить, что барон, узнав об осаде, послал своего человека в Парреан, чтобы отвлечь внимание? Нельзя исключить.

Юноша едва заметно качнул головой. Ларант чутко отреагировал на этот жест.

– Плохо, очень плохо, Аренеперт, – сказал он. – Я так рассчитывал, что такой опытный жрец, как вы, справится с заданием. Или хотя бы не позволит случиться тому, что случилось. Этот барон ведь наверняка был и сильным и независимым еще до появления Гостя. Если он так мешал, то просто написали бы доклад, я бы его рассмотрел и мы вместе приняли бы меры, руководствуясь волей нашего господина. Чтобы все было по закону!

Жрец, стоящий в разгромленном храме, тоже улавливал все нюансы происходящего, и они ему совсем не нравились. Аренеперт небезосновательно подозревал, что Ларант попытается свалить всю вину на него, выставить в черном свете, чтобы отвлечь от себя возможные упреки. Здесь нужно действовать тонко: показать, что он, Аренеперт, был в вообщем-то хорошим жрецом, подходящим для мирного служения, но никак не для экстренных ситуаций. Иными словами, церковная власть сделала верно, что назначила Аренеперта на эту должность, но текущее положение дел требует пересмотра давнего решения. У главного жреца Парреана были шансы сохранить жизнь, но навеки утратить пост и влияние.

– Даже если этот ваш барон в чем-то виноват, – продолжал Ларант, – то нужно в первую очередь ловить Посредника или связанных с ним лиц. Они ведь в городе до сих пор? Вы не упустили их?

Именно в этом вопросе заключалась жизнь Аренеперта. Пока есть шанс на поимку Посредника в Парреане, он точно будет жить. Осталось дело за малым – попробовать хотя бы временно сохранить должность.

– Ворота надежно заперты, Ваше благочестие. Я распорядился усилить их охрану Храмовой стражей. Мои люди сбиваются с ног, пытаясь выйти на след. Думаю, что в течение нескольких дней мы получим результат.

Юноша сделал легкий жест рукой, но Ларант не только его увидел, но и правильно интерпретировал.

– Какой план ваших действий, Аренеперт? – спросил он.

– Ваше благочестие, я приложу все усилия для того, чтобы негодяй был пойман. Ведь, рассуждая здраво, он оставил следы. Во-первых, кувшин, который, как мы установили, принадлежит графу. Мы опросим всю челядь графа, всех его родственников, и узнаем, когда именно пропал кувшин и кто имел к нему доступ. Во-вторых, если кувшин ничего не даст, то нам известно, что этот мерзавец наверняка посещал храм недавно, чтобы убедиться, что ничего не изменилось, ничто не мешает его гнусным планам. К тому же, он использовал масло и краску. Предполагаю опросить всех храмовых стражников и торговцев, а потом сопоставить полученные словестные портреты. Шансы на то, что Посредник в городе недавно, конечно, слабы, но все же есть. А если так, то добудем его описание через торговцев. А потом просеем все постоялые дворы. Перевернем каждый камень, но найдем негодяя!

Юноша слегка кивнул. Лицо у Ларанта вытянулось, но он справился с чувством внезапно вспыхнувшей зависти к стройному плану его подчиненного.

– Действуйте, Аренеперт, – сказал Верховный жрец. – Я распоряжусь выслать крупный отряд вам в помощь.

Глава 26.

От развалин почти что ничего не осталось. Только холм и несколько белых камней, скрытых в высокой желто-зеленой траве. Когда-то здесь находилась крепость, но это было так давно, что память о ней не дошла до нынешнего поколения людей. Развалины располагались совсем недалеко от древнего Парреана, но вдали от мало-мальски значимого тракта, поэтому только крестьяне ходили мимо этого места.

Кеаль чувствовал себя очень странно. Его ощущения были сравнимы с переживаниями человека, который очнулся от летаргического сна, и обнаружил, что все вокруг изменилось по сравнению с последними воспоминаниями. Но человек мог бы предположить, что его просто перенесли в другое место, однако Кеаль точно знал – он находится там, где принял свой последний бой. В тылу врага. Мысль о том, что от крепости противника ничего не осталось, была приятной, но остальное удивляло.

Вообще же, то, что Кеаль выполнял роль диверсанта, являлось совершенно нормальным для всех, знавших его. Он был весьма посредственный боец, но зато первостатейный шпион, вредитель и вдохновитель саботажей и бунтов. Ему, великолепному обманщику, удалось даже обвести вокруг пальца врагов насчет своей смерти. Но обман получился настолько качественным, что от этой самой смерти был почти неотличим на протяжении долгого времени.

Сейчас Кеаль пытался собраться с мыслями. Воспоминания возвращались медленно, но недостатка сил пока что не наблюдалось. Впрочем, причины последнего выяснились довольно быстро. Кеаль, как и многие, подобные ему, получал полную информацию обо всех поступлениях энергии. И теперь недоумевал, пытаясь понять две вещи. Во-первых, что случилось с тем местом, где раньше стоял его прекрасный и асимметричный храм в Парреане с падающей крышей и замаскированными фонтанами, обливающими зазевавшихся посетителей. А во-вторых, кто и зачем ему присвоил там новое и весьма необычное имя. Последнее его интересовало очень сильно, потому что Кеаль не мог ни на секунду допустить, что люди забыли о том, кого уважительно называли Злым Весельчаком.

Ранним утром, когда городской рынок только открылся, на него, кроме суетящихся торговцев и их помощников, заявился и Виктор, одетый весьма живописно. Он был замотан в длинный черный плащ, а на его голове красовалась островерхняя шляпа темно-красного цвета, какие обычно использовали небогатые

купцы и подмастерья, рассчитывающие на повышение.

Антипов шел сквозь ряды, на которые только начинал выкладываться товар, и внимательно смотрел по сторонам. Его интересовали не глиняные горшки, корзины или неведомые приправы, даже не оружие и доспехи, а люди. Точнее, один человек. Виктору не нужен был абы кто. Он предъявлял к этой личности строго определенные требования. Поэтому молодой воин, в котором сейчас было невозможно узнать баронского дружинника, не торопился. Он медленно двигался вдоль торговцев и вглядывался в их лица.

'Нет, господин Добчинский, этот красномордый не подходит, и вон тот высокий тоже, а этот в синем колпаке… нет, не то. Кто же тогда? – Антипов усиленно размышлял над проблемой. – Та женщина в зеленом платье? Мужчина в рукавицах? Женщина в… стоп! Какой образчик! Просто классика!'

Перед Виктором стояла торговка льняной пряжей, дородная мадам лет тридцати в красном сарафане и белом чепце. Ее лицо с толстыми щеками, острым носом и бегающими глазками создавали ровно такое впечатление, на которое надеялся Антипов. 'Если это не она, то я ничего не понимаю в людях', – подумал Виктор.

Ему не удалось приблизиться незамеченным – внимательный взгляд торговки, казалось, наблюдал за всем происходящим, не оставляя без присмотра и прилавок.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался Антипов, – почем нынче пряжа?

– А ты, что, купить хочешь? – мгновенно отозвалась женщина. – Эта по два медяка, а та – по три. Толстый и короткий палец продавщицы указывал на товар.

– Может быть и куплю, – ответил Виктор, – я ведь тоже человек торговый. Куплю там, продам здесь… приценится нужно, походить по рынку.

– Ну, походи, походи, но помни – лучше моей пряжи нет, – тон, которым это было сказано, просто заставлял немедленно поверить в изреченную простую истину, бросить все и скупить весь товар, не торгуясь.

– А что, тут у вас спокойно все? – Антипов сделал неопределенный жест рукой, не поддавшись на провокацию, потому что пряжа ему была вовсе не нужна.

– А что должно быть неспокойно? – с моментально вспыхнувшим интересом осведомилась женщина. Ее глаза аж заблестели в предвкушении новостей. 'Не ошибся', – с удовлетворением подумал Виктор.

– Ну, торговцы маслом и краской еще на месте? –

поинтересовался собеседник подчеркнуто равнодушным тоном. – А то по лавкам уже того… прошлись.

– Кто прошелся? – прерывистым голосом спросила торговка, теперь для нее не существовало ничего, кроме странного покупателя и его новостей. Она буквально пожирала мужчину глазами.

– Да жрецы, кто же еще, – слегка пожал плечами Виктор. – Ну ладно, некогда мне. Пойду на пряжу смотреть.

– А что жрецы делают-то? – цепкие пальцы схватили собеседника за рукав.

– Как что? Ловят торговцев маслом и краской. Подозревают, что все они замешаны в происшествии с храмом. Забирают к себе и… того. Больше их никто не видел, – здесь Антипов говорил почти правду. Опасаясь быть опознанным, он наладил приятельские и доверительные отношения с одним из лавочников, который продавал и масло и краску. Молодой воин рассудил, что в первую очередь придут к таким с целью выяснить, не было ли странных покупателей, которые приобрели и то и другое. Действительно, лавочника уже опросили и пообещали, что допросят еще раз как следует.

Пальцы отпустили плащ и Антипов немедленно воспользовался предоставленной возможностью скрыться. Тем более, что внимание торговки рассеялось. Она уже не смотрела на мужчину, а судорожно озиралась по сторонам, словно ища кого-то или что-то решая.

Виктор поспешил убраться, но отошел совсем недалеко. Он притаился за дальними рядами, наблюдая за развитием событий. Если бы кто-нибудь ему сказал раньше о том, что он станет свидетелем самой динамики распространения слухов, то Антипов бы не поверил. Но именно сейчас ему удалось лицезреть невероятное. Торговка пряжей метнулась к одной из товарок, затем – к другой, к третьей, подскочила к какому-то мужику и, яростно жестикулируя, что-то говорила с выражением неописуемого упоения на лице. Ее товарки не захотели ощущать себя в числе отстающих, а тут же включились в процесс, принявшись наверстывать упущенное. Они перебегали от одного торговца к другому, те тоже не оставались в долгу и вскоре Виктор увидел, как один продавец краски начал сматывать манатки. Его примеру после кратковременного колебания последовали некоторые другие. Постепенно этот процесс набирал скорость и примерно за полчаса наблюдения оба торговых ряда почти полностью опустели.

'Однако, – с удовлетворением подумал Антипов, – оказывается, что распускать слухи еще проще, чем я думал.

Главное – найти подходящий объект и выложить ему нечто правдоподобное, что будет пользоваться спросом. Жаль только, что если жрецы зададутся целью, то торговцев обязательно отыщут. Но сколько времени у них на это уйдет! А время – вот что мне нужно сейчас. Они ведь не смогут вечно держать ворота закрытыми. Или, как знать, подвернется какой-нибудь случай'.

Убедившись, что все идет по плану, Виктор проследовал дальше. Он не сомневался в том, что прохиндеи-торговцы попытаются аккуратно разузнать, действительно ли их персоны интересуют жрецов. И если эта информация подтвердится, то последователям Зентела придется попотеть, разыскивая тружеников прилавков. В крайнем случае можно было бы вбросить еще какую-нибудь сногсшибательную новость. Благо метод уже отработан.

В тот день Антипов не собирался возвращаться домой или торопиться к началу занятий. Его ждало другое, не менее важное дело. Дом скульптора – вот что интересовало почитателя Ареса. Глупо было бы провести много дней в Парреане и не попытаться создать статую.

Виктор на этот раз не пользовался лошадью, полагая, что если уж решил маскироваться, то нужно идти до конца. Узнать могут и по средству передвижения. Поэтому он неторопливо брел пешком, не желая нанести слишком ранний визит. Его путь лежал к скульптору Беннеру, очень известному в Парреане. Это и понятно – нужно пользоваться услугами лучших и обращаться к другим лишь в том случае, если первые не по карману.

Антипов без труда нашел большой трехэтажный белый дом, отделанный барельефами с изображениями сцен охоты. Особняк был достопримечательностью Парреана, не заметить которую невозможно. Однако Виктор не чувствовал робость. Он подошел к парадному входу и дернул за толстую веревку, уходящую в перекладину над массивной черной дверью.

Сразу же раздался приглушенный звонок колокольчика, топот ног, какие-то странные звуки, а потом все стихло. Посетитель подождал еще немного и, осознав, что по каким-то причинам дверь открыта не будет, позвонил опять. На этот раз более настойчиво. Ответом явилось все то же: колокольчик, непонятные звуки, шаги. Виктор уже совсем было решил позвонить снова, как внезапно дверь распахнулась. Удивительно, но за ней никого не было, только послышалась какая-то возня сбоку. Антипов, не долго думая, шагнул в проем, вежливо прикрыл за собой большую дверь и оказался свидетелем прелюбопытного действа.

По полу вдоль стены на четвереньках быстро полз какой-то подросток, а чернобородый мужчина средних лет пытался

ударить его длинной палкой с полуметровыми деревянными дисками на обоих концах, расположенными перпендикулярно к самому стержню. Палка производила впечатление подставки. Избиение подростка получалось плохо – диски цеплялись за стены дома и руки бьющего. Но тот не сдавался, а продолжал свое дело с каким-то маниакальным упорством. Визитер очень сомневался, что входную дверь открыл чернобородый, а вот ползун – возможно.

Паренек внезапно решил изменить направление отступления и, развернувшись, пополз в сторону Виктора. Мужчине удалось пнуть жертву диском в бок, но тот быстро достиг антиповских ног и замер между ними и дверью. Визитер предположил, что на этом действие закончится и актеры решат узнать, чего хочет ранний посетитель, но оказался неправ. Чернобородый даже не замедлился, а наоборот – замахнулся для очередного удара, который, судя по траектории, должен был поразить ногу гостя. Антипов в ужасе отпрыгнул в сторону. 'Что здесь происходит-то?' – он искренне недоумевал.

Однако ловкий паренек тут же пополз снова и оказался между посетителем и стеной. Виктор бросил быстрый взгляд на мужчину и понял, что тот, возможно, даже не замечает постороннего. Взор нападающего горел огнем, чернобородый ловко перехватил палку и на полном серьезе собирался просунуть полуметровый диск между ног Антипова. Это явилось последней каплей.

– Кто так бьет?! – воскликнул Виктор и, изловчившись, перехватил орудие и выдернул его из рук мужчины.

Это получилось на удивление легко. Видимо, сказались плодотворные тренировки. Только теперь чернобородый соизволил обратить внимание на вошедшего.

– Отдай! – зарычал он, показав небольшие, но ровные зубы. – Отойди!

– Куда мне отойти, если он за мной ползет? – поинтересовался Виктор. – И зачем тебе палка? Чтобы мне ноги отбить?

– Только не выдавайте! – раздался откуда-то сзади и снизу просящий голосок. – Туннеа меня убьет!

Посетитель почувствовал, как в его штаны вцепились чьи-то руки. Чернобородый же воспринял происходящее со своей точки зрения, которая радикально отличалась от антиповской.

– Так ты его защищать вздумал?! – патетически воскликнул он, отшатнувшись. А потом замахал руками и добавил во всю мощь своих легких. – Отец Ристра здесь! На помощь! Все сюда! 'Вот дурдом, – подумал Виктор. – Отец еще какой-то… где он?'

Никаких отцов не было видно, зато очень скоро со стороны широкой лестницы, расположенной у дальней стены, раздался топот и на сцену выбежали трое молодчиков разного возраста: примерно от восемнадцати до двадцати пяти лет. Но возраст мало интересовал Антипова, а вот то, что они сжимали в руках, показалось очень даже любопытным. У одного из них наблюдалась какая-то колотушка, у другого – табурет, а у третьего – крепкий и опасно выглядящий железный прут.

– Бей его! Сначала бей отца! – раскомандовался чернобородый.

Троица резво устремилась в сторону Антипова. У Виктора мелькнула мысль, что если они собираются бить отца, то непонятно, почему орудия направлены на него. Он хотел было вежливо указать на ошибку, но не успел: ситуация потребовала немедленных действий во имя сохранения здоровья.

Посетителю удалось легко отбить подставкой табурет, от колотушки тоже получилось уклониться, не сходя с места, а вот железный прут потребовал серьезного подхода. Антипов хотел было сделать шаг в сторону, чтобы богатырский замах неприятеля не достиг цели, но очень поздно вспомнил о том, что чьи-то цепкие руки держат его за штаны. Можно сказать, что вспомнил лишь в полете, когда, потеряв равновесие, рухнул на пол. Подросток тут же разжал пальцы и Виктор сумел быстро перекатиться по полу так, что второй удар табурета тоже оказался холостым.

– Пинайте отца ногами! – предложил чернобородый.

Это предложение понравилось Антипову, особенно в сравнении с железным прутом, устремленным к нему. Молодой воин в ту же секунду очень посетовал на недисциплинированность троицы. Им ведь сказано, что нужно ногами, а не прутом. Однако посетитель быстро собрался с силами и ударил подставкой прямо по ногам обладателя опасного орудия. Тот не смог устоять и завалился на бок. Виктор резво покатился по полу, хватая прут и игнорируя удар колотушкой по спине, защищенной кольчугой и гамбесоном, скрытыми под плащом. Визитер гостеприимного дома скульптора сумел подняться и встретить табуретку во всеоружии, так, как привык бить по щиту тренировочным мечом.

И когда Антипов оказался на ногах, сжимая в руках железную палку, это коренным образом изменило расклад сил. Через несколько секунд расколотая табуретка отлетела в сторону, туда же, где уже валялась выбитая из рук неприятеля колотушка, а доблестная троица бегала по залу, пытаясь уклониться от антиповских пинков, которыми он добросовестно награждал

зазевавшихся. Паренек озвучивал битву восторженными воплями.

Именно эту картину заметил пожилой человек с длинными белыми волосами, в изумлении остановившейся на лестнице. Он был одет в белую рубаху и, что оказало на Виктора особенное впечатление, такого же цвета штаны.

– Что здесь происходит? – спросил старик, грозно нахмурив брови. – Я поручил тебе, Туннеа, поймать Ристра. А ты что делаешь? Почему лежишь на полу?

Чернобородый, который пытался опрометчиво атаковать Виктора и потерпел фиаско в виде не очень сильного удара палкой по ногам, кряхтя, поднялся.

– Мастер, здесь нет моей вины, – сказал он, оправдываясь. – Просто отец Ристра напал на нас. Мы защищались.

– Какой отец? – удивился старик. – Вот этот, что ли? Его палец показывал на Виктора.

– Ну да, – ответил Туннеа. – Он.

– Что-то он больно молод, – с сомнением произнес мастер. – Ты кто, незнакомец?

– Уж точно не отец этого, – ответил Виктор, грозно взирая на сбившихся в кучу противников. – не дядя, не тетя и даже не дедушка. Я вообще его в первый раз вижу, как и всех вас. И думаю, что лучше бы и не знакомился вовсе.

– А кто ты? – вопрос прозвучал одновременно заданный и стариком и чернобородым.

– Торговец, – пояснил Антипов. – Зашел, чтобы узнать кое-что по поводу скульптуры, а на меня напали.

Дальнейшее общение между стариком и Туннеа не подлежало конструктивному осмыслению, потому что состояло большей частью из восклицаний и аллегорий. Мастер оказался весьма красноречив. Однако Виктор сумел напрячь свое воображение и понять, что же случилось. Оказывается, Ристра, молодой подмастерье скульптора Беннера, не чувствовал себя счастливым на избранном жизненном пути. То ли потому, что его все обижали, то ли оттого, что стезя подсобного работника была малопривлекательной, но паренек решил разнообразить свой тусклый быт. Для этого он начал вносить небольшие, но важные усовершенствования в гипсовые скульптуры в виде ингредиента, измельченного мела, который при добавлении в раствор приводил к тому, что высохшие изделия становились хрупкими и крошились. Каждая такая диверсия следовала строго после наказания за другие деяния, казавшегося Ристре несправедливым. В конце концов, когда Беннеру надоело, что с его скульптурами происходит непонятно что, за раствором было установлено тайное наблюдение старшим подмастерьем. И вскоре виновный

был пойман. И Виктор умудрился подоспеть аккурат к первому акту кары, который именовался 'поимка'. Также выяснилось, что ошибка Туннеа насчет отца вполне извинительна. Паренек, которого пытались отловить, убегал и грозился, что вот-вот явится его отец и тогда всем придется плохо. Учитывая избитую троицу, в какой-то мере это предсказание сбылось.

– Так что вас привело сюда? – седовласый Беннер, успокоившись, обращался к Антипову очень вежливо. Паренек же оказался отрезанным от спасительной двери и дожидался своей участи, сидя на корточках около стены. Виктор тоже не стал наращивать конфликт, а попытался объясниться.

– У меня есть дядюшка, – сказал он. – Так вот, старичок хочет, чтобы ему изготовили статую. Но сам дядюшка в Парреан не может приехать. Поэтому я пришел спросить совета: как это сделать? Можно ли вылепить статую по описанию, если я буду описывать дядюшку в ходе работы? Или нет?

Беннер пожал плечами. Он уже спустился с лестницы и стоял напротив собеседника.

– Может быть и можно, но зависит от вашей способности подмечать неточности. К тому же, займет много времени. Скорее всего, полного сходства так не получится, но похоже будет, если вы опишете правильно.

– А сколько времени займет? – поинтересовался Виктор. – И дорого ли обойдется?

– Время зависит от вас, но вряд ли меньше трех часов. А за такую сложную работу я возьму золотой за полчаса. Мы засечем время, так что оплата будет справедливой. Начать смогу не раньше, чем через неделю, уж простите. Очень занят. А эти, – Беннер кивнул на подмастерий, – не справятся.

– Хм, – названная сумма и сроки озадачили Антипова. – А нельзя ли мне дать несколько уроков, чтобы я сам потом вылепил статую? Я быстро учусь!

– Можно, – согласился скульптор. – Помимо постоянных учеников я беру и временных. Золотой за урок. Занятия два раза в неделю.

'У него такса как у Микеланджело, – с тоской подумал Виктор. – И характер наверное такой же'.

Антипов был слегка разочарован. Похоже, что с самым лучшим скульптором ничего не выйдет. Придется искать тех, кто похуже.

Посетитель попрощался и направился к выходу, подняв по пути свалившуюся шапку и пытаясь не обращать внимания на умоляющий взгляд паренька. Похоже, что юному подмастерью придется несладко. Жаль, конечно. Но ничего не поделаешь – не

нужно было попадаться. Виктор почти достиг двери, как внезапно остановился. Ему в голову пришла удачная мысль.

– А ваш ученик, Ристра, кое-чему научился? – поинтересовался он у Беннера

– Ну, способности у него есть, – ответил скульптор, – но, похоже, своего развития уже не получат. После того, что он сделал, его никто в подмастерья не возьмет.

– Но вылепить статую с натуры он сумеет? – уточнил Антипов. Седовласый сразу же догадался, куда клонит посетитель.

– Вы хотите взять его к себе? – спросил он. – Благое желание, учитывая его поступок! Вот только….

– Если вы о наказании, то не беспокойтесь, – сказал Виктор. – Можете наказать его сами, прямо сейчас, я подожду. Не убьете же вы его в самом деле. Или еще лучше – я его возьму с собой и сам накажу. Мне ведь тоже досталось! Так что, мало ему не покажется.

Визитер продемонстрировал мощный кулак лесоруба. Это выглядело впечатляюще. А потом, не давая хозяевам опомниться, подошел к пареньку и, взяв его за шиворот, приподнял над полом. Тот повис как тряпичная кукла. Антипов с энтузиазмом встряхнул Ристра пару раз и поинтересовался:

– Ну что, договорились?

На лице Беннера отразилось колебание и тут же исчезло. Скульптор понимал, что паренька придется наказать и выгнать. Но, похоже, что судьба сама выбрала способ кары. Посетитель производил весьма нехорошее впечатление. Он без труда избил четверых взрослых мужиков и, по-видимому, отличался недюженной наглостью и напором. Ристру не позавидуешь.

– Он может сбежать, – сказал скульптор.

– У меня не убежит, – хохотнул Виктор с такой же интонацией, которую слышал у Нурия. – Не беспокойтесь. Днем поучу его уму-разуму, а на ночь – в кандалы! Никуда не денется. Рад, что договорились. Прощайте!

Антипов пошел к дверям, волоча за собой добычу. Ему во след смотрели пять пар глаз, причем в некоторых из них читалось сочувствие к пареньку.

Выйдя на улицу, Виктор еще немного протащил испуганного Ристра, а потом, миновав дом скульптора, отпустил со словами:

– Ну что, будем знакомиться?

Тот, рыжеволосый подросток лет тринадцати-четырнадцати, выглядел сущим заморышем. Он был долговяз, но неимоверно худ. Одежда, коричневое тряпье маленького размера, только подчеркивала худобу.

– А… вы не собираетесь меня бить? – Ристра задал наиболее интересующий его вопрос. Антипов рассмеялся.

– За что тебя бить? – спросил он. – Ты мне пока что никакого вреда не нанес. Вот когда нанесешь, тогда посмотрим. А с гипсом ты зачем так поступил? Паренек еще больше скукожился, хотя казалось, что это невозможно.

– Не кормили меня, – буркнул он, – и лупили за что ни попадя. Что еще оставалось?

Виктор подумал, что оставалось много что. Можно было потерпеть, но то, что Ристра терпеть не стал, говорило в его пользу.

– Что же ты отцу не пожаловался?

– Да нет отца, – паренек махнул рукой. – Это я так им говорил, чтобы попугать…. Есть старший брат, но он далеко. Моряк.

– Понятно. Ну, тогда пойдем поедим.

Антипов решил присмотреться к своему спутнику. Все-таки, если дело пойдет как надо, то юношу придется приобщить к тайне существования Ареса. И вот здесь нужно соблюдать осторожность. Что за человек перед ним? Виктор не знал, но собирался выяснить в ближайшее время. И даже более того, он намеревался приложить все усилия к тому, чтобы понравиться, заслужить дружбу. Коварный Антипов был уверен, что дружба – очень простая вещь и ее легко получить. Он придерживался общепринятой точки зрения, которая гласила, что если помочь другу в трудную минуту, то в другую трудную минуту этот друг обязательно вспомнит о вас. И если беды идут одна за другой, то дружба будет длиться и длиться. Ее не сможет разрушить никакая сила.

– Я собираюсь поменять место жительства, – говорил Виктор по пути в трактир. – Поэтому после обеда ты просто подождешь меня на улице, не заходя на постоялый двор. Я снял небольшую комнату у одной милой старушки. Впрочем, что это я тебе говорю? Может быть ты хочешь уйти? Если так, то не держу тебя. Но помни, если ты последуешь за мной, то твоя жизнь будет совсем не похожа на предыдущую. Достатка не обещаю, а вот приключений хлебнешь сполна. Хотя в твоем возрасте мне только приключения и нравились.

Антипов решил сменить жилье из стратегических соображений. Вдруг все-таки жрецы выйдут на его след? Глупо было бы оставаться на постоялом дворе. Но к удивлению, паренек согласился с тем, что нужно съезжать.

– Конечно, – сказал Ристра, – что там делать, в толпе-то? Скоро ведь все жилье будет расхватано.

– В каком смысле? – не понял Виктор.

– А вы, что, не знаете? Ожидается крупный отряд жреческой стражи!

– Когда? – Антипов даже остановился, оглушенный новостями. Трудно было сказать, что произвело большее впечатление: факт прибытия отряда или то, что об этом знает кто угодно, кроме единственного диверсанта в Парреане, род занятий которого требовал быть в курсе таких вещей.

– То ли через два дня, то ли через три, – безмятежно ответил паренек. – Я не помню. Но ведь можно у кого-нибудь спросить. У стражников, например.

– Я спрошу, – пообещал Виктор, – обязательно спрошу. Сразу после обеда.

Глава 27.

В кабинете, обитом темным коричневым деревом, за массивным столом с шестью ножками сидели четверо, представляющие зримую и незримую власть в замке ан-Орреант. Сам господин барон, сотник Керрет, маг ун-Катор и менестрель Нартел. Барон расположился во главе стола на стуле с самой высокой черной резной спинкой, такой, что к ней можно спокойно прислонить голову, а остальные сидели на стульях попроще. Собрание только началось, поэтому позы участников были слегка напряжены и лишены естественности.

– Мой друг из окружения графа наконец сообщил, что произошло в Парреане, – говорил барон. – Его описание, как обычно, точное, подробное и настолько удивительное, что я решил созвать небольшой совет, потому что не в состоянии осмыслить в одиночку такие вести.

Здесь Алькерт хитрил, и все понимали это. Если решение требовалось немедленно, то барон не утруждал себя совещаниями, но когда можно было подождать, его милость мог себе позволить небольшие колебания.

– Это касается снятия осады? – спросил Керрет.

– Да, сотник. Мой друг изложил причины, по которым войско жрецов было так любезно, что оставило нас в покое. Барон сделал паузу, но вопросов больше не последовало. Все ждали.

– Так вот, кто-то осквернил храм Зентела в Парреане, – продолжил Алькерт. – Осквернил с выдумкой, начертал везде пакостные картинки и столь же пакостные письмена. Все жрецы рвут и мечут и просто мечтают добраться до виновного. Более того, снова поговаривают о каком-то новом боге. Но мой друг предостерегает меня от веры в это. Скорее всего, сплетни и обман. Хотя, с другой стороны, жрецы что-то уж сильно задергались. Подозрение пало на семью и слуг графа.

– На графа? – переспросил Нартел.

– Да. Особенно на тех, кто в это время находился в Парреане. Они все схвачены. Даже графский сынок, который должен был принимать участие в осаде моего замка, но предпочел этому сомнительные развлечения в обществе какой-то распутницы. Он тоже схвачен и допрошен. Не знаю, пытали его или нет, но граф, как вы понимаете, в ярости.

– А что говорит жреческое начальство? – поинтересовался Керрет, ерзая на сидении и пытаясь передвинуть мешающие ему ножны. – Или им не сообщили?

– Еще как сообщили, – ответил барон. – Те настолько

озаботились, что решили выслать крупный отряд столичной храмовой стражи. Зелено-белых.

Нартел слегка присвистнул. Старый ун-Катор укоризненно посмотрел на него, но промолчал.

– Но если были письмена, то получается, что осквернитель грамотен, – заметил менестрель, не обращая внимания на взгляд мага.

– Да, – подтвердил барон, – грамотен.

– Но тогда это не….

– Договаривайте, Нартел, – подбодрил подчиненного Алькерт.

– Не Ролт, – закончил свою мысль менестрель.

Маг едва заметно скривился. На его лице был написан скептицизм. Керрет смотрел с любопытством на барона, ожидая реакции. И она не замедлила последовать.

– Ролт может быть грамотен. По крайней мере, так утверждает наш лекарь. Сын Кушаря просил научить его письму и даже показал учителю, как именно его нужно учить. Смешно звучит, не правда ли? К тому же, Керрет сообщил мне, что Ролт что-то там читал во время похода или делал вид, что читает.

– Так мне сказал Нурия, – подтвердил сотник.

– Но тогда… может быть… получается… что…, – Нартел колебался, не в силах облечь очевидную мысль в такие слова, которые могли бы трактоваться двояко.

– 'Может быть' тут излишне, – наконец и маг решил внести свою лепту в разговор, – получается именно так. Это Ролт.

– Ролт осквернил храм и снял осаду, как и обещал? – уточнил Керрет.

– Да, я так тоже думаю, – признался барон. – Разве что он нанял кого-то, но вряд ли.

Воцарилось молчание. Каждый размышлял о последних словах Алькерта, даже он сам. Ведь одно дело подозревать и догадываться и совсем другое – прямо высказать подозрения и облечь их в форму истины.

– А почему подозревают графа? – наконец спросил маг.

– В храме обнаружен разбитый кувшин, – пояснил барон. – Жрецам удалось установить, что такие кувшины сделаны по заказу и имеются только у графа. Видите, господин ун-Катор? Когда этим прохвостам в мантиях что-то нужно, они будут землю рыть, а если просто обратиться к ним с просьбой, то не допросишься. Ничего не хотят делать!

– Это обыденность, ваша милость, – спокойно ответил маг. – Такие же и в магистрате и в окружении короля. Но а наш-то парень молодец. Любопытный мальчик, очень любопытный.

Керрет кивнул, соглашаясь со словом 'молодец', но лицо Алькерта помрачнело.

– Ролт, конечно, проявил себя, – сказал он, – в очередной раз проявил, но что нам с ним сейчас делать? Да и вообще, что будет, если его поймают?

– Если поймают, то он выложит все, – отозвался Нартел.

– Вот именно! – барон поднялся со своего места и заходил вокруг стола, придерживая руками края расстегнутой черной куртки. – Они же после этого снова нагрянут к нам!

Сотник демонстративно уставился в узкое окно и поджал губы. Ему не нравился ход мыслей барона.

– Ваша милость считает, что Ролта нужно выдать жрецам до того, как они его схватят? – осведомился Нартел нейтральным тоном.

– Я думаю над этим, – признался Алькерт.

– Нам это может и не помочь, – быстро сказал менестрель.

– Может и не схватят вообще, – заметил маг.

Керрет пробурчал нечто невразумительное в высшей степени недовольным голосом.

Барон не был бы самим собой, если бы не предугадал подобной реакции. Сразу после снятия осады и отступления неприятеля с извинениями за ошибку, репутация Ролта среди простых воинов замка резко возросла. Настолько, что Алькерт предпочел бы сохранить в тайне процесс выдачи сына лесоруба, если до этого, конечно, дойдет.

– Почему вы, господин ун-Катор, думаете, что Ролта не схватят? – спросил барон, волнуясь. – Город закупорен. Оттуда никого не выпускают, а жрецы просеивают через мелкое сито всех подряд. Граф – это ведь ложный след, оставленный нашим хитрым Ролтом. Жрецы докопаются до истины. Судя по их настрою, они не успокоятся, пока не найдут виновного, даже если на это уйдет месяц! Так почему вы думаете, что его не схватят?

– Это очень любопытный мальчик, ваша милость, исходя из того, что я о нем слышал, – ответил маг. – Его не схватят. Он сбежит или спрячется.

– Если Ролт вам нужен, чтобы удовлетворить свое любопытство, то так и скажите, – Алькерт начал раздражаться. – Где он спрячется и как сбежит? Это невозможно! Даже подземная гробница уже не имеет выхода за пределы городских стен, вы это знаете!

Пару десятков лет назад в Парреане проворовался магистрат. Необычно сильно проворовался, так, что не замечать это стало невозможным. Граф решил вмешаться в целях предотвращения беспорядков, но паникеры из магистрата, вместо того, чтобы

принять легкое наказание, ударились в бега, воспользовавшись гробницей. И сделали это так неловко, что в результате старый туннель рухнул, несколько саркофагов оказалось расколотыми, а беглецы погибли. Жрецы решили наглухо перекрыть все дороги, ведущие за пределы города. Гробница приносила реальные деньги и скандалы, связанные с ней, практичным священнослужителям были не нужны.

– Мальчик найдет дорогу, ваша милость, – ответил маг, шевельнув седой бровью, – я в него верю. Помню, когда я был молод, то попал вместе со своими приятелями в очень неприятную историю. Замок, в котором мы скрывались, осадили. Отбить штурм мы не могли, нас было не много. Сдаться тоже не могли, всех бы казнили. Но был среди нас один молодчик. Выдумщик каких мало. Из-за него, кстати, мы и оказались под угрозой казни. Так вот, он и предложил переодеть в нашу одежду слуг и сделать вид, чтобы они все покончили с собой. А мы сами притворились слугами. Мне, как магу, тяжело было скрываться, но все обошлось. Благо те, кто нас осаждал, понятия не имели, как мы должны выглядеть. Провинциальные гарнизоны, что вы хотите? Остальные все как один охраняли его величество. Кто выжил, те и охраняли.

Барон поморщился. Вот только историй о старом бунте против короля ему тут и не хватало. Хотя он подозревал, что ун-Катор специально рассказал об этом, чтобы разрядить обстановку, да и пожалуй увести обсуждение в сторону. Но Алькерта так просто не проведешь.

– Если Ролта схватят, то нам конец, – сказал барон. – Жрецы такого не прощают. Конечно, Ролт очень сильно помог с предыдущей осадой, но могу ли я рисковать? Если сообщить жрецам, кого именно они ищут, то может быть нас оставят в покое. Керрет резко покачал головой. Его губы превратились в тонкую линию.

– Не думаю, что оставят, – вкрадчиво произнес маг. – Если допустить, что в этом деле действительно замешан новый бог, то через пару недель замок ан-Орреант будет полностью разрушен.

– Это не факт! – вскричал барон. Он покраснел и расстегнул ворот белой рубахи, остановившись напротив окна. – Нас могут и не тронуть, если мы все расскажем! А если Ролта поймают, то нам точно не жить! И поймают его наверняка!

Снова воцарилось молчание. И маг и менестрель и сотник понимали господина барона. У того на шее висел замок, о выживании которого следовало заботиться в первую очередь. Ради этого Алькертом допускались самые бесчестные поступки, хотя ему, как дворянину, не приходилось совершать столь явного

предательства прежде.

Керрет думал о том, что он не сможет объяснить своим воинам, почему нужно было отдать жрецам Ролта, если об этом станет известно. Нартел пытался сообразить, нельзя ли помочь сыну лесоруба как-нибудь покинуть город. А вот мысли ун-Катора касались глобального вопроса. Маг по достижению старости вообще старался не думать о мелочах.

'Подлость бывает двух видов, – размышлял он, – когда человек получает от нее материальную выгоду, и когда действует просто так, из азарта и чувственного удовольствия, получая выгоду духовную. Первых мы понимаем, а вторых презираем. Вот же странность. Ведь, если рассудить, между ними нет разницы. Выгода присутствует и там и там. Есть люди, избравшие духовный путь в своем развитии, а есть прагматики, денежные мешки. Оба пути равны. Поэтому и подлецы всех мастей равны тоже. Бедный господин барон. К тому же подлость требует опыта. Честный дворянин совершает подлости так неуклюже, что в нем сразу можно узнать честного дворянина. Нашего барона непременно разоблачат и враги и подданные'.

– Ваша милость, – сказал маг, – я предлагаю еще немного подождать. Посидим, подумаем, может быть еще какие-нибудь новости придут.

Алькерт сильно волновался, ему тоже не нравились собственные выводы. Он хотел было резко ответить, но менестрель успел взять слово.

– Предположим, что здесь все-таки замешан новый бог, – произнес Нартел с расстановкой, покручивая небольшие серебряные кисточки, нашитые на бардовую куртку для красоты. – И зададимся не вопросом, что нам за это будет, а совсем другим вопросом.

– Каким? – невольно заинтересовался Алькерт.

– Что мы сможем из этого получить. Ваша милость, ведь ни для кого не секрет, что вы мечтаете о графской короне. Есть ли на это шансы сейчас? Нет. А вот если за действиями нашего Ролта стоят иные силы, помимо его собственной находчивости, то… вы сами понимаете. Ради такого можно рискнуть.

Удар был не бровь, а в глаз. Нартел вообще нередко озвучивал потаенные пожелания своего господина, за что и был ценим. В мыслях барона царила редкостная упорядоченность. Каждый предмет по его представлениям занимал строго определенное место. Например, если замку грозила опасность, то нужно действовать, не обращая внимания ни на что. Если опасность грозила детям, то нужно их спасать, если только это не повредит замку. А вот если предоставится случай примерить

графскую корону, то… можно и о замке позабыть.

– Не знаю, – сказал Алькерт, устало опускаясь на свое место. – Ладно. Подождем, подумаем. Хотя я готов поставить последний грош на то, что Ролт не выберется из города. Потому что это невозможно!

Солнце клонилось к закату. Его последние красноватые лучи едва освещали верхушку крепостной стены и превращали суетящихся между зубцами стражников в темные силуэты.

Ан-Келени, сотник войска Храма Зентела, въезжал в Парреан с чувством решимости навести порядок в городе, о мздоимстве которого был хорошо наслышан. Хотя формально воин поступал под начало Аренеперта, Верховный жрец дал ему недвусмысленные распоряжения 'покопать' под главного городского священника. Разумеется, во время, свободное от поимки Посредника. Ларант справедливо опасался, что в случае успеха предприятия Аренеперт может возвыситься в глазах господина.

Ан-Келени, потомственный дворянин, был мужчиной средних лет с седыми висками и узким фанатичным лицом. Он неторопливо въехал в ворота города, держась позади первого десятка, с гримасой легкой брезгливости на лице. По сравнению со столицей, Парреан производил удручающее впечатление.

Настроение сотника немного улучшилось, когда он увидел, с каким рвением местная стража вытянулась во фрунт, и еще более улучшилось, когда ан-Келени заметил встречающих жрецов. Это было очень необычно – точное время прибытия ведь неизвестно, получалось, что жрецы специально ждали около ворот весь вечер. Почтительность к столичной гвардии – хороший знак.

Двое встречающих почему-то выехали откуда-то со стороны. Сотник присмотрелся к ним и снова чуть поморщился: один был всего лишь посвященный второй ступени, а другой – молодой служка. Оба важно восседали на лошадях. Однако ан-Келени решил быть благожелательным, ведь в самом деле трудно ожидать, что к воротам пришлют более важных птиц. Обычно не присылали вообще никого, сотник твердо рассчитывал лишь на встречу около храма, когда вестовые уведомят начальство.

– Приветствую в Парреане, благословенном городе, – жрец второй ступени был молодым мужчиной с волосами черного цвета, имеющими какой-то странный синеватый отлив. Его голос был настолько тих, что сотник мог бы поклясться, что даже десятники, следующие за ним почти вплотную, ничего не слышат. Служка держался за спиной жреца, поэтому на него ан-Келени вообще не обратил никакого внимания.

Сотник остановился, потому что жрец перегородил ему

дорогу, а вместе с командиром замер и целый караван, который едва-едва успел втянуться в ворота:

– Здравствуйте… гм…

– Лолоки, жрец второй ступени, – встречающий отрекомендовался весьма необычным именем.

– Рад встрече, Лолоки, ваша благость, – повторился ан-Келени.

– Легка ли была дорога? – жрец говорил в высшей степени учтиво. – Не попали ли вы под ужасный дождь, который бушевал несколько часов к востоку отсюда?

– Нет, все благополучно. Благодарю, ваша благость.

– Дожди сейчас холодны, под такие неприятно попадать…. Вы уж простите господин сотник, но я не знаю вашего имени. У нас тут полный бардак, ужасная спешка… впрочем, все как обычно.

Если до последней фразы воин удивлялся, долго ли встречающий собирается блокировать проезд, то теперь понял, что это, наверное, к лучшему. Можно прямо сейчас кое-что разузнать, сообразуясь с заданием Верховного жреца.

– Меня зовут ан-Келени, – сказал он. – И гонец должен был сообщить мое имя загодя.

– Он и сообщил, – вздохнул жрец, – но Аренеперт настолько запустил все дела, что послание потерялось. Хотя что поделать, это не первое и не последнее утерянное важное письмо.

– Вот как? – брови воина поползли вверх.

– Да, увы…. Мне, конечно, не следовало об этом рассказывать, но вы уже здесь, поэтому все легко узнаете сами. Шила в мешке не утаишь, как говорится, – сейчас голос жреца был не только тих, но и печален. – У нас тут полный хаос и сомневаюсь, что мы сами сможем поймать негодяев, осквернивших храм. Они вот-вот ускользнут. На вас только вся надежда, господин сотник.

– Я постараюсь эту надежду оправдать, – голос ан-Келени был полон уверенности в своих силах.

– И если бы вы еще заодно схватили за руку воров, которых очень много среди правителей Парреана и высших жрецов, было бы совсем хорошо, – снова горестно вздохнул встречающий. Затем помолчал немного и встрепенулся, спохватившись. – Что же я вас задерживаю, господин сотник! Езжайте, пожалуйста. Я распоряжусь, чтобы стражники вас проводили. А у меня тут еще есть кое-какие дела.

Оба собеседника вежливо раскланялись. Сотник медленно поехал вперед, а жрец устремился к Неккра, начальнику охраны ворот, который, стоя на почтительном расстоянии, наблюдал за разговором, затормозившим всю процессию.

Этот начальник, пожилой и опытный воин, одетый в приличные доспехи и серый с зеленым подбоем плащ, уже давно ждал важных гостей. Он поздоровался с десятником, который первым въехал в город, а теперь следил как остальные стражи прибывают через ворота. Появление черноволосого жреца и служки рядом с сотником удивило Неккра. Очевидно, что жрец не был местным, иначе начальник охраны его узнал бы. Воину казалось, что в прибывшем отряде не должно быть священников, однако, по всей видимости, информация было ложной. Момент прохождения жреца через ворота Неккра пропустил, но это ничего не меняло. Если тот не местный, значит, прибыл с храмовой стражей. Откуда же ему еще взяться? Жрец тем временем развил бурную деятельность. Очевидно, у него появилось настолько важное сообщение для командира, что он остановил движение отряда, чтобы перебросится с сотником несколькими фразами, а потом направился прямо к начальнику охраны.

– Я рад, что мы наконец прибыли в этот благословенный город, – тихим и, как показалось Неккру, уставшим голосом произнес жрец. – Меня зовут Лолоки, посвященный второй ступени.

– Приветствую в Парреане, ваша благость! – отозвался воин. – Я – Неккра, десятник.

Служка держался позади священника, поэтому начальник охраны решил не обращать на него внимания.

– Хвала Зентелу, что мы не попали под ужасный дождь, – доверительно сообщил жрец. – Ливень прошел совсем недалеко от нас. Неккра сочувственно покачал головой в железном шлеме:

– Да, но это еще цветочки. Вот во второй месяц осени у нас тут и потопы бывают.

– Хочется надеяться, что мы не задержимся здесь так долго, – произнес жрец, – а распутаем это дело и вернемся домой. Хотя, конечно, на нас надежды маловато. Разве что ваше начальство окажется расторопнее.

В голосе и мимике говорящего сквозила глубокая печаль. Она была настолько велика, что Неккра изменил своему принципу не вмешиваться в дела высоких сфер и поинтересовался:

– Почему?

Жрец быстро оглянулся, чтобы проверить, не следит ли кто из проезжающих за разговором, а потом с горечью сказал:

– Господин десятник, вы видите нашего командира? Сотник ан-Келени. Вон тот, с лицом фанатика. Хорошо видите? Так вот, он не собирается ловить негодяев, осквернивших храм. Его планы более приземленны. Ан-Келени намеревается пощипать местных богатеев под видом проверок. А конфискованное присвоить. Я

состою при отряде уже не первый месяц и такого навидался, что никому и не снилось. И ничего не могу сделать, хоть волком вой. Так что, господин десятник, вы поставьте в известность кого надо, чтобы поостереглись. Неккра только открыл рот для ответа, но собеседник опередил его.

– Мне нужно проверить обоз, господин десятник, – тихо произнес жрец. –Телеги, что в хвосте, а также узнать, что там с повозкой, которую мы оставили в деревушке неподалеку. Так что, прокачусь туда и обратно. А вы следите в оба!

– Так может послать с вами кого, ваша благость? – спохватился начальник охраны.

– Да чего там, сам справлюсь, – махнул рукой жрец. – Вы, главное, проводите сотника куда надо. А то заплутает еще. Он у нас плохо ориентируется. Рассеянный очень, все о деньгах думает. До встречи! Да благослови вас Зентел!

Священник вместе со служкой развернули лошадей и направились к воротам, в которые по-прежнему медленно втекала река всадников, одетых в бело-зеленые плащи храмовой стражи.

Жрец Лолоки выехал за пределы города и, двигаясь вдоль колонны прибывающих, печально улыбался и приговаривал:

– Добро пожаловать в Парреан, господа воины! Добро пожаловать! Мы вас уже заждались!

Служивые кивали приветливому жрецу и тоже улыбались. Со стороны охраны, стоящей на стенах, картина была преисполнена умиротворения и благолепия. Жрец благословлял солдат и ехал дальше, постепенно удаляясь от городских стен. Служка следовал за священником словно тень и вскоре оба миновали последние повозки обоза и скрылись в сумерках, которые окутали окрестности Парреана как полупрозрачное черное покрывало. Никто из воинов не мог уже слышать, как вежливый и культурный жрец сказал служке странную и загадочную фразу:

– Ристра, мне очень хочется верить, что ты не ошибся с этой дерьмовой краской и мы сможем ее смыть. У меня уже полбашки чешется.

Храмовая стража постепенно втянулась в город полностью, ворота захлопнулись и все ответственные лица в Парреане почувствовали необходимость немедленно приступить к работе. Лица были разные, но их объединяла одна непоколебимая убежденность – наглый Посредник чудовищного бога-шутника будет схвачен в самое ближайшее время. Ведь такая сила явилась в город! Теперь-то он уже никуда не денется.